

ЯД ВАШЕМ: ИССЛЕДОВАНИЯ

2

Яд Вашем выражает глубокую признательность
благотворительному фонду *Генезис (Genesis Philanthropy Group)*
за финансирование издания

ЯД ВАШЕМ: ИССЛЕДОВАНИЯ

2

Составители

Даниил Романовский

Давид Зильберкланг

Национальный мемориал Катастрофы и героизма Яд Вашем
Иерусалим 2010

Редакция сборника на русском языке

Глава проекта: Габи Хадар

Научный редактор: Даниил Романовский

Ответственный редактор: Даниэлла Зайдман-Мауэр

Литературный редактор: Марина Астина

Верстка: Софья Нездатная

Корректор: Алла Коссовская

Перевод: Катя Гусарова, Бенцион Дымерский, Зоя Копельман,
Илана Романовская

Yad Vashem Studies, Original English and Hebrew Editions

Editor: David Silberklang

Associate Editor: Nathan Cohen

Managing Editor: Daniella Zaidman-Mauer

Assistant Editor: Adina Drechsler

Editorial Board

Yitzhak Arad

Yehuda Bauer

Dan Michman

David Bankier

Havi Dreifuss

Avner Shalev

Omer Bartov

Israel Gutman

Yfaat Weiss

Otto Dov Kulka

Данное издание не может быть перепечатано или воспроизведено в какой-либо форме, полностью или частично, без письменного разрешения издателя.

Ответственность за мнения, выраженные в этом издании, лежит целиком и полностью на авторах.

© 2010 All rights reserved to Yad Vashem

P.O. Box 3477, Jerusalem 91034, Israel

publications.marketing@yadvashem.org.il

ISSN 1565-9941

Typesetting: Sophia Nezdlatny

Публикация и распространение: Михаил Гринберг

Мосты Культуры, Москва

Тел./факс: (495) 7923856

Gesharim, Jerusalem

Tel.: (972) 2-6242527

Fax.: (972) 2-6242505

e-mail: office@gesharim-msk.ru

www.gesharim.org

e-mail: house@gesharim.org

Содержание

<i>От составителей</i>	7
ИЗУЧЕНИЕ ХОЛОКОСТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	
<i>Шауль Эш</i>	
От дискриминации к уничтожению: решающий 1938 год	15
<i>Шауль Фридлендер</i>	
От антисемитизма к уничтожению: историография нацистской политики по отношению к евреям и попытка интерпретации	31
<i>Кристофер Браунинг</i>	
По поводу моей книги «Истоки “окончательного решения”»: замечания об «окончательном решении», его предпосылках и важнейших последствиях	77
<i>Герхард Вайнберг</i>	
Две различные проблемы? Историография Второй мировой войны и Холокост	97
УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ И ЕВРЕЙСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ	
<i>Исраэль Гутман</i>	
Евреи в армии Андерса, сформированной в СССР	121
<i>Ицхак Арад</i>	
Евреи СССР на фронтах войны с нацистской Германией	177
<i>Мордехай Альтшулер</i>	
Борьба евреев с нацизмом и участие евреев в боевых действиях в СССР: советская и западная историография	225
<i>Марк (Меир) Дворжецкий</i>	
Повседневное противостояние евреев нацистам	245
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА ЕВРЕЕВ НАЦИСТАМИ	
<i>Белла Гуттерман</i>	
Евреи под началом организации Тодта на оккупированных советских территориях	275
<i>Антон Вейсс-Вендт</i>	
Бизнес выживания: ООО «Балтийская нефть» и лагеря принудительного труда для евреев в Эстонии	313
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	342
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	348

От составителей

Национальный мемориал Катастрофы и героизма Яд Вашем выпускает второй сборник научных статей, носящий название «Яд Вашем: исследования». Как и первый, он содержит статьи, написанные историками Холокоста из разных стран и увидевшие свет на иврите и(ли) английском языке в изданиях Национального мемориала Яд Вашем, как правило, в сборниках «קובץ מחקרים – ד' תשמ"ו» и «Yad Vashem Studies».

Сборник состоит из трех разделов: первый посвящен изучению Холокоста в исторической перспективе; второй – участию евреев в борьбе с нацизмом и еврейскому сопротивлению; третий – использованию подневольного труда евреев нацистами.

Большинство авторов – историки старшего поколения, ветераны изучения Холокоста, Второй мировой войны и советского еврейства. Четверо из них были или остаются постоянными сотрудниками Яд Вашем. Только норвежец Антон Вейсс-Вендт представляет молодое поколение ученых. Двух авторов, чьи статьи представлены в настоящем сборнике, уже нет в живых; они могут считаться пионерами научного изучения Холокоста в Израиле.

Раздел, посвященный изучению и историографии Холокоста, открывается статьей Шауля Эша «От дискриминации к уничтожению: решающий 1938 год». Шауль Эш (1921–1964) был первым ответственным редактором «Yad Vashem Studies» («קובץ מחקרים – ד' תשמ"ו») в 1955–1959 годах и читал лекции по истории в Еврейском университете в Иерусалиме. В основе статьи Эша лежит лекция, прочитанная на Втором всемирном конгрессе по иудаике в Иерусалиме; она была напечатана во втором выпуске сборника в 1958 году. Явился ли ноябрьский погром 1938 года в Германии («Хрустальная ночь») переломным моментом в нацистской политике по отношению к евреям, резким переходом от антиеврейских законов к прямому уничтожению? Нет, говорит автор; санкционированное сверху насилие против евреев не было новшеством к ноябрю 1938 года. Скорее весь 1938 год можно рассматривать как год сознательной и подготовленной нацистским руководством радикализации антиеврейской политики.

Шауль Фридендер родился в 1932 году в Праге. Его родители погибли в Аушвице, сам он пережил войну, спрятавшийся в католическом

интернате на юге Франции. Ныне является сотрудником Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Фридлендера называют «самым проникательным, интеллектуально-утонченным историком и самым своеобразным стилистом среди всех, кто пишет — на каком бы то ни было языке — о Холокосте»¹.

Статья Фридлендера «От антисемитизма к уничтожению: историография нацистской политики по отношению к евреям и попытка интерпретации» анализирует усилия исследователей понять и объяснить нацистское «окончательное решение еврейского вопроса». Фридлендер отмечает, что именно значимость антисемитизма в идеологии режима и осуществление «окончательного решения» определяют особый характер нацизма и выделяют его из всех политических режимов Нового времени. Поэтому в первой части своей статьи автор анализирует «глобальные теории», — концепции, призванные дать нацизму всестороннее и всеобъемлющее объяснение. Некоторые исследователи в поисках такого глобального объяснения выводят нацизм из немецкой истории, из «особого пути» Германии; другие считают немецкий нацизм формой фашизма; третьи видят в нацизме одно из проявлений тоталитаризма. Всем этим теориям, показывает автор, не удастся последовательно и убедительно объяснить нацистский антисемитизм и нацистский геноцид евреев.

Далее в своей статье Фридлендер сопоставляет две историографические школы, объясняющие генезис нацистского «окончательного решения»: интенционализм (*intentionalism*) и функционализм (*functionalism*). Сам автор близок к интенционалистам, то есть считает уничтожение евреев сознательной и тщательно спланированной акцией нацистов и одной из целей войны. Он отвергает функционалистские концепции (рассматривающие Холокост как нацистскую импровизацию или даже как историческую случайность), но критикует и крайние формы интенционализма. Хотя статья представляет собой анализ историографии, Фридлендер подводит читателя к своему пониманию нацизма и нацистского антисемитизма: нацизм есть политическая религия, в которой уничтожение евреев играло роль искупительной акции — победы над вселенским злом и спасения мира.

¹ Из отзыва Майкла Бёрли (Michael Burleigh) на первый том работы Фридлендера *Nazi Germany and the Jews* (New York: Harper Collins, 1997), помещенного на обложке книги.

Книга американского историка Кристофера Браунинга «Обыкновенные мужчины: 101-й резервный полицейский батальон и “окончательное решение” в Польше»² появилась в 1992 году – и сразу вывела автора в первый ряд исследователей нацистского геноцида евреев. Статья «По поводу моей книги “Истоки ‘окончательного решения’”: замечания об “окончательном решении”, его предпосылках и важнейших последствиях» была помещена в сборнике «Историография Холокоста в контексте»³, изданном Яд Вашем, и предваряла выход в свет книги Браунинга «Истоки “окончательного решения”» в переводе на иврит⁴. Браунинг видит Холокост как часть нацистского проекта по расовому переустройству Восточной Европы.

Герхард Вайнберг – один из ведущих американских историков Второй мировой войны. Его статья «Две различные проблемы? Историография Второй мировой войны и Холокост» тоже вышла в сборнике «Историография Холокоста в контексте». Вайнберг рассматривает нацистское «окончательное решение еврейского вопроса» примерно в том же ключе, что и Браунинг. Статья критикует военных историков за нежелание – или неспособность – видеть взаимосвязь между военными операциями и идеологическими фантазиями, ради осуществления которых нацисты и затевали войну. Вторая мировая война не была «еще одной Семилетней войной», пишет Вайнберг; она, по замыслу немцев, «должна была привести к демографической революции глобальных масштабов... центральное место в которой занимал Холокост». На протяжении статьи Вайнберг показывает, как императив «решения еврейского вопроса» влиял на тактику и стратегию Германии, и как положение немецкой армии воздействовало на ход Холокоста.

Четыре статьи настоящего сборника посвящены еврейскому сопротивлению и участию евреев в войне.

Израэль Гутман родился в 1923 году в Варшаве; он участник восстания в Варшавском гетто. Гутман – ведущий историк Междуна-

² Christopher R. Browning, *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland* (New York: Harper Collins, 1992).

³ David Bankier, Dan Michman (eds.), *Holocaust Historiography in Context: Emergence, Challenges, Polemics, and Achievements* (Jerusalem: Yad Vashem, 2009).

⁴ Christopher R. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942* (Lincoln: University of Nebraska Press, 2004). На иврите: *Ha-derekh el ha-pitaron ha-sofi: Hitpathut ha-mediniyut ha-nazit klapei ha-yehudim september 1939 – mars 1942* (Jerusalem: Yad Vashem, 2004).

родного института изучения Катастрофы при мемориале Яд Вашем, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Он был составителем и редактором «Энциклопедии Холокоста», выпущенной Яд Вашем в 1990 году. Статья «Евреи в армии Андерса, сформированной в СССР» затрагивает весьма специфический аспект участия евреев во Второй мировой войне: она посвящена евреям – бойцам польской армии, сформированной в советском тылу в 1941–1942 годах и в 1942 году эвакуированной в Иран. Не стоит недооценивать значение этого формирования как в истории Второй мировой войны – армия Андерса была решающей силой в операции при Монте-Кассино в Италии весной 1944 года, – так и в еврейской истории новейшего периода: когда в 1943 году армия Андерса находилась в Стране Израиля, значительная часть бойцов-евреев «дезертировала» и влилась в вооруженные организации еврейского ишува.

Евреи, которые в начальный период формирования армии Андерса составляли едва ли не половину ее личного состава, превратились в незначительное меньшинство к тому времени, когда эта армия была введена в действие в Италии. Чем объяснить это? Нежеланием евреев воевать? Препятствиями, которые чинила армии Андерса советская сторона, как утверждали иногда польские офицеры? Нет: И. Гутман показывает в своей статье основную причину – антисемитизм, царивший в армии Андерса, последовательную установку ее руководства на создание польской армии без евреев, дискриминацию и постоянные унижения евреев при вступлении в армию и во время прохождения службы.

Ицхак Арад, в течение долгих лет возглавлявший мемориал Яд Вашем, в этом сборнике представлен статьей «Евреи СССР на фронтах войны с нацистской Германией», напечатанной в «Yad Vashem Studies» в 1993 году. Статья оценивает вклад евреев в победу Советского Союза над нацистскими врагами – вклад, измеряемый, в частности, числом мобилизованных и числом погибших в боях. Арад приводит яркие примеры участия евреев в боевых действиях армии и флота, в сопротивлении военнопленным, в производстве вооружения, в организации медицинской службы и т. п.

Статья профессора Еврейского университета в Иерусалиме Мордехая Альтшулера «Борьба евреев с нацизмом и участие евреев в боевых действиях в СССР: советская и западная историография» представляет собой доклад, прочитанный на 5-й международной конференции историков «Историография периода Холокоста». Конференция состо-

ялась в марте 1983 года, и обзор, сделанный за несколько лет до открытия архивов в СССР, невысоко оценивает успехи историографии – как советской, так и западной – в отражении участия советских евреев во Второй мировой войне. Альтишулер особенно критикует историографию того времени за неумение выявить собственно национальные мотивы, воодушевлявшие бойцов-евреев в их борьбе с нацизмом: авторы пишут об участии евреев в боевых действиях Советского Союза, но не упоминают о специфически еврейской борьбе с нацизмом. Вместе с тем автор призывает не пренебрегать советскими официальными источниками: они содержат немало информации о евреях – бойцах Красной армии времен Второй мировой.

Статья Альтишулера написана четверть века назад, однако поднятая в ней проблема остается актуальной и сегодня.

Марк (Меир) Дворжецкий (1908–1975), уроженец Вильнюса, был узником Вильнюсского гетто, а затем различных нацистских лагерей в Эстонии и Германии. С 1949 года Дворжецкий жил в Израиле и занимался историей Холокоста, много лет был профессором университета Бар-Илан. В 1960 году он основал в этом университете кафедру изучения Холокоста. Статья «Повседневное противостояние евреев нацистам», увидевшая свет в 1976 году, привлекает внимание читателя к явлению, которое современная историография называет «пассивным сопротивлением». Дворжецкий призывает изучать пассивное сопротивление евреев во время Холокоста и намечает пути возможного изучения. Он рекомендует историкам обратить самое пристальное внимание как на попытки сорвать нацистские «акции», так и на повседневные случаи неповиновения нацистам; подчеркивает стремление евреев сохранить человеческое достоинство перед лицом смерти и следовать еврейской религиозной традиции в условиях Холокоста; рассказывает о культурной деятельности в гетто и лагерях и об усилиях, которые предпринимали узники в надежде донести до мира историю гибели еврейских общин, увековечить память погибших.

Две статьи, посвященные принудительному труду евреев, обращают читателя к уровню микроистории. Они рассматривают два эпизода из истории использования нацистами рабского труда евреев и показывают, как насущные военно-экономические потребности Германии заставляли немцев нарушать правила и приказы об обращении с евреями и даже приостанавливать «окончательное решение еврейского вопроса».

Д-р Белла Гуттерман – многолетняя сотрудница Яд Вашем, руководитель отдела в Международном институте изучения Катастрофы при Яд Вашем; в сферу ее научных интересов входят немецкие концлагеря и рабочие лагеря. В статье «Евреи под началом организации Тодта на оккупированных советских территориях» она бросает взгляд на странную историю 350 евреев – подневольных рабочих, посланных из Силезии (точнее, из промышленного района Заглембе на юге Польши) в Псковскую область СССР; они должны были прокладывать железнодорожные пути под контролем немецкой строительной фирмы – организации Тодта. Отправка большой группы евреев в прифронтный район СССР была нарушением нацистских приказов, которые предписывали использовать на железнодорожных работах только немецкую рабочую силу, но Рейху необходимо было срочно восстановить железнодорожные пути для переброски солдат и амуниции к осажденному Ленинграду, и организация Тодта прибегла к бюрократической хитрости – одела своих работников-евреев в немецкую форму и выдавала их за немцев. Многие из членов этого рабочего батальона погибли от нечеловеческих условий жизни и труда, от мороза и тифа; выжившие в 1942 были возвращены в Силезию и рассеяны по концлагерям. Отметим и дополнительный аспект исследования Беллы Гуттерман: статья ясно показывает, чем обернулась советская тактика выжженной земли, принятая при отступлении 1941 года, для подневольных работников немецкого *Arbeitseinsatz'a*.

Статья норвежского исследователя Антона Вейсс-Вендта «Бизнес выживания: ООО «Балтийская нефть» и лагеря принудительного труда для евреев в Эстонии» проливает свет на малоизвестный аспект эксплуатации нацистами подневольного труда евреев – использование еврейских рабочих в сланцевой промышленности в Эстонии. Острая потребность германской военной машины в топливе побудила нацистов приостановить кое-где геноцид евреев и вывезти евреев Вильнюсского и Каунасского гетто в Эстонию – в рабочие лагеря, созданные при сланцевых карьерах и сланцеперерабатывающих предприятиях. Так военно-экономические интересы Рейха позволили некоторому числу евреев выжить. Впрочем, для многих из них это выживание оказалось лишь отсрочкой: через год, в сентябре 1944 года, эвакуируясь из Эстонии, нацисты расстреляли большую часть еврейских рабочих в лагере Клоога.

В настоящий сборник внесены некоторые изменения по сравнению с предыдущим. Решено привести перевод и написание некоторых на-

званий и терминов в соответствии с написанием, принятым в других русскоязычных изданиях Яд Вашем. Так, в этом сборнике мы называем нацистский лагерь уничтожения «Аушвиц», а не «Освенцим» (Освенцим — название города в Польше, рядом с которым был расположен лагерь уничтожения). Слова «вермахт», «гестапо» и некоторые другие решено писать так, как это принято в российской литературе — со строчной буквы, а не с прописной. Есть и другие изменения в написании названий и терминов.

Мы надеемся, что, как и первый сборник, настоящее издание будет интересно и специалистам, и широкому кругу читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и Холокоста.

Шауль Эш

ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ К УНИЧТОЖЕНИЮ:
РЕШАЮЩИЙ 1938 ГОД¹

Я взялся за эту узкую на первый взгляд тему, чтобы на ее примере показать, сколько неясностей остается в событиях, казалось бы хорошо нам известных, сколь сложными факторами они были вызваны и в сколь многогранный контекст вписаны. Я не претендую на удивительные открытия, но надеюсь, что сопоставление фактов и их освещение в определенном ракурсе представляют некоторый интерес.

Название моей лекции подразумевает, что речь пойдет о некоей промежуточной стадии; прежде всего следует выяснить, в каком значении мы используем здесь понятия «уничтожение» и «план уничтожения».

*Можно сказать, что на сегодняшний день существуют два основных мнения относительно нацистского плана уничтожения европейского еврейства. Некоторые исследователи говорят, что призывы к уничтожению евреев раздавались в немецкоязычных странах и в Восточной Европе еще в XIX веке. Молодой еврейский историк, располагающий свободным доступом к венским архивам, рассказал мне недавно, что нашел в них убедительные доказательства: идея уничтожения евреев существовала еще восемьдесят лет назад. В прошлом году увидела свет книга Элеоноры Штерлинг («Он подобен тебе»², – один из возможных переводов слова *katokha* в библейском стихе «Люби ближнего своего как самого себя»), в которой она упоминает о существовании подобных идей еще в первой половине XIX века, то есть до возникновения где-либо в мире организованного антисемитского движения. Однако я опасаясь, что те, кто всматривается в корни этой юдофобии, пусть даже самой резкой и радикальной в своих проявлениях, игнорируют колоссальное различие между разговорами и идеями с одной стороны и детально разработанным планом – с другой. Другие утверждают, что дьявольская программа, всем нам известная, официально названная «окончательным решением», родилась и была разработана*

¹ Лекция, прочитанная на Втором всемирном конгрессе по иудаике в Иерусалиме, на заседании секции истории еврейского народа 4 августа 1957 года. В публикации сохраняются стиль и оформление подлинника.

² Eleonore Sterling, *Er ist wie du: Aus der Frühgeschichte des Antisemitismus in Deutschland, 1815–1850* (München: C. Kaiser, 1956).

до мельчайших деталей на совещании высокопоставленных чиновников, на так называемой «Ванзейской конференции» (по названию виллы «Ам Гроссен Ваннзе» в Берлине, где она происходила), 20 января 1942 года³. Некоторые полагают, что план уничтожения еврейского народа возник раньше, однако даже они относят этот план ко времени Второй мировой войны. Тщательное изучение документов и свидетельств может помочь нам окончательно прояснить эти события, если только мы поймем, что скрывается за формулой «план уничтожения». Речь идет не об абстрактном желании не видеть евреев, не об убийствах евреев в лагерях уничтожения и в ходе различных акций в годы войны, но о чем-то ином: о намерении избавиться от евреев полностью, если придется, путем их физического уничтожения, намерении, подкрепленном всей мощью государства, нацистской партии и СС – главной организации по претворению нацистских планов в жизнь (как показал в своей важной работе Ойген Когон⁴).

Это определение позволяет выявить переломный момент в политике, проводимой нацистами по отношению к евреям. Погромы 10 ноября 1938 года заслужили печальную известность, и многие публикации говорят о том дне и о той неделе как о «решающих датах». Действительно, значение этого события огромно, и во многом именно оно определило отношение других наций к судьбе евреев, находившихся под властью нацистов. Однако с точки зрения враждебного евреям режима этот погром не был ни началом, ни окончанием эпохи, но лишь этапом – хотя, конечно, важным этапом – в политике, которая развивалась в определенном направлении.

Бесчинства, которые принято считать характерными для ноябрьского погрома, происходили и ранее, на протяжении 1938 года.

1) *Разрушение синагог.* 9 июня 1938 года по личному приказу Гитлера была разрушена Большая синагога Мюнхена (сообщение об этом решении обнародовали днем ранее)⁵. Юлиус Штрейхер

³ Протокол совещания см. в документе NG-2586 (фотокопия в архиве Яд Вашем, далее – АЯВ).

⁴ Имеется в виду Eugen Kogon, *Der SS-Staat: Das System der deutschen Konzentrationslager* (München: K. Alber, 1946); книга неоднократно переиздавалась. – Прим. ред.

⁵ Оригинальные документы из архива мюнхенского муниципалитета находятся в АЯВ (дело M-1/DN-9). Ср. записку раввина д-ра М. Эшельбахера в фонде свидетельств в Библиотеке им. Винера, Лондон, № 151 (копия в АЯВ).

также поспешил устроить публичное разрушение Большой синагоги Нюрнберга и сопроводить его торжественной церемонией⁶. Между праздниками *Рош ха-Шана* и *Йом-Кипур* была разрушена синагога в Дортмунде, причем обещанная общине компенсация в 100 000 марок оказалась фикцией. Прежде чем она была выплачена, на общину был наложен штраф на ту же самую сумму⁷.

2) *Массовые аресты и принудительная эмиграция*. 31 мая поверенный в делах американского посольства в Вене направил государственному секретарю следующую телеграмму: «С утра 27 мая [ведутся] массовые аресты евреев. Сообщают, что многих из них отправляют в Дахау. Надежный [источник] приписывает это прямому приказу Гимmlера и видит здесь намерение еще больше деморализовать евреев, облегчить их ограбление и ускорить исход»⁸. 15 июня в Германии было арестовано около 1500 «асоциальных», выражаясь языком нацистов, евреев: аресту подверглись люди, которые когда-либо нарушили закон – пусть даже правила дорожного движения и т. п. – и уже были за это наказаны⁹. Все они впервые в своей жизни в полной мере столкнулись с порядками концентрационного лагеря. Нацисты не скрывали, что стремятся сломить заключенных любой ценой, и не останавливались даже перед убийством. Освобождение из концлагеря было возможно только при условии немедленной эмиграции.

3) *Разгром и разграбление магазинов*. «Вся улица Курфюрстендам была покрыта надписями и оклеена карикатурами. Слово “еврей” было жирно намалевано масляной краской на дверях, окнах и стенах. Положение ухудшалось по мере того, как мы приближались к той части города, где было много бедных еврейских лавок. Весь этот разгром устроили СА. Повсюду красовались отталкивающие, кроважанные изображения обезглавленных,

⁶ *IMT (International Military Tribunal)*, vol. XXVII, PS-1724; vol. XXXI, PS-2711.

⁷ См. свидетельство Эшельбахера. В Мюнхене назначенная компенсация также составляла 100 000 марок (седьмая часть подлинной стоимости здания и земельного участка). В архивном деле, указанном в прим. 5, хранится письмо мюнхенской общины в муниципалитет от 1 сентября 1938 года.

⁸ *Foreign Relations of the United States of America*, 1938, vol. II, p. 374.

⁹ См. мемуар Артура Принца, написанный в 1945 году: Arthur Prinz, “The Role of Gestapo in Obstructing and Promoting Jewish Emigration” // *Yad Vashem Studies*, vol. II (1958), pp. 205–218 (подробнее о *Juniaktion* см. на p. 207, 211–212). См. также свидетельство Эшельбахера и *Foreign Relations*, p. 376. Ср. также Eugen Kogon, *Der SS-Staat*, 2te Aufl. (Berlin: Druckhaus Tempelhof, 1947), S. 193.

повешенных, изувеченных евреев – и сопровождающие их непристойные надписи. Витрины были разбиты, по тротуару были разбросаны жалкие товары». Эту запись сделала в своем берлинском дневнике журналистка Белла Фромм, причем не в ноябре, а 28 июня 1938 года¹⁰. Подобные действия стали частью кампании по вытеснению евреев из экономической жизни Германии.

4) *Вытеснение евреев из экономической жизни страны*. На протяжении всего 1938 года издавались законы, преследующие именно эту цель (о некоторых из них мы поговорим ниже). Власти не скрывали своих намерений, и вскоре после публикации указа о регистрации еврейского имущества генеральный директор Министерства экономики Бринкман сказал на пресс-конференции 29 апреля 1938 года, что этот указ должен ускорить процесс вытеснения евреев (как немецких евреев, так и иммигрантов) из экономической жизни Германии¹¹. Летом «ариизация» день ото дня набирала обороты¹².

Все это свидетельствует о том, что даже бесчинства и погромы подчинялись некоторой системе; в ноябре, после тщательной организационной подготовки, немцы применили методично отработанные приемы. В ноябре нацисты получили удачный предлог для действий, однако их методы и приемы не изменились – увеличились лишь масштабы акции. На мой взгляд, проявления новой политики заметны на протяжении большей части 1938 года; поэтому я и называю его «решающим годом». Д-р Джозеф Тененбом написал статью под таким заголовком¹³, где уделил особое внимание враждебности или равнодушию различных правительств к преследуемым евреям и позорным дипломатическим играм на поле иммиграции. Вместе с тем впервые 1938 год назвали «решающим» сами нацистские власти. 25 января 1939 года Министерство иностранных дел Германии направило всем дипломатическим и профессиональным консульским представителям Рейха за рубежом циркулярное письмо на четырнадцать страницах,

¹⁰ Bella Fromm, *Blood and Banquets* (New York, 1944), p. 274. Об этих беспорядках ср. *Foreign Relations*, vol. II, p. 380ff. Там речь идет о событиях 18 июня.

¹¹ *Foreign Relations*, vol. II, p. 366; ср. также vol. II, p. 380.

¹² *Foreign Relations*, vol. II, p. 382; *Foreign Relations*, vol. I, p. 766.

¹³ Joseph Tenenbaum, "The Crucial Year 1938" // *Yad Vashem Studies*, vol. II (1958), pp. 49–77. Я не видел необходимости в рамках своей лекции останавливаться на тех вопросах, которые д-р Тененбом обсуждал в этой статье.

под заголовком «Еврейская проблема как фактор внешней политики Германии в 1938 году»¹⁴. Первое предложение гласило: «Повидимому, неслучайно решающий 1938 год не только позволил осуществить идею Великой Германии, но и приблизил решение еврейской проблемы». Мы еще поговорим о том, какое именно решение имело в виду Министерство иностранных дел. Сегодня, разумеется, нам очевидно, что 1938 год действительно оказался переломным и решающим.

Чтобы лучше понять описываемые ниже события, нам следует кратко вспомнить основные проявления антиеврейской политики нацистского режима с момента прихода нацистов к власти. Уже в первые дни нового порядка евреи были почти полностью отстранены от какого бы то ни было участия в общественной жизни. Вначале официальные учреждения еще пытались как-то замаскировать свои подлинные намерения. Законы говорили не о евреях, а о «неарийцах»; среди «неарийцев» были выделены привилегированные категории, вроде ветеранов войны, за которыми сохранялись их прежние привилегии. Принятие первых антисемитских законов сопровождалось издевательствами, грабежами и убийствами, однако следует отметить, что евреи страдали от них не больше, чем другие враги нового режима. Можно предположить, что лишь немногие евреи были заключены в концентрационные лагеря или погибли исключительно из-за своего еврейства, а не по каким-либо иным обвинениям, которые могли относиться и к чистокровным арийцам. Реакция евреев Германии известна: для большинства из них это было тяжкое пробуждение от иллюзий. Несколько десятков тысяч человек в большой спешке покинули Германию. Спустя несколько месяцев паника стихла, тем более что новые правители страны были заняты укреплением своей власти. Они стремились упрочить положение режима как за границей (достаточно вспомнить поиски контактов с Муссолини после выхода Германии из Лиги Наций), так и дома (вспомним также массовые убийства 30 июня 1934 года и напряженность, возникшую после смерти президента Гинденбурга). Более того, крикливая пропаганда, пытавшаяся опровергнуть «страшные сказки» (*Greuelmärchen*)¹⁵, показывает, каким непри-

¹⁴ *IMT*, vol. XXXII, PS-3358.

¹⁵ «Страшными сказками», «пропагандой ужасов» (*Greuelmärchen*, *Greuel-*

ятным сюрпризом стала для нацистов международная реакция на принятие законов о расовой дискриминации и на акты насилия. Поэтому они предпочли сделать перерыв, который был бы замечен за границей (тогда как на местном уровне антисемитская пропаганда и преследования евреев продолжались), и успокоить страсти. Передышка привела к уменьшению эмиграции из Германии. Согласно оценке автора, близкого к руководству Имперского представительства евреев Германии¹⁶, в 1933 году страну покинули около 37 000 евреев, в 1934 – только около 20 000, а в 1935 – 21 000¹⁷. Уменьшение числа эмигрантов не могло не беспокоить власти, которые с изумлением убедились, что евреи приспособились к трудностям, вытекающим из статуса «неарийцев», и по-прежнему занимают прочное положение в экономической жизни страны. Поэтому требовалось отделить евреев от остального населения. К тому времени правители Германии были уже достаточно сильны в политическом отношении, чтобы начать осуществление жестких антиеврейских мер. Ведь как раз весной 1935 года они объявили о перевооружении армии и о введении обязательной воинской службы, то есть об отказе от Версальского договора. Именно в этом контексте следует рассматривать принятие Нюрнбергских законов. В них уже не говорилось об «арийцах» и «неарийцах» – эти понятия отныне исчезают из германского законодательства. Речь теперь шла о «немецкой и родственной ей крови» и о «еврейской крови». Принятие этих законов означало официальный конец еврейской эмансипации. Однако удалось ли нацистам с их помощью добиться поставленной цели – роста еврейской эмиграции из страны? Возник ли непреодолимый барьер между немцами и евреями Германии? Ответ на первый вопрос однозначен: эмиграция не увеличилась; согласно упомянутому выше источнику, ее показатели почти не изменились в 1936–1937 годах. С точки зрения нацистов это озна-

propaganda) нацистская пропаганда называла сообщения мировой печати о преследовании евреев нацистами. – Прим. ред.

¹⁶ В сентябре 1933 года было создано Имперское представительство немецких евреев, которое представляло евреев Германии и защищало их перед лицом нацистского режима. В 1935 году нацистские власти, заявив, что понятия «немецкий еврей» не существует, заставили организацию изменить название и стать «Имперским представительством евреев Германии». – Прим. ред.

¹⁷ Werner Rosenstock, "Exodus 1933–1939" // *Leo Baeck Institute Year Book*, № 1 (1956), p. 377.

чало неудачу, причем, как следует помнить, неудачу на фоне потрясающих успехов в других областях. Весной 1936 года немецкие войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны соседних государств. Летом того же года состоялась Олимпиада в Берлине; немцы чувствовали, что на них направлены взгляды всего мира. В 1937 году завершилось создание оси Берлин – Рим, были заложены основы Антикоминтерновского пакта. Три страны, участвовавшие в нем, преуспевали во всех своих начинаниях: Япония продвинулась вглубь территории Китая, Италия захватила Абиссинию, а Германия достигла впечатляющей военной и политической мощи. Более того, в центре Европы разваливалась Малая Антанта¹⁸, и Германия, в сущности, обретала гегемонию на значительной части континента.

Именно в контексте ситуации, сложившейся в конце 1937 года, и следует рассматривать план немецких властей ускорить решение еврейского вопроса – решение, которое, вне всякого сомнения, подразумевало полное удаление евреев из Германии.

Мне известно мнение одного исследователя, согласно которому еще в начале своего правления нацисты обдумывали уничтожение евреев. К этому выводу он пришел на основании использования слова «выселение» (Aussiedlung) в речи, произнесенной нацистским министром внутренних дел Фриком перед членами дипломатического корпуса в начале 1934 года¹⁹. С лингвистической точки зрения неправильно интерпретировать слово в соответствии с приобретенным им позже значением, если к тому нет никаких оснований в содержании этого слова. Политика нацистской Германии и действия нацистов как в рамках их собственных законов, так и вне их были направлены на достижение единственной цели: вытеснить евреев из жизни немецкого народа и вынудить их полностью покинуть пределы германского Рейха.

Этот план обернулся провалом – единственным, с точки зрения нацистских лидеров, политическим провалом. На протяже-

¹⁸ Оборонительный союз Чехословакии, Югославии и Румынии, созданный в 1920 году. В 30-е годы этот союз начал ослабевать, так как интересы трех стран расходились все дальше; после Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года Малая Антанта, не сумев предотвратить начавшееся расчленение Чехословакии, фактически перестала существовать. – Прим. ред.

¹⁹ *IMT*, vol. XLII, SS–93.

нии пятидесяти месяцев еврейское население Германии уменьшилось на 100 000 человек, другими словами, всего на 20 %, а экономический статус евреев серьезно не пострадал. Наоборот: все значительнее становилось присутствие евреев в крупных городах²⁰, где давление со стороны властей и партии ощущалось гораздо меньше, чем в маленьких городках и деревнях (это давление и заставляло многих евреев покидать провинцию), и все прочнее делалось их положение. Большинство евреев полагали, что антисемитская политика нацистского режима ограничится уже принятыми законами. Следует признать, что темпы проведения и характер антиеврейской политики соответствовали темпам проведения и характеру общей политики властей. На исходе 1937 года Гитлер решил, что настало время поделиться своими сокровенными мыслями с доверенными руководителями армии и государства. Он назвал свои размышления плодом опыта четырех с половиной лет пребывания у власти. Я имею в виду итоговый документ совещания 5 ноября 1937 года, который известен как «меморандум Хоссбаха» – по имени его составителя²¹. Здесь следует подчеркнуть два момента. Прежде всего, раз Гитлер решил, что настало время откровенно изложить свои цели в области внешней политики, он, видимо, считал свою власть и власть партии достаточно прочными. И он был прав – гестапо и СС поставили государство под свой контроль. По-видимому, в 1936 году все сотрудники гестапо были официально приняты в СС²²; с этого момента эти две организации становятся в известном смысле единым целым. Во-вторых, программное заявление Гитлера о том, что он готовится к войне – вначале против Австрии и Чехословакии, а затем на востоке (именно в этом и заключалось основное содержание меморандума) – означало, что выбор между двумя альтернативными стратегиями превращения Германии в мировую державу – «колониальной политикой» и «восточной политикой»²³ – совершен. Гитлер выбрал вторую стратегию не-

²⁰ Albert J. Phiebig, "Statistische Tabellen (Juden in Deutschland. Palästina. Einige Daten von der jüdischen Überseewanderung)" // *Almanach des Schocken Verlags auf das Jahr 5699* (Berlin, 1938/39), S. 138.

²¹ 'Hoßbach-Protokoll', *IMT*, vol. XXV, PS-386.

²² Col. Neave Report, B.1; *IMT*, vol. XLII, pp. 62–64.

²³ Cp. Otto Westphal, *Weltgeschichte der Neuzeit 1750–1950* (Stuttgart: W. Kohlhammer, 1953), S. 356, 357.

смотря на возражения, которые высказал в ходе совещания Главнокомандующий германской армией генерал фон Фрич. Именно в этом контексте следует рассматривать февральский кризис 1938 года. 4 февраля Гитлер поставил под свой контроль армейское командование и окончательно подчинил партии Министерство иностранных дел²⁴, открыв путь к аннексии Австрии и к победе над Чехословакией.

В то же самое время отношение властей к евреям заметно ухудшается. Мне кажется, не следует преувеличивать значимость расформирования общества «Бней-Брит» и его лож в Германии в апреле 1937 года. Расформирование произошло внезапно, однако, учитывая ненависть нацистской партии и в особенности СС к объединениям подобного рода (ясно, что организация «Бней-Брит» была в их глазах не более чем ответвлением ненавистного масонства), можно только удивляться, что оно не случилось раньше. Возможно, так проявилось возросшее влияние «державы» Гимmlера. Серьезнее и важнее были начавшиеся в 1937 году задержки с переводом денег евреев из Германии в Палестину в рамках соглашения, которое даже в официальной немецкой переписке именовалось ивритским словом *хаавара* – «перевод» (хочу подчеркнуть, что я рассматриваю не значение и серьезность самих этих задержек, но их роль в общем развитии событий). Проблемы с переводом денег описаны в записке д-ра Эрнста Маркуса «Министерство иностранных дел Германии и палестинский вопрос в 1933–1939 годах»²⁵. Вероятно, выводы комиссии Пиля заставили Гитлера изменить свое отношение к сионизму. Гитлер вдруг осознал, что, вытесняя евреев в Палестину, он своими руками приближает создание суверенного еврейского государства и способствует реализации еврейских планов мирового господства – в существование таких планов лидер нацистов свято верил. Лишь спустя долгие месяцы одному из приближенных Гитлера (Маркус

²⁴ Ср. сжатый и поучительный обзор Карла Миша в его книге: Carl Misch, *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen: von der französischen Revolution bis zur Gegenwart* (Stuttgart: W. Kohlhammer, 1952), S. 428–433.

²⁵ Мемуар Эрнста Маркуса, озаглавленный “Das deutsche Auswärtige Amt und die Palästinafrage in den Jahren 1933–1939”, хранится в АЯВ (01–1/11). В переводе на английский язык см. Ernst Marcus, “The German Foreign Office and the Palestine Question in the Period 1933–1939” // *Yad Vashem Studies*, vol. II (1958), pp. 179–204. Об острых разногласиях, которые вызвала *хаавара* в Министерстве иностранных дел Германии, ср. интересный документ NG–1889 (фотокопия в АЯВ).

не сообщает его имени) удалось воспользоваться благоприятным расположением духа фюрера и рассеять возникшие у него подозрения, после чего *хаавара* возобновилась²⁶.

Чтобы оценить всю серьезность положения евреев, рассмотрим главные антиеврейские законы, которые были обнародованы в 1938 году еще до ноябрьских погромов²⁷. В начале года (5 января) вышел закон «Об изменении фамилий и имен» (разумеется, он был подготовлен еще в конце 1937 года). Евреи, видимо, не сразу осознали, как этот закон повлияет на их статус. Согласно параграфу 12, министр внутренних дел был уполномочен издавать специальные указания, касающиеся личных имен; имена, которые не соответствовали этим указаниям, следовало менять. Прошли семь месяцев – и скрытый смысл этого закона стал явным: власти издали перечень якобы еврейских имен и обязали тех евреев, что носили другие имена, добавить к ним имена «Израиль» или «Сара». Цель была очевидна – заклеить евреев в глазах населения и превратить их в изгоев. В марте был опубликован закон «О юридическом статусе еврейских религиозных общин», лишивший их положения признанных государственным правом общественных организаций. В частности, были отменены обязательное членство в общинах и право общин взимать взносы со своих членов. Этим законом правительство Германии впервые официально нанесло тяжелый удар еврейству как религиозной общности и еврейской общинной организации. Новый закон был призван подорвать организационную и финансовую основу немецкого еврейства, однако, оказывая давление на индивидуальных евреев, нацистские власти, напротив, укрепляли общину как неформальный союз²⁸. Месяцем позже евреев обязали зарегистрировать свое имущество у властей. Особенно знаменателен 7-й параграф указа о регистрации: «Уполномоченный по четырехлетнему плану [Геринг] сможет предпринять необходимые шаги для обеспечения использования (*Einsatz*) подлежащего регистрации имущества для нужд немецкого хозяйства». Это указание

²⁶ Ср., однако, *Foreign Relations*, vol. 1, p. 766.

²⁷ Следует, впрочем, иметь в виду, что многие указания отдавались в обстановке строжайшей секретности и не публиковались открыто. Ср. справедливое замечание Хельмрейха в его статье E.C. Helmreich, "Jewish Education in the Third Reich" // *Journal of Central European Affairs*, № 15 (1955), p. 136, n. 7.

²⁸ Свидетельство Эшельбахера.

открыло путь широкомасштабному разграблению еврейского имущества, начавшемуся в скором времени²⁹. Изъятие еврейского имущества казалось властям, и прежде всего Герингу, который ясно представлял себе потребности немецкого хозяйства в связи с растущими военными расходами и снижением объемов импорта, жизненно необходимым³⁰. Любые сомнения в этом вопросе рассеяло опубликованное в июне «Третье постановление к Закону об имперском гражданстве», где давалось определение «еврейских предприятий» и содержалось предписание об их регистрации. Месяц спустя министр внутренних дел издал исполнительный указ, в котором подчеркивал необходимость «в кратчайшие сроки» составить список еврейских предприятий. Другими словами, план наложения платежа, который в ноябре был объявлен «выкупом» в размере одного миллиарда марок, родился еще летом 1938 года. Об этом откровенно рассказал министр экономики Функ в своей речи 15 ноября³¹. Беспорядки, сказал он, произошли, когда «мы практически завершили экономическое вытеснение евреев из хозяйственной жизни Германии». По его словам, из регистрационных списков выяснилось, что стоимость еврейского имущества превышает семь миллиардов марок, два миллиарда из которых, как с гордостью сообщил Функ, к тому времени уже были изъяты у евреев. Заветной целью министра было полное разорение евреев страны.

Однако вернемся к хронологической последовательности событий. 22 июля вышло постановление, обязывавшее лиц старше 15 лет всегда иметь при себе удостоверения личности. На следующий день был издан исполнительный указ, обращенный к евреям, – им предписывалось всегда держать при себе удостоверения, независимо от возраста, даже грудным детям. Усиленный полицейский надзор над жителями страны касался только взрослых людей и подростков, однако евреев он затрагивал всех до единого. Здесь трудно не вспомнить о тщательной регистрации, которая позднее велась в гетто. Может быть, нацисты уже тогда предвидели ее?

²⁹ На заседании муниципалитета Мюнхена 8 июня 1938 года бургомистр Филер рассказал присутствующим, что Ламмерс (генеральный директор рейхсканцелярии в ранге министра) намекнул ему в разговоре на предстоящее (после регистрации) изъятие еврейского имущества – см. протокол заседания, с. 29 (АЯВ. М-1/DN-9).

³⁰ Ср. *Foreign Relations*, vol. I, p. 864.

³¹ Ср. *IMT*, vol. XXXII, PS-3545.

Тогда же, в июле, еврейские врачи были лишены права на практику, а еще через два месяца та же участь постигла евреев-юристов. Врачи и юристы, таким образом, стали париями. Единицам разрешили продолжать работать по специальности – однако запретили при этом именовать себя врачами и адвокатами. Врач (*Arzt*) превратился теперь в «лекаря больных» (*Krankenbehandler*), а адвокат в «конзулента». Осенью немецких евреев лишили паспортов. В этом тоже не было ничего нового – этот акт оказался лишь официальной завершающей фазой процесса, который начался значительно раньше. Здесь необходимо особо упомянуть служебное указание Министерства внутренних дел от 16 ноября 1937 года³², согласно которому евреям разрешались заграничные поездки, только если они преследовали одну из следующих пяти целей: эмиграция; поездка, отвечающая экономическим интересам Германии (то есть поездка, значение которой подтверждено Торговой палатой); тяжелое заболевание или смерть родственника; лечение за границей; посещение детей в учебном заведении за границей. Для обеспечения эффективности надзора по возвращении из-за границы евреев обязывали сдавать паспорта. Однако теперь, 5 октября 1938 года, все еврейские паспорта были объявлены недействительными. Тем, кто нуждался в паспорте для эмиграции из Германии, выдавался паспорт со специальной отметкой в виде буквы “J” – по предложению швейцарского чиновника³³, который опасался наплыва еврейских беженцев в страну³⁴. Наш перечень неполон, но он позволяет понять, сколь последовательно и неуклонно власти Германии пытались лишить евреев даже тех возможностей, которые у них оставались после пяти лет нацистского режима. Поучительно подсчитать число антиеврейских законов, распоряжений и исполнительных указов, принятых в годы нацистского режима. Согласно подсчету покойного Бруно Блау в сборнике «Дискриминационные законы против евреев в Германии, 1933–1945 годы», в 1933 году были приняты 42 подобных

³² Ср. Bruno Blau, *Das Ausnahmerecht für die Juden in Deutschland*, 2te Aufl. (Düsseldorf: Verlag 'Allgemeine Wochenzeitung der Juden in Deutschland', 1954), № 135. Ср. также соответствующие обзоры, приведенные в *Foreign Relations*, vol. II, pp. 356ff, pp. 361ff, 370ff.

³³ Генриха Ротмунда, начальника федеральной полиции Швейцарии. – *Прим. ред.*

³⁴ Подробное описание см. в Tenenbaum, "The Crucial Year 1938", pp. 52–54.

закона, в 1934 году – 19, в 1935 году – 29, в 1936 году – 24, в 1937 году – 21, а вплоть до октября 1938 года – 49 подобных законов и актов!

Разумеется, оценивая перелом в антиеврейской политике властей, не следует ограничиваться лишь анализом законов, стоит посмотреть и на то, что происходило вне рамок законодательства. Главная цель режима – эмиграция евреев – не могла быть достигнута лишь юридическими мерами. Нацисты понимали это и считали применение насилия необходимым, а после захвата Австрии, где желательно было избежать продолжительного переходного периода³⁵, – особенно насущным. Опыт своего пятилетнего правления в Германии нацисты применили в Австрии немедленно как в экономической сфере, так и в области политики по отношению к евреям. Гестапо получило широкие полномочия и могло теперь подтвердить свои давние притязания, доказав, что оно работает эффективнее других правительственных учреждений. Результаты и в самом деле не заставили себя долго ждать; победа Гимmlера и Гейдриха оказалась полной. Именно в Австрии впервые проявил себя Адольф Эйхман. До конца августа 1938 года паспортное бюро в Вене выдало около 25 000 паспортов для еврейских эмигрантов³⁶ (15 % всего еврейского населения). Другими словами, за пять месяцев численность еврейского населения Австрии уменьшилась так же, как численность евреев Германии («старого Рейха») за три года. Но несмотря на все эти достижения, «еврейский кошмар» по-прежнему не давал покоя нацистским властям. Проблема оказывалась неразрешимой: в результате территориальных захватов под власть нацистской Германии попадало все больше евреев, а возможностей для эмиграции оставалось все меньше, так как страны мира сузили ворота в свои пределы до размеров игольного ушка. Во время Эвианской конференции, выявившей беспомощность и пассивность правительств стран мира, посол Великобритании в Берлине обратился от имени государств-участников к Риббентропу и признал, что они не хотят принимать евреев, а тем более неимущих евреев³⁷.

³⁵ О положении в Австрии ср. *Foreign Relations*, vol. II, p. 367.

³⁶ Phiebig, "Statistische Tabellen...", S. 152.

³⁷ NG-3702 (фотокопия в АЯВ).

Однако новая политика «усиления эмиграции», разработанная гестапо, заключалась именно в вытеснении за пределы Германии как можно большего числа евреев, и прежде всего бедных евреев. Пусть же богатые евреи оплачивают выезд бедных! Вместе с тем нацисты не были заинтересованы в успехе эмиграции; они откровенно старались помешать эмигрантам прижиться в других странах в надежде вызвать ненависть к евреям и симпатии к нацистской Германии. Все эти меры, опробованные летом 1938 года, еще до ноябрьского погрома, были призваны окончательно разрушить нормальную жизнь еврейской общины Германии.

Не следует думать, что без выстрела Гриншпана немцы не нашли бы повода для погрома. Ведь для летнего погрома повод не потребовался. Вспомним так называемую «июньскую акцию» (*Juniaktion*), о которой мы уже говорили. Весной центральное бюро гестапо препоручило надзор за еврейскими общинами своим местным отделениям (*Stapostelle*). Списки евреев – жертв будущих арестов были составлены в июне. Списки эти были четырех видов: одни были подготовлены налоговым ведомством, вторые – уголовной полицией, третьи – местными отделениями гестапо, четвертые – районными полицейскими участками³⁸. Многие евреи, все еще сохранившие друзей на высоких постах, узнали о намерениях властей заранее. Я ограничусь здесь двумя свидетельствами. Упомянутая выше Белла Фромм 4 июля записала в дневнике слова своего друга, высокопоставленного немецкого чиновника: «Что-то происходит. Концентрационные лагеря расширяют. Белла, лучше уехать отсюда»³⁹. Советник юстиции Лёвенштейн из Лейпцига поддерживал дружеские отношения с крупным чиновником из Бюро надзора за валютными операциями (оба в прошлом были масонами). Он сообщает, что его друг, который долгие годы успокаивал его и просил не уезжать из Германии, с конца 1937 года резко сменил тон и теперь постоянно призывал Лёвенштейна эмигрировать. Лёвенштейн начал свой отъезд на декабрь 1938 года, однако в октябре чиновник пришел к нему домой и стал упрашивать его выехать в ближайшие дни. Он намекнул на ожидавшиеся в самом скором времени

³⁸ См. записку Конрада Кайзера «Берлин, 1933–1939» (АЯВ. 01–1/1–25).

³⁹ Fromm, *Blood and Banquets*, p. 276.

беспорядки и тем самым спас своего друга⁴⁰. Бесчинства и погромы были особенно необходимы Гитлеру, Герингу и Геббельсу, которые в те дни уже вели подготовку к войне, каждый в своей области. Во время Мюнхенской конференции Гитлер осознал, до какой степени народ Германии не хочет войны. Толпы людей на улицах Мюнхена приветствовали Чемберлена как вестника мира. Глядя на жителей Берлина, абсолютно равнодушных к зрелищу марширующих солдат, фюрер сказал: «С таким народом нельзя идти воевать»⁴¹. Поэтому требовалось разжечь энтузиазм масс и на какое-то время отвлечь их от атмосферы надвигающейся войны. Эту задачу тоже должен был решить ноябрьский погром; но прежде всего необходимо было изыскать средства для покрытия расходов на перевооружение армии. Именно об этом говорил Геринг, обладавший диктаторскими полномочиями в экономической сфере, в ходе важного совещания 14 октября: «Необходимо разрешить еврейскую проблему любыми способами, так как евреи должны убраться из экономики»⁴². Геринг опасался, что еврейское имущество перейдет в руки партийных организаций и разбогатевших функционеров, а государство ничего не получит (подобное уже происходило в Австрии). Поэтому он резко осудил тех, кто полагал ариизацию делом партии, и объявил ее прерогативой государственных властей. Говоря о предстоящей экспроприации еврейского имущества и о невозможности выделить евреям валюту для эмиграции, он упомянул в качестве возможного решения создание гетто.

В те месяцы, когда Гитлер принял решение о скором начале войны, только горстке евреев удалось вырваться из ловушки; они оказались последними. В обзоре Министерства иностранных дел Германии («Еврейская проблема как фактор внешней политики в 1938 году»), который мы упомянули в начале, об этом говорит-

⁴⁰ См. свидетельство Бертольда Лёвенштейна о событиях ноября 1938 года – о подготовке к погрому и о налоге на имущество (АЯВ. 01–1/1–9). Эта записка датирована январем 1945 года, а в ноябре того же года она была дополнена примечанием, содержащим фамилию и должность этого чиновника – обер-инспектора Рейхсбанка Энгельке.

⁴¹ Hans Bernd Gisevius, *Bis zum bittern Ende*, Bd. 2 (Darmstadt: Claassen & Würth, 1947); Sir Neville Henderson, *The Failure of a Mission* (London, 1940), pp. 63–64, 161. Ср. Westphal, *Weltgeschichte der Neuzeit*, S. 367; ср. также мемуар Эрнста Маркуса: Ernst Marcus, 'Das deutsche Auswärtige Amt...', S. 181.

⁴² *IMT*, vol. XXVII, PS-1301, "Achtzehntes S", pp. 163–164.

ся, как всегда, обиняками. С одной стороны, речь идет о необходимости увеличения эмиграции для «освобождения» Германии от евреев. С другой стороны, автор документа, составленного в январе 1939 года, уже знал, что вскоре к еврейскому населению Рейха прибавятся сотни тысяч евреев Чехословакии, и поэтому завершил обзор загадочным замечанием: «Но даже когда не останется ни одного еврея на земле Германии (именно так – «Германии»), еврейская проблема не будет разрешена». Эта фраза предвещает будущие «выселения» и «эвакуации». К несчастью, евреи в то время не осознавали подлинного смысла этих слов. Лишь спустя несколько лет один из пострадавших в ходе ноябрьского погрома 1938 года написал в своих заметках о произошедшем: «Мы думали, это был пик преследования евреев. Однако на самом деле это было лишь последнее предупреждение о грядущем уничтожении»⁴³. Хотя точного плана уничтожения еще не существовало, сама идея физического истребления евреев сформировалась именно в этом году, увенчанном политическими победами Гитлера на всех фронтах, за исключением еврейского. И именно за это евреи были отданы во власть «государства СС».

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как "Between Discrimination and Extermination," in *Yad Vashem Studies* (Hebrew), vol. 2 (1958), pp. 71-83.*

Перевод с иврита Бенциона Дымерского.

⁴³ См. записку Грегора Сегалю о ноябрьских погромах 1938 года (АЯВ. 01–1/1–16).

Шауль Фридендер

ОТ АНТИСЕМИТИЗМА К УНИЧТОЖЕНИЮ:
ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ И ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

На протяжении последних десятилетий корпус исторических трудов, посвященных уничтожению евреев Европы, значительно вырос. Историки изучают корни нацистского антисемитизма и его развитие, политику нацистов по отношению к евреям, «окончательное решение» и поведение немецкого общества, нейтральных стран и союзников, церковей и западного общества в целом, а также поведение самих жертв – евреев – перед лицом растущей опасности, надвигающейся катастрофы. Исследования и публикации множатся, возникают новые исторические подходы и эволюционируют старые¹. Сегодня ясно обозначились различные исторические концепции, можно даже говорить – различные интеллектуальные школы.

Анализируя работы послевоенного периода, посвященные нацистскому антисемитизму и политике Третьего рейха по отношению к евреям (это единственный аспект проблемы, который мы рассматриваем в настоящей статье), необходимо понять, предла-

* Я хочу поблагодарить моих друзей и коллег Иехуду Бауэра, Дова Кульку, Ганса Моммзена, Дину Порат и Аарона Вайса за помощь, которую они оказывали мне на различных этапах подготовки настоящей статьи. Некоторые вопросы, затронутые здесь, освещались ранее в моих работах: Saul Friedländer, "Some Aspects of the Historical Significance of the Holocaust" // *Jerusalem Quarterly*, № 1 (Fall 1976); idem, "De l'antisémitisme à l'extermination: esquisse historiographique" // *Le débat*, № 21 (Sept. 1982); относительно раздела III см. мою вступительную статью к книге Gerald L. Fleming, *Hitler and the Final Solution* (Berkeley: University of California Press, 1984).

¹ Среди исторических работ, посвященных событию, которое мы называем сегодня Холокостом, следует отметить: Léon Poliakov, "Changing Views in Holocaust Research" // *Yad Vashem Bulletin*, № 20 (April 1967); Leni Yahil, "The Holocaust in Jewish Historiography" // *Yad Vashem Studies*, vol. VII (1968); Philip Friedman, "Heker ha-historiya shel tkufat ha-Shoa u-veayotav" // Yisrael Gutman, Livia Rothkirchen (eds.), *Shoat yehudei Eiropa: Reka – Korot – Mashmaut* (Jerusalem: Yad Vashem, 1973); Shaul Esh, "Mi-beayot ha-mehkar be-hurban yahadut Eiropa" // Shaul Esh, Dov Ben-Yizhak (eds.), *Iyunim be-heker ha-Shoah ve-yahadut zmanenu* (Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1973); Yehuda Bauer, "Trends in Holocaust Research" // *Yad Vashem Studies*, vol. XII (1977); Konrad Kwiet, "Zur historiographischen Behandlung der Judenverfolgung im Dritten Reich" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, Bd. 27 (1980/81); Lucy S. Dawidowicz, *The Holocaust and the Historians* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981); Otto-Dov Kulka, "Die deutsche Geschichtsschreibung über den Nationalsozialismus und die 'Endlösung'" // *Historische Zeitschrift*, Bd. 239 (1984).

гают ли эти исследования единое и связное историческое объяснение случившегося, или рассматривают лишь отдельные аспекты событий, не стремясь к синтезу различных подходов и всестороннему анализу произошедшего. Другими словами, остается ли по-прежнему верным пятнадцатилетней давности высказывание Исаака Дойчера:

Для историка, пытающегося понять геноцид евреев, наиболее серьезным препятствием остается абсолютно уникальный характер этой катастрофы. Это вопрос не только времени и исторической перспективы. Я сомневаюсь, что даже тысячу лет спустя люди будут лучше нас понимать Гитлера, Аушвиц, Майданек и Трехлинку. Поможет ли им историческая перспектива? Возможно, как раз наоборот – наши потомки будут понимать эти события еще хуже, чем понимаем их мы сегодня².

Быть может, нам следует принять альтернативное объяснение, предложенное несколько лет назад Раймоном Ароном:

Что же касается геноцида... я полагаю, что иллюзия его иррациональности возникает в результате неверного подхода к вопросу. Гитлер многократно заявлял, особенно в первый день войны, что евреи не переживут войну, которую, по его мнению, они развязали... Если признать ликвидацию евреев, еврейского яда, дурной крови главной целью Гитлера, то индустриальная организация убийств выглядит вполне рациональным средством достижения этой цели – геноцида. Инструментальный рационализм может считаться аморальным по самой своей природе или морально нейтральным. Когда же геноцид был принят в качестве цели, материалы, рабочую силу и – прежде всего – транспортные средства, необходимые для осуществления этого плана, следовало обеспечивать за счет армии³.

² Isaac Deutscher, *The Non-Jewish Jew and Other Essays* (London: Oxford University Press, 1968), p. 163.

³ Raymond Aron, "Existe-t-il un mystère Nazi?" // *Commentaire*, № 7 (1979), p. 349. (Раймон Арон намекает на конфликт, в 1942 году дважды (в июне и в декабре) вспыхивавший в нацистском руководстве. Министерство транспорта дважды запрещало использовать железные дороги восточного направления для каких бы то ни было перевозок, не связанных с военными нуждами, – и оба раза по настоянию СС делалось исключение для депортаций евреев в лагеря уничтожения, находившиеся на востоке Польши. Немецкой армии под Сталинградом был жизненно необходим каждый вагон с боеприпасами или пополнением, однако поезда и железнодорожные пути обслуживали решение «еврейского вопроса». – Прим. ред.)

Эти две противоположные позиции неявным образом лежат в основе историографии нашего предмета. Однако более специфический анализ этой историографии должен затрагивать два различных уровня, предлагая как глобальную интерпретацию нацизма, так и интерпретацию антиеврейской политики нацистского режима (с учетом ее эволюции и внутренней динамики). Вначале мы кратко проанализируем общую картину, а затем подробно рассмотрим происхождение и развитие конкретных политических мер.

1. Антисемитизм и глобальные интерпретации нацизма

В попытках предложить глобальную интерпретацию нацизма можно выделить три основных подхода: объяснения, основанные на особенностях истории Германии; объяснения, использующие понятие «фашизм»; объяснения, рассматривающие национал-социализм как одно из проявлений тоталитаризма⁴. Все эти подходы пытаются – так или иначе, успешно или не очень – вписать нацистский антисемитизм в рамки более широкого объяснения. Рассмотрим вкратце некоторые из этих попыток.

Первая концепция объясняет нацизм прежде всего специфически немецкой национальной эволюцией (начавшейся, по мнению большинства историков, в XIX веке) и иногда ставит во главу угла немецкий антисемитизм. При этом немецкий антисемитизм и расовое – «фёлькише» (*völkische*) – мышление иногда считают отправной точкой идеологии национал-социализма⁵.

⁴ Выделяя три главных подхода, мы следуем концепции Вольфганга Зауэра: Wolfgang Sauer, "National Socialism: Totalitarianism or Fascism?" // *American Historical Review*, Dec. 1967, p. 404ff). См. также Andreas Hillgruber, *Endlich genug über Nationalsozialismus und Zweiter Weltkrieg?* (Düsseldorf: Droste, 1982), S. 24ff.

⁵ Среди исследований, подробно рассматривающих антисемитизм, а также расовое и «фёлькише» мышление, следует упомянуть следующие: Paul Massing, *Rehearsal for Destruction* (New York: Harper, 1949); Eva G. Reichmann, *Hostages of Civilization* (London: V. Gollancz, 1950); Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair* (Berkeley: University of California Press, 1961); George L. Mosse, *The Crisis of German Ideology* (New York: Grosset and Dunlap, 1964); Peter G.-J. Pulzer, *The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria*, New York: J. Wiley, 1964; Léon L. Poliakov, *Histoire de l'Antisémitisme*, tome III: *De Voltaire a Wagner* (Paris: Calmann-Levy, 1968). С другой стороны, некоторые из важнейших послевоенных исторических работ, посвященных немецким корням нацизма, преуменьшают или совершенно игнорируют роль антисемитизма в немецком прошлом. Ср. прежде всего: Friedrich Meinecke, *Die deutsche Katastrophe* (Zürich:

Нацистский антисемитизм невозможно объяснить вне немецкого национального контекста: это положение не нуждается в доказательствах. Проблема, однако, заключается в оценке роли национальных корней, в оценке значимости идеологии «фёлькише» и того места, которое антисемитские взгляды и убеждения занимали в немецком обществе в эпоху императора Вильгельма или во времена Веймарской республики с одной стороны и в годы Третьего рейха – с другой. Лишь сравнительный анализ этих данных позволит увидеть возможную взаимосвязь между антиеврейской кампанией нацистов и состоянием немецкого общества в целом. Для интерпретации нацистской политики необходимо понимать корни мировоззрения Адольфа Гитлера; однако степень явной и неявной поддержки его действий, направленных против евреев, различными слоями населения тоже требует тщательной оценки. Этот аспект проблемы неразрывно связан с вопросом о национальных корнях антисемитизма и об их значимости. Существующие сегодня работы по этой важной теме могут привести нас к совершенно разным выводам.

Прежде всего, для оценки немецкого антисемитизма в конце XIX – начале XX века (вплоть до Первой мировой войны) необходимо принять во внимание недавние работы по французской истории – они продемонстрировали, что и во Франции в среде различных антиеврейских группировок были распространены весьма схожие идеи, установки и замыслы⁶. Таким образом, безусловно необходимо более тщательное изучение специфики немецкой эволюции в годы Первой мировой войны и Веймарской республики; однако все еще неясно, насколько немецкое общество тех дней было поражено антисемитизмом. Мы не располагаем систематическими исследованиями по этому вопросу, а из многочисленных работ, посвященных отдельным его аспектам, не складывается целостная картина. Так, нам известно, что в Гер-

Aero-Verlag, 1946); Gerhard Ritter, *Europa und die deutsche Frage* (München: Münchener Verlag, 1948); Hans Rothfels, *The German Opposition to Hitler* (Hinsdale: Henry Regnery, 1948); Hans Kohn, *The Mind of Germany* (New York: Ch. Scribner, 1960). Об этой проблеме см. Dawidowicz, *The Holocaust and the Historians*, pp. 60–67; Kwiet, "Zur historiographischen Behandlung...", S. 149ff.

⁶ Cp. Zeev Sternhell, *La Droite révolutionnaire 1885–1914: les origines françaises du fascisme* (Paris: Éditions du Seuil, 1978); см. также idem, *Ni Droite ni Gauche: l'idéologie fasciste en France* (Paris: Éditions du Seuil, 1983).

мании в канун Первой мировой войны исчезли антисемитские партии⁷, а с началом военных действий значительно реже стали встречаться проявления антисемитизма. Но мы также знаем, что между 1916 и 1924 годом антисемитские лозунги звучали все чаще и чаще⁸. Не столь очевидны и масштабы антисемитизма в решающий период начала 30-х годов. Уильям Шеридан Аллен, рассматривая в своей работе подъем нацистского движения в маленьком городке возле Ганновера, утверждает, что антисемитизм не играл там сколько-нибудь значительной роли⁹. В других регионах, однако, ситуация выглядела иначе¹⁰. Подобные региональные различия важны для интерпретации нацистского феномена¹¹ (как мы увидим ниже, рассматривая отношение общественного мнения к евреям в Третьем рейхе)¹². Тем не менее из данных о немецком антисемитизме до 1933 года можно с известной уверенностью сделать только один вывод: крайний расистский антисемитизм в его немецком или австрийском вариантах бесспорно служил питательной средой для идеологии Гитлера и правоверных членов НСДАП¹³. При этом антиеврейской политике, проводившейся начиная с 1933 года, антисемитизм населения обе-

⁷ Richard S. Levy, *The Downfall of the Antisemitic Political Parties in Imperial Germany* (New Haven: Yale University Press, 1975).

⁸ Egmont Zechlin, *Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969); Saul Friedländer, "Die politischen Veränderungen der Kriegszeit und ihre Auswirkungen auf die Judenfrage" и Werner Jochmann, "Die Ausbreitung des Antisemitismus" // Werner E. Mosse (Hg.), *Deutsches Judentum in Krieg und Revolution 1916–1923* (Tübingen: J.S.B. Mohr, 1971). О внутренних противоречиях немецкого антисемитизма на протяжении первых двух десятилетий XX века см. Donald Niewyk, *The Jews in Weimar Germany* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980); Sarah Gordon, *Hitler, Germans and the "Jewish Question"* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984), особенно первую главу.

⁹ См., например, William Sheridan Allen, *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town 1930–1935* (London: Eyre & Spottiswoode, 1966), p. 77.

¹⁰ Например, в Нижней Саксонии. Ср. Jeremy Noakes, *The Nazi Party in Lower Saxony 1921–1933* (London: Oxford University Press, 1971).

¹¹ К этому выводу пришел также Р. Хемилтон в своей книге Richard F. Hamilton, *Who Voted for Hitler?* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982), pp. 606–607.

¹² См. с. 60–61 ниже.

¹³ Петер Меркль проанализировал главные идеологические установки СА и СС в 20-х годах на основании личных дел членов организаций, собранных Теодором Абелем. Анализ показал, что антисемитизм занимал четвертое по важности место, причем лишь 10,7 % членов СА и СС (или 14,9 % рядовых членов партии) указали его в качестве наиболее существенной для них установки. Ср. Peter Merkl, *The Making of a Stormtrooper* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), p. 222.

спечивал не столько активное содействие, сколько латентную поддержку. Как мы увидим далее, некоторые историки вообще не видят неперенной связи между идеологией Гитлера и постепенным развитием нацистской антиеврейской политики вплоть до ее логического завершения. Подобная точка зрения предполагает, что корни нацистской политики по отношению к евреям лежат вне идеологии нацизма.

Часть исследований, сводящих роль специфически национальной идеологии в нацистском антисемитизме к минимуму, подчеркивают вместо этого значение традиционных социальных структур (бюрократии, армии, органов юстиции) в развитии нацистской политики. И все же функция этого традиционного элемента в эволюции антиеврейской политики обычно не получает достаточно убедительного объяснения¹⁴. Лишь немногие из глобальных интерпретаций нацизма полностью игнорируют национальные особенности антиеврейской политики нацистов, — однако оценка значимости этих национальных особенностей часто оказывается не столь проста.

Концепция, которая рассматривает гитлеровский феномен как часть более широкого явления — фашизма, по-прежнему остается наиболее распространенной обобщающей интерпретацией нацизма¹⁵. Эту концепцию приводят иногда в марксистской, иногда в немарксистской версиях, однако уникальный характер нацистского антисемитизма неизменно служит серьезным препятствием для подобного обобщения. Некоторые теоретики фашизма просто игнорируют эту проблему и в своих теориях обходят антисемитизм молчанием (за исключением нескольких дежурных упоминаний)¹⁶. Другие признают существование проблемы, но все же стараются выявить общую основу фашизма, так сказать,

¹⁴ Не всегда легко отличить «общие» характеристики социальной группы от ее специфически немецких «исторических» характеристик. Так, Рауль Хилберг подчеркивает в *The Destruction of the European Jews* (Chicago: Quadrangle Books, 1961) центральную роль, которую играл бюрократический аппарат в процессе уничтожения. Но идет ли речь о бюрократии как таковой или о специфически немецкой бюрократии, сложившейся в рамках конкретной национальной традиции?

¹⁵ Следует, однако, отметить, что само понятие «фашизм» часто подвергается критике. Ср., например, Gilbert Allardyce, "What Fascism Is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept" // *American Historical Review*, vol. 84 (April 1979), p. 367ff.

¹⁶ См. недавние исследования различных теорий фашизма, например, Wolfgang Wippermann, *Faschismustheorien: zum Stand der gegenwärtigen Diskussion* (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980).

«фашистский минимум»¹⁷. Третьи пытаются найти нацистскому антисемитизму место в рамках своей общей теории.

Немарксистская теория фашизма, объясняя нацистский антисемитизм, как правило, либо выводит это явление из фундаментальных идеологических характеристик фашизма, либо объясняет его внутренней динамикой фашистских партий и режимов, либо, наконец, сравнивает его с похожим отношением к чужакам, которое было свойственно другим фашистским движениям и режимам.

Эрнст Нольте в своем фундаментальном исследовании «Трилика фашизма» предпринял наиболее последовательную попытку свести гитлеровский антисемитизм к антимарксизму как к общему идеологическому знаменателю всех фашистских движений. С точки зрения Нольте, нацистский антисемитизм был не более чем крайней формой антибольшевизма «радикальных фашистов»:

*Гитлер всегда впадал в безудержную ярость, едва речь заходила о большевизме. Он считал его наиболее радикальной из известных миру форм еврейского геноцида... Согласно книге Экхарта, Гитлер обнаружил большевизм более древний, чем большевизм Ленина, – большевизм Моисея!*¹⁸

Приводимые Нольте цитаты, впрочем, создают впечатление, что скорее ненависть Гитлера к иудейству определяла его антибольшевизм, а не наоборот.

Недавняя публикация ранних (написанных до «Майн кампф») текстов Гитлера позволяет лучше оценить взаимное соотношение его антииудаизма и антимарксизма. Евреи упоминаются в этих текстах приблизительно в три раза чаще, чем большевизм, коммунизм или марксизм¹⁹. И здесь мы возвращаемся к очевид-

¹⁷ См., например, Stanley G. Payne, *Fascism: Comparison and Definition* (Madison: University of Wisconsin Press, 1980).

¹⁸ Ernst Nolte, *Three Faces of Fascism* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1965), p. 406.

¹⁹ Ср. Eberhard Jäckel (Hg.), *Hitler: Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980). Это сравнение стало возможным благодаря чрезвычайно подробному предметному указателю, которым снабжена книга. Центральное место антисемитизма в идеологической системе и политических декларациях Гитлера в ранние годы его деятельности подтверждается целым рядом источников. Подробнее см. Helmut Auerbach, "Hitlers politische Lehrjahre und die Münchener Gesellschaft 1919–1923" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* (далее – VfZ), Bd. 25, № 1 (1977), S. 15–16.

ному отличию национал-социализма от других типов фашизма: в нацизме антисемитизм играет центральную и совершенно особую роль. Именно против евреев, а вовсе не против марксистов были направлены как первая, так и последняя идеологические декларации Гитлера²⁰. Советский Союз и европейские коммунистические партии были временными союзниками Германии в 1939–1941 годах, идея сепаратного мира со Сталиным часто обсуждалась в конце войны, – однако Гитлер и мысли не допускал о каком бы то ни было соглашении с евреями. Наконец, мы располагаем чрезвычайно откровенным заявлением Мартина Бормана о взаимосвязи между антииудаизмом и антимарксизмом:

Национал-социалистическая доктрина является безоговорочно антиеврейской, а потому антикоммунистической и антихристианской. В национал-социализме все друг с другом связано и все нацелено на борьбу с иудейством²¹.

Обратимся теперь ко второму подходу, рассматривающему феномен нацистского антисемитизма в рамках фашизма. Расистский антисемитизм существовал в Германии с конца XIX века, однако превращение расплывчатой теории в систематическую политику требовало структурных условий, которые, по мнению, например, Ганса Моммзена, были способны создать фашистские режимы:

Недостаточно рассматривать [нацистский антисемитизм. – Ш.Ф.] как радикальный вариант [ранее существовавших тенденций. – Ш.Ф.]... Необходимо изучить структурные условия, позволившие ему подняться выше уровня пропагандистских деклараций или проявлений «дикого» радикализма²².

Моммзен объясняет эти необходимые условия структурой нацистской партии и нацистской системы. По его мнению, речь

²⁰ Первым политическим сочинением Гитлера было письмо к солдату Гемлиху о «сущности еврейского вопроса» от 16 сентября 1919 года; последним – политическое завещание, написанное 29 апреля 1945, за несколько дней до самоубийства, и посвященное по большей части опять же «еврейскому вопросу». – *Прим. ред.*

²¹ Adolf Hitler, *Libres propos sur la guerre et la paix* (Paris: Flammarion), tome II, 1954, p. 347.

²² См. статью Ганса Моммзена в сборнике *Totalitarismus und Faschismus. Eine wissenschaftliche Begriffskontroverse* (München: R. Oldenbourg, 1980), S. 63–64.

идет о структуре, типичной для фашистских партий и режимов, структуре, которая подразумевает прямые связи между различными видными функционерами и верховным лидером при нечетком разделении сфер власти, что приводит к постоянному соперничеству и внутренней борьбе, а они в свою очередь порождают процесс «кумулятивной радикализации»²³. В нацистской Германии борьба за контроль над «еврейскими делами» вызвала растущую радикализацию в этой сфере; таким образом, «окончательное решение» оказывается конечным результатом внутренней динамики фашистского режима²⁴. Ниже мы вернемся к проблемам, связанным с теорией «кумулятивной радикализации». Здесь же лишь заметим, что, даже признав существование такого процесса в недрах нацистского режима и приняв объяснение Моммзена, мы, как ни странно, не обнаружим ничего подобного в единственном кроме Германии государстве, где в полной мере укрепился фашистский режим, – в Италии. Возможно, имеет смысл говорить о «кумулятивной радикализации» в Италии вплоть до 1939 года и о «кумулятивном смягчении» (по крайней мере, внутри партии) в 1939–1943 годах, вплоть до смещения Муссолини решением Большого фашистского совета (недолговечная «республика Сало» была чисто нацистским образованием).

Наконец, предпринимались попытки сравнить нацистский антисемитизм с расизмом, который проявляли итальянские фашисты по отношению к африканцам, славянам Триеста и Фиуме (Риеки) и немцам Южного Тироля. Различия в накале ненависти объяснялись военной ситуацией²⁵. Можно, разумеется, спросить, почему Италия в таком случае не добилась в годы войны результатов, сопоставимых с немецкими. Да и целесообразность сравнения, предпринимаемого только ради сохранения единой концепции фашизма, вызывает сомнения. Карл Дитрих Брахер писал об этом:

²³ Ibid., S. 24.

²⁴ Hans Mommsen, "National Socialism; Continuity and Change" // Walter Laqueur (ed.), *Fascism: A Reader's Guide* (Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1979), pp. 178–179. Автор объясняет здесь общую теорию фашизма, применяя положения функционалистского анализа нацистской политики (достаточно подробный разбор функционалистской концепции см. во второй части настоящей статьи).

²⁵ См. статью Вольфганга Шидера (Wolfgang Schieder) в сборнике *Totalitarismus und Faschismus* (München: Oldenbourg, 1980), S. 58.

*Общая теория фашизма начинает казаться весьма сомнительной, как только ей приходится объяснять эту проблему [нацистского антисемитизма и уничтожения евреев. – Ш.Ф.]... Если [итальянский] фашизм видел свою цель прежде всего в строительстве сильного государства, *Stato Totalitario*, как основы обновленной *Impero Romano*, то главной гитлеровской идеей была ведущая роль расы, расистские основания будущей империи, в создании которой сильное государство было только средством, но никак не самоцелью²⁶.*

Марксистская концепция нацизма как фашизма отводит нацистскому антисемитизму еще менее внятную роль, чем немарксистская теория фашизма. Прежде всего речь здесь часто идет о политической пропаганде, замаскированной под историографию: в некоторых советских исторических работах последних двадцати лет нацисты располагаются по ту же сторону баррикад, что и сионисты, противопоставленные их общей жертве – еврейским массам. Цели нацистов при этом не имеют никакого значения, цели же сионистов предельно ясны: содействовать уничтожению большинства евреев, чтобы незначительное меньшинство достигло берегов Палестины и создало там сионистское государство²⁷.

Покидая поле пропаганды, марксистская теория фашизма настойчиво пытается поместить нацистский расизм и даже уничтожение евреев в рамки идеологической ортодоксии. В этом контексте «окончательное решение» оказывается следствием плана немецких промышленников, получавших таким образом колоссальные прибыли (благодаря эксплуатации постоянно восполняющейся рабочей силы, конфискации еврейского имущества и т. д.). Эта позиция часто встречается в работах историков из ГДР²⁸. Ее сторонники, однако, игнорируют тот очевидный

²⁶ Karl Dietrich Bracher, "The Role of Hitler: Perspectives of Interpretation" // *Fascism: A Reader's Guide*, pp. 201–202. Об историографической дискуссии, касающейся различий между итальянским фашизмом и национал-социализмом, см. Hillgruber, *Endlich genug...*, S. 40ff.

²⁷ Об этом см., например, Dawidowicz, *The Holocaust and the Historians*, p. 68ff; Erich Goldhagen, "Der Holocaust in der Sowjetischen Propaganda und Geschichtsschreibung" // *VfZ*, Bd. 28, № 4 (1980), S. 502ff и особенно S. 504.

²⁸ Ср. Konrad Kwiet, "Historians of the German Democratic Republic on Antisemitism and Persecution" // *Leo Baeck Institute Yearbook*, vol. XXI (London: Secker & Warburg, 1976), p. 174. Работы Курта Петцольда – исключение из этого ряда: они представляют собой смесь марксистской ортодоксии и функционализма, что порождает ряд нюансов в интерпретации нацистского феномена. Ср., например, его статью Kurt Pätzold, "Von der Vertreibung zum Genozid. Zu den Ursachen, Triebkräften und Bedingungen der

факт, что уничтожение европейского еврейства лишало немецкую военную промышленность и хозяйство весьма значительной рабочей силы, а на территории Восточной Европы – жизненно необходимых предприятиям квалифицированных работников²⁹. «Окончательное решение» нанесло немецкой военной экономике серьезный ущерб, который был лишь частично компенсирован эксплуатацией рабского труда евреев и конфискацией еврейской собственности³⁰.

Другой марксистский подход изображает преследование евреев как способ, с помощью которого нацисты – то есть немецкий капитал – стремились отвлечь внимание масс от отсутствия сколь-либо значительных социальных изменений и от эндемического кризиса системы. Другими словами, антисемитизм, подобно внешней агрессии, играл чисто инструментальную роль. Однако и в этом случае марксистский тезис противоречит очевидным фактам. Сегодня уже хорошо известно, что нацистский режим привел к гораздо более серьезным социальным переменам, чем принято было считать в первые послевоенные годы³¹. Мы также знаем (и ниже покажем в подробностях), что общественное мнение принимало преследования евреев без особого энтузиазма³². Наконец, нет никакого сомнения, что завершающая фаза этой политики – уничтожение евреев – не была рассчитана на отвлечение чьего-либо внимания, поскольку ее держали в строгой тайне³³.

antijüdischen Politik des faschistischen deutschen Imperialismus" // Dietrich Eichholtz und Kurt Gossweiler (Hg.), *Faschismus – Forschung: Positionen, Probleme, Polemik* (Berlin: Akademie-Verlag, 1980), S. 180ff. См. также Kurt Pätzold, *Faschismus, Rassenwahn, Judenverfolgung: Eine Studie zur politischen Strategie und Taktik des faschistischen deutschen Imperialismus 1933–1945* (Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975).

²⁹ Документы, свидетельствующие о безуспешных попытках вермахта – а на некотором этапе даже Главного хозяйственного управления СС (*SS Wirtschaftsverwaltungshauptamt*) – сохранить жизнь квалифицированным еврейским работникам, многочисленны и хорошо известны историкам. См., например, Enno Georg, *Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS* (Stuttgart: Deutsche Verlag, 1963), S. 58, 61, 93–97. Во всех этих случаях приказы об уничтожении, поступавшие из РСХА или лично от Гиммлера, были выполнены.

³⁰ Hilberg, *The Destruction*, p. 645.

³¹ Ср. David Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution. Class and Status in Nazi Germany 1933–1939* (Garden City, NY: Doubleday, 1966).

³² Ср. с. 60–61 ниже.

³³ Эти классические марксистские концепции встречаются в нескольких вариантах. Некоторые историки, например Т.У. Мэсон, косвенно используют аргумент об авто-

Третий способ глобальной интерпретации нацизма основан на теории тоталитаризма. В сущности, понятия «фашизм» и «тоталитаризм» не противоречат друг другу. Итальянский фашизм, например, с самого начала объявил себя «тоталитарным». Вместе с тем современный анализ нацизма склонен рассматривать фашизм и тоталитаризм как противоположные системы политических установок. На наш взгляд, фашизм отводит центральную роль идеологии (антимарксизму и антилиберализму), тоталитаризм же ставит на первое место средства контроля и господства как таковые. При этом противоположные идеологические системы выглядят скорее сходными, чем противоположными (сталинская Россия и нацистская Германия)³⁴.

На первый взгляд концепция тоталитаризма предлагает более удачное всеобъемлющее объяснение нацистской политики по отношению к евреям, чем, например, концепция фашизма; однако и здесь возникают трудности. Интерпретация антисемитизма нацистов в рамках концепции тоталитаризма вращается, как правило, вокруг двух основных мотивов. Первый касается природы тоталитарной системы: основанная не на идеологическом фундаменте, но на стремлении к тотальному господству над индивидуумами и группами, именно этим стремлением она руководствуется, выбирая свои жертвы и угнетая их. Ради сохранения контроля хладнокровно принимается решение об истреблении той или иной группы. Враг, которого следует уничтожить, становится функциональным элементом в системе тотального господства: чтобы терроризировать население в целом или мобилизовать его

номии политической сферы (а значит, автономии ее действий, в том числе по отношению к евреям). Другие исследователи, в частности Рейнхард Кюньль (Reinhard Kühnl), объясняют нацистский антисемитизм при помощи синтеза марксистской теории и психоанализа, и т. д. Хороший обзор некоторых таких концепций содержится в работах Pierre Auzoberry, *La Question Nazie. Essai sur les interprétations du National-Socialisme 1922–1975* (Paris: Éditions du Seuil, 1979), pp. 93ff, 233ff; Klaus Hildebrand, *Das Dritte Reich* (München: Oldenbourg, 1979), S. 134ff. Относительно позиции Мэсона см. его статью T. W. Mason, "The Primacy of Politics – Politics and Economics in National-Socialist Germany" // S.E. Woolf (ed.), *The Nature of Fascism* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1968), p. 192. Подход Кюньля разъясняется в его работе Reinhard Kühnl, "Probleme einer Theorie über den deutschen Faschismus" // *Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte*, Bd. III (Tel Aviv, 1974), S. 322ff.

³⁴ С начала 60-х годов само понятие тоталитаризма и особенно правомочность применения этого понятия к нацистской системе подвергаются серьезной критике. См., например, Robert F. Koehl, "Feudal Aspects of National-Socialism" // *American Political Science Review*, vol. LIV (Dec. 1960), p. 921ff; Wolfgang Sauer, "National Socialism", pp. 406–407.

энергию, на роль врага может быть выбрана более или менее произвольным образом любая группа³⁵.

Второй мотив затрагивает роль бюрократии в переходе к геноциду. Бюрократическая машина – наиболее эффективный инструмент тоталитарной власти и террора. Бюрократия состоит из заурядных чиновников, чья единственная амбиция заключается в желании делать свою работу с максимальной эффективностью. Будучи приведена в действие, бюрократия легко может перейти от простейших мер по идентификации граждан к тотальному истреблению целых групп населения³⁶. Многочисленные исследования подтверждают ведущую роль немецкой бюрократии в преследованиях и истреблении евреев – например, классический труд Рауля Хилберга, эссе Ханны Арендт об Адольфе Эйхмане, работа Г.-Г. Адлера о депортации евреев из Германии, исследование Кристофера Браунинга о роли Министерства иностранных дел Германии в процессе уничтожения и сборник законов и актов нацистского режима, так или иначе связанных с евреями, составленный Йозефом Вальком³⁷.

Вместе с тем «тоталитаристская» интерпретация антиеврейской политики нацистов тоже сталкивается с серьезными проблемами, упуская из виду прежде всего центральное место, которое антиеврейская идеология занимала в мировоззрении партийных лидеров, и нефункциональный характер этого врага в нацистской системе.

Нет нужды напоминать, сколь глубоким и страстным был антисемитизм Гитлера и сколь существенную роль играла нена-

³⁵ Произвольный выбор врага, которым запугивают население, считается одной из фундаментальных характеристик тоталитарной системы. Ср. Carl Joachim Friedrich, Zbigniew Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956), p. 10.

³⁶ К этому сводится основной тезис Рауля Хилберга в его книге «Уничтожение евреев Европы» (*The Destruction of the European Jews*).

³⁷ Hilberg, *The Destruction*; Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (New York: Viking Press, 1963); H.-G. Adler, *Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland* (Tübingen: J.C.B. Mohr, 1974); Christopher R. Browning, *The Final Solution and the German Foreign Office* (New York: Holmes & Meier, 1978); Joseph Walk (Hg.), *Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat. Eine Sammlung der gesetzlichen Maßnahmen und Richtlinien – Inhalt und Bedeutung* (Heidelberg: C.F. Müller, 1981). Только на территории Рейха было издано более 2 000 распоряжений и указов, касавшихся евреев. Последний (насколько нам известно) такой указ, датированный 16 февраля 1945 года, гласит: «Когда не представляется возможным переслать документы, касающиеся антиеврейских мер, следует уничтожить их, чтобы они не попали в руки врага» (*Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat*, S. 406).

висть к евреям в его мировоззрении³⁸. Так же обстояло дело с Геббельсом и Гиммлером³⁹, да и с другими членами нацистской элиты. Карл-Дитрих Брахер, сам сторонник «тоталитаристской» интерпретации нацизма, писал: «Теория и методы массового уничтожения показали, что расистская идеология национал-социализма является самоцелью»⁴⁰. Но в таком случае интерпретация нацистских преследований евреев в рамках теории тоталитаризма весьма проблематична. Классическая теория тоталитаризма, сформулированная Ханной Арендт в начале 50-х годов, подразумевает, что идеологическая пустота возрастает от периферии к центру системы. Теория предполагает, что вождь тоталитарного режима сам не верит в провозглашаемые лозунги и лишь пользуется ими для мобилизации масс – или, в лучшем случае, рядовых членов тоталитарной партии – и контроля над ними⁴¹. Роль антисемитской идеологии в нацистской системе не соответствует этой модели. Более того, если Гитлер и другие лидеры партии придавали антисемитской идеологии такое значение, то объяснение преследований и уничтожения евреев следует искать вне связи с составными элементами тоталитарной системы. Другими словами, тоталитарный режим является средством уничтожения, но не главной его причиной.

Кроме того, центральное место и самоценность антиеврейской идеологии в нацистской системе означают, что «враг» не был функциональным элементом⁴² и не мог быть произвольно заменен какой-либо другой жертвой. Еврейский враг неизменно оставался главной целью, подлежащей уничтожению в полной секретности; священным объектом ненависти, а не инструментом для осуществления какого-либо иного замысла.

³⁸ Об определяющей значимости антисемитизма в мировоззрении Гитлера см. Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung* (Tübingen: R. Wunderlich, 1969). См. также Andreas Hillgruber, "Die 'Endlösung' und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms des Nationalsozialismus" // Andreas Hillgruber, *Deutsche Großmacht und Weltpolitik im 19 und 20 Jahrhundert* (Düsseldorf: Droste, 1977), S. 252ff.

³⁹ О Гиммлере см. Josef Ackermann, *Heinrich Himmler als Ideologe* (Göttingen: Musterschmidt, 1970).

⁴⁰ Karl Dietrich Bracher, *Die deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus* (Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1970), S. 464.

⁴¹ См. Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken Books, 1958).

⁴² Мы подробнее обсудим эту проблему на с. 58 ниже.

Рассмотрев различные подходы, мы убедились, что все глобальные интерпретации нацизма сталкиваются с серьезными проблемами, пытаясь объяснить нацистский антисемитизм и нацистскую политику по отношению к евреям. В сущности, нацистский антисемитизм и политика нацистов по отношению к евреям вызывают серьезные сомнения в справедливости основных глобальных интерпретаций нацизма.

II. Нацистская политика: альтернативные подходы

Большинство историков, однако, занимаются не столько всеобъемлющими интерпретациями нацизма, сколько интерпретацией конкретных фактов (в их непосредственном контексте), принимаемых решений (в их взаимной связи) и политики (в рамках ее внутренней логики). С конца 60-х годов XX века такого рода историография национал-социализма – прежде всего в ФРГ, но и в других западных странах тоже – обычно следовала одному из двух противоположных подходов: «интенционалистскому» или «функционалистскому»⁴³.

С точки зрения интенционалистов, существует прямая связь между идеологией, составлением планов и принятием политических решений в Третьем рейхе. При этом центральная роль верховного вождя, Адольфа Гитлера, настолько очевидна, что Клаус Хильдебранд полагает, что «следует говорить не о национал-социализме, а о гитлеризме»⁴⁴.

⁴³ В ранней версии настоящей статьи я делил историков на тех, кто подчеркивает последовательность нацистской политики, и тех, кто подчеркивает ее непоследовательность: первые могут считаться интенционалистами, а вторые – функционалистами. Ср. Saul Friedländer, "De l'antisémitisme à l'extermination". Сегодня в ходу более точные определения. Хотя альтернативные концепции разрабатывались еще в 60-е годы, эти понятия впервые были употреблены в интересующем нас контексте британским историком Т.У. Мэсоном. Ср. T. W. Mason, "Intention and Explanation: A Current Controversy about the Interpretation of National-Socialism" // Gerard Hirschfeld, Lothar Kettenacker (Hg.), *Der "Führerstaat", Mythos und Realität* (Stuttgart: Klett-Cotta, 1981), S. 23–41.

⁴⁴ Цит. по статье Mason, "Intention and Explanation", p. 29 (в тексте статьи отсутствует точная ссылка на эти слова Хильдебранда). Ту же самую позицию см. в статье Klaus Hildebrand, "Monokratie oder Polykratie? Hitlers Herrschaft und das Dritte Reich" // *Der "Führerstaat"*, S. 73ff.; и см. особенно Karl Dietrich Bracher, *Zeitgeschichtliche Kontroversen um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie* (München: Piper, 1976), S. 85.

Функционалисты, с другой стороны, указывают на отсутствие неперенной связи между идеологическими убеждениями и политическими инициативами нацистов. По их мнению, принимаемые решения функционально связаны друг с другом и с определенным политическим контекстом, а роль верховного лидера в принятии решений может быть ограничена постоянным взаимодействием различных полуавтономных государственных структур (причем иногда решения лидера принимаются задним числом)⁴⁵. Таким образом, перед нами две концепции нацистской системы: в одной каждое важное решение зависит от воли Адольфа Гитлера, в другой же речь идет о более или менее анархической поликратии.

Полярность двух этих школ особенно ярко проявилась в их интерпретации нацистской политики по отношению к евреям. С точки зрения интенционалистов, существует преемственность между идеологией нацистской партии в 20-е годы и окончательным уничтожением. Так, Эрнст Нольте постоянно подчеркивает эту прямую связь в «Трех ликах фашизма», указывая, что гитлеровская идеология видела в евреях основных носителей большевизма и агентов темных сил, враждебных самой природе, и поэтому считала необходимым уничтожить их ради спасения человечества⁴⁶. В своей работе о мировоззрении (*Weltanschauung*) Гитлера Эберхард Еккель показывает, как уничтожение евреев логически вытекает из нацистской идеологии:

⁴⁵ Некоторые из этих положений уже были в той или иной форме отмечены историками независимо от систематического развития функционалистской школы в Западной Германии. Наиболее известные примеры можно найти в A.J.P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (London: H. Hamilton, 1961); см. также Edward N. Peterson, *The Limits of Hitler's Power* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969) или работу Хейнца Хёне о внутренней борьбе в аппарате СС: Heinz Höhne, *Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte des SS* (Gütersloh: S. Mohn, 1967). В Германии полемика на эту тему началась после выхода в свет книги Фрица Тобиаса о пожаре Рейхстага (Fritz Tobias, *Der Reichstagsbrand, Legende und Wirklichkeit* [Rastatt: Grote, 1962]) – с публикации «функционалистской» рецензии Ганса Моммзена (Hans Mommsen, "Der Reichstagsbrand und seine Folgen" // *VfZ*, Bd. 12, № 3 [1964], S. 351ff). Функционалистский подход по определению подразумевает, что нацистская система была поликратической, то есть что власть в нацистской Германии не была полностью сосредоточена в руках верховного вождя. Классическое описание нацистского режима как «поликратии» или «анархического авторитаризма» см. в книге Martin Broszat, *Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung* (München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1969).

⁴⁶ Согласно Э. Нольте, «Аушвиц был столь же естественно заложен в расистской доктрине нацистов, как плод бывает заложен в семени» (Nolte, *Three Faces of Fascism*, p. 400).

Трудно сказать, можно ли найти связь между использованием отравляющих газов во время Первой мировой войны и газовыми камерами времен Второй мировой, однако нет ни малейшего сомнения, что гитлеровский антисемитизм, – в той форме, в какой он представлен в «Майн кампф», – несет на себе отпечаток войны. Он родился в годы войны, он требовал военных методов и лишь в ходе войны мог быть реализован. Поэтому мне представляется вполне логичным, что кровавый апофеоз этого антисемитизма состоялся в годы следующей войны, которая каким-то образом была предугадана⁴⁷.

В сочинениях некоторых авторов прямая связь между исходной идеологией и конечной политикой утверждается еще более явственно. Джералд Флеминг в своей недавней работе «Гитлер и “окончательное решение”» непосредственно связывает фразы, приписанные юному Гитлеру его товарищем Августом Кубицекком, с приказами об уничтожении, отданными во время Второй мировой войны. Флеминг пишет:

Ученик реального училища в Линце Адольф Гитлер, проходя с другом своей юности Августом Кубицекком мимо маленькой синагоги на Бетлехемштрассе, сказал: «Такому не место в Линце», – и от этих слов пролегает прямой путь к заявлению, сделанному фюрером 21 октября 1941 года: «...Если мы уничтожим эту заразу, мы сделаем во имя человечества нечто такое, что наши люди сегодня просто не в силах осознать...» От антисемитизма Гитлера в его линцских формулировках в 1904–1907 годах пролегает прямой путь к первым массовым казням немецких евреев в IX форте под Каунасом 25 и 29 ноября или в 8:15 утра 30 ноября 1941 года в лесу Румбула под Ригой...⁴⁸

Даже непреклонные интенционалисты редко признают существование столь безусловной прямой связи. Но даже если ранний антисемитизм Гитлера отделен от его последующей политики по отношению к евреям многочисленными промежуточными этапами, идея Флеминга весьма полезна в одном важном аспекте. Она напоминает нам об исключительной силе гитлеровского антисемитизма, о его ранних корнях и навязчивом характере.

⁴⁷ Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, 2te Ausgabe (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1981), S. 71–72.

⁴⁸ Gerald L. Fleming, *Hitler und die Endlösung: “Es ist des Führers Wunsch ...”* (Wiesbaden: Limes Verlag, 1982), S. 13–14.

Любая попытка отрицать существенное влияние, оказанное его мировоззрением на политику уничтожения, потребует не менее сложных и пространных объяснений, чем попытка представить его взгляды главной причиной случившегося.

В подтверждение своей концепции интенционалисты ссылаются на быструю смену фаз в антиеврейской политике нацистов (заметная во всех областях, она особенно бросается в глаза во внешней политике):

Национал-социалистическая программа призвала лишить евреев политических прав, и антисемитские акции являлись неотъемлемой частью ранней истории нацизма. Придя к власти, нацисты приступили к организации систематических преследований евреев. Никакие тактические соображения не могли повлиять на решения о бойкоте евреев, об их исключении из общественной жизни, о принятии специальных антиеврейских законов и наконец о физическом уничтожении⁴⁹.

Признавая преемственность между мировоззрением Гитлера и его политикой и указывая на быструю смену фаз этой политики, интенционалисты иногда полагают, что имело место и техническое планирование «окончательного решения». Скажем, программа эвтаназии, запущенная в начале войны, с их точки зрения могла представлять собой техническую подготовку. Так или иначе, убийство небольших групп людей при помощи газа неминуемо вело к использованию газа для массового уничтожения: «Метод, впоследствии использованный для массового уничтожения евреев при помощи газа, был впервые опробован в самом начале 1940 года для убийства пациентов психиатрических учреждений в рамках так называемой “Акции T4”»⁵⁰.

⁴⁹ Karl Dietrich Bracher, *Die deutsche Diktatur*, S. 252. Далее в том же сочинении (S. 399–401) Брахер излагает свой тезис о планировании и развитии политики уничтожения более подробно и убедительно. Рауль Хилберг выделяет последовательные этапы нацистской политики: определение еврейства, экспроприация, концентрация, уничтожение.

⁵⁰ Ino Arndt, Wolfgang Scheffler, “Organisierter Massenmord an Juden in nationalsozialistischen Vernichtungslagern” // *VfZ*, № 2 (1976), S. 112. В этом контексте следует отметить, что евреи – пациенты психиатрических учреждений были выделены в особую категорию и подлежали уничтожению независимо от стадии заболевания. Ср. Eugen Kogon et al. (Hg.), *Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas* (Frankfurt a/M: S. Fischer, 1983), S. 53. Значимость подобного решения не следует недооценивать. Даже если трудно согласиться, что убийства в рамках программы эвтаназии

Главный вопрос, в котором интенционалисты и функционалисты не могут прийти к согласию, – это вопрос о приказе приступить к уничтожению. Интенционалисты, веря в существование предварительного плана, полагают, что Гитлер тем или иным образом отдал такой приказ весной или в начале лета 1941 года. С точки зрения функционалистов, такой приказ мог быть отдан гораздо позже, а скорее всего, не был отдан вообще.

В качестве примера позиции интенционалистов относительно приказа Гитлера рассмотрим следующее утверждение Хельмута Краузника:

Не вызывает сомнения, что по мере того как вызревал гитлеровский план сокрушить Россию, последнего потенциального противника на европейском континенте, Гитлер все более становился одержим идеей, которой (под именем «окончательного решения») долго тешился, – уничтожить евреев на подвластных ему территориях. Скорее всего, секретный приказ о ликвидации евреев, который никогда не существовал в письменном виде, но несколько раз упоминался устно, был отдан им не позднее марта 1941 года, когда он открыто потребовал расстреливать политических комиссаров Красной армии...⁵¹

Вероятность того, что подобный приказ был действительно отдан весной 1941 года, кажется еще выше в свете некоторых дополнительных обстоятельств. Именно в это время эйнзацгруппы получили приказ об уничтожении евреев на оккупированной советской территории, а «определенное окончательное решение еврейской проблемы» было упомянуто в циркуляре Главного управления имперской безопасности, который положил конец еврейской эмиграции из Франции и Бельгии⁵². С другой сторо-

представляли собой техническую подготовку к уничтожению евреев, очевидно, что убийство небольших групп советских военнопленных в Аушвице осенью 1941 года было испытанием различных техник умерщвления газом в преддверии «окончательного решения». Об убийстве советских военнопленных с помощью газа см. Christian F. Streit, *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978), S. 397, N. 32. См. также сс. 68–69.

⁵¹ Helmut Krausnick et al., *Anatomy of the SS State* (London: Collins, 1968), p. 60.

⁵² *Ibid.*, pp. 60, 67. Недавние исследования выявили некоторые противоречия в приказах об уничтожении советских евреев, отданных командирам эйнзацгрупп: противоречия касаются и природы этих приказов, и времени и места их появления. Однако анализ этих материалов в целом по-прежнему позволяет считать, что устное распоряжение о массовом уничтожении советских евреев, вероятно, было сделано накануне операции «Барбаросса» или сразу после ее начала. См. Helmut Krausnick,

ны, этот приказ мог быть отдан в начале лета 1941 года, вскоре после нападения на Россию, когда Геринг наказывал Гейдриху подготовиться к «полному решению еврейской проблемы на всех контролируемых Германией территориях»⁵³.

Ни один историк сегодня не думает, что этот приказ был отдан в письменном виде. В устной форме он мог быть распоряжением, переданным Герингу или Гиммлеру, или, скорее, прозрачным намеком, понятным всем. Неважно: по мнению историков-интенционалистов, чтобы привести в действие «окончательное решение», сигнал такого рода должен был исходить непосредственно от Гитлера.

С точки зрения функционалистов, основные положения интенционалистского подхода сомнительны. Здесь следует прежде всего отметить общее для всех функционалистских интерпретаций убеждение в хаотичном (в значительной степени) характере нацистской системы, где важнейшие решения часто являлись результатом разнонаправленных давлений и где отсутствовали единое централизованное планирование, прогнозирование и четкие приказы сверху, которые определяли бы цели и средства определенной политики.

Функционалисты не отрицают существования антисемитской идеологии, однако полагают, что с конкретной политикой она может быть связана только косвенно. Мартин Брошат, например, видел в нацистском антисемитизме средство мобилизации, символ борьбы, а не движущую силу. Антисемитизм, по его мнению, действительно привел к «окончательному решению», но в известном смысле случайно – потому что столь часто повторяемые лозунги в конечном итоге не могли не осуществиться.

Стереотипные негативные цели с самого начала были единственным конкретным элементом, в котором нацистский «экстремизм среднего класса» мог обрести объединяющее начало и который создавал иллюзию общины действия...⁵⁴ Селекция негативных идеологических целей на этапе захвата

Hans-Heinrich Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei des SD 1938–1942* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1981), S. 162, 539 и особенно 627.

⁵³ Hilberg, *The Destruction*, p. 262.

⁵⁴ Martin Broszat, "Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus" // *VfZ*, Bd. 18, № 4 (1970), S. 403.

власти и в ходе позднейшего развития Третьего рейха... одновременно означала растущую радикализацию, дальнейшее оттачивание бесчеловечности и травли и обретение ими характера официальной политики... Однако процесс дискриминации не мог длиться бесконечно, и «движение» в конце концов должно было привести к «окончательному решению»... Фразеология в конце концов поймала на слове саму себя, – и тому, что было, объективно говоря, лишь идеологическим инструментом, призывом к боевой готовности, тому, что имело смысл лишь в рамках веры в будущее, пришлось осуществиться в действительности... Тайное уничтожение евреев, с помощью которого антисемитизм как пропагандистский инструмент был доведен до своего логического конца, выражало болезненную неспособность отличить боевой вымпел от конечной цели...⁵⁵

Если в представлении Брошата идеология косвенным образом привела к «окончательному решению» из-за неспособности провести границу между мобилизующим символом и конкретной целью, то с точки зрения Ганса Моммзена связь между идеологией и политикой выглядит еще слабее:

В наши дни в исследованиях по-прежнему господствует концепция, утверждающая, что Гитлер с самого начала придавал конкретный смысл уничтожению евреев и считал его своей окончательной целью. Тщательно собранные высказывания будущего диктатора по данному вопросу не подтверждают это однозначное мнение...⁵⁶

По мнению Моммзена, высказывания Гитлера ничем не отличались от высказываний антисемитов-радикалов второй половины XIX века, а действия его на протяжении 20-х годов даже демонстрируют определенную сдержанность⁵⁷. Моммзен не отрицает, что Гитлер испытывал ненависть к евреям, но не соглашается видеть в этой ненависти единственный источник предпринимаемых им политических мер. Он полагает, что на практике «всякий раз, когда он [Гитлер] сталкивался с конкретными альтернативами, он, как правило, не пользовался экстремистскими

⁵⁵ Ibid., S. 405, 408.

⁵⁶ Hans Mommsen, "Die Realisierung des Utopischen: Die 'Endlösung der Judenfrage' im 'Dritten Reich'" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 9, № 3 (1983), S. 38

⁵⁷ Ibid.

методами, но выбирал менее радикальное решение»⁵⁸. Ниже мы еще вернемся к этим положениям. Сейчас же взвесим некоторые аспекты функционалистской интерпретации антиеврейской политики Третьего рейха.

Приведем слова Карла Шлэйнеса:

*На протяжении первых лет Третьего рейха никто в нацистском движении, включая и самого фюрера, не определил, каким может быть решение еврейской проблемы... Антисемитские основы национал-социализма лишь в самом общем плане могут объяснить характер, который в конечном итоге приняла многогранная еврейская политика режима*⁵⁹.

Уве Дитрих Адам досконально изучил антиеврейские меры 30-х годов. По его утверждению, они обрели отчетливую направленность только в 1938 году, когда осуществлением этих мер впервые занялись СС, начавшие политику принудительной эмиграции. Адам приходит к следующему выводу:

*Невозможно говорить о координированной и планомерной политике по отношению к евреям... никогда не существовало какого-либо глобального плана, определявшего природу, содержание и масштабы гонений на евреев; вполне возможно даже, что массовое уничтожение евреев не было той целью, которую Гитлер изначально ставил и которую старался осуществить*⁶⁰.

Моммзен в качестве примера полного отсутствия планомерной антиеврейской политики в 30-е годы приводит Нюрнбергские законы 1935 года. Согласно Моммзену, на партийном съезде, который открылся 10 сентября, Гитлер собирался выступить с заявлением по поводу войны в Абиссинии. Он отказался от этой идеи 13 сентября по просьбе министра иностранных дел фон Нейрата и лишь тогда, за два дня до заключительной сессии съезда, приказал спешно подготовить расовые законы⁶¹.

⁵⁸ Ibid., S. 387.

⁵⁹ Karl A. Schleunes, *The Twisted Road to Auschwitz: Nazi Policy towards the German Jews 1933–1939* (Urbana: University of Illinois Press, 1970), p. 257.

⁶⁰ Uwe Dietrich Adam, *Judenpolitik im Dritten Reich* (Düsseldorf: Droste, 1972), S. 357.

⁶¹ Mommsen, "Die Realisierung...", S. 387. Ниже мы вернемся к этому примеру (и предположим, что события происходили в несколько ином порядке).

Перейдем к решающим событиям 1941 года. Здесь функционалистская интерпретация диаметрально противоположна интенционалистской. С точки зрения Адама, уничтожение евреев на оккупированной советской территории могло происходить и вне рамок глобального плана уничтожения. Лишь между сентябрем и декабрем 1941 года, под воздействием ситуации, сложившейся с началом депортации евреев Рейха в гетто на востоке и с замедлением немецкого наступления в России, Гитлер решил заменить «территориальное решение еврейской проблемы» тотальным уничтожением⁶².

Брошат согласен с общей картиной событий 1941 года, которую рисует Адам, однако он на этом не останавливается. Если Адам полагает, что в определенный момент осенью 1941 года Гитлер отдал приказ о полном уничтожении евреев Европы, то Брошат считает, что подобного приказа не существовало. С его точки зрения, «окончательное решение» было следствием серии местных инициатив, обусловленных местными же нуждами (например, критической ситуацией, сложившейся в различных гетто). Лишь постепенно разрозненные события слились в единый процесс.

Нам представляется, таким образом, что ликвидация евреев началась не только вследствие очевидного желания уничтожить их, но и как выход из того тупика, в который нацисты сами себя загнали. Однажды начатая, практика уничтожения со временем стала играть все более заметную роль и в конечном итоге превратилась во всеобъемлющую «программу».

Справедливость этой интерпретации не может быть безоговорочно подтверждена, однако в свете обстоятельств, которые мы не можем обсудить здесь в деталях, она выглядит более убедительной, чем предположение о существовании летом 1941 года секретного приказа, предписывавшего полное уничтожение евреев.

В примечании к приведенному выше отрывку Брошат добавляет: «Мне представляется, что общего приказа об уничтожении

⁶² Adam, *Judenpolitik*, S. 303–313. Адам резюмирует свою позицию по этому вопросу в статье Uwe Dietrich Adam, “Der Aspekt der ‘Planung’ in der NS-Judenpolitik” // Thomas Klein, Volker Losemann, Günther Mai (Hg.), *Judentum und Antisemitismus von der Antike bis zur Gegenwart* (Düsseldorf: Droste, 1984), S. 161ff.

евреев не существовало и что программа уничтожения складывалась из отдельных действий и лишь весной 1942 года, после строительства лагерей уничтожения в Польше, постепенно приобрела характер официальной политики»⁶³.

Брошат не отрицает приверженности Гитлера антиеврейской идеологии, однако, как мы видели выше, подвергает сомнению прямую связь между этой идеологией и проводившейся политикой. Моммзен изображает идеологию и динамику уничтожения еще более независимыми друг от друга. Динамику уничтожения гораздо лучше объясняет упомянутый выше процесс «кумулятивной радикализации», движимый постоянной конкуренцией между различными нацистскими ведомствами и борьбой за власть внутри системы:

...Для предотвращения попадания еврейского имущества в руки расторопных гаулейтеров и их помощников в ходе «дикой» ариизации, как это случилось после ноябрьского погрома... Геринг отдал распоряжение о государственной ариизации; государственные учреждения начали спешно готовить соответствующие законы, — чтобы удержать хотя бы частичный контроль над процессом. Невозможная ситуация, возникшая после лишения евреев социального статуса и имущества, заставила отдельных гаулейтеров прибегнуть к депортациям, не задумываясь о последствиях такого шага. Соответствующие государственные органы отчаянно сопротивлялись подобным действиям. Следствием борьбы стала, однако, не замена депортаций более приемлемыми с политической точки зрения действиями, но, наоборот, систематическое массовое убийство евреев, которое вначале никто не считал возможным. Это решение было наиболее радикальным и к тому же совпадало с желаниями Гитлера»⁶⁴.

⁶³ Martin Broszat, "Hitler und die Genesis der 'Endlösung': Aus Anlaß der Thesen von David Irving" // VfZ, Bd. 25, № 4 (1977), S. 752–753. Перевод на русский язык следует английской версии этой статьи, опубликованной в сборнике *Yad Vashem Studies* (vol. XIII [1979], p. 93). Хорошо обоснованные возражения против некоторых положений Брошата приведены в статье Браунинга: Christopher R. Browning, "Zur Genesis der Endlösung: Eine Antwort an Martin Broszat" // VfZ, Bd. 29, № 1 (1981), S. 99–109. Ниже мы рассмотрим главные аргументы Брошата и ответ на них, предложенный Браунингом. В своей недавней статье "Die Realisierung..." (S. 395) Ганс Моммзен приходит к тому же выводу, что и Брошат: приказа Гитлера об уничтожении евреев Европы не существовало.

⁶⁴ Hans Mommsen, "National-Socialism: Continuity and Change" // Walter Laqueur (ed.), *Fascism: A Reader's Guide*, p. 179. Ранее тот же самый тезис Моммзен выдвинул в своей статье "Der Nationalsozialistische Polizeistaat und die Judenverfolgung vor 1938" // VfZ, Bd. 10, № 1 [1962], S. 76; недавно он заново изложил эту позицию ("Die Realisierung...", S. 389–390).

В интерпретации Моммзена роль Гитлера в реализации антиеврейской политики и «окончательного решения» сведена к минимуму.

*Гитлер почти не занимался конкретным осуществлением антисемитской программы; его периодическое вмешательство не свидетельствовало о его приверженности какой-либо практической концепции в этой сфере и сводилось обычно к ужесточению репрессий. Пропагандистский аспект он, как всегда, ставил превыше всего...*⁶⁵

Даже состоявшуюся в январе 1942 года Ваннзейскую конференцию, на которой, как принято считать, были разработаны главные оперативные директивы массового уничтожения европейского еврейства, Моммзен не относит безоговорочно к процессу планирования «окончательного решения»⁶⁶.

III. Некоторые замечания

Соблазнительно попытаться достичь синтеза интенционалистской и функционалистской позиций⁶⁷. Функционализм подчеркивает не столько решающее влияние лидера, сколько внутрисистемную динамику и во многом лучше согласуется с господствующими в современной историографии тенденциями⁶⁸. Он

⁶⁵ Mommsen, "Die Realisierung...", S. 390. Автор считает, что в январе 1939 года заявления Гитлера об уничтожении евреев Европы в случае начала войны оставались сугубо риторическими. Даже в дискуссиях Гитлера с румынским маршалом Антонеску и с венгерским регентом Хорти в апреле 1943 года, в которых прямо упоминается ликвидация евреев, он видит почти исключительно риторику (S. 390, 393).

⁶⁶ Mommsen, "Die Realisierung...", S. 412. В личном письме к автору настоящей статьи Ганс Моммзен доказывал, что Гейдрих намеренно культивировал подобную расплывчатость, чтобы оставить участников совещания в сомнениях относительно плана и таким образом свести к минимуму возможную оппозицию. Я полагаю, что никакой неясности не было там и в помине, что участники конференции отлично понимали, о чем идет речь, и что процесс уничтожения был достаточно ясен всем, кого это касалось и кто мог бы захотеть или посметь выразить протест. Более того, даже осознание небольшой части общей картины могло бы вызвать протест; сотни тысяч людей знали о тех или иных элементах процесса уничтожения – и все же никто не выступил против... См. также прим. 113.

⁶⁷ Я использовал этот подход в своей статье "De l'antisémitisme à l'extermination" (р. 148); в этом моя позиция близка к концепции Краузника и Вильгельма (Krausnick, Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 634).

⁶⁸ Обсуждение различий между социально-структурной историографией и более традиционной «нарративной» выходит за рамки настоящей дискуссии. Различия

предлагает более «нормальный», легче поддающийся объяснению образ нацизма: любая группа способна шаг за шагом, неосознанно прийти до совершения самых ужасных преступлений. Функционализм не только развивает социологические теории поликратии и административного хаоса, но и неявным образом возвращает нас к тезису Ханны Арендт о «банальности зла». Функционалисты утверждают, и вполне справедливо, что их концепция предполагает гораздо более широкую ответственность за совершенные преступления, чем концепция их оппонентов, которые видят в Гитлере главную движущую силу и верховный авторитет⁶⁹. С другой стороны, интенционалистская позиция настаивает на существовании ключевого элемента: предумышленности. Планирование и предумышленность на самом верху непременно ведут к планированию и предумышленности на различных уровнях иерархии; поэтому нет сомнений, что действующие лица вполне осознавали происходящее – осознавали не менее ясно, чем это предполагает функционалистская интерпретация.

В сфере конкретных исторических исследований функционализм, вне всякого сомнения, во многом помог нам понять хаотическую природу нацистской системы и сложной игры, в ходе которой принимались в этой системе различные решения. Однако, как уже неоднократно указывалось, пытаясь исправить изъяны прошлых – может быть, чрезмерно упрощенных – интерпрета-

между этими подходами подробно рассмотрены в работе Т.У. Мэсона (ср. Mason, "Intention and Explanation"), а также, например, в статье Вольфганга Ю. Моммзена (Wolfgang J. Mommsen, "Gegenwärtige Tendenzen in der Geschichtsschreibung der Bundesrepublik" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. XXX, № 2 [1981], S. 161ff). На практике, однако, эта дихотомия обманчива, так как интенционалистская позиция может быть встроена в концептуальные рамки «политической религии»; при этом требуется гораздо более тонкий и сложный структурный анализ, чем может предложить распространенный социально-структурный подход. См. также сс. 75-76 ниже.

⁶⁹ Этот же аргумент использует Дэвид Ирвинг. Подобно функционалистам, он тоже говорит о «слабом диктаторе» и в целом пользуется (и злоупотребляет) важнейшими положениями функционалистской концепции для подтверждения своей собственной идеи о невмешательстве Гитлера в «окончательное решение». «Мой анализ этой спорной темы [уничтожения евреев. – Ш.Ф.] выдвигает на первый план два общих положения. Во-первых, в военное время диктаторы страдают фундаментальной слабостью: диктатор, сколь бы бдителен он ни был, не способен контролировать работу всех своих исполнителей, действующих на просторах огромной империи. Во-вторых, в данном случае бремя вины за кровавую и бессмысленную бойню евреев лежит на огромном числе немцев, многие из которых сегодня еще живы, а не только на "сумасшедшем диктаторе", приказам которого все беспрекословно повиновались», – см. David Irving, *Hitler's War* (London: Hodder & Stoughton, 1977), p. XIII.

ций, функционалисты ударились в противоположную крайность. Подчеркивая автономный характер процессов, они едва ли не полностью игнорируют роль Гитлера в случившемся⁷⁰. Некоторые утверждения функционалистов подкреплены неоспоримым доводом: ведь даже в самой монолитной системе на принятие решений влияют различные внешние и внутренние факторы, ведь осуществление любой политики всегда сопровождается первоначальными неудачами, колебаниями, корректировкой тактики и т. д. Это становится совершенно очевидным, если признать, что нацистскому режиму отнюдь не была свойственна монолитная внутренняя структура. Более того, как показал Ганс-Генрих Вильгельм, приказы фюрера исполнялись не без колебаний, да и сам Гитлер, хотя и придерживался выбранного курса, продолжал вполне открыто рассуждать о возможных альтернативных способах достижения поставленной цели⁷¹. Потому и возникает иллюзия импровизации и непреднамеренности, на представлении о которых зиждется функционалистский подход.

И все же более традиционный взгляд интенционалистов выглядит и более убедительным, по крайней мере взгляд на антиеврейскую политику режима и «окончательное решение». В вопросах, владевших умом Гитлера и составлявших ядро его системы (завоевание «жизненного пространства» и всеобъемлющая борьба с еврейством), личное вмешательство фюрера ощущалось на решающих этапах, и провозглашенная им политика в конечном итоге, несмотря на все колебания и препятствия, проводилась в жизнь.

В ограниченных рамках настоящего историографического обзора не представляется возможным детально обсудить различные аргументы, к которым прибегают обе стороны. Поэтому я позволю себе лишь несколько замечаний относительно некоторых указанных выше моментов. Я затрону здесь личность Гитлера и роль его мировоззрения, ряд аспектов антиеврейской политики нацистов в 30-х годах и, наконец, ход событий 1941 года и прямое участие Гитлера в осуществлении «окончательного решения».

Обсуждая антисемитизм Гитлера и его роль в антиеврейской политике нацистского режима, многие из упомянутых нами исто-

⁷⁰ Krausnick, Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 623.

⁷¹ *Ibid.*, S. 630.

риков пытались, прямо или косвенно, представить публике психологический портрет диктатора⁷². Никто из них не отрицает фанатического антисемитизма Гитлера, а многие подчеркивают его патологический аспект. Мартин Брошат занимает видное место среди тех, кто уделяет особое внимание патологической ненависти Гитлера к евреям и подчеркивает: чем яснее Гитлер чувствовал, что военный конфликт проигран, тем яростнее он сражался на том поле, где вел свою «настоящую» войну⁷³. Существует очевидное противоречие между признанием навязчивого характера гитлеровского антисемитизма, с одной стороны, и главным тезисом Брошата относительно генезиса «окончательного решения» и отсутствия приказа Гитлера – с другой. Почему бы человек, одержимый патологической ненавистью к евреям, избегал приказа об их тотальном уничтожении? Как мог он передать своим подчиненным контроль над своей, по словам Брошата, главной навязчивой идеей?

Ганс Моммзен старается избежать этой логической ловушки. Он не отрицает фанатичного антисемитизма Гитлера, – он рисует достаточно сложную психологическую картину. Отметим лишь ее основные моменты. Прежде всего (это относится в основном к ранним работам Моммзена), Гитлер не всегда навязывал свою волю другим людям и в этом смысле был скорее «слабым диктатором»⁷⁴. В недавней статье Моммзена «Осуществление утопической идеи» слабость Гитлера представлена иначе. В ряде сфер Гитлер не избегал принятия решений; напротив, мы видим, что он часто, по выражению Моммзена, «забегал вперед»⁷⁵. Это, однако, не относится к еврейскому вопросу, в котором, по какой-то таинственной причине, Гитлер постоянно формулировал свою позицию в хилиастических терминах⁷⁶ и не спешил сопоставлять мир своих идеологических фантазий с политической и социальной действительностью (*Hitler... scheute davon zurück, die ideologi-*

⁷² См., например, Broszat, "Soziale Motivation...", S. 401–402; и Hans Mommsen, "Die Realisierung...", S. 388–398.

⁷³ Broszat, "Hitler und die Genesis der Endlösung", S. 770ff.

⁷⁴ Hans Mommsen, "Nationalsozialismus" // *Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie*, Bd. IV (Freiburg: Herder, 1971).

⁷⁵ Hans Mommsen, "Die Realisierung...", S. 389.

⁷⁶ *Ibid.*, S. 397.

sche Scheinwelt, in der er lebte, mit der politischen und sozialen Realität zu konfrontieren). Невмешательство Гитлера в принятие решений, касавшихся уничтожения евреев, Моммзен объясняет так:

Сталкиваясь с реальными последствиями уничтожения евреев, Гитлер реагировал на них так же, как его подчиненные: он тоже старался не замечать их или вытеснять из своего сознания (Konfrontiert mit den realen Konsequenzen der Judenvernichtung, reagierte Hitler nicht anders als seine Unterführer – er suchte diese nicht wahrzunehmen oder zu verdrängen)⁷⁷.

Как мы уже говорили, процесс уничтожения подталкивали внутренняя динамика системы и фанатичное желание Гиммлера немедленно воплотить апокалиптические мечтания Гитлера в жизнь⁷⁸. При такой интерпретации фанатик-мечтатель остается фанатиком, но, будучи мечтателем, едва ли участвует в принятии практических решений. Подобное объяснение не слишком убедительно, поскольку оно игнорирует известные факты, свидетельствующие о личной вовлеченности Гитлера в осуществление «окончательного решения». Ниже мы еще вернемся к этому; однако возникает вопрос, почему, например, Гитлер требовал, чтобы ему регулярно сообщали об операциях эйнзацгрупп на советской территории⁷⁹, или почему 21 декабря 1942 года Гиммлер послал ему «Отчет (*Vollzugsmeldung*) № 51»? В этом отчете говорилось о деятельности эйнзацгрупп на советской территории в августе – ноябре 1942 года и упоминалась ликвидация 363 211 евреев (согласно записке адъютанта Гитлера Пфайффера, отчет был представлен фюреру 31 декабря 1942 года)⁸⁰. И как тогда объяснить прямые приказы Гитлера об уничтожении оставшихся в живых евреев в районе Ровно на Украине в 1942 году?⁸¹ И наконец, если Гитлер остерегался сопоставлять мир своих идеологи-

⁷⁷ Ibid., S. 397–398.

⁷⁸ Ibid., S. 399.

⁷⁹ Ср. приказ, направленный 1 августа 1941 года шефом гестапо Генрихом Мюллером начальникам четырех эйнзацгрупп: «Следует посылать фюреру регулярные отчеты о деятельности эйнзацгрупп на востоке» (Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 58).

⁸⁰ Ibid., S. 14. (Отчет был посвящен «борьбе с бандами» [*Bandenbekämpfung*], то есть с партизанскими отрядами. – Прим. ред.)

⁸¹ Ibid., S. 141.

ческих фантазий с действительностью и вытеснял информацию об уничтожении евреев из своего сознания или игнорировал ее по каким-либо психологическим причинам, то почему в своей последней политической декларации – в завещании, написанном накануне самоубийства, 29 апреля 1945 года, – он называл уничтожение евреев величайшей услугой, оказанной человечеству национал-социализмом?⁸² Словом, несоответствие между абсолютной беспощадностью Гитлера, развязавшего войну, готового убивать психически больных, приказывавшего вести войну на уничтожение в России и т. д., и его предполагаемым страхом посмотреть правде в глаза в вопросе уничтожения евреев подрывает убедительность этой теории.

Если мы перейдем от личности Гитлера к роли, которую сыграл в развитии событий его антисемитизм, – Брошат называет эту роль инструментальной и мобилизующей⁸³, – то и здесь мы столкнемся с трудностями такого же плана. Почему этот одержимый фанатик-антисемит не жаждал во что бы то ни стало воплотить в жизнь свои антиеврейские идеи? Почему приверженность этим идеям не вела к конкретной цели и к конкретной политике? Но помимо этого неизбежного вопроса, возникает и другой: кого должен был мобилизовывать антисемитизм Гитлера? Население Германии в целом? Членов партии?

О населении в целом нам сегодня известно, что, хотя антиеврейские предрассудки были широко распространены и хотя антиеврейская политика режима не встречала серьезного отпора даже в кругу немецкой оппозиции⁸⁴, эта политика не вызывала и всеобщего энтузиазма. С точки зрения нацистов, реакция общества на антисемитские инициативы в лучшем случае могла считаться смешанной. Исследования, проведенные в этой области Отто-Довом Кулькой, выявили значительные региональные различия, но позволили увидеть и некоторые общие черты. Прежде всего, немцев отвращали беспорядочные антиеврейские выступления – они предпочитали упорядоченные, «законные» меры (Нюрнбергские законы). Наиболее характерной их реакцией были растущие

⁸² См. Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, 2te Ausgabe (Stuttgart, 1981), S. 78.

⁸³ Ср. с. 50-51 выше.

⁸⁴ См. прежде всего Christof Dipper, "Der deutsche Widerstand und die Juden" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 9, № 3 (1983), S. 349ff.

отстраненность от происходящего, пассивность и инерция⁸⁵. Работа Иана Кершоу, посвященная в основном Баварии, показывает относительную сдержанность местного населения.

На основании изученных нами свидетельств трудно утверждать, что постоянная радикализация антиеврейской политики была реакцией на требования общественного мнения или отвечала желаниям публики. В 1935 и 1938 годах она привела к уменьшению престижа партии и, возможно, могла бы отразиться даже на почитании Гитлера, если бы в нем видели сторонника радикалов. Радикализация негативной динамики, которая служила движущей силой нацистской партии, находила очень слабый отклик в массах. Общественное мнение, в основном безразличное и пронизанное латентными антиеврейскими чувствами, усиленными пропагандой, создавало атмосферу, в которой растущая нацистская агрессивность по отношению к евреям не вызывала протеста. Однако оно не являлось причиной этой радикализации⁸⁶.

Какими бы нюансами ни отличалась реакция общественного мнения, нацистская партия, хорошо информированная – благодаря полиции и СД – о настроениях в стране, вскоре должна была понять, что антисемитизм не только не помогает мобилизовать население, но может скорее оттолкнуть. Таким образом, остается вопрос о мобилизующем эффекте антисемитизма внутри самой партии.

Весной 1933 года, весной и летом 1935 и в ноябре 1938 антиеврейские меры позволили дать выход эмоциям партийных радикалов; сегодня этот факт подтвержден многими источниками⁸⁷.

⁸⁵ Ср. Otto-Dov Kulka, "Deat ha-kahal' be-Germania ha-nazional-sozialistit u-'veayat ha-yehudim': Mekorot u-veayoteihem" // *Ziyon*, № 3–4, 40 (1975), pp. 186–290 и сокращенную версию на англ. яз. в *The Jerusalem Quarterly*, № 25/26 (Fall/Winter 1982), p. 121ff. См. также Kulka, "Die Nürnberger Rassengesetze und die deutsche Bevölkerung" // *VfZ*, Bd. 33, № 1 (1985).

⁸⁶ Ian Kershaw, "The Persecution of the Jews and German Popular Opinion in the Third Reich" // *Leo Baeck Institute Yearbook*, vol. XXVI (1981), p. 288. Среди более ранних исследований, которые анализируют отношение немецкого общественного мнения к антиеврейской политике или каким-то образом затрагивают этот вопрос, следует отметить Marlis Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen: Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg* (Düsseldorf: Econ, 1970); L. D. Stokes, "The German People and the Destruction of the European Jews" // *Journal of Central European History*, vol. VI (1973). См. также критический обзор Кульки и Родрига в *Yad Vashem Studies*, vol. XVI (1984).

⁸⁷ См., например, Dietrich Orlow, *The History of the Nazi Party*, vol. II: 1933–1945 (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1973), pp. 33, 163–165, 247.

Однако была ли подобная «отдушина» намеренно создана руководством и поощрялись ли эти всплески насилия Гитлером? Документы, похоже, свидетельствуют об обратном: в 1933 году, в связи с изгнанием евреев из государственного и муниципального аппарата, а главное, из юридической профессии, Гитлер возражал против требований экстремистов и поддерживал более сдержанное предложение Министерства юстиции⁸⁸. Нюрнбергские законы были приняты в 1935 году, в частности, чтобы умиротворить радикалов⁸⁹. В своей речи перед руководителями окружных партийных организаций в Орденбург-Фогельзанге 29 апреля 1937 года Гитлер предупредил радикалов, что в еврейском вопросе им не следует требовать от него действий, которые не были тщательно спланированы заранее⁹⁰.

В ноябре 1938 года, после того как стали очевидны катастрофические последствия «Хрустальной ночи», Гитлер решительным образом отобрал «еврейские дела» у партийных радикалов и передал их триумvirату Геринга–Гимmlера–Гейдриха⁹¹. Эти люди тоже были, вне всякого сомнения, истинными радикалами, однако они не нуждались в антисемитизме, чтобы обрести «отдушину», и в антиеврейских инициативах, чтобы «мобилизоваться»⁹².

Антиеврейская политика нацистов в 30-х годах действительно свидетельствует об отсутствии какого-либо четкого предварительного плана и о достаточно аморфной стратегии, обусловленной внутренними и внешними трудностями. Общая цель, однако, вполне ясна: сегрегация евреев внутри немецкого общества

⁸⁸ Ср. Adam, *Judenpolitik*, S. 65–66.

⁸⁹ Orlow, *The History of the Nazi Party*, pp. 164–165.

⁹⁰ Полный текст этой чрезвычайно важной речи см. в Hildegard von Kotze, Helmut Krausnick, *Es spricht der Führer. Sieben exemplarische Hitler-Reden* (Gütersloh: S. Mohn, 1966), особенно S. 147–148.

⁹¹ Schleunes, *The Twisted Road*, pp. 245–246.

⁹² Анализ малоизученной проблемы «уничтожения жизни, не имеющей ценности» (так называемой эвтаназии), показывает еще более наглядно, что расовые – или биологические – идеи Гитлера не были по своей природе ни инструментальными, ни мобилизующими, а также демонстрирует прямое, не связанное с риторикой влияние этих идей на политику. Гитлер затронул эту проблему в своих ранних писаниях и объявил эвтаназию достойной целью в своем публичном выступлении в Нюрнберге в 1929 году. Через несколько дней после начала войны он отдал секретный приказ о тайном проведении эвтаназии. Об этой проблеме см. Klaus Dörner, "Nationalsozialismus und Lebensvernichtung" // *VfZ*, Bd. 15, № 2 (April 1967), S. 121ff (о Нюрнбергской речи см. S. 131).

и их изгнание (посредством добровольной или принудительной эмиграции) с территории Германии. Пункты принятой в феврале 1920 года партийной программы, касавшиеся еврейского вопроса, были, в сущности, реализованы. Идеология обретала воплощение в конкретных мерах; не было и речи об отступлении от какого-либо из ее положений. Поскольку речь здесь идет о целях и политике, интересен вопрос о прямом участии Гитлера⁹³. Чтобы сделать вывод о его участии, потребуется посвятить 30-м годам такое же исследование, какое Джералд Флеминг посвятил военному периоду и «окончательному решению». Поскольку такого исследования сегодня не существует (хотя выходили важные общие работы об антиеврейской политике нацистов в указанный период), мы ограничимся лишь несколькими замечаниями.

26 марта 1933 года Гитлер вызвал Геббельса в Берхтесгаден, чтобы обсудить с ним приготовления к экономическому бойкоту евреев, назначенному на 1 апреля. Два дня спустя он вновь побеседовал со своим министром пропаганды о предстоящем событии, указав темы, которые следует использовать в первой крупной антиеврейской акции нового режима⁹⁴. Мы уже отметили общую позицию Гитлера в этом вопросе при обсуждении закона «О восстановлении профессиональной гражданской службы» и закона о юристах; согласно Уве Адаму, Гитлер, по-видимому, принял участие в дискуссии, состоявшейся 31 марта или 1 апреля 1933 года⁹⁵. Его отказ поддержать требования радикалов, настаивавших на изгнании евреев из юридической системы государства, подтвержден документально⁹⁶. Можно проследить, как на протяжении 1933 года Гитлер контролировал темпы осуществления антиеврейской политики: он принял идею бойкота, выдвинутую радикалами, но из-за международной политической

⁹³ Его участие минимизируется как в выводе Шлэйнеса, так и в различных работах Ганса Моммзена, в особенности в статье "Die Realisierung..." (S. 387). С другой стороны, Уве Адам, подчеркивая хаотический характер нацистской политики в «еврейском вопросе», указывает, что «в конечном итоге рейхсканцлер в одиночку принимал решения о политике по отношению к евреям» (*als letzte Instanz allein der Reichskanzler den Gang der Judenpolitik bestimmte*), – см. Adam, *Judenpolitik*, S. 196.

⁹⁴ Ibid., S. 61.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Ср. с. 62 выше.

ситуации отклонил другие предложенные ими меры экстремистского характера.

Нюрнбергские законы занимают особое место в дискуссии о личном участии Гитлера в осуществлении антиеврейской политики в 30-е годы. Выше мы познакомились с мнением Моммзена, которое вкратце прозвучало уже в сообщении Бернгарда Лёзенера: законы были разработаны в самый последний момент, поскольку за два дня до заключительного заседания партийного съезда решено было не затрагивать те вопросы, которые Гитлер собирался поднять в своем выступлении⁹⁷. Впрочем, более тщательное изучение источников показывает, что расовые законы разрабатывались на протяжении нескольких месяцев и обсуждались на министерском уровне и лично с Гитлером. 30 августа 1935 года об их предстоящем обнародовании на сентябрьском съезде партии даже сообщалось в иностранной прессе⁹⁸.

Говоря о внимании Гитлера к мельчайшим деталям антиеврейской политики, следует вспомнить, как 15 сентября 1935 года, в последние минуты перед провозглашением закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» в Рейхстаге он вычеркнул из текста слова «этот закон распространяется только на чистокровных евреев»⁹⁹. Не забудем и о том, как во время аншлюса Гитлер лично запретил австрийским государственным служащим еврейского происхождения приносить новую присягу – присягу на верность фюреру¹⁰⁰. Наконец, можно предположить, что после объявления о смерти фом Рата 9 ноября 1938 года состоялась беседа между Гитлером и Геббельсом, предшествовавшая началу погрома. Однако наиболее показательна была, несомненно,

⁹⁷ См. с. 52 выше.

⁹⁸ Kulka, "Die Nürnberger Rassengesetze...", п. 128; см. примеч. 86 выше. Нам известно, что несколько вариантов подобного законодательства обсуждались на различных партийных и министерских встречах после прихода нацистов к власти, особенно в конце 1934 года и позже (ср. Lothar Gruchmann, "'Blutschutzgesetz' und Justiz. Zur Entstehung und Auswirkung des Nürnberger Gesetzes vom 15 September 1935" // VfZ, Bd. 31, № 3 [1983], S. 418ff). В своей статье Грухман не останавливается подробно на министерских дискуссиях, происходивших в августе 1935 года. Повторный анализ Кульки показал, что идея о спонтанности этого законодательства впервые фигурирует в сообщении Бернгарда Лёзенера (Bernhard Lösener, "Als Rassereferent im Reichsministerium des Innern" // VfZ, Bd. 9, № 3 [1961]), которое, видимо, не столь достоверно, как полагали ранее.

⁹⁹ Lösener, "Als Rassereferent...", S. 274.

¹⁰⁰ Adam, *Judenpolitik*, S. 195.

эволюция антиеврейской политики в решающий период, в годы войны.

Как мы уже говорили, главной целью политики 1933–1939 годов были, похоже, сегрегация и изгнание евреев. С началом войны наступила некоторая пауза – кардинально изменившиеся обстоятельства требовали новых решений¹⁰¹. Эти колебания прекратились в 1941 году, и историк, изучая события этого года, сталкивается с наиболее серьезными вопросами.

Мартин Брошат подчеркивает, что ни один из главных помощников Гитлера не смог вспомнить в ходе послевоенных допросов словесного приказа о поголовном уничтожении евреев. Более того, Геббельс в своих неопубликованных дневниках летом и осенью 1941 года часто в связи с еврейской проблемой говорит о депортациях в лагеря на территории России, однако ни разу ни словом не упоминает приказ об уничтожении. Наконец, рассуждая о документальных свидетельствах, Брошат среди прочего останавливается на разногласиях между Гиммлером и бригадефюрером СС Юбельхёрром, отвечавшим за гетто в Лодзи. В начале октября 1941 года Юбельхёрр категорически возражал против депортации евреев Рейха в Лодзь, объясняя это перенаселенностью гетто. Такие споры не имели бы никакого смысла, если бы к тому времени уже было принято решение об уничтожении¹⁰².

¹⁰¹ В 1938–1941 годах можно выделить четыре аспекта нацистской политики: 1) угрозы уничтожения, которые Гитлер начал высказывать в конце 1938 года в беседах с иностранными государственными деятелями и в публичных речах (например, 30 января 1939 года), а после разгрома Польши – в разговорах со своими ближайшими помощниками; 2) сочетание депортаций с принуждением к эмиграции – в известной мере так можно рассматривать Мадагаскарский проект, депортацию евреев из Саарпфальца и Бадена в неоккупированную зону Франции и т. д.; 3) политика концентрации в Генерал-губернаторстве, включая план «Ниско», – об участии Гитлера в проекте «Ниско» см. запись Альфреда Розенберга в его дневнике от 9 сентября 1939 года (*Politisches Tagebuch* [München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1964], S. 99); 4) различные ограниченного масштаба акции уничтожения, направленные против евреев и не только, в том числе операции эйнзацгрупп в Польше и программа эвтаназии. Более того, этот период выглядит еще более сложным, если учесть, что в какой-то момент Гитлер решил предоставить своим гаулейтерам возможность действовать по собственному усмотрению, обеспечивая исчезновение евреев. Это желание четко сформулировано в письме Бормана Ламмерсу от 20 ноября 1940 года: по словам Бормана, фюрер ожидает, что гаулейтеры позаботятся о превращении своих областей в чисто немецкие территории в течение нескольких лет, – и в случае успеха гаулейтеров не спросят, какие методы они использовали. Ср. Krausnick, Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 626. Как отмечается в тексте, этот вполне ожидаемый период колебаний завершился накануне нападения на Советский Союз (или немедленно после нападения).

¹⁰² Подробнее об этих спорах см. Broszat, "Hitler und die Genesis der Endlösung", S. 746ff.

Ответ на эти соображения предлагает Кристофер Браунинг. Он напоминает, что главные архитекторы «окончательного решения» – Гиммлер и Гейдрих – не могли быть допрошены после войны, а сражавшийся за свою жизнь Геринг вряд ли согласился бы признать, что участвовал в выполнении приказа о повсеместном уничтожении евреев. Дневники Геббельса можно считать источником как минимум сомнительным, поскольку известно, что с ноября 1938 года Геринг, Гиммлер и Гейдрих оттеснили Геббельса от «еврейского вопроса». С другой стороны, Брошат не упоминает целый ряд свидетельств о подготовке «окончательного решения» летом и осенью 1941 года. Так, например, и бывший комендант Аушвица Рудольф Гесс, и Адольф Эйхман вспоминали после войны, что в эти месяцы разрабатывались общие планы уничтожения. Обращение же, которому, согласно Брошату, должны были подвергнуться депортируемые на восток евреи (смерть от голода, непосильной работы, холода и т. д.), мало отличалось от уничтожения. Наконец, приказ, отданный Герингом Гейдриху 31 июля 1941 года, свидетельствует о широкомасштабных приготовлениях, которые естественным образом влекли за собой изучение различных возможностей, колебания и внезапные инициативы. Кажущийся хаос этих нескольких месяцев подготовки Брошат понимает как признак полного отсутствия планирования¹⁰³. Рассмотрим теперь последовательность событий.

Вплоть до осени 1941 года систематическому уничтожению подвергались только евреи Советского Союза. Адам и Брошат не считают эту кампанию массовых убийств непосредственно связанной с «окончательным решением», хотя, как указывает Браунинг, ликвидация евреев на советской территории представляла собой явную качественную перемену в нацистской политике по отношению к евреям. Более того, осенью 1941 года состоялись первые депортации евреев с территории Рейха, главным образом в Лодзь, Каунас, Минск и Ригу. Некоторые из депортированных в Ригу и Лодзь были убиты немедленно по прибытии – в окрестностях Риги и в центре уничтожения Хелмно (Кульмхоф) около Лодзи (жертвами этих убийств оказались и местные евреи). Можно считать эти события этапами общего плана, поскольку

¹⁰³ Browning, "Zur Genesis der Endlösung", S. 98ff.

процесс уничтожения затрагивал евреев, доставленных из Германии к местам убийств. Однако, как мы уже отмечали, Брошат полагает, что эти акции были продиктованы ситуацией на местах (депортация из Рейха увеличивала перенаселенность гетто, а в связи с замедлением продвижения вермахта вглубь России отправить евреев дальше на восток было невозможно). Он также добавляет, что хаотический характер депортации, обусловленный внезапным решением Гитлера как можно быстрее очистить Рейх от евреев, не позволял систематически планировать процесс уничтожения.

На самом деле, однако, рижская ликвидация не была местной импровизацией. 10 ноября 1941 года Гинрих Лозе, рейхскомиссар «Остланда», в состав которого входили балтийские страны, получил (через генерала СС Фридриха Еккельна) сообщение от Гимmlера, предписывавшее ему провести ликвидацию в соответствии с приказом Гимmlера и желаниями фюрера («Скажите этому Лозе, что это мой приказ, а значит, и желание фюрера» — «*Sagen Sie dem Lohse es ist mein Befehl, was auch Führers Wunsch ist*»¹⁰⁴). Таким образом, нет сомнения, что речь здесь шла не о местной инициативе, а о решении, исходившем от Гитлера.

Сложнее обстоит дело со свидетельствами, касающимися начала уничтожения евреев в Хелмно. Брошат напоминает нам, что местные офицеры СС и РСХА (Главного управления имперской безопасности), пытаясь разрешить проблему перенаселенности гетто Лодзи, обсуждали ликвидацию части евреев гетто в июле 1941 года, когда еще не могло существовать никакого общего плана «окончательного решения»¹⁰⁵. Не оказалось ли уничтожение евреев в конце 1941 года следствием такого же рода соображений, возникших на относительно низких уровнях власти?

Согласно Джералду Флемингу, в марте 1944 года гаулейтер Вартеланда Грейзер (в ведении которого находились Лодзь и Хелмно) с гордостью доложил фюреру о ликвидации (в основном в Хелмно) практически всех евреев Вартеланда. 21 ноября 1942 года Грейзер сообщил Гимmlеру, что в ходе своей встречи с

¹⁰⁴ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 88.

¹⁰⁵ Broszat, "Hitler und die Genesis der Endlösung", S. 749n. Протесты Юбельхёра против продолжения депортаций из Рейха в Лодзь согласуются с этими аргументами.

Гитлером получил инструкции действовать в отношении евреев «по своему усмотрению». Перед этим Грейзер дважды встречался с Гитлером: 1 октября и 8 ноября 1942 года¹⁰⁶.

Отчет, посланный Грейзером Гитлеру в 1944 году, ясно свидетельствует, что он отлично понял сказанное фюрером в октябре или ноябре 1942 года. С другой стороны, как мы знаем, Грейзер приказал начать акции уничтожения в Хелмно за год до своих встреч с Гитлером. Если бы он получил такой же приказ, какой осенью 1941 года получил Лозе, то слова Гитлера годом позже были бы лишены всякого смысла. Здесь возможны два объяснения, и значение их выходит за рамки конкретного случая. Может быть, Грейзер или Юбельхёр в Лодзи просто не были проинформированы о наличии общего плана на столь раннем этапе; а может быть – и это объяснило бы колебания Гейдриха относительно судьбы испанских евреев во Франции в октябре того же года¹⁰⁷ (Моммзен ссылается на неуверенность Гейдриха, чтобы усомниться в реальности приказа о тотальном уничтожении евреев¹⁰⁸), – как и в последующие годы, несмотря на существование общего плана уничтожения, многообразие конкретных ситуаций вело к принятию противоречивых половинчатых решений.

Перейдем от частных случаев к общему контексту – и картина произошедшего станет гораздо более отчетливой. Во второй половине 1941 года эйнзацгруппы уничтожили на территории Советского Союза около 1 000 000 евреев; 11 000 евреев без подданства,

¹⁰⁶ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 34–35. Вероятно, уничтожение евреев Вартегау при помощи газа было впервые упомянуто в сообщении, которое 16 июля 1941 года отправил Эйхману штурмбаннфюрер СС Рольф-Хейнц Хёппнер, служивший в штабе главного начальника СС и полиции в Вартегау. Можно предположить, что Эйхман обсудил этот вопрос с Гейдрихом, однако мы не знаем, участвовал ли Гитлер в дискуссии на этом этапе и дал ли он свое согласие. Как мы уже говорили, «команда Ланге», с декабря взявшая на себя осуществление ликвидаций, прибыла из Берлина. О сообщении Хейнца Хёппнера Эйхману см. *Nationalsozialistische Massentötungen...*, S. 110–111.

¹⁰⁷ После того как Берлину стало известно о плане испанского правительства переселить испанских евреев в Марокко, 13 октября 1941 года помощник статс-секретаря Лютер предложил Гейдриху включить в эту программу испанских евреев, проживающих во Франции. Гейдрих сперва одобрил эту идею, однако спустя несколько дней пересмотрел свое решение и отказал Лютеру, опасаясь, что испанские евреи окажутся недостижимы для Германии и после войны не будут охвачены операцией по «окончательному решению еврейского вопроса». – *Прим. ред.*

¹⁰⁸ Hans Mommsen, “Die Realisierung...”, S. 411.

высланных из Венгрии, были убиты в Каменце-Подольском в конце августа 1941 года; в ноябре массовые убийства депортированных из Рейха евреев начались в Риге, а в декабре был пущен в ход первый центр уничтожения – в Хелмно, возле Лодзи. Еврейская эмиграция из оккупированной Европы была полностью запрещена приказом от 23 октября 1941 года. Тогда же начались работы по строительству лагеря уничтожения в Белжеце в Генерал-губернаторстве. Известно также, что в начале осени того же года в Аушвице состоялись первые опыты по применению отравляющего газа «Циклон Б», – тогда этот метод уничтожения использовался в основном для убийства пленных советских офицеров.

Едва ли все эти события случайно совпали; не приходится сомневаться, что осенью 1941 года общий план уничтожения евреев Европы существовал: очевидно, фаза поиска завершилась, почва для «окончательного решения» была подготовлена.

Именно в этом контексте, если не сами по себе, становятся очевидны намерения организаторов Ваннзейской конференции, на которой 20 января 1942 года Гейдрих изложил собравшимся представителям различных министерств и ведомств СС схему «окончательного решения». Создание лагерей уничтожения в Генерал-губернаторстве в последующие месяцы устраняет любые сомнения по поводу того, о чем в действительности говорили на конференции¹⁰⁹.

Более того, прямые свидетельства подтверждают выводы, под-сказанные логикой. В ходе процесса в Иерусалиме председатель

¹⁰⁹ Ганс Моммзен предложил следующую интерпретацию Ваннзейской конференции. Упомянув замечание о «серьезных мерах [против евреев. – Ш.Ф.] в Рейхе, которые предстоит обсудить», сделанное Гансом Франком 16 декабря 1941 года, Моммзен пишет: «Это имеет отношение к последовавшей “Ваннзейской конференции”, которую принято связывать с начавшимся немедленно после этого европейским геноцидом, хотя “инициативы” (*Aktionen*), упомянутые Гейдрихом в связи с депортациями евреев на восток, были представлены полумерами (*Ausweichmöglichkeiten*), необходимыми для обретения практического опыта “в свете предстоящего окончательного решения еврейского вопроса”. Ликвидация неспособных к работе евреев обсуждалась открыто. Фикция принудительного труда (*Arbeitseinsatz*) психологически связывала эмиграцию, создание резерваций и сам Холокост. В то же время была выставлена на обсуждение химера территориального “окончательного решения”, которое теперь должно было осуществиться за Уральскими горами. С другой стороны, формулировка, касающаяся “некоторых подготовительных действий, связанных с окончательным решением”, которые предполагалось предпринять “на соответствующих территориях”, то есть в Генерал-губернаторстве, означала немедленное частичное уничтожение...» (Hans Mommsen, “Die Realisierung...”, S. 412).

суда спросил Эйхмана, который участвовал в конференции и отвечал за организационные вопросы, каков был общий смысл состоявшейся дискуссии. Подсудимый ответил: «Речь шла об убийствах, ликвидации, уничтожении» (*Es wurde von Töten und Eliminieren und Vernichten gesprochen*)¹¹⁰.

Если мы признаем, что цель Ваннзейской конференции была именно такова, и если мы вспомним, что в своем вступительном слове Гейдрих говорил не только о приказе, полученном от Геринга, но и о согласии Гитлера на депортацию евреев на восток, то исчезнут последние сомнения: план уничтожения получил одобрение фюрера. Трудно предположить, что Гейдрих представил бы высокопоставленным чиновникам план уничтожения евреев, если сам Гитлер имел в виду всего лишь депортацию.

Вначале конференция была назначена на 9 декабря 1941 года; позднее ее перенесли на 20 января 1942 года. Напрашивается предположение, что описанная Гейдрихом схема прорабатывалась в течение нескольких месяцев и что свое «согласие» Гитлер дал не позднее лета 1941 года. «Согласие», равно как и «желание» Гитлера, означало приказ, и никакой необходимости в формальных распоряжениях не было. Наконец, протоколы допросов Рудольфа Гесса после его ареста британскими властями показывают: упоминая в своих мемуарах услышанный летом 1941 года приказ о тотальном уничтожении евреев, он не ошибается в дате (как было принято считать ранее). Вероятно, в июне 1941 года он встретился с Гиммлером и от него узнал, что Гитлер отдал приказ подготовить план тотального уничтожения евреев¹¹¹.

Показания Гесса согласуются с материалом, собранным Джералдом Флемингом, и с многочисленными упоминаниями приказа Гитлера, которые мы находим в самых разных источниках. Когда в августе 1941 года Отто Брандфиш, командир эйнзацкоманды-8, действовавшей в районе Минска, спросил Гиммлера,

¹¹⁰ Процесс Эйхмана, заседание 107, 24 июля 1961 года; цитируется по книге Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 105. Особо тщательный анализ роли Ваннзейской конференции см. в статье Wolfgang Scheffler, "Zur Entstehungsgeschichte der 'Endlösung'" // *Aus Politik und Zeitgeschichte: Beilage zur Wochenzeitung 'Das Parlament'*, B 43/82 (Okt. 1982), S. 8ff.

¹¹¹ Yehuda Bauer, "Auschwitz and the 'Final Solution'", лекция, прочитанная на Международной конференции по истории уничтожения евреев Европы (Штутгарт, 3–5.5.1984).

кто несет ответственность за казни, Гиммлер ответил ему, что «приказ исходит от Гитлера, а значит, имеет силу закона»¹¹². Годом позже, когда генерал СС Готлоб Бергер, выступая от имени Министерства по делам восточных территорий, предложил точнее определить термин «еврей», Гиммлер категорически отверг идею дальнейших уточнений, опасаясь ограничения своих полномочий, и добавил:

*Оккупированные восточные территории будут освобождены от евреев (judenfrei). Фюрер возложил на меня выполнение этого исключительно трудного приказа. Никто не может снять с меня эту ответственность, и я не допущу никакого вмешательства*¹¹³.

На протяжении первой половины 1944 года Гиммлер упоминал в своих речах об этом исключительно трудном приказе фюрера, связанном с «окончательным решением», не менее четырех раз (26 января, 5 мая, 24 мая и 21 июня), трижды – выступая перед большой аудиторией старших офицеров вермахта¹¹⁴. Согласно свидетельству судьи СС Конрада Моргена, когда специальные отряды Кристиана Вирта были направлены в Генерал-губернаторство для оказания Глобочнику помощи в уничтожении евреев, «Гиммлер, по-видимому, попросил всех членов отрядов дать клятву молчания и сказал им: “Я ожидаю от вас сверхчеловеческих актов бесчеловечности, но такова воля фюрера”»¹¹⁵.

В конце декабря 1941 года советник по еврейским делам при Министерстве внутренних дел Бернгард Лёзенер проинформировал статс-секретаря министерства Вильгельма Штуккарта, что не может более оставаться на своем посту, так как до него дошли сведения об уничтожении евреев под Ригой. Штуккарт ответил ему: «Разве вы не знаете, что это делается по высочайшему приказу?»¹¹⁶ В мае 1942 года Рейнгард Гейдрих, начальник Главного

¹¹² Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 62.

¹¹³ Krausnick et al., *Anatomy of the SS State*, p. 69.

¹¹⁴ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 65–67. Как и Гейдрих на Ваннзейской конференции, Гиммлер никак не посмел бы сослаться на несуществующий приказ фюрера, особенно перед такой аудиторией.

¹¹⁵ Krausnick et al., *Anatomy of the SS State*, p. 97.

¹¹⁶ Lösener, “Als Rassereferent...”, S. 311.

управления имперской безопасности и свеженазначенный протектор Богемии и Моравии, встретился в Праге с несколькими офицерами абвера. В ходе исключительно бурной дискуссии об уничтожении евреев Гейдрих сказал, что Главное управление имперской безопасности не несет ответственности за убийства: все совершается по личному распоряжению фюрера¹¹⁷.

Мы уже упоминали приказ, который глава гестапо Генрих Мюллер направил руководителям четырех эйнзацгрупп: «Следует посылать фюреру регулярные отчеты о работе эйнзацгрупп на востоке» (*Dem Führer sollen von hier aus lfd. Berichte über die Arbeit der Einsatzgruppen im Osten vorgelegt werden*)¹¹⁸. Мы также отмечали, что в ноябре 1942 года Гиммлер послал Гитлеру «Отчет № 51» – об операциях эйнзацгрупп на советской территории в августе – ноябре 1942 года. В нем говорится, что «363 211 евреев были казнены» (отчет был передан Гитлеру 31 декабря, согласно записке его адъютанта Пфайффера)¹¹⁹. В том же месяце Гиммлер отметил: «Пункт 3... евреи... должны быть ликвидированы, евреи во Франции, 600 000 – 700 000 человек, должны быть ликвидированы» (*Juden... abschaffen, Juden in Frankreich, 600-700,000, abschaffen*)¹²⁰.

Гиммлер, вероятно, получил более подробные сведения в конце декабря, когда главный инспектор статистического бюро рейхсфюрера СС Рихард Коргерр подготовил для него полный и точный отчет о ходе реализации «окончательного решения». В апреле 1943 года для Гитлера был подготовлен отчет на шести с половиной страницах, охватывавший период до 31 марта 1943 года. Напечатанный на специальной «пишущей машинке фюрера» (с увеличенным шрифтом), этот отчет был передан ему в первой половине апреля¹²¹. Согласно показаниям Эйхмана, отчет был возвращен в Главное управление имперской безопасности с пометкой: «Фюрер прочел. Уничтожить. Г.Г. [то есть Генрих Гиммлер]»¹²².

¹¹⁷ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 77.

¹¹⁸ *Ibid.*, S. 58.

¹¹⁹ *Ibid.*

¹²⁰ Ackermann, *Himmler als Ideologe*, S. 166. Слово *Abschaffen* добавлено красными чернилами. Это означает, что Гитлер принял соответствующее решение в ходе встречи с Гиммлером.

¹²¹ Тексты докладов Коргерра и связанную с ними переписку см. в Serge Klarsfeld (ed.), *The Holocaust and the Neo-Nazi Mythomania* (New York: B. Klarsfeld Foundation, 1978).

¹²² Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 149–152.

Здесь необходимо отметить странные противоречия в попытках нацистов замаскировать «окончательное решение». Рихарда Коргерра попросили вычеркнуть из текста отчета слово *Sonderbehandlung* («особое обращение»). Личный секретарь Гиммлера Рудольф Брандт писал Коргерру:

Он [Гиммлер] хочет, чтобы нигде не говорилось об «особом обращении с евреями» (daß an keiner Stelle von “Sonderbehandlung der Juden” gesprochen wird). На девятой странице, в четвертом пункте, формулировка, таким образом, должна быть следующей: «Транспортиция евреев из восточных областей на русский восток: они пропускаются через лагеря в Генерал-губернаторстве... через лагерь в Вартегау» (Transportierung von Juden aus den Ostprovinzen nach dem russischen Osten: Es wurden durchgeschleust durch die Lager im Generalgouvernement... durch die Lager im Warthegau). Никакая другая формулировка не допускается. Я возвращаю Вам копию отчета, помеченного рейхсфюрером СС, с требованием изменить текст на девятой странице в соответствии с замечанием. Затем отчет должен быть отослан снова¹²³.

Непоследовательность этих попыток маскировки вызывает удивление. С одной стороны, из отчета, посланного Гитлеру, было удалено слово *Sonderbehandlung*; с другой стороны, Гиммлер несколько раз ссылаясь на приказы Гитлера о тотальном уничтожении евреев. Более того: в документе, посланном Гитлеру лично, не разрешалось упоминать «окончательное решение», однако в речах перед большими аудиториями (состоявшими не только из офицеров СС, но и из кадровых офицеров вермахта) Гиммлер открыто говорил о приказах Гитлера.

Возможно, в случае отчета Коргерра объяснение следует искать в позднейшем (отданном 11 июля 1943 года) указании начальника партийной канцелярии Мартина Бормана о том, что, «по согласованию с фюрером, ни в коем случае не следует упоминать “окончательное решение” в каких-либо документах, связанных с еврейским вопросом; следует говорить только о направлении евреев на работы»¹²⁴.

Тем не менее непоследовательность сохраняется. На протяжении 1942 года Гитлер не менее чем в четырех речах (1 января,

¹²³ Ср. *The Holocaust and the Neo-Nazi Mythomania*.

¹²⁴ *Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat*, S. 400.

30 января, 24 февраля и 8 ноября) намекнул на то, что его пророчество об уничтожении евреев в случае начала мировой войны уже выполняется¹²⁵. В апреле 1943 года он, можно считать, признал факт уничтожения евреев в ходе переговоров с главой румынского государства Антонеску и венгерским регентом адмиралом Хорти¹²⁶. В одной из своих последних бесед, 13 февраля, и в политическом завещании, написанном накануне смерти, Гитлер откровенно гордился этим.

Наконец, косвенные свидетельства подтверждают, что Гитлер внимательно следил за процессом уничтожения. Одило Глобочник, главный начальник СС и полиции, заведовавший в 1942 году лагерями уничтожения на территории Генерал-губернаторства, осенью того же года посетил рейхсканцелярию. В записке Гимmlера о совещании, которое состоялось 7 октября 1942 года и в котором участвовал Гитлер, сказано: «Ситуация в Генерал-губернаторстве. Глобус [кличка Глобочника]»¹²⁷. Тема совещания таким образом становится ясна.

13 апреля 1943 года в Главное управление кадров СС поступило предложение о присвоении Кристиану Вирту (подручному Глобочника, специалисту по умерщвлению газом вначале психически больных, а затем евреев) звания штурмбаннфюрера СС. В его личном деле указывалось, что с начала войны Вирт выполнял «особую миссию по приказу фюрера»¹²⁸.

¹²⁵ Соответствующие отрывки из этих речей см. в Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, 2te Ausgabe, S. 74–75. Постоянное возвращение к этой теме на протяжении 1942 года само по себе свидетельствует о желании Гитлера сообщить своим слушателям, что переломная точка наступила и уничтожение, о котором он пророчествовал, началось.

¹²⁶ В ходе второй беседы с Хорти, 17 апреля 1943 года, на вопрос регента о том, как следует поступить с евреями, первым ответил Риббентроп. Согласно министру иностранных дел, евреев следует или уничтожить, или заключить в концентрационные лагеря. Затем Гитлер предельно ясно объяснил свою политику: «Евреи являются паразитами. В Польше эту проблему решали самым систематическим образом. Если евреи там не хотели работать, их расстреливали. Если они не могли работать, им приходилось умереть (*Wenn die Juden dort nicht arbeiten wollten, wurden sie erschossen. Wenn sie nicht arbeiten könnten, müssten sie verkommen*). Необходимо было обращаться с ними как с туберкулезными бактериями, способными заразить здоровый организм. Это не было жестокостью, если учесть, что даже невинные существа вроде оленей приходится убивать, чтобы они не навредили. Почему мы должны поступать мягче с этим зверьем, которое принесло нам большевизм?». Ср. Andreas Hillgruber, *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler*, Teil 2 (Frankfurt a/M: Bernard & Graefe, 1970), S. 256ff.

¹²⁷ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 70.

¹²⁸ *Ibid.*, S. 37.

Предположение Дэвида Ирвинга о том, что Гитлер ничего не знал об «окончательном решении» до 1943 года¹²⁹, противоречит всем имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам. В высшей степени вероятно, что в какой-то момент весной или летом 1941 года Гитлер отдал приказ о полной ликвидации евреев Европы, – однако это не может быть доказано с абсолютной точностью на основании известных нам документов. Вместе с тем, как мы видели, он был в курсе процесса уничтожения и время от времени вмешивался в него.

Если ограничиться анализом нацистской политики, можно разрешить противоречия между различными подходами. Если же предпринять попытку всеобъемлющей исторической интерпретации, то обнаружатся истинные трудности. Историк, не связанный исторической или концептуальной предубежденностью, неизбежно согласится с тем, что именно нацистский антисемитизм и антиеврейская политика Третьего рейха в значительной мере определили особый характер нацизма. Выше мы уже отмечали, что объяснение, в основе которого лежит специфика истории Германии, оставляет открытым целый ряд вопросов и что в силу определяющей роли гитлеровского антисемитизма понятия «фашизм» и «тоталитаризм» не могут быть адекватными категориями интерпретации. Взгляд на нацизм как на политическую религию может помочь нам лучше понять некоторые поднятые в этой статье вопросы, особенно если исследования в этом направлении будут развиваться и углубляться¹³⁰.

«Окончательное решение» не укладывается в рамки глобальных интерпретаций нацизма, и эта проблема заставила некоторых историков занять парадоксальную позицию: с одной стороны, они подчеркивают ведущую роль расистского мировоззрения Гитлера внутри нацистской системы; с другой стороны, они интерпретируют основные проблемы нацизма, отрешившись от

¹²⁹ Irving, *Hitler's War* (London, 1977).

¹³⁰ James M. Rhodes, *The Hitler Movement: A Modern Millenarian Revolution* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1980), Chs. 2, 8; Uriel Tal, *Political Faith in Nazi Ideology and Policy Prior to the Holocaust* (Annual Lecture of the Jacob M. and Shoshana Schreiber Chair for Contemporary Jewish History, Tel Aviv University, 1978); idem, "On Structures of Political Theology and Myth in Germany Prior to the Holocaust" // Yehuda Bauer, Nathan Rotenstreich (eds.), *The Holocaust as Historical Experience* (New York: Holmes & Meier, 1981), pp. 43–74; idem, "Nazism as a Political Faith" // *The Jerusalem Quarterly*, Jerusalem, № 15 (1980), pp. 70–90.

нацистской политики по отношению к евреям¹³¹. Все это может навести нас на мысль, что уничтожение европейского еврейства представляет собой проблему, которая не поддается пониманию и перед которой бессилён исторический анализ.

Мы можем говорить только об уникальном событии: возникновении мессианской веры и апокалиптического видения истории в самом сердце политической, бюрократической и технологической систем развитого индустриального общества. Однако и тогда складывается не вполне достоверная картина: уничтожение евреев не было следствием ни массового движения, ни крестового похода фанатичной секты. В центре событий находилась индифферентная к истреблению евреев бюрократия – однако ведомая лидером, который руководствовался своими глубочайшими убеждениями.

Паралич, охватывающий историка перед лицом этой проблемы, связан с одновременным взаимодействием весьма разнородных факторов: мессианского фанатизма и бюрократических структур, патологических побуждений и административных инструкций, архаических установок и развитого индустриального общества.

Нам известны детали случившегося, мы представляем себе последовательность событий и их возможную взаимосвязь, однако глубинная динамика явления ускользает от нас. Кроме того, не поддается осознанию почти мгновенный распад политических, институциональных и юридических структур Германии и беспомощность общественных сил, которые по самой своей природе должны были служить препятствием на пути нацистов – в Германии, в других европейских странах и во всем западном мире.

*Впервые опубликовано по-английски и на иврите как "From Anti-Semitism to Extermination: A Historiographical Study of Nazi Policies toward the Jews and an Essay in Interpretation," in *Yad Vashem Studies*, vol. 16 (1984), pp. 1-50.
Перевод с английского Бенциона Дымерского.*

¹³¹ Интересный пример этого парадоксального подхода содержится в книге Андреаса Хильгрубера «Достаточно, наконец, о национал-социализме и Второй мировой войне?» (Hillgruber, *Endlich genug...*), где автор всячески подчеркивает центральную роль гитлеровской расовой догмы («все подчинялось расовой догме, как внутренняя политика, так и иностранные дела» [S. 52]). Вместе с тем при анализе ключевых для понимания нацизма явлений антиеврейская политика и «окончательное решение» не упоминаются.

Кристофер Р. Браунинг

ПО ПОВОДУ МОЕЙ КНИГИ

«ИСТОКИ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ»:

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ «ОКОНЧАТЕЛЬНОМ РЕШЕНИИ»,

ЕГО ПРЕДПОСЫЛКАХ И ВАЖНЕЙШИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

В 1981 году – двадцать четыре года назад – редколлегия много-томной «Полной истории Холокоста», которая готовилась тогда к изданию в институте «Яд Вашем», впервые обратилась ко мне с предложением написать том о нацистской политике в отношении евреев. В то время я был совсем молодым ученым с относительно скромным списком публикаций и преподавал в малоизвестном колледже на северо-западном тихоокеанском побережье США, который принадлежал одной из ветвей американской лютеранской церкви. Мне казалось удивительным, что редколлегия нашла меня и пригласила к сотрудничеству. Да и не только мне, – возвращаясь со своего первого интервью по поводу участия в проекте, я встретился и разговорился с израильским ученым; когда я упомянул, зачем ездил в Израиль, он спросил меня с типично израильской прямоотой: «А почему именно Вы?» Так что я весьма благодарен редколлегии «Яд Вашем» за то, что она пошла на серьезный риск и привлекла меня к работе над этим грандиозным проектом.

С течением лет задача моя сузилась: от намерения осветить весь период войны я перешел к более реалистичной цели – исследовать истоки «окончательного решения еврейского вопроса». К счастью, рукопись, посвященная этому периоду, не была еще закончена в 1989–1990 годах, когда падение коммунизма в Восточной Европе открыло новые архивные источники и положило начало новой волне исследований; заверши я свою работу раньше, она устарела бы мгновенно и непоправимо. Следующим подарком судьбы стала помощь моего доброго друга и коллеги Юргена Маттойса, написавшего важнейшую главу книги. Короче говоря, я полностью сознаю, что книга, которая сейчас вышла в переводе на иврит, в немалой степени обязана своим появлением на свет стечению невероятных и счастливых обстоятельств.

Центральные темы моего исследования

Эта книга посвящена четырем основным вопросам.

1) В свете различных исторических контекстов, в рамках которых я мог бы провести свое исследование генезиса «окончательного решения», я обращусь к избранной мною ранее концепции нацистской политики народонаселения (или демографической политики) и к общему представлению об империи, основанной на расовом переустройстве Восточной Европы.

2) В свете дискуссии о соотношении ролей центра и периферии я рассмотрю нацистскую политику геттоизации в оккупированной Польше.

3) В свете дискуссии, связанной с принятием решения о тотальном уничтожении евреев и с ролью Гитлера в принятии этого решения, я рассмотрю ключевой поворотный момент (сентябрь – октябрь 1941 года), а также специфику участия Гитлера в принятии решений.

4) Я вновь поставлю вопрос, почему нацистский режим мог рассчитывать не только на непротивление программе геноцида, но и на полное вовлечение столь многих «обыкновенных немцев» в убийство евреев Европы, как только было принято решение об уничтожении.

Нацистская демографическая политика

В предвоенные годы политика нацистов по отношению к евреям преследовала цель сделать Третий рейх «свободным от евреев» путем усиливающихся репрессивных мер, которые убедили бы немецких евреев, что в Германии они лишены будущего, и заставили бы их покинуть страну. В 1942–1945 годах нацистский режим увяз в титанической военной борьбе за выживание. Видя, как становятся несбыточными мечты о «жизненном пространстве» на востоке, равно как и перспективы военной победы, режим тем не менее старался осуществить «окончательное решение», то есть убить всех до единого евреев, оказавшихся в зоне досягаемости, – мужчин, женщин и детей. В промежуточный период, в 1939–1941 годах, связь между военной победой, территориальными захватами, целями войны и политикой по отношению к евреям была сложной и изменчивой. В результате военных

побед под контролем Германии оказывались все новые территории – и все больше и больше евреев. Однако среди многочисленных целей, которых нацисты надеялись достичь в ходе войны, господствовало создание немецкого «жизненного пространства» на востоке, что означало подлинную демографическую революцию – изменение структуры народонаселения Восточной Европы в соответствии с нацистскими расовыми принципами.

После сентября 1939 года Польша стала лабораторией нацистских экспериментов в области демографического переустройства и расового империализма. Важной составной частью этих экспериментов была этническая чистка территорий Западной Польши, включенных в Третий рейх («чистка» подразумевала выселение поляков и евреев), и их заселение этническими немцами. «Вычищение» евреев с аннексированных земель должно было стать прелюдией к их изгнанию с остальных территорий Третьего рейха, а затем и из всей контролируемой Германией Европы – по одному плану в Люблинскую резервацию, по другому – на Мадагаскар, а по третьему – в «арктические пустыни» Сибири.

Однако насколько эти три программы выселения евреев, сменявшие одна другую, выражали истинные намерения Гитлера и нацистов? Мой ответ: целиком и полностью! Совершенно ясно также, что нацисты под эвфемизмом «переселение» подразумевали изгнание, сопровождавшееся огромными – и предусмотренными – жертвами. Как заявил один нацистский инспектор, осматривавший территорию предполагаемой Люблинской резервации: «Эта территория с ее крайне болотистой природой может... служить еврейской резервацией» и «привести к значительному сокращению еврейского населения»¹. Три упомянутые схемы выселения евреев не были претворены в жизнь только потому, что они шли вразрез с другими нацистскими программами и не вписывались в военно-экономический контекст. Тем не менее каждый следующий провал не только усиливал разочарование и озлобление «демографических инженеров», но и приближал их к мысли, что, в конце концов, проще убить евреев, чем выселять их, способствовал привыканию к идее массового уничтожения и укреплял всеобщую решимость приступить к геноциду.

¹ *International Military Tribunal* (далее – *ИМТ*), vol. 30, p. 95 (PS-2278).

Я согласен с мнением Гёца Али: нацистская концепция народонаселения сыграла основную роль в эволюции нацистской политики по отношению к евреям в сторону «окончательного решения»; однако мы с ним расходимся в одном важном вопросе. Он склонен рассматривать «окончательное решение» как побочный продукт политики народонаселения; он не считает выселение евреев самостоятельной задачей, но полагает, что перемещение других групп населения – этнических немцев, поляков – могло быть осуществлено только после выселения евреев, когда для этих групп освободилось бы место² (так же как раньше он доказывал, что уничтожение евреев не было для нацистов самостоятельной целью, а проводилось потому, что еврейская монополия на городские кустарные ремесла препятствовала проектам модернизации, требовавшим уменьшения перенаселенности села и повышения эффективности производства)³. Удаление евреев представляется мне не побочным продуктом решения более приоритетных задач, но сердцевинной нацистской идеологии и мечты о расово перестроенном «жизненном пространстве» на востоке. Через мою книгу красной нитью проходит рассказ о том, как те или иные составные части этого глобального проекта расовой инженерии, намеченные в наиболее экстравагантной форме генеральным планом «Ост», откладывались, по практическим соображениям, на будущее, тогда как нацистская политика в отношении евреев, принявшая форму «окончательного решения», быстро вышла за отведенные ей рамки, обрела самостоятельность и приоритет, которых прежде не имела, и в марте 1942 года оказалась готова к осуществлению.

Геттоизация: центр или периферия?

Авторы умножившихся в последнее время региональных и локальных исследований Холокоста в разных частях Восточной

² Götz Aly, *“Final Solution”: Nazi Population Policy and the Murder of European Jews* (London: Arnold, 1999); см. также *“Jewish Resettlement”: Reflection on the Political Prehistory of the Holocaust* // Ulrich Herbert (ed.), *National Socialist Extermination Policies: Contemporary German Perspective and Controversies* (New York: Berghahn Books, 2000), pp. 53–82.

³ Götz Aly, Susanne Heim, *Architects of Annihilation: Auschwitz and the Logic of Destruction* (London: Weidenfeld and Nicolson, 2002); см. также Götz Aly, Susanne Heim, *“The Economics of the Final Solution: A Case Study from the General Government”* // *Simon Wiesenthal Center Annual*, № 5 (1988), pp. 3–48.

Европы свели свои разыскания к вопросу о центре и периферии. Естественным образом они подчеркивали ту важнейшую роль, доселе неизвестную и впервые раскрытую в их трудах, которую инициативы и решения местной администрации играли в развязывании кампаний массового убийства. В результате в этих исследованиях центр представлен относительно пассивным или ограничивающимся поддержкой инициативы на местах, а оккупационные власти на периферии оказываются движущей и радикализующей силой, стоявшей за массовым убийством. Не отрицая важной роли, которую местные инициативы играли в принятии решений, я хотел бы подчеркнуть необходимость уравновешенного подхода. Не всегда местные власти подталкивали центр ко все более и более радикальным мерам. Нередко они избирали относительно умеренный вариант политики – и высшее руководство отвергало его. И хотя многие чиновники и командиры среднего и нижнего звена горели желанием «работать для фюрера» и полагали массовое убийство вполне приемлемым решением изобретенной нацистами «еврейской проблемы», они не чувствовали себя вправе сделать решающий шаг, не имея гарантий или твердой уверенности, что Гитлер поддерживает эту идею. Не следует преуменьшать роль Гитлера как инстанции, дававшей одобрение и принимавшей ключевые решения, обязательные для оккупационных властей – как умеренных, так и настроенных весьма радикально.

Здесь стоит сопоставить геттоизацию и начало «окончательного решения». В начале августа 1941 года командир эйнзацгруппы «А» Франц Вальтер Шталекер решительно отверг предложение рейхскомиссара Лозе следовать в еврейской политике «Остланда» польской модели геттоизации. Чтобы понять смысл этого отказа, важно иметь в виду, что, хотя евреи, оказавшиеся в гетто, а впоследствии и многие историки рассматривали польские гетто как первый шаг на пути к уничтожению, нацистские радикалы того времени считали геттоизацию нежелательной альтернативой массовому уничтожению евреев, а вовсе не подготовкой к нему. Чтобы понять сложившуюся ситуацию, рассмотрим положение в Польше 1939–1940 годов. Политика, провозглашенная тогда Рейнгардом Гейдрихом, объявляла концентрацию евреев в городах ближайшей целью (*Nahziel*), за которой последует конечная цель (*Endziel*) – выселение в еврейскую резервацию. Когда же на-

цистские планы «переселения» один за другим провалились, вопрос о судьбе образовавшихся скоплений евреев был оставлен на усмотрение местных властей. Местные власти – в разное время, в разных местах, руководствуясь разными мотивами и в различных формах – создали временные гетто. В Лодзи и особенно в Варшаве создание закрытых гетто перерезало все экономические связи между еврейскими узниками и окружающим населением; огромная смертность в гетто, вызванная голодом и эпидемиями, заставила местные власти задуматься о перемене стратегии.

Некоторые немецкие чиновники местного уровня выступали за политику целенаправленного истощения гетто, то есть за создание там условий, способствующих скорейшему вымиранию обитателей. Например, в Лодзи заместитель начальника гетто Александер Пальфингер считал, что «быстрое вымирание евреев не волнует нас, чтобы не сказать – желательно нам...» (*Völlig gleichgültig, um nicht zu sagen wünschenswert, ist uns das rasche Absterben der Juden...*), и поэтому в гетто следует целенаправленно создавать «примитивнейшие условия» (*die primitivsten Voraussetzungen*)⁴. В Варшаве начальник Варшавского дистрикта с явным удовлетворением отмечал, что «евреи исчезнут от голода и нужды, и от еврейского вопроса не останется ничего, кроме кладбища»⁵. Некоторые чиновники, напротив, выступали за «продуктивизацию» гетто, при которой производительный труд евреев использовался бы для создания в гетто самодостаточной экономики и гетто обеспечивало себя само, ничего не стоя Рейху. В Лодзи Ганс Бибов старался доказать, что должны быть приложены все усилия, «чтобы облегчить самообеспечение евреев через подыскивание им работы»⁶ (*durch Arbeitsbeschaffung die Selbsterhaltung der Juden zu fördern*). А в Генерал-губернаторстве главный хозяйственник в аппарате Ганса Франка подчеркивал, что «исходной точкой всех экономических мероприятий, касающихся гетто, должна быть

⁴ «Критический доклад» Пальфингера, 7.11.1940: архив Яд Вашем (далее – АЯВ). О-53/78/76-82.

⁵ См. статью Филипа Фридмана "The Jewish Ghettos in the Nazi Era" в его книге Philip Friedman, *Roads to Extinction: Essays on the Holocaust* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1980), p. 89.

⁶ Żydowski Instytut Historyczny w Polsce (ed.), *Dokumenty i materiały do dziejów okupacji niemieckiej w Polsce*, vol. 3: *Getto Łódzkie* (Łódź: Centralna Żydowska Komisja Historyczna w Polsce, 1946), pp. 102–104 (совещание 18.10.1940).

идея поддержания жизнеспособности евреев»⁷ (*Ausgangspunkt für alle Maßnahmen auf wirtschaftlichen Gebiet gegenüber den Ghetto sei der Gedanke gewesen, die Lebensfähigkeit der Juden zu erhalten*).

Чтобы понять, как разрешился этот конфликт, обратим внимание на три момента. Во-первых, конфликт был улажен местными силами, без вмешательства Берлина, где центральные власти по-прежнему планировали решение еврейского вопроса в виде той или иной схемы выселения, без поправок на реальную ситуацию на местах. Во-вторых, «продукционисты» были сильнее сторонников «истощения». Хотя большинство немецких чиновников на оккупированных территориях, разумеется, мыслили себя пионерами «расового империализма» в Восточной Европе, они еще не осознавали, что «работа для фюрера» обернется совершением геноцида. Скорее они считали своей задачей свести к минимуму бремя содержания еврейского гетто в преддверии выселения евреев. Однако решение «продукционисты» предлагали рискованное, ибо управители гетто не могли добиваться перераспределения продовольствия и сырья в пользу евреев за счет кого-то другого. Они могли работать только на остаточных ресурсах, не затребованных никем другим. После того как «продукционисты» взяли верх над сторонниками «истощения», смертность в гетто стабилизировалась и даже несколько уменьшилась, однако угроза голода висела над гетто всегда. В-третьих, даже сторонники рационального использования еврейского труда и создания самообеспечивающихся гетто рассматривали гетто как временное зло, неизбежное, однако, до момента полного уничтожения евреев. Когда центр перешел к политике ликвидации гетто, бывшие «продукционисты», освобожденные от своего «бремени», с готовностью приняли участие в уничтожении того, что когда-то создавали.

Как мне видится, геттоизация в Польше не была рассчитанным подготовительным шагом в начертанном заранее генеральном плане «окончательного решения». Незаметен в ней и механизм «кумулятивной радикализации»⁸, идущей с периферии и принуждающей центр к дальнейшим и более энергичным действи-

⁷ Werner Präg und Wolfgang Jacobmeyer (Hg.), *Hans Frank. Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945* (Stuttgart, 1975), S. 343–346 (сочинение 3.4.1941).

⁸ «Кумулятивная радикализация» – процесс радикализации политики, возникающий,

ям. И наконец, геттоизация не подвигла местных технократов приступить к «окончательному решению» как к этапу экономической модернизации. Резкий переход к систематическому массовому убийству произошел не в Польше, а на советской территории, где польская модель была решительно отброшена и где, по словам Шталекера, был избран «радикальный подход к еврейскому вопросу, ныне впервые ставший возможным на востоке» (*die im Ostraum erstmalig mögliche radikale Behandlung der Judenfrage*)⁹.

Сентябрь – октябрь 1941 года: решение о геноциде евреев и роль Гитлера в принятии этого решения

Большинство ученых сегодня согласны в том, что операция «Барбаросса» и война на уничтожение (*Vernichtungskrieg*) против СССР проложили дорогу для реализации «окончательного решения» на советской территории. В конце июля 1941 года нацистские расстрельные команды начали переходить от селективных расстрелов евреев – взрослых мужчин к массовым убийствам еврейских женщин, детей и стариков. Вскоре целые города и районы были объявлены «свободными от евреев». Однако мнения историков о том, как и когда было решено перейти ко второй фазе «окончательного решения», касавшейся евреев Европы, расходятся. Так, недавно Кристиан Герлах утверждал, что именно в декабре 1941 года, после провала «молниеносной войны» на востоке и вступления США в войну, Гитлер объявил о своем «главном решении» (*Grundentscheidung*) – распространить убийство евреев на Центральную и Западную Европу¹⁰. Петер Лонгерих утверждает, что нацистская политика уничтожения (*Vernichtungspolitik*) в различных формах претворялась в жизнь с сентября 1941 года, но к последней стадии «окончательного ре-

когда чиновники различных ведомств из карьерных соображений стараются превзойти друг друга, предлагая все более и более радикальные меры. Применительно к нацистской Германии термин был предложен Гансом Моммзеном в начале 80-х годов. – Прим. ред.

⁹ Wolfgang Benz, Konrad Kwiet, Jürgen Matthäus (Hg.), *Einsatz im 'Reichskommissariat Ostland.' Dokumente zur Völkermord im Baltikum und in Weissrussland* (Berlin: Metropol, 1998), S. 41–46 (докладная Шталекера, 6.8.1941).

¹⁰ Christian Gerlach, "The Wannsee Conference, the Fate of the German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All Jews" // *Journal of Modern History*, № 70 (1998), pp. 759–812.

шения» в его крайней форме приступили только в конце весны 1942 года¹¹. В своей книге я доказываю, что Гитлер и нацистский режим, пытаясь решить навязанную самим себе проблему – «еврейский вопрос», перешли Рубикон в сентябре – октябре 1941 года: именно тогда план выселения сменился планом тотального и систематического уничтожения. Этот решающий поворот произошел не в контексте озлобления, вызванного провалом операции «Барбаросса» и вступлением Америки в войну, но на фоне победной эйфории, последовавшей за взятием Киева и успешным окончанием операции двойного окружения под Вязьмой и Брянском, и недолго прожившей уверенности в скорой победе на Восточном фронте.

В конце июля 1941 года Геринг уполномочил Гейдриха составить план «окончательного решения еврейского вопроса» на всей территории Европы, оказавшейся под немецким контролем; я вижу здесь поручение выяснить возможность проведения операции, а не приказ приступить к убийству европейских евреев. Однако месяц спустя, в августе, когда немецкая военная кампания на востоке забуксовала, Гитлер последовательно отверг предложения Гейдриха и Геббельса начать депортации евреев Рейха на восток. Гитлер возражал против проведения таких депортаций во время войны, но пообещал, что разрешит их «немедленно по окончании восточной кампании» (*unmittelbar nach der Beendigung des Ostfeldzuges*)¹². Эсэсовские проектировщики, естественно, были разочарованы и растеряны. Рассмотрим дело Рольфа-Хейнца Хёппнера. Получив поручение провести этнические чистки в Вартегау¹³, в середине июля 1941 года он предложил Эйхману воспользоваться каким-либо «быстродействующим средством» (*durch ein schnellwirkendes Mittel*), чтобы убить неработающих евреев Лодзинского гетто. В начале сентября 1941 года он пожаловался Эйхману, что

¹¹ Peter Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistische Judenverfolgung* (München: Piper, 1998).

¹² Elke Fröhlich (Hg.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* (München: Saur, 1987), Teil II, Bd. 1, S. 265–266 (запись от 19.8.1941).

¹³ Часть территории Западной Польши (область реки Варты), аннексированная Германией и включенная в Рейх. Рольф-Хейнц Хёппнер – сотрудник СД, в тот момент начальник «Переселенческого бюро» в Вартегау; именно он отвечал за «чистку» этой области от поляков и евреев и заселение освободившихся территорий немцами. – Прим. ред.

не может составить детальный план депортации, пока «основополагающие решения» (*die grundlegenden Entscheidungen*) не приняты и он не знает «замыслов фюрера» (*die Absichten des Führers*). «В этом вопросе важно, – продолжал он – установить с самого начала полную ясность: что будет с нежелательными этническими элементами после их депортации с территории, подлежащей заселению немцами; состоит ли цель в том, чтобы на длительный срок обеспечить им определенный уровень жизни, или они должны быть полностью уничтожены» (*Wesentlich ist dabei im übrigen, daß von Anfang an völlige Klarheit darüber herrscht, was nun mit diesen ausgesiedelten, für die großdeutsche Siedlungsräume unerwünschten Volksteilen endgültig geschehen soll, ob das Ziel darin besteht, ihnen ein gewisses Leben für dauernd zu sichern, oder ob sie völlig ausgemerzt werden sollen*)¹⁴. Ключевой вопрос я вижу не в том, когда нацистский режим начал осуществление «окончательного решения», а в том, когда Гиммлер, Гейдрих и их ближайшие помощники осознали с «полной ясностью», что фюрер видит цель нацистской политики по отношению к евреям в полном уничтожении.

В середине сентября 1939 года, когда пассивность французов на линии Мажино и соблюдение СССР пакта о ненападении принесли Германии легкую победу над Польшей, Гитлер одобрил предложения Гиммлера о широкомасштабной этнической чистке вновь завоеванных территорий и об их демографическом переустройстве. В конце мая – начале июня 1940 года, после того как немецкие войска достигли Ла-Манша и отрезали от него наиболее боеспособные части французской и британской армий, обеспечив этим быструю победу на западе, Гитлер одобрил повторные предложения Гиммлера касательно судьбы Польши, а также предложение МИДа о выселении евреев на Мадагаскар. В середине июля 1941 года, окрыленный первыми успехами операции «Барбаросса», Гитлер объявил вновь занятые территории «райским садом» (*Garten Eden*), откуда Германия не уйдет, и потребовал интенсификации казней¹⁵; вскоре после этого призыва-пророчества жертвами систематических убийств стали еврейские женщины,

¹⁴ Höppner Aktenvermerk, 2.9.1941: U.S. Holocaust Memorial Museum Archives, RG 15.007m, 8/103/45-62.

¹⁵ *IMT*, vol. 38, pp. 86–94 (221-L: совещание 16.7.1941).

дети и старики. Короче говоря, мы видим заметную корреляцию между немецкими победами и радикализацией нацистской расовой политики. Эта зависимость, как я показываю, сохранялась и осенью 1941 года – и определила судьбу европейских евреев.

После августовской паузы в военных действиях немецкие войска 8 сентября сомкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда, 16 сентября закончили окружение советских сил на южном участке фронта, а 19 сентября взяли Киев. 2 октября немецкие войска возобновили наступление на Москву на центральном участке фронта и 7 октября завершили двойное окружение Вязьмы и Брянска, подавив всякое сопротивление в этих двух котлах (соответственно 15 и 18 октября). Как эту цепочку новых побед воспринимал Гитлер? Привела ли очередная эйфория к очередному витку нацистской расовой политики? 24 сентября Гитлер заверил Геббельса, что «заклятие снято. В ближайшие три-четыре недели мы снова должны ожидать великих побед» (*Der Bann ist gebrochen. Wir haben in den nächsten drei bis vier Wochen wiederum große neue Siege zu erwarten*)¹⁶. Он предсказывал, что к 15 октября Москва будет окружена и серьезные боевые действия окончены. Когда Гитлер вернулся в Берлин (собираясь 4 октября выступить с речью), Геббельс снова отметил, что Гитлер «находится в настроении бьющего через край оптимизма» (*befindet sich in einer übersprudelnd optimistischen Laune*), и предсказывает разгром советской армии за четырнадцать дней¹⁷. Согласно другим записям в дневнике Геббельса, в начале ноября Гитлер все еще оптимистично оценивал ситуацию на фронте.

В развитии нацистской политики по отношению к евреям можно уверенно выделить четыре ключевые даты. 18 сентября Гиммлер дал знать о полном отходе от прежней политики Гитлера – не допускать депортаций во время войны. Теперь Гитлер желает (*wünscht*), чтобы Рейх как можно скорее (*bald möglichst*) был «очищен и освобожден от евреев» (*von Juden geleert und befreit werden*). «Как первый шаг» (*als erste Stufe*) предписывалась депортация евреев Рейха в Лодзь, а оттуда – «следующей весной

¹⁶ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Bd. 1, S. 480–482* (запись от 24.9.1941).

¹⁷ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Bd. 2, S. 49–50* (запись от 4.10.1941).

еще дальше на восток» (*im nächsten Frühjahr noch weiter nach dem Osten*)¹⁸. 15 октября первый «юдентранспорт» отошел в Лодзь. 18 октября Гиммлер и Гейдрих резко изменили еще один пункт своей политики – запретили еврейскую эмиграцию. Наконец, 1 ноября началось сооружение лагеря смерти в Белжеце.

Некоторые историки утверждают, что отказ от еврейской эмиграции не означал отказа от выселения евреев как конечной цели нацистской политики; что решение начать депортации евреев Рейха на восток еще не было решением убить их; что сооружение лагерей смерти в Белжеце и (практически одновременно) в Хелмно инициировали местные власти, прежде всего чтобы сократить неработающее еврейское население Люблинского дистрикта и Вартегау. Я, напротив, полагаю, что совпадение этих событий во времени говорит о решающем повороте в нацистской политике по отношению к евреям – о переходе от плана выселения евреев к плану их систематического тотального уничтожения. Я не могу сейчас, конечно, привести исчерпывающий набор исторических свидетельств в поддержку своего заключения, но я могу кратко наметить свою аргументацию. Я утверждаю, что в конце сентября Эйхман узнал от Гейдриха о желании Гитлера уничтожить евреев Европы и что он инспектировал приготовления Кристиана Вирта к опытам по использованию угарного газа, содержащегося в выхлопных газах. Первые опыты проводились в польских деревнях, в крестьянских домах, из которых были выселены владельцы, и предшествовали созданию лагеря смерти в Белжеце¹⁹. Я доказываю, что всего за двенадцать дней – с 13 по 25 октября – были разработаны планы строительства лагерей с газовыми камерами не только в Белжеце, но и в Хелмно, Риге, Могилеве, Биркенау и, возможно, в Собиборе, и более того – за исключением, может быть, только Биркенау, Берлин именно принимал решения (а не просто реагировал на местные инициативы). Я доказываю, что решение прекратить эмиграцию прямо вытекало из ответа Гейдриха на предложения, сделанные дипломатами Франко, – поселить

¹⁸ Гиммлер – Грейзеру, 18.9.1941: National Archives and Records Administration, College Park, MD, microfilm T175/54/2568695.

¹⁹ Для более подробного изучения свидетельств и показаний Эйхмана о его поездке в Люблин с целью инспектирования приготовлений Вирта см. Christopher R. Browning, *Collected Memories: Holocaust History and Postwar Testimony* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2003), pp. 3–36.

испанских евреев, проживавших во Франции, в Марокко, чтобы ни один еврей не мог избежать «всеохватывающих послевоенных мер по принципиальному решению еврейского вопроса» (*den nach Kriegsende zu ergreifenden Maßnahmen zur grundsätzlichen Lösung der Judenfrage*)²⁰. Я доказываю, что к концу октября – как свидетельствует документ, касающийся судьбы еврейских женщин, детей и стариков в Белграде, – даже низшего ранга «эксперты по евреям» знали о намерениях режима отправить евреев Европы в «лагеря задержания на востоке» (*Auffanglager im Osten*), «как только представится техническая возможность в рамках общего решения еврейского вопроса» (*Sobald dann im Rahme der Gesamtlösung der Judenfrage die technische Möglichkeit besteht*)²¹. Наконец, я доказываю, что к концу октября многие из чиновников нижнего звена в Берлине знали, что «в ближайшее время часть еврейских паразитов будет уничтожена специальными мерами» (*In nächster Zeit wird von dem jüdischen Ungeziefer durch besondere Maßnahmen manches vernichtet werden*). Здесь я цитирую малоизвестное письмо; автор письма сообщает о беседе со старым членом партии, который занимался еврейским вопросом на востоке. Характерно, что письмо датировано 23 октября, тем самым днем, когда Эйхман собрал на совещание в Берлине своих экспертов по депортации²². В ближайшие месяцы оставалось принять важные решения – как, когда, где, в каком темпе и с какими временными исключениями будет совершаться убийство европейских евреев. Однако на фундаментальный вопрос о конечной судьбе евреев, заданный Хёппнером, – «состоит ли цель в том, чтобы на длительный срок обеспечить им определенный уровень жизни, или они должны быть полностью уничтожены», – ответ был получен.

Некоторые историки доказывают, что решение такого рода не могло быть принято, потому что из сорока трех еврейских транспортов, отправленных из Рейха до конца 1941 года, только шесть были уничтожены по прибытии; с их точки зрения, несхожесть судеб разных транспортов указывает на отсутствие единой поли-

²⁰ Докладные записки Лютера от 13.10 и 17.10.1941: Political Archives of the German Foreign Office (далее – PA), Pol. Abt. III 246.

²¹ *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*, Serie D, Bd. 13, Teil 2, S. 570–572 (доклад Радемахера, 25.10.1941).

²² Бурм – Радемахеру, 23.10.1941: PA, Inland II AB 59/3.

тики, основанной на каком-то едином решении. По моему мнению, такое рассуждение упускает главное. Из документов осени 1941 года следует, что «технической возможности» общего решения пока нет, что эти депортированные евреи будут отправлены «следующей весной» еще дальше на восток, а «особые меры» будут приняты «в близком будущем» или «по окончании войны». До декабря 1941 года подобные упоминания сроков операции подразумевали конкретный график действий. После советского контрнаступления под Москвой, нападения Японии на Пёрл-Харбор и объявления Германией войны Соединенным Штатам вопрос встал заново; «следующая весна» и «близкое будущее» могли теперь и не совпасть с «окончанием войны». Вопреки утверждениям Кристиана Герлаха, смысл речи, произнесенной Гитлером 12 декабря перед вождями партии, видится мне не в намерении сообщить соратникам о принципиальной готовности взяться за «окончательное решение еврейского вопроса», а в желании продемонстрировать им решимость воплотить этот план в жизнь. «Окончательное решение» больше не откладывалось на неопределенный срок, до окончания войны; к нему следовало приступить следующей весной.

Мои рассуждения о ключевых решениях сентября – октября 1941 года и о роли Гитлера в принятии этих решений – часть более широкой системы аргументации, показывающей, что Гитлер определял нацистскую политику в отношении евреев в значительно большей степени, чем утверждают Иан Кершоу и Петер Лонгерих в своих недавних работах. Как представляется мне, во внутренних делах Гитлер был похож на помещика, живущего вне своего имени и желающего, чтобы «управляющие» поменьше его беспокоили. Во внешней политике и в военных делах он часто вел себя как руководитель нижнего эшелона и мог неожиданно вмешиваться во всякие мелочи. В расовой же политике он придерживался особого стиля руководства и действовал иначе. Чтобы сообщить о своих желаниях, Гитлер подавал сигналы – делал неясные заявления и предсказания, обращался с невнятными призывами. Остальные, особенно Гиммлер, с необычайным рвением ловили эти сигналы на лету – и приносили Гитлеру на утверждение готовые директивы. Классическим примером служит докладная записка Гиммлера, поданная в мае 1940 года и посвященная обращению с немемецким населением на востоке. Гитлер не только нашел ее «очень хорошей и правильной», но и

разрешил Гиммлеру показывать ее другим нацистским вождям и ссылаться при этом на его, Гитлера, одобрение²³. Такова бывала часто природа решений, принимаемых Гитлером, и «приказов фюрера» (*Führerbefehl*), хотя иногда приказ бывал и куда более прямым (например, когда он одобрял предписание немецким евреям носить желтую звезду или депортацию евреев из Рейха).

Совершенно очевидно, что в этот период между Гитлером и Гиммлером установились тесное сотрудничество и взаимная симпатия. Я доказываю, что действия Гиммлера позволяют понять ход мыслей Гитлера. В 1939–1940 годах Гиммлер проталкивал грандиозные схемы этнических чисток, призванные перекроить демографическую карту нового «жизненного пространства» Германии и содержавшие все более радикальные и разрушительные планы выселения евреев. Перед началом операции «Барбаросса» он очертил принципы войны на уничтожение против Советского Союза, обрекавшей миллионы людей на смерть от голода, казней и выселения. В июле и августе 1941 года он проинспектировал и усилил свои расстрельные команды, а также потребовал ускорить и ужесточить казни советских евреев, особенно женщин и детей. Осенью 1941 года он начал депортацию евреев Рейха и положил конец немецкой политике принудительной эмиграции евреев, более того, он запретил евреям покидать территории под германским контролем. Он также провел совещания с людьми, сыгравшими ключевую роль в «окончательном решении»: 13 октября – с Одило Глобочником, который вскоре после этого начал сооружение лагеря смерти в Белжеце; в конце октября – с немецкими чиновниками в Могилеве, которых он известил о намерении создать там лагерь с газовыми камерами и крематориями, чтобы облегчить уничтожение евреев²⁴; в начале ноября – с Фридрихом Еккельном, посланным ликвидировать Рижское гетто; 15 ноября – с Альфредом Розенбергом, который сразу же заявил, что еврейский вопрос «может быть решен только путем биологического искоренения всего еврейства Европы»²⁵. Я не думаю, что Гим-

²³ Helmut Krausnick, "Denkschrift Himmlers über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Bd. 5, № 2 (1957), S. 194–198.

²⁴ Christian Gerlach, "Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilev, Belorussia" // *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 7, № 1 (1997), pp. 60–78.

²⁵ Peter Witte et al. (Hg.), *Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42* (Hamburg: Christians, 1999), p. 262; речь Розенберга от 18.11.1941: PA, Pol. XIII, VAA Berichte.

млер мог провести хоть одно из этих совещаний, не будучи убежден, что воплощает в жизнь одобренную Гитлером политику.

Необходимое участие «обыкновенных немцев»

И наконец, главный вопрос: как мог режим быть уверен в том, что «обыкновенные немцы» приложат все усилия для осуществления массового убийства евреев Европы? Между нацистским успехом на выборах 1930 года и захватом власти (*Machtergreifung*) Гитлер объявил национал-социализм чудодейственным средством, которое положит конец национальному унижению, экономическому краху, параличу политической системы, социальному расколу и моральному разложению. Антисемитские лозунги были несколько приглушены, поскольку казались не самым надежным способом привлечь голоса избирателей за пределами круга партийных фанатиков. Начало нацистского правления многими воспринималось как политическое возрождение, экономическое оздоровление и триумф внешней политики; нацисты убедились, что большинство немцев готовы принять юридические меры, ведущие к сегрегации, унижению и несправии евреев и к изъятию их собственности, – и в конце концов, усвоив нацистские идеи, перестать видеть в евреях немцев и вообще людей. Однако когда на первый план выходило насилие, как это было в 1933 и 1935 годах и особенно во время «Хрустальной ночи» 1938 года, режим обнаруживал, что насилие и вандализм в общественной жизни большинству немцев отвратительны. Во время «Хрустальной ночи» большинство немцев выбрали, по выражению Шауля Фридлендера, позицию охваченных чувством неловкости «наблюдателей», а не активных участников²⁶. Но если в 1938 году «обыкновенные немцы» стеснялись бить витрины магазинов, поджигать синагоги, избивать евреев на улицах Германии, почему всего три года спустя они захотели убивать миллионы евреев Восточной Европы столь жестоко и бесчеловечно, что это воистину не поддается ни описанию, ни воображению?

В этом вопросе я разделяю мнение Роберта Джеллатели, утверждающего, что во многих аспектах германской жизни война

²⁶ Saul Friedländer, *Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution* (New York: Harper & Collins, 1997), p. 298.

«революционизировала нацистскую революцию»²⁷. В рамках нашей темы я хочу подчеркнуть: «расовая война» и «расовый империализм» на востоке (иначе говоря, средства и цели войны, намеченные нацистским режимом) создали время, место и условия, максимально благоприятствовавшие превращению «обыкновенных немцев» в убийц, творящих геноцид. Не будет преувеличением утверждать, что в первой половине XX века политическая культура всех европейских национальных государств зиждилась на безоговорочном консенсусе в одном вопросе: гражданин обязан исполнять свой долг и поддерживать свою страну во время войны. Этот консенсус не был изобретен нацистами, но сослужил им хорошую службу. Многие высказывания Гитлера и других нацистских вождей в предвоенные годы свидетельствуют о полной уверенности в том, что грядущая война позволит ускорить применение деструктивных мер не только против евреев, но и против лиц с физическими и умственными недостатками. Условия Брестского мирного договора и почти всеобщая ненависть к Версальскому договору показывают, что недовольство результатами Первой мировой войны и неугасшие имперские претензии в Восточной Европе, подкрепленные уверенностью в немецком расовом и культурном превосходстве, были повсеместно распространены в немецком обществе; здесь большинство немцев были согласны с режимом. Верные провозглашенной государством миссии «расового империализма» на востоке, немецкие оккупанты в Польше быстро усвоили и поддержали идею перекраивания демографической карты Европы, перекраивания, после которого не останется ни одного еврея. Даже те из колониальных чиновников, кто предпочитал «продуктивизировать» гетто, а не «истощать» их, – в большинстве своем, не в силах справиться с «невозможным положением»²⁸ (*unmöglichlicher Zustand*), возникшим в результате геттоизации, с хроническим голодом, болезнями и засильем черного рынка, ждали, когда же наконец евреи исчезнут.

Но решающий шаг в планах избавления от евреев – переход от идеи их выселения к идее систематического массового убийства –

²⁷ Robert Gellately, *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany* (Oxford: Oxford University Press, 2001), p. 261.

²⁸ Фраза принадлежит Грейзеру, описывавшему положение в Лодзинском гетто. Frank, *Diensttagebuch*, p. 261 (совещание Грейзера и Франка 31.7.1940).

был сделан не в Польше, а на советской территории. К интересам расового империализма и бремени «невозможного положения» добавился энтузиазм крестового похода против большевизма и еще более жестокой расовой войны, войны на уничтожение. К весне 1942 года уже погибли 2 000 000 советских военнопленных; миллионы советских граждан умерли от голода или были расстреляны. Если эти жертвы добавить к 70 000 – 80 000 немцев – обладателей умственных и физических дефектов, к польской интеллигенции, к тысячам жертв карательных акций в Сербии и в других странах, то станет ясно, сколь велика была способность нацистского режима мобилизовать «обыкновенных немцев» на убийство миллионов, даже и неевреев. Антисемитизм не имеет к этим случаям никакого отношения. Убитые почти неизменно были жертвами нацистского расового империализма, который обесценивал жизни многих категорий людей помимо евреев.

На этом фоне евреи подвергались все большей опасности. В Германии конца XIX века, как пишет Шуламит Волков, евреи стали символом демократии и социализма, капитализма и безудержного свободного предпринимательства, интернационализма и художественного экспериментаторства, а антисемитизм был культурным кодом оппозиции этим новшествам²⁹. В 30-е годы антисемитские предрассудки получили государственную легитимацию, были облечены в статью закона и, по мере того как немецкие евреи лишались своих прав, собственности и достоинства, усвоены многими немцами. В Польше евреи тоже стали символом «невозможного положения» – болезней, нехватки жилья, засилья черного рынка, грязи и голода. К 1941 году на советской территории евреи оказались воплощением большевизма, азиатской угрозы, партизанского сопротивления, в то время как происходящее понималось как бескомпромиссная война между непримиримыми расовыми и идеологическими врагами. Короче говоря, немецкий антисемитизм не был статичен, он усиливался под воздействием меняющегося исторического контекста и, наконец, в 1941 году смёл последние хрупкие преграды на своем пути и принял форму геноцида. Разлагающее влияние постоянно усиливавшейся «расовой войны» и «расового империализма» подго-

²⁹ Shulamit Volkov, "Antisemitism as a Cultural Code" // *Leo Baeck Institute Yearbook*, vol. 23 (1978), pp. 25–46.

товили почву для геноцида евреев на советской территории. Едва опробовав это «решение» там, нацистский режим перенес его и на остальных евреев Европы. «Обыкновенные немцы» свыклись с массовым убийством миллионов евреев и неевреев на советской земле – и без колебаний применили гитлеровское «окончательное решение» и к евреям Европы.

*Впервые опубликовано по-английски как “On My Book ‘The Origins of the Final Solution’: Some Remarks on its Background and on its Major Conclusions,” in David Bankier, Dan Michman, eds., *Holocaust Historiography in Context: Emergence, Challenges, Polemics, and Achievements* (Jerusalem: Yad Vashem, 2009), pp. 403-419. Перевод с английского Иланы Романовской.*

Герхард Л. Вайнберг

ДВЕ РАЗЛИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ?
ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ХОЛОКОСТ

Во многих исторических трудах о Второй мировой войне грандиозный конфликт предстает перед читателем опасной шахматной игрой, участники которой теряют и жизни, и шахматные фигуры. Складывается впечатление, будто государства, обладающие армиями, не вполне ясно представляют себе, что с этими армиями делать. Поэтому государства решают напасть на своих соседей, и тогда соседям приходится защищаться. Значительная часть исторической литературы не дает представления о реальных целях войны. Безразличие к истинным интересам воюющих сторон, в первую очередь Германии, ведет многих историков по ложному пути – как в свое время оно повело по ложному пути правительства Италии и Японии, – и они видят во Второй мировой войне, по аналогии с Семилетней войной или с Первой мировой, борьбу за контроль над территорией, колониальными владениями, базами, рынками или сырьем. Ознакомившись с подобными работами, читатель может подумать, что немцы напали на Францию, чтобы дать Гитлеру возможность увидеть Эйфелеву башню, вторглись в Советский Союз, чтобы Трудовой фронт Роберта Лея мог организовать круиз по Каспийскому морю, и послали Эрвина Роммеля в Египет, чтобы потом без помех демонтировать пирамиды и выставить их в Берлине рядом с Пергамским алтарем.

*Мое понимание взаимосвязи
между Второй мировой войной и Холокостом*

Справедливости ради следует вначале объяснить, почему этот подход всегда казался мне лишенным смысла. Я покинул Германию в 1938 году, переехав в Англию. Я учился и жил на южном побережье страны, в школе, которую англичане называют «общественной школой» (*public school*), а американцы – «частным интернатом». Первый год Второй мировой войны я провел в тех краях и в Лондоне, причем в основном в бомбоубежище. Моя семья сумела бежать из Германии, однако многим нашим родственникам

повезло гораздо меньше: в последующие годы мы узнали, что они были убиты. Пожалуй, именно история моей семьи и личный опыт навсегда и неразрывно связали в моем представлении войну и Холокост. Поэтому когда я читаю об одном из этих событий, отсутствие упоминаний о связи между ними делает и войну, и Холокост еще менее понятными для меня. Слишком много книг, посвященных войне, ничего не говорят ни о ее природе, ни о ее отличии от всех других войн.

Отличный пример исторических трудов такого типа – вышедшая в свет в 1989 году книга Х.П. Уиллмотта «Великий крестовый поход: новая полная история Второй мировой войны»¹, которую покойный американский военный историк Рассел Уигли назвал «самой сбалансированной однотомной историей Второй мировой войны». Читатель найдет в этой книге множество всевозможных фактов и подробностей, прекрасно изложенных и талантливо проанализированных, – но так и не поймет, в чем же было дело. Уиллмотт – превосходный историк, перу его принадлежат две выдающиеся книги о ранних этапах войны на Тихом океане. Однако подобно многим другим историкам Второй мировой войны он не учел, что «полная» история этой войны невозможна без внимания к подоплеке событий. Другими словами, необходимо понять, почему немцы начали войну и чего они надеялись достичь, одержав победу, для них несомненную и закономерную. На страницах 444–484, рассказывая о зимнем наступлении Красной армии в 1945 году – а путь ее, в частности, лежал через Аушвиц, – Уиллмотт вскользь упоминает концентрационные лагеря. Автору явно не приходит в голову, что эти проявления немецкой *Kultur* могли бы помочь ему понять сущность войны. Предметный указатель книги вообще не содержит слов «евреи» и «Холокост».

Следующие примеры взаимосвязи между военными операциями и идеологическими целями способны прояснить этот исключительно важный аспект войны и Холокоста.

Пример 1: Восточный фронт на подступах к Москве

В свидетельствах того времени Уиллмотт и другие историки без труда могли бы обнаружить указания на особый характер

¹ H.P. Willmott, *The Great Crusade: A New Complete History of the Second World War* (London: Michael Joseph, 1989).

Второй мировой войны. Важные сведения содержатся в бумагах некоторых высокопоставленных немецких военных вождей. Зимой 1941–1942 года на центральном участке Восточного фронта, на подступах к Москве, части вермахта понесли тяжелый урон – из-за мощного контрнаступления Красной армии, а также из-за того, что в ожидании быстрой победы немецким солдатам не выдали зимней одежды. По странному совпадению, именно в это время немцы начали, транспорт за транспортом, переправлять евреев из Германии на восток для уничтожения. Как с горечью отмечали офицеры вермахта на фронте, для доставки к линии фронта теплой одежды и спасения солдат от гибели, от потери рук и ног поездов нет – зато для отправки евреев в том же самом направлении, из Германии на восток, составов хватает. Первый документ, содержащий такого рода замечание немецкого офицера, был опубликован более пятидесяти лет назад, в 1954 году. Возможно, историкам пора наконец заметить столь откровенное указание на приоритеты Германии во Второй мировой войне².

Пример 2: Гитлер, программа эвтаназии и уничтожение евреев

Другим вполне недвусмысленным, но редко упоминаемым свидетельством является умышленно неверная датировка Адольфом Гитлером как его приказа об убийстве инвалидов и душевнобольных, так и угрозы уничтожить евреев в случае войны (это заявление он сделал уже после того, как решил начать войну до конца текущего 1939 года). Однажды в 30-е годы Гитлера просили отдать распоряжение об убийстве умственно неполноценных людей и инвалидов, и он ответил, что это возможно лишь в военное время. Разрешение на осуществление программы эв-

² Гельмут Штифф в письме к своей жене, 19 ноября 1941 года (см. Hans Rothfels, "Ausgewählte Briefe von Generalmajor Helmuth Stieff" // *Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte*, № 2 [1954], S. 302–303). В 1960 году в ГДР был опубликован отчет этого немецкого военачальника в Польше от 18 сентября 1942 года, адресованный Верховному главнокомандованию вермахта (ОКВ), в котором говорится, что массовое убийство евреев помешает производству продукции, в которой нуждается армия. Автор был немедленно уволен со своего поста – см. Żydowski Instytut Historyczny w Polsce [Hg.], *Faschismus, Ghetto, Massenmord* (Berlin: Rütten und Loening, 1960), S. 444–446. Этот инцидент был недавно кратко пересказан и проанализирован, см. Christopher R. Browning, *Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), p. 78

таназии Гитлер подписал в конце октября 1939 года, однако на документе задним числом поставлена иная дата: 1 сентября 1939 года³. Позднее, упоминая в публичных выступлениях речь, произнесенную 30 января 1939 года, в которой прозвучала угроза в адрес евреев, Гитлер датировал ее 1 сентября⁴. Следует ли считать на основании неверной датировки, что Гитлер плохо ориентировался в календаре? Может быть, намеренное сопряжение двух программ систематического убийства с началом войны свидетельствует о том, что в глазах Гитлера война и массовое уничтожение людей были тесно связаны? Так почему же историки игнорируют эту связь?

Вторая мировая война, по замыслу ее инициаторов, должна была привести к демографической революции глобальных масштабов. Поэтому я полагаю, что те, кто изучает войну и демографическую революцию (центральное место в которой занимал Холокост), должны рассматривать их как две стороны одной медали, а не как различные сферы исследований, связанные лишь общей хронологией.

Гитлер, сожалея, что война не началась в 1938 году, и твердо решив начать ее в 1939-м, собирает на инструктаж представителей немецкой прессы, которым предстоит подготовить немецкую публику к предстоящей войне, – и как раз в это время и происходит ноябрьский погром 1938 года: случайное совпадение? Веря в легенду о «ноже в спину», в 1938 году Гитлер знал по опыту, что с каждым шагом Германии по чужой территории, будь то аннексия Австрии или оккупация части Чехословакии, растет число евреев под немецким контролем. Не означало ли это, что новые победы принесут лишь новых евреев? Как же уменьшить еврейское население страны, как обезопасить себя от тех евреев, кто не будет изгнан? Мне, в отличие от большинства историков Второй

³ Фотография этого документа приведена на титульном листе книги Henry Friedlander, *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995).

⁴ Предлагаю читателю сравнить речь Гитлера от 30 января 1941 года (Max Domarus [Hg.], *Hitler: Reden und Proklamationen, 1932–1945* [Neustadt a. d. Aisch: Schmidt, 1962], Bd. 2, S. 1663) с вариантом, приведенным в книге Ф. Боулера (Philipp Bouhler [Hg.], *Der Großdeutsche Freiheitskampf*, Bd. 2 [München: Zentralverlag der NSDAP, F. Eher Nachf., 1941], S. 222); ср. также речь от 30 января 1942 года (*Hitler: Reden und Proklamationen*, Bd. 2, S. 1829) и вариант Боулера (Bouhler, *Der Großdeutsche Freiheitskampf*, Bd. 3 [München: Eher, 1944], S. 197).

мировой войны или Холокоста, представляется очевидным, что решение о начале войны в 1939 году и о погроме в ноябре 1938 года следует рассматривать как различные аспекты характерного для Германии процесса принятия решений, а не как независимые события, случайно совпавшие во времени.

Пример 3: Военные цели нацистской Германии в Палестине и судьба еврейского ишува

Особенно яркий пример взаимосвязи между ходом Второй мировой войны и Холокостом связан с еврейским населением Палестины, находившейся в то время под британским мандатным правлением. В ноябре 1941 года германская армия пересекла низовья Дона в районе Ростова и, согласно планам и надеждам Гитлера, должна была отправиться на Кавказ, а оттуда на Ближний Восток. Сегодня мы знаем, что спустя несколько дней Красная армия выбьет немцев из Ростова и отбросит их на некоторое расстояние от города, но 28 ноября 1941 года, в ожидании прорыва на Ближний Восток с севера, через горы Кавказа, Гитлер долго беседовал с Великим муфтием Иерусалима, Хадж Амином Эль-Хусейни. Несмотря на просьбу муфтия, Гитлер не согласился выступить с публичным заявлением в поддержку арабской независимости; он, разумеется, не сообщил своему гостю, что Ближнему Востоку предстоит сделаться частью итальянской колониальной империи, а Германии – стать хозяйкой кавказских нефтяных месторождений. Зачем же немецкие армии отправлялись на Ближний Восток? Принято считать, что немцы хотели овладеть ближневосточной нефтью и Суэцким каналом.

Для Гитлера этот вопрос был однозначно ясен, и он поделился своими мыслями с гостем, который жаждал узнать мнение вождя Германии. Учитывая систематическое убийство евреев на недавно оккупированной территории Советского Союза, шедшее полным ходом, и принятое в июле 1941 года решение о массовом уничтожении всего еврейского населения контролируемой Германией Европы, захват Ближнего Востока должен был привести к уничтожению (*Vernichtung*, по выражению Гитлера) всех евреев этого региона, численность которых в то время составляла, вероятно, около 1 000 000 человек. Гитлер не готов был доверить итальянцам исполнение своих заветных чаяний: немцам предстояло

сделать это своими руками и только потом передать контроль над территорией итальянским союзникам. Та же судьба ожидала, по словам Гитлера, всех евреев планеты, в том числе тех, кто живет, как он выразился, «среди неевропейских народов»⁵. Позже я вернусь к этому моменту.

Немецкий план вторжения на Ближний Восток с севера не осуществился благодаря яростному и эффективному сопротивлению Красной армии в 1941, а затем и в 1942 году. Естественной альтернативой, с точки зрения Германии, было наступление на этот регион с юга, через Египет, из итальянской колонии – Ливии. Здесь немцы видели возможность пойти дальше своей первоначальной и ограниченной цели, во имя которой Африканский корпус во главе с Роммелем был отправлен в Северную Африку и которая заключалась в спасении Ливии от британской армии – чтобы потеря колонии не подорвала положение Муссолини. Действия Роммеля в Северной Африке расчищали дорогу этой естественной альтернативе, позволяя распространить Холокост на Палестину и весь Ближний Восток. Немецкая армия пыталась достичь этой цели дважды, в 1941 и 1942 году, наступая через Египет на Палестину, Трансиорданию (как тогда называлась эта страна) и Сирию. Оба раза продвижение сил Оси было остановлено британской Восьмой армией, оснащенной в немалой мере американским оружием и техникой.

Таким образом, историки, изучают ли они Вторую мировую войну или Холокост, должны помнить, что немцы надеялись захватить Ближний Восток, чтобы уничтожить евреев. Осуществление их надежд привело бы к двум чрезвычайно важным последствиям. Прежде всего, к 6 000 000 убитых евреев прибавились бы еще не меньше 1 000 000 человек. Во-вторых, в подмандатной Палестине не возникло бы Государство Израиль. Даже если бы союзники, оправившись от потери Ближнего Востока, в конечном итоге выиграли войну, никто не рассматривал бы всерьез возможность создания еврейского государства в стране, где не осталось евреев. Я еще не раз вернусь к этому драматическому аспекту связи между войной и Холокостом.

⁵ См. запись беседы Гитлера с муфтием Иерусалима, состоявшейся 28 ноября 1941 года: *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Series D, Bd. XIII, Teil 2* (Göttingen, 1970), № 515.

Пример 4: Война, гетто и политика юденратов

Прежде чем продолжить обзор ситуации на Ближнем Востоке, вернемся ненадолго к сражениям на Восточном фронте зимой 1941/1942 года. Сегодня мы знаем, что, поскольку Сталин не сконцентрировал усилия Красной армии на центральном участке фронта, а требовал наступательных операций практически на всем его протяжении, в начале 1942 года советские войска не сумели разгромить немецкую группу армий «Центр», – они сделали это только летом 1944 года. Какое отношение это имеет к Холокосту? Самое прямое. Как показал Мартин Дин, советское зимнее наступление 1941/1942 года освободило, пусть даже временно, несколько небольших еврейских гетто, созданных немцами в предшествующие месяцы на оккупированных ими территориях СССР⁶. Мы не будем останавливаться на деталях этих событий, хотя они проливают свет на важный элемент истории Холокоста, которую большинство исследователей до сих пор отказывались рассматривать в этом ракурсе. Я имею в виду историю юденратов, еврейских советов, созданных по требованию немцев практически во всех гетто оккупированной Восточной Европы.

Нам известно, что в 1942–1943 годах немцы опустошили подавляющее большинство гетто, убив почти всех загнанных туда евреев, в том числе членов юденратов. Члены еврейских советов не знали и, как правило, не могли знать того, что знаем сегодня мы о ходе войны. Если бы немецкий фронт был прорван в центре в январе–феврале 1942 года, а не в июне–июле 1944, то наступающая Красная армия освободила бы значительную часть обитателей гетто, а не маленькую их горстку, которую удалось освободить в действительности. Разумеется, можно критиковать членов юденратов, но бессмысленно критиковать их за то, чего ни они, ни кто-либо другой в то время не могли знать: когда и при каких обстоятельствах будет разгромлена Германия, куда и когда будут двигаться воюющие армии. Они надеялись сохранить в живых значительную часть населения гетто – до прихода освободителей, или до разгрома немецкой армии, или до какого-то иного поворота войны. Сегодня мы знаем, что в большинстве случаев ход войны не оставил им шансов. Но кто мог предсказать это заранее?

⁶ Martin Dean, "The Holocaust and the Battle for Moscow in the Winter 1941–42" (доклад на ежегодной конференции Ассоциации германистов в октябре 2004 года).

Пример 5: Выживание ишува и иранский маршрут снабжения

Вернемся теперь к судьбе евреев Палестины и других стран Ближнего Востока и Северо-Западной Африки, которых немцы намеревались уничтожить. Не все ясно понимают, какие именно стратегические решения предотвратили эту опасность. Когда пути снабжения британской армии в Северной Африке и Красной армии на Кавказе, пролегавшие через Средиземное море, оказались перекрыты, каким образом грузы из Британии и Соединенных Штатов могли достичь своего пункта назначения? Вначале рассмотрим положение Красной армии. Неслучайно огромное количество грузов было переброшено в Советский Союз через Персию (так тогда называли Иран) в те самые месяцы 1942 года, когда советские войска вели сдерживающие бои в предгорьях Кавказа⁷. Насколько мне известно, ни одно исследование Второй мировой войны или Холокоста не упоминает о связи между иранским маршрутом снабжения и выживанием евреев подмандатной Палестины и других стран Ближнего Востока. Редко удаётся анализа и связь между подавлением пронацистского заговора в Ираке и последующим британским вторжением в Сирию в мае–июне 1941 года, с одной стороны, и способностью союзников не допустить немцев на Ближний Восток – с другой. Изучающим войну и Холокост стоит задуматься: что ожидало бы Красную армию на Кавказе, если бы нацисты к тому времени обосновались в Ираке, то есть по другую сторону Кавказских гор? Какая ирония: британские войска, большая часть которых была переброшена из Индии, готовили Красной армии безопасный тыл – а Гитлер и Сталин тем временем блюли союзнические обязательства.

Пример 6: Судьба ишува и британская армия в североафриканской пустыне

Связь между решениями союзников и выживанием еврейской общины в Палестине предстанет еще более значимой и драматической, если мы посмотрим, как британская армия удерживала

⁷ Подробнее см. T. H. Vail Motter, *United States Army in World War II: The Persian Corridor and Aid to Russia* (Washington, DC.: Office of the Chief of Military History, Dept. of the Army, 1952).

свои позиции в североафриканской пустыне. Поступившись хронологическим порядком повествования, обратимся прежде всего к решениям, принятым по этому поводу в Вашингтоне, поскольку они вызвали меньше разногласий среди современников и историков, чем решения, принятые в Лондоне. Проблема снабжения британских сил в Египте встала особенно остро в июне 1940 года, после капитуляции Франции и вступления Италии в войну на стороне Германии. Одним из новых маршрутов снабжения был «маршрут Такоради», названный так по своей отправной точке в Западной Африке. Маршрут пролегал по Французской Экваториальной Африке, поддерживавшей де Голля, и оканчивался на территории, которая тогда называлась Англо-Египетским Суданом. В июле 1940 года президент Рузвельт признал стратегическое значение этого пути и всячески способствовал его развитию и использованию⁸.

Зимой 1940/1941 года британские силы в Северо-Восточной Африке разгромили итальянские армии в Эритрее, в Итальянском и Британском Сомали и в Эфиопии. Рузвельт, воспользовавшись этой победой Британии, объявил, что Красное море перестает быть военной зоной и американские грузовые суда могут двигаться в его водах, не нарушая действующих (все еще) в США законов о нейтралитете. Решение Рузвельта имело огромное значение: оно позволило англичанам удержать позиции в североафриканской пустыне еще до того, как Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

*Пример 7: Судьба ишува, Эль-Аламейн
и продвижение американских и британских войск*

Для еврейской общины Палестины самым страшным временем Второй мировой войны оказалось лето 1942 года, когда сокрушительные поражения британских войск в Северной Африке привели армии держав Оси на расстояние пятьдесят миль (восемьдесят километров) от Александрии. И вновь важные решения, принятые президентом Рузвельтом, позволили английским войскам удержать свои позиции, а затем перейти в наступ-

⁸ Deborah W. Ray, "The Takoradi Route: Roosevelt's Venture beyond the Western Hemisphere" // *Journal of American History*, vol. 62, № 2 (1975), pp. 340–358.

пленение. По приказу Рузвельта новые танки, предназначенные для американской бронетанковой дивизии, были отправлены в Северную Африку, где они определили исход сражения под Эль-Аламейном. Одновременно подразделения американской авиации, сосредоточенные на «китайско-бирманско-индийском театре военных действий» (если воспользоваться техническим термином того времени), были переброшены на Ближний Восток, в помощь британским военно-воздушным силам⁹. Это позволило британской Восьмой армии перейти в наступление и вытеснить итало-германские силы из Египта в Ливию, и в те же самые дни американские и британские части высадились во французской Северной Африке. Таким образом, сотни тысяч обреченных на уничтожение евреев Африки оказались в безопасности, как и евреи Ближнего Востока. Однако, как я объясню далее (после обсуждения роли Британии в этих событиях), успех союзников в предотвращении Холокоста на Ближнем Востоке и в Северной Африке открыл убийцам доступ в новые регионы, прежде для них недосягаемые.

*Пример 8: Восстановление британской армии,
«Белая книга» 1939 года, арабы и евреи*

Каким же образом британским войскам в Северной Африке удалось, пусть и не сразу, остановить силы Оси? Подобно Соединенным Штатам, после окончания Первой мировой войны Великобритания сократила свою армию примерно так, как Версальский договор 1919 года предписывал Германии, то есть до ста тысяч человек. В конце 30-х годов самый значительный контингент действующей британской армии находился в Палестине, где он старался сдерживать и, по возможности, подавить арабское восстание. Зимой 1938/1939 года британское правительство осознало, что Германия не удовлетворится результатами Мюнхенского соглашения, и резко изменило свою политику. Не надеясь более умиротворить Германию и сохранить мир в Европе, в Лондоне решили заняться укреплением армии – в свете все более вероятной войны с Германией. Однако укрепление армии имело свою

⁹ Andrew Buchanan, "A Friend Indeed? From Tobruk to El Alamein: The American Contribution to Victory in the Desert" // *Diplomacy & Statecraft*, № 15 (2004), pp. 279–301.

цену. Во-первых, необходимо было – впервые в истории страны – ввести всеобщую воинскую обязанность в мирное время, чему воспротивились все члены парламента, от лейбористов до либералов, когда летом 1939 года вопрос был поставлен на голосование. Во-вторых, следовало вернуть в Соединенное Королевство большую часть войск, несущих службу в Палестине, чтобы офицеры и младшие командиры могли внести свой вклад в строительство значимой сухопутной армии. Таким образом, переход от попыток умиротворения Германии к подготовке войны против нее подразумевал переход от борьбы с арабами к их умиротворению.

Таково было происхождение печально известной британской «Белой книги» 1939 года, касающейся Палестины. Следует отметить, что критики ее, например Уинстон Черчилль, возражали не против «Белой книги» в целом, но против раздела, поставившего будущую еврейскую иммиграцию в зависимость от согласия арабов. Попробуем рассмотреть различные аспекты этого сложного и противоречивого вопроса через призму индивидуальной судьбы. Центральной фигурой в борьбе британской армии против арабов в Палестине был генерал Бернард Монтгомери. Высшие военные руководители оценили его эффективные действия в Палестине, где он командовал дивизией. Он был отозван из Палестины в Англию вместе с большей частью британских мандатных войск, в 1939 году отправился со своей дивизией во Францию и в 1940 году, вернувшись в Англию, сыграл важную роль в укреплении армии на случай возможного вторжения. В 1942 году он получил под свое командование Восьмую армию в Западной пустыне, в рядах которой, как хорошо знали Черчилль и высокопоставленные чиновники в Лондоне (но как редко вспоминают сегодня), сражалось множество солдат-мусульман из Британской Индийской армии, самого крупного добровольческого формирования Второй мировой войны¹⁰.

Рискуя вызвать возмущение многих читателей, все же замечу, что влияние «Белой книги» следует оценивать двояко. С одной стороны, она, вне всякого сомнения, воспрепятствовала имми-

¹⁰ Подробнее об этом (и о том, что мусульмане составляли две трети личного состава в индийских подразделениях в Северной Африке) см. Gerhard L. Weinberg, "The Allies and the Holocaust" // Michael Berenbaum, Abraham J. Peck (eds.), *The Holocaust and History: The Known, the Unknown, the Disputed, and the Reexamined* (Bloomington: Indiana University Press, 1998), p. 483.

грации в Палестину многих тысяч евреев, пытавшихся бежать от убийц. С другой стороны, она позволила Британии укрепить свои вооруженные силы, которые позже сыграли ведущую роль в спасении евреев Палестины, Египта, Сирии и Ирака. Не провозглашение «Белой книги» привело к многочисленным неоправданным жертвам, но неукоснительное ее соблюдение в 1943–1945 годах, когда она уже давно отслужила свою службу.

Пример 9: Капитуляция Италии перед союзниками и распространение Холокоста на новые территории

До сих пор мы говорили о том, каким образом победы союзников на средиземноморском театре военных действий спасли жизни огромного числа евреев; настало время обсудить, каким образом эти победы привели иногда к совершенно неожиданным и прямо противоположным результатам. Утрата Италией последних остатков своей колониальной империи в Африке, последовавшее за этим сокрушительное поражение итальянской армии на Восточном фронте и успешная высадка англо-американских сил на Сицилии привели к падению Бенито Муссолини; очень скоро Италия капитулировала перед союзниками. Немцев давно беспокоило отношение их итальянских партнеров к Холокосту¹¹, возмущало отсутствие какого-либо энтузиазма в связи с уничтожением евреев. Они видели в этом явный знак, что Италия не стала в полной мере союзником Германии. Итальянцев, в свою очередь, раздражало давление, которое Германия оказывала на них в этом вопросе, – знак, что немцы недалеко ушли от варваров, разгромивших когда-то Римскую империю. Как мы уже отмечали выше, итальянцы, подобно японцам, так и не поняли, что во Второй мировой войне Германия сражалась не за колонии, территориальные приобретения или сферы влияния, но за демографическое переустройство мира. Поэтому они не могли понять, насколько важную роль в войне отводили немцы убийству евреев и почему Гитлер не желал прислушиваться к их (или японцев) уговорам пойти на компромиссный мир на Восточном фронте и обратить все силы на борьбу с западными державами.

¹¹ См. Jonathan Steinberg, *All or Nothing: The Axis and the Holocaust, 1941–1943* (London: Routledge, 1990).

Еще в ноябре 1942 года немцы воспользовались высадкой союзников во французской Северо-Западной Африке в качестве предлога для оккупации почти всей «свободной» (неоккупированной) зоны Франции. После официальной капитуляции Италии в сентябре 1943 года они быстро овладели районами Франции, Югославии и Греции, которые прежде находились под итальянским контролем и были безопасны для евреев. Теперь Германия могла распространить Холокост на ранее закрытые для нее территории, которые порой служили убежищем еврейским беженцам из соседних стран. Кроме того, немцы вскоре установили контроль над большей частью континентальной Италии; они делали все возможное, чтобы собрать евреев и отправить их в места уничтожения. Впрочем, эта операция шла не столь гладко, как надеялись немцы, поскольку местное население, особенно в Греции и в самой Италии, часто помогало евреям избежать облав. И все же именно разгром Италии союзниками дал немцам возможность сосредоточиться на истреблении евреев в этих районах.

*Пример 10: Высадка союзных войск в Нормандии
и судьба евреев Франции и Бельгии*

Рассмотрим же территорию, доступ на которую открыла немцам капитуляция Италии. Этот пример наглядно демонстрирует, каким образом невнимание многих историков Холокоста к ходу войны наносит ущерб изучению Холокоста. Однако прежде остановимся на неоднозначных (и редко упоминаемых в связи с Холокостом) последствиях знаменитой высадки в Нормандии. Летом 1944 года депортация французских евреев в лагеря уничтожения на востоке (по железной дороге из Парижа) шла полным ходом. Перенос высадки с мая на июнь из-за потребности в дополнительных десантных судах означал смертный приговор сотням евреев. С другой стороны, успех высадки союзников и отражение главной немецкой контратаки под Мортеном привели в конце августа к освобождению Парижа и к прекращению депортаций евреев¹².

¹² Mark J. Reardon, *Victory at Mortain: Stopping Hitler's Panzer Counteroffensive* (Lawrence: University Press of Kansas, 2002).

Пример 11: Почему немцы иногда воздерживались от требования передать им евреев стран-сателлитов?

Развитие событий во Франции в 1944 году заставляет задуматься, как именно победа союзников влияла на немецкие планы. Вполне очевидно, что, останавливая продвижение немцев – будь то в Битве за Англию, на территории СССР или в Северной Африке, – союзные войска тем самым ограничивали территориальный размах Холокоста. Однако существовало и другое, менее явное влияние союзнических побед на Холокост: иногда немцам приходилось отступать от своих замыслов или воздерживаться от их осуществления. Всего два примера: Германия не потребовала выдачи еврейских граждан Финляндии; Германия отступила от своих требований, когда правительство Болгарии отказалось выдать болгарских евреев, проживавших на предвоенной территории страны. Необходимо понять, что немцы не отказывались от своих планов, но лишь откладывали их реализацию: Германия рассчитывала выиграть войну, а не проиграть ее. После победы над союзниками немцы без труда заставили бы неговорчивые правительства передать им евреев. Более того, победа позволила бы им убить евреев Германии и других стран, состоявших в смешанных браках и поэтому до тех пор защищенных от уничтожения, а также людей «частично еврейского происхождения» (тех, кого немцы называли *Mischlinge*). Именно победа союзников на поле боя сохранила жизнь этим «временно отложенным» жертвам.

Какова была бы следующая цель нацистской Германии после завершения Холокоста?

«Временно отложено» было уничтожение не только евреев, но и еще трех категорий потенциальных жертв, о которых часто забывают историки Второй мировой войны: цыган, инвалидов и славянских народов. Немцы уничтожили значительное число цыган. Хотя существуют различные мнения по этому вопросу, можно отметить общие черты в подходе нацистов к цыганам и к евреям – употреблялась та же терминология, применялись те же законы. Дальнейшие исследования этого вопроса необходимы, но нам представляется, что победа союзников спасла выживших

цыган Европы и, теоретически, всего мира. Если же говорить о судьбе инвалидов, нет каких сомнений в том, что ожидало бы их в случае нацистской победы.

Уже в ходе войны были осуществлены широкомасштабные убийства людей в больницах, психиатрических учреждениях и домах престарелых¹³. Эта программа не была ограничена пределами Германии, она осуществлялась и в других странах, особенно в Польше и на оккупированных территориях Советского Союза. Немцы, уничтожавшие своих собственных инвалидов – ветеранов Первой мировой войны и приступившие к уничтожению инвалидов Второй мировой, не позволили бы избежать смерти никому, кто подпадал под изменчивые критерии так называемой «программы эвтаназии». Так что и третья категория потенциальных жертв обязана своим спасением союзникам, которые вначале сдержали продвижение немецких армий, а затем разгромили их.

Мы знаем о жестоких медицинских экспериментах, с 1942 года проводившихся немцами в концентрационных лагерях для разработки процедур массовой стерилизации (жертвы экспериментов не знали, что с ними делают). Не вдаваясь в технические детали этих страшных опытов, мы хотели бы – а историки обязаны – рассмотреть их в свете Холокоста. Сколь бы ни были чудовищны подробности этих экспериментов, одно никогда не подвергалось сомнению: они не относились к разряду индивидуальных хирургических операций, которые были введены законом 14 июля 1933 года и в ходе которых к 1945 году 400 000 немцев подверглись хирургической стерилизации. Возникает вопрос: в мире без евреев, без цыган и без инвалидов кого предполагалось подвергать массовой стерилизации, выиграй Германия войну и будь разработаны соответствующие методики? Вероятнее всего, жертвами стали бы славянские народы Восточной Европы. Их труд требовался бы в шахтах, на фабриках и на полях, пока их не сменили бы немецкие поселенцы, а сами они умерли бы, не оставив потомства. Подобная судьба могла ожидать и другие народы по мере продвижения Германии к мировому господству. Холокост дает нам представление о кошмаре, предвестником которого были эти эксперименты; военные действия союзников не позво-

¹³ James F. Tent, *In the Shadow of the Holocaust: Nazi Persecution of Jewish-Christian Germans* (Lawrence: University Press of Kansas, 2003), pp. 191–193.

лили кошмару стать реальностью. Победа союзников, одержанная слишком поздно, чтобы спасти большинство евреев в гетто, все же предотвратила невообразимые ужасы, ожидавшие другие потенциальные жертвы.

Необходимость соединения контекстов: Гитлер, идеология, ход войны и всемирный размах нацистского проекта

Обратимся теперь к историкам Холокоста. Третье издание выдающегося труда Рауля Хилберга «Уничтожение европейских евреев» содержит точные и подробные описания отправки в Аушвиц евреев островов Родос и Корфу, которые находились вначале под итальянским контролем, но после капитуляции Италии в 1943 году перешли под власть Германии¹⁴. В этом описании (как и во всех других известных мне работах историков Холокоста) отсутствует упоминание об одной важной детали печально известного Ваннзейского протокола, а между тем она позволила бы лучше понять знаменитый документ, который часто достаивается внимания историков и редко – помещения в подобающий контекст¹⁵.

Взглянув на статистическую таблицу, посвященную евреям (их уничтожение и обсуждалось на конференции), мы заметим, что некоторые из указанных в ней стран в то время не участвовали в войне. Например, Швеция и Швейцария в январе 1942 года сохраняли нейтралитет, хотя известно, что Германия вынашивала планы захвата этих государств. Ход военных действий спас их от немецкого вторжения и, следовательно, защитил евреев – проживавших в этих странах или нашедших в них убежище – от включения в нацистскую программу уничтожения. В таблице также указаны Англия и Ирландия, хотя поражение Германии в битве за Англию в 1940 году временно обезопасило их еврейское население. Участники конференции не сомневались, что немецкая армия, однажды остановленная, вскоре возобновит военные действия и уничтожит евреев Британских островов и европейских нейтральных стран.

¹⁴ Raul Hilberg, *The Destruction of European Jews*, 3rd ed. (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003), vol. 2, pp. 754–755.

¹⁵ Протокол Ваннзейской конференции был опубликован в нескольких изданиях.

От внимания историков Холокоста ускользает любопытная особенность этого документа – весьма своеобразное обращение с территорией Италии. Италия внесена в таблицу с пометкой, что учтены и евреи Сардинии. Следующая (после Италии) графа таблицы посвящена Албании. Однако ни словом не упомянуты острова Додеканес, в том числе Родос. Как это объяснить? Возможно, указание содержится в графе, посвященной Турции, где говорится: «Турция, европейская часть» – «*Türkei [europ. Teil]*», – а дальше стоит цифра, означающая численность евреев, которые, как предполагалось, проживали здесь и которых предстояло уничтожить в рамках плана, обсуждавшегося на конференции. Оставим пока в стороне очевидный вопрос – собирался ли Гитлер, два месяца назад пообещавший иерусалимскому муфтию не убивать евреев Анатолии, сдержать свое обещание; вероятно, авторы документа исходили из собственных соображений о том, что считать Европой, а что Азией. Родос они размещали в Азии – и не считали его, в отличие от контролируемой итальянцами Албании, достойным отдельной графы.

Что же ограничило общемировой прожект, который Гитлер представил в деталях всего лишь два месяца назад? Быть может, Рейнгард Гейдрих решил вдруг отказаться от гитлеровской концепции глобального уничтожения евреев? Трудно всерьез отнестись к такому предположению. Почему же тогда в этот перечень не включены те евреи, о грядущем истреблении которых Гитлер открыто заявил двумя месяцами ранее, в том числе и евреи Палестины? В посвященной Холокосту литературе обычно указывается, что после того как японцы предприняли атаку на Пёрл-Харбор, а Германия, Италия, Венгрия, Румыния и Болгария объявили войну Соединенным Штатам, Ваннзейская конференция была перенесена с декабря на январь. Редкий историк упомянет о военных событиях, которые отделяют беседу Гитлера с муфтием от совещания 20 января 1942 года¹⁶.

Историки часто забывают, что в это время (декабрь 1941 – январь 1942 года) взоры всей Европы были прикованы к полям

Полный немецкий текст с архивными указаниями см. в *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Serie E, Bd. 1* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969), № 150.

¹⁶ Петер Лонгерих – один из немногих, кто обратил внимание на военную ситуацию; см. Peter Longerich, *Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942: Planung und Beginn des Genozids an den europäischen Juden* (Berlin: Hentrich, 1998), S. 27.

сражений. Немцы потерпели серьезные поражения на Восточном фронте, не только на подступах к Москве, но и на южном и северном участках фронта. Все знали об этих поражениях, если не в деталях, то хотя бы в общих чертах. Кроме того, декабрьское наступление британских сил в североафриканской пустыне отбросило Роммеля на запад. Другими словами, Ваннзейский протокол отражал последние военные перипетии – перипетии, которые вынудили немцев в своих планах уничтожения евреев временно ограничиться европейским континентом. И на этом проект бы завершился? Разумеется нет! Всякому, кто полагает, что глобальная идея была навсегда отвергнута, стоит задуматься над судьбой евреев Родоса¹⁷. И, как мы уже упоминали выше, победа стран оси Берлин–Рим на Ближнем Востоке летом 1942 года неминуемо привела бы к уничтожению проживавших там евреев, хотя они и не были упомянуты в статистическом приложении к Ваннзейскому протоколу.

И сам Гитлер, и так называемые «эксперты по еврейским делам» в различных правительственных и полицейских учреждениях Германии нередко придерживались совершенно нелепых представлений о евреях и их истории. Лишь одно они все знали твердо (хотя порой путались в деталях): на протяжении веков евреев часто изгоняли из стран, городов и других территориальных единиц Европы, но рано или поздно неизменно позволяли им вернуться. Чтобы не допустить возвращения евреев туда, откуда евреев уже изгнали или где евреев уже убили, следовало уничтожить их всех – всех в буквальном смысле этого слова, не только в Германии и Европе, но во всем мире.

Исследователи Холокоста обычно не воспринимают идеи и высказывания Гитлера и его сторонников достаточно серьезно. Нам известно, что Гитлер настаивал на использовании в главных строительных проектах национал-социалистического режима камня, а не железобетона, потому что хотел, чтобы по прошествии многих веков руины «тысячелетнего рейха» производили бы не меньшее впечатление, чем руины времен Римской империи в наши дни. Подобно тому как эти развалины свидетельствуют

¹⁷ После капитуляции Италии в сентябре 1943 года Родос был оккупирован немцами. 24 июля 1944 года 1 700 евреев Родоса были вывезены немцами в материковую Грецию, а оттуда в Аушвиц. – *Прим. ред.*

о величии Римской империи столетия спустя после ее падения, руины колоссальных нацистских сооружений – в том числе спроектированных Гитлером самолично – должны были напоминать будущим поколениям о величии созданной им империи. Мы обязаны признать – а историки Холокоста учесть в своих работах – особую прозорливость вождя: он мыслил категориями эпох и эр – эпох и эр, когда евреи не смогут никуда вернуться, потому что их не останется в природе.

Уже в апреле 1920 года Гитлер заявил, что от угрозы, заключенной в самом существовании евреев, может спасти только полное их искоренение: следует «пресечь зло в его основе и вырвать его с корнем» (*das Übel an der Wurzel zu packen und mit Stumpf und Stiel auszurotten*), объяснял он под одобрительные возгласы аудитории¹⁸. Кристофер Браунинг в превосходной книге, изданной под эгидой мемориала Яд Вашем, показал, каким образом планировались и осуществлялись основные стадии программы уничтожения¹⁹. Необходимо отметить, что в немецких мечтах о победе Холокост обретал масштабы, которых мы сегодня представить себе не можем. Когда Гитлер делился своими глобальными планами с муфтием Иерусалима, он совершенно справедливо полагал, что его собеседник не особенно интересуется евреями Тасмании или Перу. Неудивительно поэтому, что он в деталях описывал судьбу евреев Ближнего Востока. А в июле 1941 года, в разговоре с военным министром Хорватии, объясняя европейские перспективы Холокоста, он подробно остановился на судьбе евреев Венгрии. В этом случае он тоже вполне логично считал, что Славко Ква-терника, который был полковником австро-венгерской армии во время Первой мировой войны, не особенно интересуют евреи Норвегии или Португалии²⁰.

Возможно, здесь стоит упомянуть еще одну проблему, с которой сталкиваются историки Холокоста, пренебрегая важной деталью контекста войны. Если ночью с 21 на 22 июля 1941 года

¹⁸ Eberhard Jäckel, Axel Kuhn jt. (Hg.), *Hitler: Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980), S. 120.

¹⁹ Christopher R. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942* (Lincoln: University of Nebraska Press, 2004).

²⁰ Немецкий текст приведен в приложении III к тому *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Series D, Bd. XIII, Teil 2*

Гитлер был готов достаточно подробно объяснить общеевропейские масштабы Холокоста военному министру Хорватии, то не будет ли логичным предположить, что немецким чиновникам он об этом уже рассказал? Бесконечные домыслы о решениях, которые Гитлер принимал в отношении Холокоста, часто игнорируют не только доступные нам письменные свидетельства того времени, но и механизмы действия диктатуры, используемые по усмотрению диктатора.

Жан Анчель продемонстрировал в одной из своих статей, что за несколько месяцев до вторжения Германии в Советский Союз румынским властям сообщили о предстоящем систематическом уничтожении евреев на вновь оккупированных территориях²¹. Румынские войска, как ожидалось, должны были занять районы со значительным еврейским населением; им следовало знать, какова будет немецкая политика в отношении этих евреев. Им объяснили эту политику, и они записали полученную информацию – Анчель цитирует документы из румынских архивов. Однако это не означает, что своим немецким подчиненным Гитлер должен был давать подобные сведения в письменном виде. Он вполне мог сделать это устно. Процедурные правила, установленные историками Холокоста, не действовали в Третьем рейхе.

Нередко придают исключительное значение одному решению Гитлера времен Второй мировой войны – объявлению войны США. Как только Гитлеру сообщили (в ставке в Восточной Пруссии), что Япония наконец-то вступила в войну, атаковав Соединенные Штаты (к чему Гитлер настойчиво призывал Токио), он приказал военно-морскому флоту Германии немедленно начать боевые действия против США и восьми латиноамериканских государств. Зная, что немецкий ВМФ еще с октября 1939 года рвался помериться силами с Америкой, Гитлер не захотел подождать даже несколько дней до заседания рейхстага, на котором он собирался объявить депутатам и народу Германии радостную весть о войне с США. Где же письменный приказ Гитлера о войне с Соединенными Штатами? Его не существует. Единственным письменным свидетельством остается запись в журнале военных действий Главнокомандования военно-морского флота о полу-

²¹ Jean Ancel, "The German-Romanian Relationship and the Final Solution" // *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 19, № 2 (2005), pp. 252–275.

чении соответствующего извещения²². В штаб-квартире флота никому и в голову не пришло просить письменного подтверждения приказа за подписью Гитлера. Диктаторские режимы не функционируют подобным образом. Иногда приказы поступают в письменном виде, а иногда передаются устно. Как показал Петер Лонгерих, существуют и неписанные распоряжения²³.

Историки Холокоста, занятые поиском письменных приказов, должны рассматривать события того времени в более широком контексте и стараться понять, как действовала система, которую они анализируют. Если они все еще не поняли этого, им предстоит осознать, что используемые процедуры были совершенно ясны ключевым фигурам Рейха. Поэтому главнокомандующий немецким ВМФ адмирал Эрих Редер тщательно конспектировал свои беседы с Гитлером – чтобы решения Гитлера хранились в письменном виде в штабе флота²⁴. Поэтому Альберт Шпеер всегда шел к Гитлеру с перечнем вопросов, которые ожидали решений, и записывал принятые Гитлером решения – чтобы впоследствии сослаться на них²⁵.

Но чем все это поможет нам в анализе Ваннзейской конференции? А вот чем: историки, изучающие Холокост, должны обратить внимание на ход войны, интегральной частью которой является предмет их исследований. Поэтому не следует видеть в Ваннзейской конференции втягивание различных государственных учреждений Германии в проект Холокоста в целом и ознакомление их с ролью, уготованной им в этом проекте. Вместо этого широко известный, но редко правильно понимаемый отчет о конференции следует рассматривать как ознакомление участников с первой значительной главой Холокоста. Последующие главы должны были быть представлены им позже, по мере раз-

²² *Kriegstagebuch der Seekriegsleitung*, Teil A, BA-MA, RM 7/31, S. 135–136 (запись от 9.12.1941). Ныне опубликовано в Werner Rahn, Gerhard Schreiber (Hg.), *Kriegstagebuch der Seekriegsleitung 1939–1945*, Teil A, Bd. 28: *Dezember 1941* (Herford: E.S. Mittler, 1991), S. 135–136.

²³ Peter Longerich, *The Unwritten Order: Hitler's Role in the Final Solution* (Stroud: Tempus, 2001).

²⁴ Gerhard Wagner (Hg.), *Lagervorträge des Oberbefehlshabers der Kriegsmarine vor Hitler 1939–1945* (München: J.F. Lehmann, 1972).

²⁵ Willi A. Boelcke (Hg.), *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg: Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945* (Frankfurt a/M: Athenaion, 1969).

вития событий. Немецкие чаяния, некогда сформулированные Гитлером, отличались всемирным размахом²⁶.

В отличие от плана убийств на определенной территории, Холокост должен был носить глобальный характер; с учетом этого глобального характера его и следует изучать и анализировать. Это не означает, что немецкий проект был страшнее других примеров геноцида, – но он отличался от них. Армянский геноцид или недавние массовые убийства в Руанде имели отчетливые географические рамки. Каким бы ни задумывали этот кошмар его авторы и исполнители, они всегда соотносили его с той или иной территорией. Люди, определенные как «другие» и обреченные на смерть, жили на территории, которую устроители геноцида считали принадлежащей какой-либо этнической, национальной, классовой или религиозной общине. Если эти «другие» жили вне границ установленной территории, их могли считать недружественной группой, но исполнители геноцида не собирались уничтожать их повсеместно. Новаторским элементом Холокоста был глобальный характер замысла²⁷. Анализируя войну или Холокост, невозможно игнорировать отличие Холокоста (и способов, которыми он осуществлялся, сдерживался или приостанавливался) от других случаев массового истребления людей в истории.

Заключение

Не укладывающиеся в сознании масштабы нацистского плана уничтожения часто не позволяют уделить должное внимание целям его авторов и исполнителей и контексту Второй мировой войны, в котором они пытались реализовать этот план. Идея всемирной программы убийств слишком чудовищна, чтобы обдумывать ее; что ж, ее авторы и исполнители были чудовищны. Задуманная ими демографическая революция была приостановлена, а затем предотвращена военными операциями стран антигитлеровской коалиции. Но если мы действительно хотим понять произошедшее, то нам следует обратить внимание на намерения

²⁶ Самый удачный обзор этой темы см. в Jochen Thies, *Architekt der Weltherrschaft: Die "Endziele" Hitlers* (Düsseldorf: Droste, 1976); перевод на английский язык вскоре выйдет в издательстве "Enigma Books".

²⁷ Лонгерих говорит об отсутствии письменного приказа Гитлера, но не анализирует глобальный замысел Холокоста.

немцев и на то, какие конкретные события войны способствовали или, наоборот, мешали реализации их планов.

Мы также должны осознать, что решение Британии и Соединенных Штатов разоружиться после окончания Первой мировой войны не позволило этим странам быстрее и эффективнее положить конец немецкой агрессии. Влияние Первой мировой войны на Холокост принято видеть в общей брутализации и в росте воинствующего патриотизма, национального и этнического. Следует помнить и об отвращении, которое многие испытывали к этой бойне – так называемой «Великой войне». В межвоенные годы оно являлось мощным стимулом пацифистских и изоляционистских настроений в Великобритании, Соединенных Штатах и других странах. Другой стороной той же медали была политика, взятая на вооружение Иосифом Сталиным. Если бы он в 1939 году последовал совету Рузвельта и вступил в союз с западными странами, а не с гитлеровской Германией или зимой 1940/1941 года прислушался к многочисленным предупреждениям своей собственной разведки и администрации Рузвельта, то летом 1941 года немцам вряд ли удалось бы продвинуться так далеко вглубь территории Советского Союза. Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, но ее стоит упомянуть в настоящей статье.

Вторая мировая война отличалась от всех предыдущих конфликтов не только своими масштабами, но и самой своей природой и целями, и Холокост – не случайный (пусть и ужасающий) ее аспект, но неотъемлемая часть. Необходимо рассматривать его в контексте военных действий. Специалисты по военным или экономическим аспектам этой войны не должны анализировать детали управления гетто, а историкам Холокоста нет необходимости вникать в сравнительные характеристики танков государств Оси и стран антигитлеровской коалиции. Однако и те и другие всегда должны помнить, что эти события не случайно совпали во времени: они являются интегральными частями одного процесса и неразрывно связаны друг с другом, и, рассматривая любое из них, следует учитывать эту нерасторжимую связь.

*Впервые опубликовано по-английски как "Two Separate Issues? Historiography of World War II and the Holocaust," in David Bankier, Dan Michman, eds., *Holocaust Historiography in Context: Emergence, Challenges, Polemics, and Achievements* (Jerusalem: Yad Vashem, 2009), pp. 379-401.*

Перевод с английского Бенциона Дымерского.

Исраэль Гутман

ЕВРЕИ В АРМИИ АНДЕРСА, СФОРМИРОВАННОЙ В СССР

*1. Польские вооруженные силы на территории СССР
(Polskie Siły Zbrojne w ZSRR): период формирования*

Во второй половине 1941 года в СССР началось формирование польской армии, известной как армия Андерса. До июля 1941 года находившееся в Лондоне польское правительство в изгнании не поддерживало с СССР дипломатических отношений – напротив, оно клеймило Советский Союз клеймом агрессора, который в сговоре с нацистской Германией отобрал у Польши ее восточные земли во время кампании 1939 года. Даже столь драматический поворот событий, как нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года, не привел к немедленному потеплению в польско-советских отношениях. Правда, глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский заявил, что Польше следует стремиться к переговорам с СССР и искать свое место в мире, где после присоединения Советского Союза к антинацистскому лагерю резко изменилось соотношение сил. Однако поляки требовали, чтобы всякое соглашение с СССР гарантировало им, после будущей победы над Германией, создание независимой Польши с довоенной границей на востоке, – то есть требовали аннулировать аннексию Западной Белоруссии, Западной Украины и Виленской области Советским Союзом. Советская сторона отказывалась давать какие-либо обязательства относительно границ, и напряженные и изнурительные двусторонние переговоры привели к расколу среди поляков. Крайняя фракция польской эмиграции, куда входили эндеки¹, остатки блока «Санация»², сохранившие влияние после смерти Пилсудского, и несколько социалистов, отказывалась рассматривать

¹ Эндек (от польской аббревиатуры *ND – Narodowa Demokracja*, «Национальная демократия») – член правой Национально-демократической партии, отличавшейся крайним антисемитизмом.

² «Санация» (букв. «Оздоровление») – название политического блока, совершившего в мае 1926 года переворот. Созданный «Санацией» режим был фактически диктатурой Юзефа Пилсудского. «Санация» определяла политику Польши и после смерти Пилсудского (в 1935 году), вплоть до начала Второй мировой войны.

какое бы то ни было соглашение, где не оговаривались восточные границы Польши, тогда как большинство в польском правительстве в изгнании склонялось к компромиссу³ и готово было отложить решение вопроса о границах. Наконец 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано официальное соглашение между представителями Польши и СССР, где, в частности, говорилось: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утраченными силой»⁴.

Важным фактором, побуждавшим Сикорского прийти к соглашению с СССР, была открывавшаяся возможность создать на территории Советского Союза польское военное формирование, которое подчинялось бы находившемуся в Лондоне польскому правительству. Большая часть польских вооруженных сил, которые удалось собрать и сформировать на Западе после разгрома в сентябре 1939 года, была разбита в кампании на территории Франции. Полякам было чрезвычайно важно, чтобы польские вооруженные силы приняли активное участие в борьбе с Гитлером вместе со странами антигитлеровской коалиции, и успешные переговоры с СССР позволяли на это надеяться. Во внутренних районах Советского Союза в начале войны оказалось немало польских граждан – военнопленные, беженцы, спасавшиеся от немцев, а также те, кто был выселен советскими властями, – общим числом, как считается, от 1 000 000 до 1 500 000 человек⁵. Многие из них (если не большинство) находились в заключении в советских карательных лагерях, где страдали от унижений, жестоких лишений и сурового климата. В соглашении от 30 июля 1941 года также говорилось: «Правительство СССР выражает

³ О позиции противников Сикорского см. Władysław Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia polityczna Polski, 1864–1945*, vol. 3 (London: [s.n.], 1983), pp. 150–197. С. Кот в своей книге «Письма из России» солидарен с Сикорским. См. Stanisław Kot, *Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego* (London: Jutro Polski, 1955), pp. 10–20.

⁴ Английский текст соглашения приведен в книге *Documents on Polish-Soviet Relations, 1939–1945*, vol. 1 (London: Heinemann, 1961), pp. 141–142. Цит. по: *Правда*, 31 июля 1941.

⁵ Мы не располагаем точными данными о числе поляков, оказавшихся в России в годы Второй мировой войны. В польских источниках приводятся разные цифры – от 1 000 000 до 2 000 000 человек. Советские источники сообщают о 350 000 – 475 000 человек, которых переселили из Польши в СССР; см. Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia*, vol. 3, p. 197. По утверждению Кота, общее число поляков, переселенных в Россию, составляло более 1 500 000 человек (Kot, *Listy z Rosji*, p. 107).

свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР»⁶. В отдельном протоколе, приложенном к общему соглашению, указывалось, что одновременно с возобновлением дипломатических отношений «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»⁷.

Считается, что почти треть от числа польских изгнанников в СССР составляли евреи (около 400 000 человек)⁸. Это более чем в три раза превышало долю евреев в населении независимой Польши в период между двумя мировыми войнами. Очевидно, преследуемые евреи искали убежища в советской стране – польско-советская граница на востоке давала им шанс спастись от нацистов. Это бегство могло бы стать массовым, если бы не препятствия, возникшие на пути польских евреев в первые недели советско-германской войны⁹. Многих еврейских беженцев выселяли или арестовывали без какой-либо провинности с их стороны, и они оказывались в суровых условиях советских тюрем и лагерей.

Благодаря советско-польскому соглашению¹⁰ и последовавшему за ним военному договору перед массой измученных, обессиленных и больных людей распахнулись ворота лагерей и тюрем. Стали возможны мобилизация в формирующиеся польские войска и борьба с оружием в руках. Первые польские части – две дивизии и вспомогательные силы – разместились в военных лагерях: одна дивизия в Татищеве под Саратовом, а другая – в Тоцком в Чкаловской (ныне Оренбургской) области; штаб поль-

⁶ *Documents*, p. 141. Цит. по: *Правда*, 31 июля 1941.

⁷ *Ibid.*, p. 142. Цит. по: *Правда*, 31 июля 1941.

⁸ *Kot, Listy z Rosji*, p. 163.

⁹ Подробнее см. доклад Дова Левина «Советский Союз и спасение евреев – проблемы и факты», прозвучавший на конференции исследователей Холокоста, и последовавшую дискуссию: Dov Levin, "Brit ha-Moazot ve-hazalat ha-yehudim – beayot ve-uvdot" // *Nisyonot u-feulot ha-hazala bi-ikufat ha-Shoa* (Jerusalem: Yad Vashem, 1976), p. 183.

¹⁰ Текст военного договора см. в *Documents*, pp. 149–150.

ской армии находился в Бузулуке, на расстоянии более 100 км к востоку от Куйбышева (ныне Самара). Командующим польским формированием был назначен генерал Владислав Андерс. Дипломатические отношения между двумя странами налаживались, и в Куйбышеве открылось польское посольство. Профессор Станислав Кот, первый польский посол в СССР в годы войны, занимал раньше ведущий пост в польском правительстве в изгнании и считался доверенным лицом Сикорского. С. Кот и его помощники инициировали создание сети польских представительств, которые старались разыскать всех польских граждан на территории Советского Союза и оказать помощь нуждающимся. В сети «делегатов», взявших под свое покровительство польских граждан, рассеянных по советским областям и республикам, были и евреи, хотя они, как правило, занимали второстепенные должности. Справедливости ради надо отметить, что несмотря на разные виды дискриминации евреи тоже получали конкретную поддержку от польской системы помощи нуждающимся, основанной на посылках из свободных стран¹¹.

Разногласия между польским командованием и советскими властями наметились на первом же этапе формирования польских вооруженных сил. Вначале советская сторона ограничила численность польского контингента 30 000 человек, тогда как поляки требовали создать армию из 150 000 солдат. В ходе освобождения польских граждан из тюрем и лагерей не были обнаружены тысячи польских офицеров, находившихся в советском плену, и поляки требовали вернуть их, утверждая, что формирующейся армии жизненно необходимы профессиональные и командные кадры¹². Споры велись по вопросам и военного, и стратегического характера: советская сторона требовала ускоренной военной подготовки и немедленного введения отдельных польских дивизий в бой, тогда как польская сторона просила продлить период подго-

¹¹ О польской системе помощи нуждающимся см. Кот, *Listy z Rosji*, pp. 24–26.

¹² Судьба тысяч исчезнувших польских офицеров стала известна, когда в апреле 1943 года немцы сообщили о том, что в лесу возле деревни Катынь, недалеко от Смоленска, ими обнаружены массовые захоронения расстрелянных польских офицеров. Эта информация стала причиной кризиса в советско-польских отношениях и положила начало спору о Катынском деле. Подробнее см. *The Katyn Forest Massacre: Hearings before the Select Committee to Conduct an Investigation of the Facts, Evidence and Circumstances of the Katyn Forest Massacre* (Washington, U.S. Govt. Print. Off., 1952).

товки и ввести польскую армию в действие как единое армейское формирование. Стороны преследовали различные интересы и испытывали взаимное недоверие; неизбежные разногласия стали началом разрыва, который в конечном счете привел к эвакуации армии Андерса из Советского Союза. В дальнейшем, когда стало известно о расстрелах в Катыни, дипломатические отношения между двумя государствами были разорваны, что имело далеко идущие последствия для поляков и Польши.

С начала формирования армии Андерса на сборные пункты прибывали – как по приказу, так и по собственной инициативе – многочисленные польские евреи, освобожденные из мест заключения и ссылки. В большинстве своем они видели в мобилизации возможность обеспечить себя материально в условиях войны и чуждого режима. Годность к службе в польской армии в СССР определялась на основании официально установленных критериев, при этом предпочтение отдавалось: 1) кадровым офицерам и младшим командирам, имевшим опыт службы в действующей армии; 2) солдатам, служившим в действующей армии; 3) добровольцам, прошедшим предварительную военную подготовку и признанным годными на призывных пунктах¹³. В первых сформированных частях евреи составляли около 60 % – по словам Андерса, или 40 % – по словам Кота. Поляки негодовали: такой приток евреев в ряды польской армии казался им подозрительным. В польских источниках нередко утверждается, что Советский Союз умышленно освобождал в первую очередь евреев, чтобы наводнить евреями польские военные формирования. В письме С. Кота министру иностранных дел Польши в Лондоне от 8 ноября 1941 года говорится: «Разными способами они задерживали освобождение из лагерей польского элемента, более здорового физически и морально, зато выпускали инвалидов и евреев»¹⁴. Многократно звучали и призывы свести счеты с евреями. Даже генерал Андерс, открывая встречи с представителями еврейских организаций, а также отдавая касающиеся евреев распоряжения, начинал с того, что «напоминал», какую горечь вну-

¹³ См. об этом приказ генерала Андерса от 14.11.1941. Копия приказа: Архив Яд Вашем (далее – АЯВ). О6/40.

¹⁴ См., например, письмо С. Кота польскому министру иностранных дел от 8 ноября 1941 года (Kot, *Listy z Rosji*, p. 154).

шает полякам нелояльное отношение евреев к Польше в годы советской оккупации и во время пребывания в лагерях и тюрьмах¹⁵. В книге «Без последней главы», описывающей историю польского военного формирования в СССР с отчетливо апологетической точки зрения, генерал Андерс начинает главу «Евреи в армии» следующими словами: «Множество трудностей возникло у меня, когда с самого начала к нам стали стекаться многочисленные национальные меньшинства, прежде всего евреи. Как я уже упоминал, определенная часть евреев радостно встречала советские войска, вступившие в Польшу в 1939 году»¹⁶. Однако в записках, не предназначенных к публикации и не адресованных широко читателю, Андерс высказывался куда более резко¹⁷. Ему вторит Кот в отчете польскому министру иностранных дел в Лондоне: «Поляки сильно озлоблены против евреев из-за их поведения в период советской оккупации, из-за радостного приема, оказанного евреями Красной армии, из-за оскорблений [нанесенных] польским офицерам и солдатам, взятым под стражу [советскими властями], из-за пособничества советским властям, из-за доносов на поляков и т. п.»¹⁸ Памятливость поляков простиралась лишь в одном направлении – они возлагали на евреев коллективную ответственность за нанесенные полякам оскорбления, но полностью забывали об антисемитской политике Польши в период между двумя мировыми войнами, особенно о жестокой травле евреев в конце 30-х годов. Доклад Кота стал первой (но далеко не

¹⁵ Рабочий дневник Андерса, запись от 4.2.1943: Архив Сикорского в Историческом институте им. генерала Сикорского в Лондоне (Instytut Historyczny Imienia Generała Sikorskiego, далее – IHGS). Фонд Андерса (далее – KGA/24); см. также протокол встречи представительства с генералом Андерсом (Тель-Авив, сентябрь 1943 года) в отчете “Sprawozdanie z działalności Reprezentacji Żydostwa Polskiego w latach 1940–1945”, р. 134: Центральный сионистский архив (далее – ЦСА). J25/54/VI.

¹⁶ Władysław Anders, *Bez ostatniego rozdziału; wspomnienia z lat 1939–1946*, 2nd edition (Newtown, Wales: Montgomeryshire Printing Co., 1950), р. 99. На рус. яз. см. фрагменты: В. Андерс, «Без последней главы» // *Иностранная литература*. № 11 (1990). С. 231–255; № 12 (1990). С. 219–250.

¹⁷ IHGS, KGA/24. Например, записка под названием «Еврейская проблема» содержит всевозможные обвинения в адрес евреев – Андерс ставит им в упрек поведение в начале советской оккупации, трусость, побег, преступность в еврейской среде. В записке Андерс говорит об «ожидовении посольства», о «нежелании евреев работать» и т. п.

¹⁸ Kot, *Listy z Rosji*, р. 163. Кот замечает, что воспользовался текстом донесений военного штаба, однако в свое время в отчете он приводил те же выражения без каких-либо оговорок.

последней) попыткой оправдать дискриминацию евреев в польской армии на территории СССР.

Польские источники неоднократно пытаются представить евреев физически слабыми и не приспособленными к воинской службе. Вот что пишет С. Кот:

Освобождение польских граждан на основании принятого соглашения евреи приняли с энтузиазмом. Порядочные люди радовались успеху Польши, а недостойные элементы громко кричали о солидарности с Польшей, чтобы затушевать свои прежние поступки. В армию как раз и устремились слишком многие из этих элементов. Не зная, куда себя девать, они решили идти в армию, а там, будучи по большей части негодными к воинской службе, оказались бременем – и стали еще громче требовать помощи¹⁹.

Мнение о том, что евреи не приспособлены к военному ремеслу, имеет более глубокие корни. Среди поляков, особенно профессиональных военных, господствовало убеждение, что евреи по природе своей трусливы, а по физическому сложению не пригодны ни к воинской службе, ни к бою.

В свидетельствах евреев, служивших в армии Андерса или пытавшихся туда попасть, часто повторяются истории об отказе в зачислении в армию на основании еврейского происхождения, о грубых оскорблениях, о невозможности продвинуться по службе. Евреи отмечают в ходе мобилизации два этапа. На первом этапе – от начала действия амнистии и формирования польской армии до конца 1941 года – многим евреям удалось вступить в армию; они оказались в ней едва ли не большинством. Однако евреи, служившие в армии Андерса, свидетельствовали, что и после зачисления многих евреев по решению очередной комиссии или по результатам очередной проверки переводили во вспомогательные части или направляли в колхозы; нередко евреев попросту отчисляли из армии. На втором этапе, когда мобилизация в армию Андерса проводилась на специальных призывных пунктах в городах советской Средней Азии, отсеив евреев, по их рассказам, велся в открытую: евреи снова и снова пытались вступить в армию, но всякий раз сталкивались с решительным отказом. Фи-

¹⁹ Ibid., p. 164.

зическое состояние еврея не играло никакой роли – ему отвечали отказом на том лишь основании, что он был евреем. Ни в одном свидетельстве не упоминается отказ, мотивированный ссылкой на требования советских властей или установленные ими ограничения. Свидетели утверждают, что огульная неприязнь распространялась не только на евреев, но и на украинцев и белорусов.

Генрик Трон происходил из ассимилированной еврейской семьи и до войны учился в Варшавском политехническом институте. Он записался в польскую армию одним из первых. Его приняли и направили в офицерскую школу. В январе 1942 года командир вызвал «нескольких евреев и для проформы одного поляка» и объявил им, что они отчисляются за непригодность к офицерской службе. К занятиям их больше не допускали, а некоторое время спустя перевезли в другое место и снова направили на призывную комиссию. Комиссия квалифицировала всех без исключения евреев по категории “Е”, что означало полную и безоговорочную непригодность. Трон пробовал еще раз пройти комиссию в Узбекистане, в Гузаре, но там история повторилась: все поляки были приняты без какого-либо осмотра, а евреи, украинцы и белорусы признаны негодными. В конце концов Трона зачислили в польскую армию, сформированную в СССР прокоммунистически настроенными поляками, и он служил офицером в дивизии имени Костюшко²⁰.

Другой свидетель-еврей, Михал Лихт, учитель физкультуры, служивший младшим командиром в польской регулярной армии и воевавший в начале Второй мировой войны, узнав о формировании армии Андерса, пришел добровольцем на призывной пункт вместе с другими евреями – как он выразился, «богатырями, могучими как дубы», – но всех их объявили физически непригодными и в армию не зачислили. Лихт попробовал еще раз пройти комиссию и был принят; он считал, что «Рубикон перейден», однако десять дней спустя его отчислили – как и всех остальных евреев. По словам Лихта, оставили в армии только еврейских врачей и тех евреев, что уплатили польским офицерам взятку в размере 100 долларов. Лихт утверждал, что откровенное взяточничество процветало среди польских офицеров²¹.

²⁰ АЯВ. ОЗ/1298.

²¹ Там же. ОЗ/1294.

Еще один свидетель, инженер Феликс Давидсон, сообщает, что при вступлении в армию Андерса не сталкивался ни с какими препятствиями. Он объясняет это своей профессией. Однако трудности подстерегали его во время службы: «Я просил направить меня на курсы механиков, но меня туда не взяли из-за того, что я еврей. Антисемитизм царил в армии Андерса совершенно неприкрыто»²². Электрику Шимону Перелю тоже было отказано. Он сообщает, что в надежде предстать перед призывной комиссией в Фергане собрались тогда тысячи евреев, поляков и украинцев:

Тут снова повторилась картина, знакомая по довоенной Польше. Поляков автоматически зачисляли в армию, евреи получали категорию «D», что означало непригодность к службе в действующей армии, но даже те, кого успели принять, вскоре были отчислены по самым незначительным причинам. Наконец наступил день, когда и я предстал перед комиссией, а вместе со мной – Рихтерман, чемпион по плаванию... Мы оба получили категорию «D»...

Шимону Перелю удалось попасть в армию Андреса благодаря своему старому знакомому – польскому офицеру²³.

Сын фермеров из Западной Галиции Меер Люстгартен рассказывает:

Я вступил в армию легко и просто. На первом этапе формирования [польской армии] многие евреи прибыли на призывные пункты и были зачислены без всяких сложностей, – и евреи оказались в армии большинством. Ясно, что полякам это не понравилось, и они стали искать, как бы им избавиться от евреев или по крайней мере сократить их процент в армии. С этой целью польское командование обязало всех солдат пройти медицинскую комиссию. На проверке евреи в подавляющем большинстве получили категорию «D» и были освобождены от воинской службы. Это было начало зимы 1941/1942 года. Люди дрожали от холода, и вот их выставили. Польская армия очистилась от евреев и стала «юденрайн», как говорили немцы. С тех пор евреев в польскую армию больше не брали, туда принимали исключительно поляков»²⁴.

²² Там же. ОЗ/1365.

²³ Там же. ОЗ/1554.

²⁴ Там же. ОЗ/702.

Из десятков изученных нами свидетельств вырисовывается вполне однозначная картина: инструкции, предписывавшие набирать солдат в польскую армию, не распространялись на евреев и других представителей национальных меньшинств. Во всяком случае, на поздних этапах мобилизации набор в армию не определялся объективными критериями: так, советская сторона запрещала зачислять представителей некоторых национальных меньшинств, в частности евреев, в польское войско. Ниже будет показано, что этот запрет не всегда исполнялся с одинаковым тщанием, что истолковывали его по-разному и что поляки пользовались им как предлогом, чтобы полностью перекрыть евреям доступ в польское формирование. Согласно общему мнению, ограничения советских властей не распространялись на евреев – бывших польских военнослужащих, однако факты доказывают, что в армию Андреса не только не принимали еврейских новобранцев, но и намеренно и планомерно отчисляли тех евреев, кто уже в ней служил. В письме к генералу Зигмунту Бохушу-Шишко от 30 апреля 1942 года С. Кот пишет: «...И снова раздаются жалобы евреев на то, что в нашей армии проводится чистка в попытке сократить число евреев и что даже самых здоровых демобилизуют как якобы больных. Неужели это необходимо и отвечает требованиям момента?»²⁵

Кому же из евреев удалось в 1942 году вступить в армию Андреса или остаться в ее рядах, несмотря на все препоны и постоянные чистки? Складывается впечатление, что беспрепятственно принимали врачей и ценных специалистов, а также тех, кто сумел заручиться поддержкой влиятельных поляков. В армии оставались евреи, пользовавшиеся покровительством командиров или не подлежавшие отчислению в силу специфики своей профессии.

Не вызывает сомнений, что отношение польского командования к евреям диктовалось антисемитизмом, глубоко укоренившимся в сердцах многих поляков. Враждебность к евреям наиболее откровенно проявлялась в офицерской среде и естественным образом определяла ситуацию в армии. В письме Кота Сикорскому, направленном из Москвы 5 сентября 1941 года, то есть через несколько дней после приезда Кота в СССР, говорится: «Мы бесе-

²⁵ Кот, *Listy z Rosji*, p. 313.

довали с генералом Андерсом по поводу евреев. Их, как обычно, зачисляют в армию по первой просьбе, и после того, как я объяснил ему важность [мобилизации евреев] с точки зрения Америки и т. п., он обещал мне подчеркивать необходимость доброжелательного к ним отношения»²⁶. Кот снова и снова указывает на политическое значение мобилизации евреев. 11 октября 1941 года он пишет Миколайчику²⁷: «В будущем, когда мы займемся вопросом о восточной границе, приток евреев [в нашу армию] станет весомым политическим козырем, особенно на фоне упорной ненависти украинцев ко всему польскому». И в том же письме Кот отмечает: «Наши военные, такие как Пстроконьский»²⁸, уже готовы ввести в военных учереждениях процентную норму»²⁹.

Однако дискриминация евреев и желание преградить им доступ в польскую армию исходили отнюдь не от одних лишь офицеров «определенного рода». Эта линия была установлена польской политической и военной верхушкой. Ежи Климковский, адъютант Андерса, пишет в своих воспоминаниях о совещании высших чинов с участием советских офицеров и командиров польской армии, которое состоялось в штабе польской армии в городе Бузулуке в январе 1942 года и на котором присутствовал Андерс³⁰. На совещании был поднят и вопрос о евреях. Климковский пишет:

Затронули также вопрос о мобилизации, и Андерс выступил со странной просьбой: не направлять к нему в армию польских граждан из национальных меньшинств, прежде всего евреев, а затем украинцев и белорусов. Когда Евстигнеев заметил, что это все польские граждане и в польско-советском договоре

²⁶ Ibid., p. 82.

²⁷ Станислав Миколайчик (1901–1966), один из лидеров польской Крестьянской партии (*Stronnictwo Ludowe*) в эмиграции, соратник Кота. Во время формирования армии Андерса находился в Лондоне. В 1943 году, после смерти Сикорского, Миколайчик возглавил польское правительство в изгнании.

²⁸ Подполковник Станислав Пстроконьский, близкий к правящим кругам Польши в 30-е годы, Коту представлялся нежелательной политической фигурой.

²⁹ Kot, *Listy z Rosji*, p. 136.

³⁰ В *Documents* приведен протокол совещания в Бузулуке. В протоколе названы те же участники совещания и та же дата (11 ноября 1941 года), что и в мемуарах Климковского. Краткое изложение событий в протоколе совпадает с рассказом Климковского (правда, протокол не упоминает о евреях, но в нем опущены и многие другие подробности). См. *Documents*, pp. 201–202.

сказано, что в польскую армию будут приниматься все граждане Польской республики, генерал Андерс ответил: «Евреев так много, что они объевреили армию, их наплыв изменит характер армии в целом»³¹.

Еще более показательна беседа Сикорского со Сталиным в Кремле, состоявшаяся 3 декабря 1941 года. С польской стороны в этой беседе участвовали Андерс и Кот, с советской – нарком иностранных дел Молотов. Вокруг этой встречи был построен визит Сикорского в СССР, и обсуждались там прежде всего вопросы формирования польской армии и ее будущего. Андерс много говорил о сложных условиях, в которых происходит формирование армии; было выдвинуто предложение перевести этот процесс в Иран из соображений удобства, и тогда Сталин раздраженно заметил: «Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут». На это Сикорский ответил: «Вы меня задели, господин президент, когда сказали, что наш солдат не хочет воевать». Далее Андерс привел данные о численности польского формирования и о его размещении в разных районах.

Андерс. ...Я рассчитываю на 150 000 человек, иначе говоря, восемь дивизий и армейские службы, – сказал он. – Не исключено, что людей у нас даже больше, но среди них велика доля еврейского элемента, который не хочет служить в армии.

Сталин. Евреи – плохие вояки (*Żydzy kiepscy wojacy*).

Сикорский. Многие из пришедших евреев – спекулянты или были осуждены за контрабанду³². Из них никогда не получится хороших солдат. Мне они не нужны в Войске Польском.

³¹ J. Klimkowski, *Bylem adiutantem gen. Andersa* (Warszawa, 1959), p. 218. На рус. яз. см.: Е. Климовский, *Я был адъютантом генерала Андерса*. М.: Издательство МЭИ, 1991.

³² Три варианта протокола беседы Сикорского со Сталиным – в воспоминаниях Кота, в воспоминаниях Андерса и в сборнике *Documents* – совпадают почти дословно. Однако Кот слова Сикорского о евреях вкладывает в уста Андерса. Вероятно, Кот, друг и почитатель Сикорского-политика, постарался с помощью «мелкой неточности» снять с него ответственность за высказывание, выдающее его антисемитизм и к тому же свидетельствующее о серьезном политическом просчете. Тексты в книге Андерса и в *Documents* совпадают и подтверждают, что Сикорский участвовал в обсуждении вопроса о евреях. Напомню, что сборник *Documents* издан Институтом им. Сикорского и считается надежным официальным источником. Не приходится сомневаться, что слова, приписанные Сикорскому, действительно были им произнесены. Здесь следует отметить обвинения, выдвинутые советской стороной в адрес польских офицеров. Например, 7 ноября 1941 года Кот записал со слов Волковысского, что прибывшие из Лондона польские офицеры торгуют часами, шелковыми чулками, зубной пастой и прочим, а многие, страдая венерическими заболеваниями, пользуются доверчивостью советских женщин (см. Kot, *Listy z Rosji*, pp. 150–151).

Андерс. *Двести евреев дезертировали из Бузулука, когда разнесся ложный слух о бомбежке Куйбышева. Более шестидесяти дезертировали из 5-й дивизии за день до того, как была назначена выдача оружия.*

Сталин. *Да, евреи – никудышные вояки (Tak, Żydzy to marni wojacy)*³³.

Мы видим, что в отношении к евреям и в оценке их боевых качеств трое участников беседы оказались единодушны. Не вызывает сомнения также, что и Сикорский, и Андерс тщательно взвешивали свои слова на переговорах и понимали, как они будут восприняты Сталиным³⁴. Полякам было предоставлено преимущество уже тем, что им позволили сформировать автономные вооруженные силы на территории СССР. Для многих мобилизация в эту армию стала спасением. Поляки сразу оценили предоставленные им особые полномочия и преисполнились уверенности и самодовольства. Поначалу они сдерживались, опасаясь, что за каждым шагом, сделанным вопреки советскому закону или принятым в Советском Союзе нормам, последует немедленное наказание. Можно предположить, что именно поэтому они примирились с массовым притоком евреев на первом этапе формирования армии. В беседах с офицерами и особенно со Сталиным поляки, вероятно, старались прощупать почву и выяснить возможную реакцию советского режима на введение ограничений в польский военный набор и на отказ принимать в армию евреев и представителей других меньшинств. Поляки хорошо знали, что официальной дискриминации евреев в СССР в ту пору не было. Они, как и правые и фашиствующие силы в странах Европы, верили, что евреи вступили в тайный союз с политическим режимом в СССР и его лидерами. Когда Сталин недвусмысленно подтвердил оскорбительные слова Сикорского и Андерса о евреях и их боевых качествах, последние сомнения поляков рассеялись. Но и советский правитель со своей стороны прекрасно сумел воспользоваться польской откровенностью в собственных интересах, как мы вскоре убедимся.

³³ Этот протокол, как уже отмечалось, был опубликован в следующих источниках: Kot, *Listy z Rosji*, pp. 191–208; Anders, *Bez ostatniego rozdziału*, pp. 105–123; *Documents*, pp. 231–243.

³⁴ В различных свидетельствах подчеркивается, что вступление в армию давало убежище и шанс на реабилитацию множеству людей, которые освободились из лагерей, не имели в Советском Союзе ни работы, ни дома и отчаянно пытались выжить в условиях войны и нищеты.

2. Советские ограничения на мобилизацию евреев и их реальное значение

В конце декабря 1941 года, вскоре после встречи со Сталиным и разъяснения оперативных вопросов руководства армией, советские офицеры связи сообщили польскому военному командованию, что набор в армию Андерса касается всех польских граждан за исключением евреев, украинцев и белорусов, которые на указанный день, а именно 29 ноября 1939 года, проживали на аннексированных СССР территориях и были объявлены советскими гражданами.

30 декабря Андерс телеграммой сообщил Коту в Куйбышев, что два дня назад ему передали от полковника Волковысского, одного из высших советских офицеров связи, следующее: «Из польских граждан, проживавших в Западной Украине и Западной Белоруссии, подлежат мобилизации в нашу армию только граждане польской национальности»³⁵. 21 февраля 1942 года Андерс отправил телеграмму Сикорскому, где говорилось, что советские власти призывают к мобилизации всех польских граждан, но с территорий, захваченных Советским Союзом в 1939 году, – только граждан польской национальности³⁶. 25 февраля 1942 года С. Кот просил Андерса разъяснить ему, по какому принципу советская сторона допускает к службе в польской армии граждан, которые не являются поляками по национальности: имеются ли в виду только те, кто родился на территориях, захваченных в 1939 году немцами, или также те, кто постоянно проживал на этих территориях в довоенное время³⁷. На это Андерс ответил: «Советские власти официально сообщили мне, что мобилизации подлежат все польские граждане, которые до 29 ноября [1939 года] проживали на территориях, захваченных немцами»³⁸.

По всей вероятности, польское военное командование и центральное политическое руководство стремились вывести евреев из числа подлежащих мобилизации граждан или по крайней мере резко сократить присутствие евреев в своих вооруженных силах. Советская инициатива, не допускавшая основную массу

³⁵ IHGS, KGA/24.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Телеграмма в Куйбышев от 2.3.1942: IHGS, KGA/24.

евреев – польских граждан к службе в армии Андерса, была полякам только на руку, потому что позволяла оправдать дискриминацию в глазах свободного мира и объяснить ее давлением советских властей. Однако у медали оказалась и обратная сторона. Казалось бы, ограничения не распространялись на поляков, проживавших в зоне советской оккупации на тот день, когда было объявлено о предоставлении всем местным жителям гражданства СССР: поляки тоже были объявлены советскими гражданами, однако советская сторона заявила, что им, в нарушение буквы закона и в качестве особого жеста доброй воли, дано право записываться в польскую армию. Однако признание советского ограничительного указа означало также косвенное признание законности советской оккупации, тогда как поляки яростно против этого протестовали. Отсюда понятны замешательство в польских официальных кругах и встревоженные вопросы Кота. Не случайно, как видно, советская сторона воспользовалась ситуацией с воинским набором, чтобы поставить под сомнение власть Польши над определенными категориями жителей аннексированных областей. Весьма вероятно, что идея исключить евреев и представителей национальных меньшинств из числа тех, кто допускался в ряды польской армии, родилась после того, как Андерс и Сикорский обвинили евреев в непригодности к военной службе и заявили Сталину, что евреи «их армии» не нужны.

Характерный эпизод произошел на следующий день после упомянутой встречи, на банкете, который Сталин устроил в Кремле в честь Сикорского и его свиты. Сикорский снова затронул тему освобождения поляков из советских «рабочих батальонов», которое, как он сказал, проводится недостаточно быстро и недостаточно широко. Андерс заметил, что ему было официально заявлено, будто евреи, украинцы и белорусы вообще не подлежат освобождению. «Разве они не польские граждане? – спросил Андерс с негодованием. – Они ведь, в сущности, никогда и не переставали быть польскими гражданами, поскольку ваше соглашение с немцами утратило всякую силу». На это Сталин ответил, никак при этом не отреагировав на суть заданного вопроса: «Зачем вам белорусы, украинцы и евреи понадобились? Вам же нужны поляки, ведь они – самые лучшие солдаты»³⁹.

³⁹ *Documents, doc. № 160, p. 244.*

И еще одна проблема занимала СССР и приводила к разногласиям с поляками. По законодательству СССР жители аннексированных районов считались советскими гражданами, а по польско-советским соглашениям оказывались польскими. Из-за этой двойственности то и дело возникали конфликты. 10 ноября 1941 года С. Кот впервые обратился в Наркомат иностранных дел СССР с жалобой на то, что в Казахстане делаются попытки направить в Красную армию украинцев, белорусов и евреев – польских граждан, хотя польские граждане от мобилизации в Красную армию освобождены. Кот жаловался также на препятствия, с которыми сталкиваются польские граждане непольской национальности, пытающиеся добраться до районов размещения армии Андерса в надежде записаться в нее⁴⁰. В своем ответе, отправленном 1 декабря 1941 года, Наркоминдел объяснял, что польско-советские соглашения не отменяют действия советского закона, согласно которому все жители аннексированных территорий становятся советскими гражданами, а признание польского гражданства поляков, проживавших на тех территориях, «свидетельствует о доброй воле и готовности к компромиссам со стороны советского правительства, однако ни в коем случае не может служить основанием для признания представителей других национальностей, в первую очередь украинцев, белорусов и евреев, польскими гражданами». И все же этот ответ не отрицает права представителей упомянутых национальных меньшинств служить в польском военном формировании⁴¹. Значение, которое советская сторона придавала в этом контексте национальной или религиозной принадлежности евреев, может вызвать удивленные вопросы: как оно сочетается с советскими политическими установками и с коммунистической идеологией? Как во многих других случаях, и здесь прагматические интересы политики потеснили идеологию. Отвечая на полученное из Наркомата иностранных дел разъяснение, Кот пишет, что с точки зрения поляков все польские граждане, без различия их происхождения и расы, имеют равные права, и это равенство касается их права на амнистию и права на мобилизацию в польскую армию. Польская конституция не признает дискриминации своих граждан, и во-

⁴⁰ Ibid., doc. № 143, pp. 200–201.

⁴¹ Ibid., doc. № 157, pp. 227–228.

енное соглашение позволяет всякому польскому гражданину записаться в польские вооруженные силы. Поэтому польское правительство отвергает предложенное Наркоматом иностранных дел толкование польско-советских соглашений⁴². В ответ на это советский Наркомат иностранных дел 5 января 1942 года постановил, что, рассмотрев заявление посольства касательно разных категорий граждан, не видит оснований для изменения своей позиции. Далее следует пункт, пространно «проясняющий», чем вступление советских войск в восточные районы Польши отличается от оккупации, и сводящийся главным образом к утверждению, что аннексия этих районов произошла «в результате свободного волеизъявления населения этих областей»⁴³. Этот обмен записками уже завершился, когда было получено распоряжение советских военных властей об исключении определенных категорий граждан из набора в польскую армию, и нам не известно о каком-либо официальном протесте польского военного командования по этому поводу. С. Кот подчеркивает, что в беседе со Сталиным, состоявшейся 18 марта 1942 года, Андерс никак не затронул вопрос о лишении представителей определенных национальных меньшинств права на мобилизацию⁴⁴.

Из находящихся в наших руках документов и свидетельств следует, что на практике советские власти обычно не вмешивались в процесс набора в польское военное формирование и не следили за соблюдением своих указаний, запрещающих прием граждан из числа национальных меньшинств в польскую армию. В призывных комиссиях сидели представители советской стороны, но они редко принимались выяснять происхождение новобранцев и, как правило, соглашались с решением своих польских товарищей по комиссии.

И все же одно явление обеспокоило русских и вызвало их негодование, а полякам напомнило об осторожности. Нам известен единственный случай жалобы представителя советской стороны на невыполнение советских распоряжений – письмо начальника ГРУ генерального штаба Красной армии и куратора польской армии в СССР генерала Алексея Панфилова Андерсу. В письме го-

⁴² *Ibid.*, doc. № 163, pp. 250–251.

⁴³ *Ibid.*, doc. № 167, p. 259.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 291 (телеграмма Кота Сикорскому от 22.3.1942).

ворилось, что в нарушение 4-го пункта решения Государственного Комитета Оборона от 22 декабря 1941 года идет мобилизация «беглых советских граждан». Панфилов выражает в своем письме решительный протест, приводит поименный список десяти «беглецов» и требует их выдачи. В списке семь явно еврейских имен и три украинских или белорусских. Панфилов заканчивает письмо просьбой сообщить ему как можно скорее о выдаче разыскиваемых, которые должны предстать перед судом⁴⁵. Это письмо, видимо, касается случаев побега из «рабочих батальонов». Выходцы из западных районов («западники»), в первую очередь украинцы, считались ненадежным элементом на фронте, а потому направлялись в трудовые армейские части, отличавшиеся тяжелыми условиями. Мы располагаем свидетельствами о побегах евреев из этих частей в центры мобилизации в польскую армию⁴⁶. Речь идет о людях, которым было навязано советское гражданство; в то же время согласно польско-советскому соглашению они по-прежнему считались гражданами Польши и теоретически имели право вступить в армию Андерса. Советская сторона квалифицировала подобные случаи как дезертирство из советских воинских частей и собиралась наказывать виновных.

Но обычно советская сторона не следила за тем, насколько строго соблюдаются ее указания в ходе польской мобилизации. Никто из прошедших через призывные пункты людей и солдат армии Андерса не сообщает, что его не приняли потому, что возражал советский представитель, или потому, что он был выходцем из аннексированных областей. Более того, советская сторона демонстрировала одинаковое отношение к кандидатам из западных областей, на которых не распространялся запрет на вступление в польскую армию, и к тем, кого советское распоряжение якобы лишало права на польскую мобилизацию. Сохранился список мобилизованных, поляков и евреев, составленный армейскими инстанциями 12–20 августа 1942 года, то есть накануне второго этапа эвакуации. Согласно этому списку – официальному польскому документу, единственному в своем роде в папках Андерса, из представших перед комиссией 88 евреев 65 были признаны негодными, а 23 годными, а из 75 поляков годными оказались

⁴⁵ IHGS, KGA/24.

⁴⁶ АЯВ. ОЗ/1683.

56 человек. В списке указаны причины отвода кандидатов, и среди них нет ни одной ссылки на советские распоряжения⁴⁷.

В докладной записке от 10 ноября 1942 года, переданной эвакуированными вместе с армией Андерса членами Бунда Гликсманом и Файнзильбером своим товарищам в Англии и США, мы находим упоминание советского запрета и описание реакции на него польских военных. Члены Бунда, с одной стороны, занимали резко антисоветскую позицию, а с другой – выказывали лояльность польскому правительству в изгнании. Авторы записки утверждают:

Позиция советских властей в вопросе о гражданстве облегчила польским антисемитам дискриминацию евреев. Наиболее ярко это проявилось в деле мобилизации в польскую армию. Истина заключается в том, что позиция советских властей способствовала лишению тысяч годных к службе молодых евреев возможности воевать, вступить в ряды армии, – но большая доля ответственности за сложившуюся ситуацию падает на польских военных⁴⁸.

Посол С. Кот, как уже отмечалось, из политических соображений придавал заботе о евреях большое значение; несмотря на свои многочисленные противоречивые высказывания, он относился к евреям с некоторой симпатией и много занимался проблемой польских евреев в СССР. В телеграмме Сикорскому от 10 апреля 1942 года он пишет:

...4. Было бы желательно довести до сведения генерала Андерса, что последовательно проводимая штабом антисемитская политика, в которой особенно преуспели некоторые офицеры призывной комиссии, невольно оказывает услугу Советам, которые стремятся посеять рознь между евреями и поляками, чтобы создать прецедент для захвата территорий на востоке...

Кот не говорит здесь, что запрет советской стороны связывает полякам руки, а напротив, подчеркивает, что, не допуская евреев в армию, польские офицеры сотрудничают с Советами и играют им на руку⁴⁹.

⁴⁷ IHGS, KGA/24.

⁴⁸ IHGS, KOL 25/24.

⁴⁹ Kot, *Listy z Rosji*, p. 305.

Ясно, что не советские инструкции определяли политику и практику польской мобилизации. Советские инструкции предоставили полякам свободу действий и послужили удобным предлогом для оправдания слишком скромного присутствия евреев в их армии в глазах мира. С политической точки зрения намерения поляков и Советского Союза были прямо противоположны. СССР стремился подчеркнуть принципиально политический аспект отделения жителей Восточной Польши от населения прочих ее областей и тем самым создать прецедент на будущее. Вопрос о том, выполняют ли поляки указания и отказываются ли допускать в армию евреев, в действительности не слишком занимал советские инстанции, за исключением случаев побега из мест заключения и военизированных трудовых частей. Проблема мобилизации евреев Восточной Польши не интересовала СССР: неслучайно на более позднем этапе советские власти никак не препятствовали евреям – выходцам из разных областей Польши в границах до 1939 года вступать в польскую армию Берлинга, созданную прокоммунистическим Союзом польских патриотов.

Поляки в свою очередь стремились обеспечить формальное соблюдение соглашений и предотвратить возникновение политической ситуации, которая могла бы поставить под угрозу будущее их восточных территорий. В их интересах было отказать большинству желавших вступить в польскую армию евреев и избавиться от части тех, кто уже вступил. В противостоянии сторон и интересов больше всего страдали евреи. Право многих из них на гражданство было оспорено, что затрудняло получение польских документов и материальной помощи, получение виз на выезд из Советского Союза и вступление в армию. Представители польской армии разделились в политической оценке советских инструкций, однако охотно приняли селективный подход, добавив к нему собственные способы отсева.

3. Предложение о создании «еврейского легиона» и «еврейская часть в Колтубанке»

На определенном этапе мобилизации польские официальные лица и представители еврейских организаций рассматривали и обсуждали идею создания отдельного «еврейского легиона» в рамках армии Андерса на территории СССР. Предложение было

выдвинуто одновременно адвокатом Марком Каганом и инженером Мироном Шескиным. Оба они были между двумя мировыми войнами активистами ревизионистского движения в Польше, оба оказались в лагерях в Советском Союзе, были освобождены в результате польско-советского соглашения и прибыли в первые центры сбора и формирования польской армии. Каждый из них выдвинул свою программу независимо от другого – вначале они даже не знали друг о друге, – и лишь после личной встречи они решили добиваться воплощения своих замыслов сообща.

Д-ра Марка Кагана отправили в Тоцкое⁵⁰. Он обнаружил, что между поляками и евреями в военном лагере царит напряженность, нередко прорывающаяся в драках. По его словам, эта ситуация навела его на мысль о необходимости отделить еврейских солдат от польских, и так возникла идея «еврейского легиона» внутри армии Андерса. Он направил предложение командиру размещенных в Тоцком сил, генералу Михалу Токажевскому-Карасевичу, с которым был знаком еще с довоенных времен. По словам Кагана, Токажевского заинтересовала идея еврейской части, и он пообещал обсудить ее с Андерсом. После беседы генералов Кагана пригласили в Бузулук, в штаб армии, где он познакомился с Шескиным. Шескин сообщил о разговоре с Андерсом (состоявшемся по инициативе Андерса), где обсуждалась возможность создания еврейской части в формирующейся армии. Мы не знаем, что побудило Шескина внести это предложение⁵¹. И Каган, и Шескин утверждали после войны, что, выступая с идеей легиона, они представляли себе ту роль, которую сыграет еврейская боевая единица в грядущей битве за Страну Израиля. Кот отмечает, что инициаторы думали об этой части как о силе, которой предстоит проявить себя в Стране Израиля⁵². Остается предположить, что инициаторы создания «еврейского легиона» в силу своего сионистского прошлого и впрямь видели в этой

⁵⁰ Свидетельство Марка Кагана: АЯВ. ОЗ/2863.

⁵¹ IHGS, KGA/24. Материалы, хранящиеся в фонде Андерса в Архиве им. Сикорского, содержат краткую биографию Шескина и его оперативные донесения штабу армии о настроениях в обществе в Стране Израиля и в ивритской прессе (как правило, в крайне левых кругах *ишува*), но никак не касаются его попыток создать «еврейский легион» и двигавших им мотивов.

⁵² Письмо С. Кота польскому министру иностранных дел от 5.1.1942: Kot, *Listy z Rosji*, p. 249.

части потенциально важного участника национальной борьбы евреев, даже если непосредственной причиной ее создания была напряженность, царящая между поляками и евреями в рядах польской армии.

В нашем распоряжении нет письменных материалов, представленных польскому командованию Каганом и Шескиным; нам неизвестно, когда именно они выдвинули свое предложение. На основании свидетельства Кагана и со слов близко общавшегося с обоими военного раввина в армии Андерса Розена-Щекача⁵³ складывается впечатление, что предполагалось объединить в отдельной воинской части всех евреев – и уже зачисленных в армию, и только просивших о зачислении; все рядовые были бы евреями, офицерский состав части состоял бы из евреев, а поляки занимали бы высшие армейские посты или осуществляли верховное командование. Вопрос о еврейской части обсуждался перед приездом Сикорского в Москву; и этот факт, и некоторые другие признаки позволяют предположить, что подобная инициатива была выдвинута в сентябре–октябре 1941 года.

После прибытия Кагана в Бузулук Андерс еще раз пригласил Шескина для беседы, в ходе которой сообщил, что создание «еврейского легиона» – инициатива политическая, а значит, относится к сфере полномочий посла Кота⁵⁴. Поэтому Каган и Шескин отправились к Коту в Куйбышев. По словам Кагана, посол отложил решение до приезда Сикорского, видимо желая обсудить с ним выдвинутое предложение. Кот ответил позднее – и ответил категорическим отказом. Поляки решительно отвергли предложение о создании отдельной еврейской воинской части в рамках своей армии в СССР.

Каган предполагает, что идея «легиона» обсуждалась на встрече Сикорского со Сталиным, где ей и был вынесен смертный приговор. Он считает, что Сталин воспротивился их плану, а Кот, услышав сталинское «нет», не посмел выступить в защиту⁵⁵. Однако предположение Кагана ничем не подтверждается. Едва ли поляки придавали еврейской инициативе достаточно большое

⁵³ См. Leon S. Rozen, *Cry in the Wilderness: A Short History of a Chaplain, Activities and Struggles in Soviet Russia during World War II* (New York: [s.n.], 1966).

⁵⁴ АЯВ. ОЗ/2863.

⁵⁵ Там же.

значение, чтобы вынести ее обсуждение на встречу со Сталиным. Насколько нам известно, поляки обычно не обсуждали с советской стороной свои внутренние проблемы, вопросы состава и структуры польской армии, считая решение этих вопросов польской прерогативой. Протоколы бесед поляков со Сталиным и сопровождавшими его лицами сохранились в полном объеме, но в них не найти упоминаний об идее создания в польской армии отдельной еврейской части. Встречаются замечания польской стороны – в том числе Кота и Андерса – о создании отдельной части, однако нигде не сказано, что советская сторона высказывала на этот счет какие-либо соображения или что ее соображения могли влиять на решения поляков.

Таким образом ясно, что отказ исходил от польских руководителей. Каган утверждает, что часть польских высших чинов, и в том числе Андерс, поддержала идею, а Кот ее отклонил. Эта версия подтверждается лишь частично. По-видимому, некоторые офицеры в армии Андерса по тем или иным причинам и впрямь одобрили еврейскую инициативу. Но между Котом и Андерсом не было разногласий в этом вопросе, и они оба ответственны за отказ. Кот сообщает, что 24 октября 1941 года в польском посольстве в Куйбышеве Андерс обсуждал это предложение с еврейскими представителями (членами Бунда и, несомненно, Людвиком Зайдманом, советником по делам евреев) и что именно Андерс не допустил создания отдельной еврейской части⁵⁶.

Однако Каган прав, утверждая, что и многие евреи приняли его предложение в штыки. По его словам⁵⁷, собравшиеся в Бузулуке евреи прежде, в независимой Польше, принадлежали к обеспеченным слоям общества и опасались, что создание «легиона» лишит их права на польское гражданство, а то и воспрепятствует возвращению им имущества после войны. По всей видимости, в Бузулуке действительно оказалось много ассимилированных и в прошлом состоятельных евреев, которые по личным соображениям не поддерживали идею отдельной еврейской воинской части. Члены Бунда, обладавшие ощутимым влиянием в посольских кругах, заняли принципиально враждебную «легиону» позицию. Один из оказавшихся в СССР лидеров Бунда, Люциан Блит,

⁵⁶ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁵⁷ АЯВ. ОЗ/2863.

16 октября 1941 года подал генералу Андерсу заявление «по вопросу о плане создать воинскую часть из евреев, граждан Польши, на территории Советского Союза»⁵⁸. Блит пишет, что из штаба армии ему сообщили, что число евреев, записавшихся добровольцами в армию, превышает 9%, то есть выше доли евреев в общем населении Польши в предвоенные годы. «Этот факт, который должен был бы обрадовать всякого истинного патриота... создал, как видно, ряд трудностей психологического характера организаторам и командирам в разных частях нашей армии на территории Советского Союза. Причиной тому, как видно, стали антисемитские настроения польских солдат...» – жалуется Блит. В штабе, утверждает Блит, пытаются вырваться из царящей в армии атмосферы антисемитизма, направляя «излишек» еврейских добровольцев в трудовые отряды или создавая особые еврейские части. Ему известно, что эти тенденции получили поддержку некоторых еврейских деятелей, принадлежащих к крайнему флангу националистического лагеря. По его мнению, именно национал-социалистическая власть, поработившая ныне Польшу, заинтересована в разделении людей по расовому и национальному признаку, а создание отдельных еврейских воинских частей обязательно будет истолковано как моральная и политическая победа нацистов. Решение этого вопроса сопряжено с большой ответственностью, которую берет на себя польское командование на виду у всего мира. Еврейские националисты стремятся к созданию «еврейского гетто в польской армии», но это противоречит как польским государственным интересам, так и искреннему стремлению к совместной жизни, «бьющемуся в сердцах еврейских трудящихся масс Польши».

Кот, как обычно, исходил из политических соображений. С его точки зрения, отдельная воинская часть в будущем сыграла бы на руку Советам, заинтересованным в расколе среди поляков; с другой стороны, разделение по национальному признаку вызвало бы неодобрение свободных стран, особенно США. Удивительно, говорит Кот, что в рядах инициаторов и сторонников этой идеи соседствуют «ревизионисты – сторонники Жаботинского,

⁵⁸ Копию этого заявления Люциан Блит передал автору настоящей статьи в Лондоне в сентябре 1976 года.

адвокат К. из Варшавы, инженер Ш. из Вильно... а также офицеры – известные антисемиты, которые должны активно поддерживать создание отдельных еврейских воинских частей»⁵⁹.

По словам рава Розена, идею «еврейского легиона» в армии Андерса поддерживали три группы: а) истинные друзья евреев, желавшие помочь им и поддержать их национальные чаяния; б) офицеры – сторонники старого режима, которые завидовали Сикорскому и Андерсу и надеялись поддержкой «еврейского легиона» снискать симпатии еврейских кругов за рубежом; в) антисемиты, которые посредством «еврейского легиона» просто хотели убрать евреев из армии⁶⁰.

Андерс дважды касается вопроса об отдельных еврейских воинских частях. В своей книге он пишет:

Некоторые еврейские деятели хотели выдвинуть на первый план еврейскую специфику. В связи с этим ко мне обратились два видных представителя польского еврейства – Альтер и Эрлих. После многочисленных бесед они признались, что их проект нереален, поскольку мне пришлось бы тогда создать также украинские и белорусские части. Я стоял на том, что если мы формируем армию – преемницу Войска польского, то в нее могут входить все граждане, без различия религии и национальностей⁶¹.

Андерс пространно цитирует полученное им 31 октября 1941 года письмо руководителей Бунда, Альтера и Эрлиха: они занимают ту же позицию, что и он сам, то есть полагают необходимым создать единое военное формирование на основе равноправия, где найдется место евреям и полякам, а «главная задача этой армии – вооруженная борьба во имя свободной демократической Польши, общей родины всех своих граждан...»⁶². Андерс интерпретирует это письмо как отказ от прежних планов и согласие с его подходом.

Андерс вновь затронул этот вопрос в 1967 году, в интервью польскому журналисту, и сказал буквально так:

⁵⁹ Kot, *Listy z Rosji*, pp. 164–165.

⁶⁰ Rozen, *Cry in the Wilderness*, pp. 79–80.

⁶¹ Anders, *Bez ostatniego rozdziału*, p. 99.

⁶² *Ibid.*, pp. 99–100.

*Еще в СССР ко мне обратились еврейские лидеры с просьбой основать еврейскую воинскую часть. Я отказался, ведь чтобы быть последовательным, мне пришлось бы создать отдельные украинские и белорусские части, а это в Советском Союзе было бы весьма нежелательно. Подобные шаги подтвердили бы наличие в польской армии евреев, украинцев и белорусов, а этого советская сторона не могла допустить*⁶³.

Ясно, что утверждение Андерса о том, будто Альтер и Эрлих выдвинули идею о создании отдельных еврейских частей, а потом, под его влиянием, эту мысль отбросили, лишено оснований. С. Кот, старательно подчеркивающий каждую неудачу своего соперника Андерса, замечает, что слова командующего об Альтере и Эрлихе «не соответствуют истине»⁶⁴. Однако не следует полагать, что Андерс умышленно пытался ввести читателей в заблуждение, – скорее всего, он просто ошибся. Он совершенно не разбирался в позициях основных групп польского еврейства и в идейных разногласиях между ними и вполне мог приписать лидерам Бунда инициативу, с их точки зрения бессмысленную. Тем не менее позволительно предположить, что рассказ Андерса о его контактах с Альтером и Эрлихом отнюдь не выдумка: в книге он хвалит руководителей Бунда за патриотизм и верность польскому отечеству, а в записке, не предназначенной для публикации, гордится тем, что выставил обоих лидеров из своего кабинета⁶⁵. Видимо, Альтер и Эрлих, надеясь как-то повлиять на ситуацию в армии, сгладить напряжение между евреями и поляками, внесли какое-то предложение, в памяти же Андерса оно наложилось на идею создания отдельной еврейской части, и так возникла эта не внушающая доверия версия.

Позднее и самому Кагану пришлось отказаться от своего плана. 29 марта 1942 года он послал Андерсу заявление, где писал, что предложение об отдельных еврейских воинских частях, которое он в свое время внес вместе с Шескиным, требует пере-

⁶³ Marian Hemar (ed.), *General Anders – Życie i chwala* (London: Polska Fundacja Kulturalna, 1970), p. 63.

⁶⁴ Kot, *Listy z Rosji*, p. 164.

⁶⁵ IHGS, KGA/24. В этой записке Андерс сообщает, что Альтер и Эрлих требовали назначить в армии еврейских командиров. Вероятно, члены Бунда, верные своей идеологической концепции, просили назначить в армии ответственных за еврейскую культурную деятельность.

смотра в свете изменившейся политической ситуации. Советские методы, призванные лишить евреев польского гражданства и не допустить их вступления в польскую армию, угрожают целостности польского государства. В этой ситуации необходима солидарность, а потому «не время говорить о специфически еврейских интересах». Заканчивая это заявление, Каган добавляет, что отправил подобный документ профессору Коту в Куйбышев. В самом деле, в телеграмме польскому Министерству иностранных дел в Лондоне от 25 марта 1942 года Кот отмечает, что К. сообщил ему письменно об отказе от своего предложения касательно еврейских частей, «поскольку теперь Советы запрещают набор евреев в польскую армию и могут использовать в своих интересах позицию ревизионистов».

В своем подробном свидетельстве Каган не упоминает ни о посланном Андерсу письме, ни о направленном Коту заявлении, а в разговоре с раввином Розеном он отрицал факт существования письма, что, впрочем, противоречит находящимся в нашем распоряжении свидетельствам⁶⁶. В послесловии к книге раввина Розена «Глас вопиющего в пустыне», увидевшей свет в 1966 году, Каган пишет: «...Если бы их попытка создать “еврейский легион” увенчалась успехом, вся еврейская история развивалась бы иначе»⁶⁷. Каган немилосердно преувеличивает. В письме, направленном в 1951 году Розену, Кот писал: «...Проблема еврейского легиона, который так и не был создан, хорошо мне знакома, и сегодня я считаю, что он целиком исчез бы в советских лагерях и никто из его бойцов не достиг бы ни Польши, ни Страны Израиля»⁶⁸.

Создать «еврейский легион» в армии Андерса не удалось, однако евреи иногда оказывались (временно) большинством в том или ином подразделении. Опытный инженер-электрик Д. Кац

⁶⁶ Розен рассказывает в своей книге, как в июле 1963 года встретился в Израиле с д-ром Каганом и спросил, верно ли, что тот отправил Коту письмо с отказом от своего предложения о создании «легиона». Каган, по словам Розена, категорически отрицал версию Кота; он заявил, что «никогда не писал подобного письма ни Коту, ни кому другому; он отвергал самую мысль о таком шаге. Он никогда не сомневался в идее легиона». В то же время существует письмо, написанное почерком д-ра Кагана и заверенное его подписью, где он признает, что при сложившихся обстоятельствах не считает свое предложение уместным и отказывается от него, и сообщает, что направил такое же письмо профессору Коту. См. IHGS, KGA/24.

⁶⁷ Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 236.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 231.

оказался в резервной части, где собрались специалисты (врачи, инженеры, адвокаты и т. п.)⁶⁹. Кац явился в Янгиуль и в мае 1942 года предстал перед медицинской комиссией; его признали негодным, поскольку он был евреем, тогда как поляки – будь они «увечными, скрюченными, горбатыми, одноглазыми» – все получили медицинскую категорию, позволявшую им служить в армии. Однако он был инженером, и поэтому его не отвергли безоговорочно, а записали в роту гражданских специалистов в составе армии⁷⁰. Кац описывает условия и режим в этой роте в самых мрачных тонах. В роте насчитывалось около 60 человек, «солидных и по возрасту, и по профессии», а большинство польских командиров были хамами, выставлявшими напоказ свой оскорбительный и «рассчитанный антисемитизм». Рота получала недостаточно продуктов питания, поэтому люди постоянно страдали от голода; они не имели одеял, обмундирования, исправных палаток, и спать им приходилось прямо на земле. Никто не потрудился обеспечить им такие же условия, какие обеспечивали обычным солдатам. И никто в роте не знал, что их ожидает, а когда один солдат спросил об этом старшего офицера дивизии, ему было сказано, по свидетельству Каца: «Да, надо будет устроить им экзамены, проверить дипломы, часть мы распределим [в другие части], а для остальных поставим две палатки, чтобы постепенно сдохли с голоду». Кац с горечью замечает, что эту часть создавали, предполагая, что «армия должна взять под свою опеку интеллигенцию» – интеллигенцию, которую нацисты в захваченных странах планомерно истребляли; однако в действительности «опека» больше напоминала «систему пыток». В конце июня 1942 года рота была расформирована: человек 10–12 зачислили в армию, а остальных – «несчастных, обессиленных людей, прошедших лагеря и тюрьмы за преданность Польше и ухватившихся за армию, как спасающийся хватается за соломинку, – выпроводили на все четыре стороны».

Еврейской воинской частью считался в армии еврейский батальон в Колтубанке (Колтубанка – железнодорожная станция⁷¹ неподалеку от Тощкого), контингент которого состоял из польских

⁶⁹ АЯВ. М-2/D-11.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Расположенный при станции поселок носит название Колтубановский. – Прим. ред.

кадровых военных, например танкистов. Каган видел в Колтубанке прообраз задуманной им воинской части, местную модель, «еврейский легион» в миниатюре⁷². По его словам, к нему обратился полковник Леопольд Окулицкий и предложил сформировать из служащих в армии евреев еврейский батальон. Если попытка пройдет успешно, сказал Окулицкий, можно будет создать дополнительные еврейские части такого типа. На специально созванном совещании было объявлено о цели формирования еврейской части, и симпатизировавший евреям полковник Ян Галадык добровольно вызвался ею командовать. Каган видит в поступке полковника проявление особого энтузиазма, поскольку обычно батальоном командовал офицер в чине майора. По Кагану, между евреями и поляками сложились нормальные отношения. Но нарисованную Каганом идеальную картину омрачает тот факт, что перед переводом из Тощкого в Колтубанку у еврейских солдат отобрали обмундирование и отправили их в дорогу в отрепьях, без провизии и имущества. Каган винит в этом происшествии злую волю польского офицера, выкреста, который так продемонстрировал свою враждебность к евреям, а вовсе не тенденциозную политику польского военного командования. Каган считает, что опыт Колтубанки был успешным, а распространения в армии не получил лишь из-за враждебного отношения Кота⁷³.

Нарисованная Каганом картина ни в одной детали не совпадает с тем, что рассказывает о формировании еврейского батальона в Колтубанке раввин Розен-Щекач⁷⁴. Как уже отмечалось, этот раввин был хорошо знаком с инициаторами создания «еврейского легиона», поддержал их начинание и дал ему свое благословение. Д-р Каган даже соглашается с Розеном в послесловии к его книге. Согласно Розену-Щекачу, еврейский батальон (отделенный затем от других частей и переведенный в Колтубанку) был создан в октябре 1941 года, то есть задолго до того, как идея «еврейского легиона» была отвергнута. Формированию батальона предшествовало отчисление евреев из рядов армии в Тощком, совершенное в вопиюще грубой форме и по откровенно антисемитским мотивам. Солдат созвали на построение, и юные офицеры,

⁷² АЯВ. ОЗ/2863.

⁷³ Там же.

⁷⁴ См. Rozen, *Cry in the Wilderness*, pp. 82–99 (глава «A Ghetto for Jews in Totzkoye»).

по словам автора, только недавно вышедшие из советских лагерей, приказали «всем людям Моисеева вероисповедания» выйти из строя. После этого евреев отправили на очередную медицинскую комиссию, которая и объявила большинство из них непригодными к службе в армии. О примененном в Тоцком способе изгнания евреев из армии стало известно Коту, который с горечью писал об этом в одном из своих отчетов⁷⁵.

Операция по формированию батальона в Колтубанке носила, по словам Розена-Щекача, характер «заклочения в гетто». Когда раввин рискнул выразить протест против оскорбительного отношения, полковник Галадык стал оправдываться: «Они верно чувствуют себя более счастливыми в казармах, устроенных по принципу гетто, чем бок о бок с антисемитами и гитлеровцами»⁷⁶. В ответ на протест раввина провели встречу, где офицеры пытались оправдать свое решение.

По словам рава Розена, накануне перевода в Колтубанку над еврейскими бойцами всячески издевались – например, обувь им выдали слишком маленьких размеров, и многие оказались босыми. Перевод в Колтубанку означал, по определению Розена, переход из маленького гетто Тоцкого в «большее гетто», насчитывавшее более 1000 человек⁷⁷. Узнав о дурной славе Колтубанки, Окулицкий попросил раввина Розена-Щекача отправиться туда и разобраться на месте, хотя и считал, по свидетельству раввина, что происходящее в Колтубанке «касается евреев, а не антисемитизма в армии»⁷⁸. Раввин нашел еврейскую воинскую часть в состоянии физического и морального упадка. Бойцам пришлось копать себе землянки в мерзлой земле, твердой как камень, при температуре 40 градусов ниже нуля. Первым делом раввина оказались похороны многочисленных умерших. Армейская кухня, которой заправляли поляки, порой «забывала» или просто отказывалась выдавать еду евреям. Командирами подразделений в батальоне были евреи, а батальоном в целом командовал поляк-антисемит в чине капитана. Полковник Галадык действительно находился в Колтубанке, но командовал не еврейской частью, а

⁷⁵ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁷⁶ Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 87.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 88.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 92.

всей польской военной базой, размещенной на этой станции. Раввин Розен-Щекач уверяет, что Галадык желал евреям добра и намерения имел благие, однако он, в прошлом верный сторонник Пилсудского, оказался в Колтубанке не по своей воле, а был туда назначен – фактически сослан – сторонниками Сикорского. Евреев непрерывно изводили их польские товарищи по оружию, расквартированные в Колтубанке. Розен-Щекач пишет: «Еврейским солдатам запрещалось проходить по улице, относившейся к лагерю поляков... Еврейский солдат терпел там физические и моральные оскорбления самого мерзкого антисемитского свойства»⁷⁹. И добавляет, что в штабе польской армии при слове «Колтубанка» на лицах появлялись циничные усмешки; для евреев же Колтубанка стала очередным унижением.

Сведения о Колтубанке проникли на Запад⁸⁰. Рав Розен пишет, что история получила широкую огласку, но не сообщает, когда и где эти сведения были опубликованы. О вызванном ею резонансе мы можем судить по телеграмме, которую 19 марта 1942 года Сикорский отправил из Лондона в штаб польской армии в СССР. Сикорский спрашивал генерала Андерса, «был ли создан – или существует ли в данный момент – еврейский легион» в рамках польской армии в СССР, и требовал телеграфировать ответ⁸¹. Ответная телеграмма за подписью генерала Бохуша-Шишко от 22 марта уведомляла: «Я докладываю, что в польской армии в СССР не было и нет еврейского легиона»⁸².

Свою версию истории о Колтубанке Кот сообщил Сикорскому в отчете, охватывавшем период с сентября 1941 года по 13 июля 1942. Кот жалуется, что армия отказывается принимать предложения посольства, утверждая, что посольство руководствуется политическими соображениями, а армии следует держаться подальше от политики. В действительности же, пишет он, под маской аполитичности возникают сомнительные в политическом отношении инициативы.

⁷⁹ Ibid., p. 93.

⁸⁰ Розен пишет, что информацию о положении дел в Колтубанке передал за границу польский журналист еврейского происхождения Бернард Зингер (см. Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 151).

⁸¹ IHGS, KGA/24.

⁸² Ibid

Величайшим злом для нас обернулась антисемитская политика, проводимая прежде всего в Тоцком, где расположена 6-я дивизия и сосредоточен резерв. После дискуссий с некоторыми еврейскими ревизионистами, мечтавшими о еврейском легионе и еще на родине снискавшими расположение и авторитет в армейских кругах, там было решено выделить евреев в особые воинские части. Осуществлено это было совершенно вопиюще – приказом молодого офицера «Евреи, выйти из строя» – 7 октября. После этого евреев отделили от остальных и направили в Колтубанку, под начало известного своим антисемитизмом офицера. Следом начали отделять евреев в других частях или массово их увольнять, не выясняя, кто из них является ненадежным элементом, а чье исключение вызовет недовольство, опасное для польской политики. Один из высших чинов штаба⁸³ покровительствовал этому методу, сочетавшему антисемитские тенденции с амбициями ревизионистов. Он даже совещался с лидером ревизионистов из Варшавы⁸⁴.

Стремление Кота подчеркнуть партнерство антисемитов и ревизионистов не случайно. Кот считал, что ревизионисты заручились поддержкой и помощью ненавистного ему режима «Санации», и не упускал случая приравнять их к антисемитам, чаще всего, по его мнению, встречавшимся среди сторонников «Санации». Но даже отвлекшись от тенденциозности Кота, мы все равно вынуждены будем отклонить апологетическую версию Кагана. Очевидно, что нет ни малейших оснований представлять опыт Колтубанки в качестве частичного воплощения идеи «еврейского легиона» или первого этапа его создания: подобное представление никак не согласуется с мрачной действительностью, описанной раввином Розеном-Щекачом и другими свидетелями⁸⁵.

Но какова же была судьба еврейского батальона в Колтубанке? Розен утверждает, что накануне перевода польской армии в СССР в Среднюю Азию в мае–июне 1942 года «гетто в Колтубанке было автоматически ликвидировано», а находившиеся там евреи в большинстве своем были отчислены из армии, как то

⁸³ Имеется в виду, несомненно, Окулицкий, который был сброшен в Польшу с парашютом после поражения Варшавского восстания в 1944 году и командовал подпольным польским военным формированием, подчинявшимся польскому правительству в изгнании, – Армией крайовой. После войны Окулицкий был схвачен советскими властями, судим и казнен.

⁸⁴ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁸⁵ АЯВ. ОЗ/702.

происходило в других частях. Тем не менее некоторым удалось продержаться в армии на азиатской территории СССР до августа 1942 года, и они были эвакуированы вместе с остальными. Раввин Розен не сообщает, сколько евреев из Колтубанки осталось в армии и в каких частях они служили после вывода армии Андерса в Иран⁸⁶.

Сохранилось другое свидетельство о последних днях еврейского батальона в Колтубанке⁸⁷. Меер Люстгартен, к воспоминаниям которого мы уже обращались по другому поводу, пишет:

В конце зимы 1942 года все мы покинули лагерь и были доставлены поездом в Узбекистан, в Среднюю Азию, в город Гузар на границе с Афганистаном. Спустя несколько недель туда прибыл еврейский батальон из села Колтубанки. Когда в Тоцком еврейских солдат выводили из рядов польской армии, польские командиры предполагали очистить армию от евреев, чтобы те не попадались им на глаза. Они не ожидали, что эти несчастные евреи, изгнанные было из армии, обойдут поляков. Поляки были потрясены, увидев евреев в форме польской армии: все как один молодцевато смотрятся, хорошо одеты и маршируют с песней на устах, с гордо поднятой головой.

Стало быть, постепенно в еврейском батальоне в Колтубанке произошли заметные изменения к лучшему. Вероятно, к этим переменам привело прежде всего улучшение общего материального положения польской армии в 1942 году, однако и смещение командира-антисемита с поста, и вмешательство из-за границы благотворно сказались на батальоне. Коль скоро ситуация улучшилась, возросло и желание евреев доказать свою пригодность к воинской службе. Возник своеобразный патриотизм еврейской части. Тут проявил себя потенциал, заложенный в идее создания отдельных еврейских формирований и их автономного развития в рамках польской армии. Свидетельство Люстгартена доказывает, что утверждение Розена о ликвидации еврейского батальона накануне переброски польского контингента в Среднюю Азию безосновательно. Но из рассказа Люстгартена нельзя установить, была ли проведена «чистка» батальона в Колтубанке по примеру «чисток» в других частях польской армии.

⁸⁶ Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 216.

⁸⁷ АЯВ. ОЗ/702.

Люстгартен сообщает, что и в Гузаре некоторые пытались позидеваться над еврейским батальоном, однако теперь спаянный коллектив мог за себя постоять. Люстгартен пишет:

Вскоре после того, как батальон из Колтубанки прибыл в Гузар – я тоже был переведен туда в качестве инструктора, – я ощутил странность происходящего. Меня окружали носатые физиономии, семитские типажи, они свободно разговаривали друг с другом на идише, по вечерам солдаты собирались вместе и пели еврейские народные песни – и все это происходило в польской армии. Я не узнавал в этих ребятах обитателей еврейской улицы в странах рассеяния. Приглядевшись к ним поближе, я понял, что черты, отличающие еврея в странах рассеяния (робость, страх), вовсе не обязательно свойственны евреям. Так я поверил, что евреи способны быть хорошими солдатами, когда ощущают себя свободным народом.

Люстгартен сообщает, что из Гузара еврейский батальон был переброшен поездом в Красноводск, на берег Каспийского моря. Из Красноводска солдаты отплыли в порт Пехлеви в Иране и прибыли туда весной 1942 года, незадолго до Песаха. В Иране еврейский батальон был расформирован, так как англичане отказались перебросить его в Страну Израиля в качестве отдельной воинской части⁸⁸. А Кот пишет, что не знает ничего о судьбе еврейского батальона из Колтубанки⁸⁹.

4. Приказы Андерса, касающиеся евреев

Продолжая рассказ об отношении военного командования к «еврейскому легиону» и к отдельным еврейским частям, Кот пишет:

После совещания, которое состоялось в посольстве 24 октября [1941 года] и в котором приняли участие представители нескольких еврейских партий, генерал Андерс притормозил это вредное движение. 14 ноября он отдал весьма разумный приказ, касающийся отношения к евреям в армии, однако столкнулся в Тоцком с настолько сильной оппозицией, что в дополнение к первому приказу отдал второй, содержавший рискованные в политическом отношении

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. письмо Кота Розену (Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 231).

пункты. О предстоящем «сведении счетов» с евреями на родине немедленно стало известно за границей, и командир польской армии снискал славу врага евреев⁹⁰.

Оба приказа, о которых пишет Кот, нам известны. Оба были отданы в Бузулуке, первый 14 ноября 1941 года⁹¹, второй – 30 ноября 1941 года. В первом приказе Андерс стремится однозначно определить место евреев в армии и предписать желательное к ним отношение. Он требует подчиняться содержащимся в приказе инструкциям и строго их исполнять и обязывает как командиров, так и рядовых солдат придерживаться «ясной, последовательной и недвусмысленной» линии поведения в отношении евреев. Кроме того, пишет он, следует «положить конец распространяемым за нашей спиной слухам и наветам о мнимом антисемитизме в армии» – слухам и наветам, которые, по его мнению, измышляются за рубежом. В этом приказе Андерс утверждает, что еврейские военнослужащие обладают теми же правами и обязанностями, что и остальные польские граждане, и в армии к ним следует относиться с теми же «искренностью, сердечностью и доверием», что и к остальным солдатам. Во избежание недоразумений он объясняет основные принципы набора в действующую армию: офицеры, кадровые младшие командиры, рядовые с опытом военной службы и добровольцы, прошедшие предармейскую военную подготовку и признанные призывной комиссией годными, зачисляются в армию немедленно, остальные же направляются в южные республики СССР, где их запишут в резервные формирования на случай будущей мобилизации. Все это должно было опровергнуть измышления о том, что евреям якобы чинят препятствия при вступлении в армию. «Я приказываю всем находящимся в моем подчинении командирам решительно бороться со всеми проявлениями расистского антисемитизма...» Кроме того, следует разъяснить солдатам, что Польша всегда была верна принципам демократии и терпимости и отходить от них недопустимо. На еврея и поляка в армии распространяются одни и те же

⁹⁰ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁹¹ Копии этих приказов хранятся в фонде Фризнера (АЯВ). Текст второго приказа можно найти в книге Кота (*Kot, Listy z Rosji*, pp. 465–466) и в отчете “*Sprawozdanie z działalności Reprezentacji Żydostwa Polskiego w latach 1940–1945*”. См.: ЦСА. J25/54/VI. Л. 118–119.

законы. Предпринимать против еврея какие-либо действия можно, только «если он не умеет с честью носить мундир бойца Польской Республики и забывает, что он польский гражданин»⁹².

Этот приказ, демонстрирующий четкую и внятную позицию по ряду ключевых вопросов, несомненно должен был повлиять на практику мобилизации и на обстановку в армии. Со слов Кота и из первоначального текста приказа ясно, что его отдал Андерс, а никак не Сикорский, как утверждается в источнике, опубликовавшем второй приказ Андерса в Стране Израиля⁹³. Однако авторитетный и решительный приказ Андерса был, как уже отмечалось, не единственным указом, объявлявшим польской армии в СССР волю и позицию главнокомандующего. Примерно двумя неделями позже Андерс отдал второй приказ, дух и буква которого во многом свели на нет благотворное влияние первого.

Второй приказ открывается ссылкой на приказ предшествующий⁹⁴. В первом приказе сформулировано официальное политическое кредо главнокомандующего по еврейскому вопросу, однако Андерс не хочет быть «неверно истолкованным» своими командирами. «Я хорошо понимаю причины проявлений антисемитизма в рядах армии»; это отголоски нелояльного, а порой и враждебного поведения польских евреев в 1939–1940 годах. «Поэтому я не удивляюсь, что наши солдаты, пылкие патриоты, обостренно реагируют, коль скоро им кажется, что наше правительство и наша армия, поглощенные заботами нынешнего дня, забывают опыт прошлого. С такой точки зрения наша защита евреев может выглядеть непонятной, исторически несправедливой, странной». Однако нынешняя польская политика, объясняет Андерс, связанная с политикой Великобритании, требует от нас хорошо относиться к евреям, поскольку евреи обладают заметным влиянием в англосаксонском мире. Солдаты должны понять, что польские государственные интересы обязывают нас не враждовать с евреями, что антисемитизм может привести к тяжким последствиям. «Поэтому я рекомендую разъяснить нашу

⁹² АЯВ. Фонд Фризнера. № 1730.

⁹³ См. подпольный еженедельник Хаганы «Эшнав» от 28 июня 1943 года.

⁹⁴ Второй приказ начинается словами: «В связи с прилагаемым приказом № 1730, направленным мной 14.11.1941 из канцелярии штаба касательно участия евреев в польских вооруженных силах в Советском Союзе, я поясню и настоятельно доведу до сведения подчиненных мне командиров следующее...» (Kot, *Listy z Rosji*, p. 465).

позицию во вверенных вам частях в сдержанной и пристойной манере и недвусмысленно предупредить чересчур горячих и вспыльчивых», что сейчас любые проявления борьбы с евреями запрещены и будут строго караться, – но «когда после победного боя мы вновь станем хозяевами в своем доме, мы уладим вопрос с евреями так, как того требуют величие и суверенность нашего отечества, а также простая человеческая справедливость»⁹⁵.

Эти два приказа не просто принципиально различны – зияющие противоречия между ними бросаются в глаза; трудно поверить, что их написал один человек, причем с интервалом всего в две недели. Однако противоречивая и изворотливая натура Андерса становится понятнее, если сравнить его публичные выступления со словами, сказанными им Сталину в конфиденциальной беседе, или с заметками, которые хранятся в его архивном фонде⁹⁶. Кот, как уже говорилось, утверждал, что Андерс пошел на попятный и отступил от духа первого приказа под влиянием командного состава 6-й дивизии в Тоцком. Мы не знаем, достоверна ли эта версия, поскольку Кот видел в командирах из Тоцкого сборище своих политических противников, людей Пилсудского, и относился к ним с подозрением. Однако не приходится сомневаться, что Андерс резко изменил дух и букву своих речей под напором критики со стороны своих товарищей и подчиненных. Не приходится сомневаться и в том, какой из двух приказов выражает истинные суждения и чувства Андерса⁹⁷.

В первом приказе Андерс утверждает, что в армии вообще нет антисемитизма и лишь враждебные силы злонамеренно приписывают полякам ненависть к евреям; поляки же должны сознавать это и вести себя ответственно. Из второго приказа явствует, что антисемитизм есть, и главнокомандующий прекрасно понимает его истоки. На сей раз он не требует решительно бороться со всеми проявлениями антисемитизма, он просит лишь попридержать самых горячих, скорых на расправу. В первом приказе

⁹⁵ См. прим. 91.

⁹⁶ Имеется в виду его заметка «Еврейская проблема» (IHGS, KGA/24).

⁹⁷ Стоит указать, что Андерс еще до войны был близок к эндекам. Он присутствовал на собрании, где была предпринята попытка к сближению между определенными кругами эндеков и «Санацией». Подробнее см. Jerzy Janusz Terej, *Rzeczywistość i polityka: ze studiów nad dziejami najnowszymi Narodowej Demokracji* (Warszawa: Książka i Wiedza, 1971), pp. 50–51.

протест против антисемитизма базируется на конституционных и идейных принципах, которыми руководствуется польское государство, тогда как во втором приказе этот протест представлен вынужденным политическим шагом, продиктованным нуждами текущего момента. Истинное же сведение счетов поляки откладывают на будущее, когда они снова смогут действовать по своей воле в своей освобожденной стране.

Кот отмечает, что второй приказ Андерса стал известен за рубежом и принес польскому главнокомандующему дурную славу. Андерс вынужден был радикально отойти от духа первого приказа под влиянием своих товарищей и подчиненных, и это говорит о том, что враждебное отношение к евреям отличало отнюдь не одного лишь главнокомандующего. Напротив, многих и многих в армии даже соображения оппортунизма не могли подвигнуть на защиту евреев. Поголовный и беспросветный антисемитизм в польской армии, о котором свидетельствуют все евреи, независимо от взглядов, образования и занимаемой в армии должности, доказывает, что даже лицемерная терпимость, предписанная вторым приказом, осталась мертвой буквой и не была принята армией. Свидетели сообщают о безрезультатных попытках обуздать антисемитизм «сверху»⁹⁸. М. Каган отмечает, что чем больше поляки обретали уверенность в себе и чувство превосходства, — иначе говоря, чем крепче делалась их армия и чем лучше становилась ее снабжение и оснащенность, — тем чаще происходили антиеврейские выступления⁹⁹. Отсюда следует, что со временем антисемитизм в польской армии не только не исчез бы, но сделался бы еще сильнее. «Антисемитизм проявлялся в оскорблениях и в нанесении телесных повреждений», — утверждает свидетель, врач по профессии¹⁰⁰. Другой свидетель сообщает, что антисемитизм, в частности, выражался в том, что евреев «часто и вне очереди направляли на физические работы, всячески оскорбляли, и при этом жалобы евреев не рассматривались и виновные оставались безнаказанными»¹⁰¹. В то же время необходимо отметить, что не-

⁹⁸ АЯВ. ОЗ/2502.

⁹⁹ Там же. ОЗ/2863.

¹⁰⁰ Там же. ОЗ/2502.

¹⁰¹ Там же. ОЗ/2605.

которые офицеры и командиры стремились защитить вверенных им евреев от антисемитизма и, несмотря на все трудности, вели себя по отношению к евреям порядочно и доброжелательно.

В еженедельнике Хаганы «Эшнав», издававшемся в Стране Израиля под редакцией Элиэзера Либенштейна (Ливне), 28 июня 1943 года был опубликован второй приказ Андерса¹⁰². В то время часть контингента армии Андерса размещалась в Стране Израиля, и возмущенная реакция еврейского *ишува* не заставила себя ждать. Представительство евреев Польши (*Reprezentacja Żydostwa polskiego*), штаб которого находился в Стране Израиля и которое объединяло активистов всех сионистских партий (за исключением ревизионистов) и партии «Агудат Исраэль», усмотрело в приказе Андерса декларацию, «неизбежно способствующую усилению антисемитских тенденций, а не их ослаблению». Члены Представительства обратились к премьер-министру и министру обороны В. Сикорскому с письмом, где указывали, что этот приказ противоречит официальным и обязывающим заявлениям польского правительства в Лондоне; они спрашивали, собирается ли правительство предпринять какие-либо меры, и интересовались, какие выводы оно предполагает сделать из истории с приказом¹⁰³. Они отправили письмо Сикорскому 5 июля 1943 года, и в тот же самый день было получено известие о гибели Сикорского в авиационной катастрофе в районе Гибралтара.

В конце июня 1943 года Страну Израиля посетил один из лидеров Социалистической партии Польши, министр в польском правительстве в изгнании Ян Станьчик, который 1 июля встретился в Тель-Авиве с членами Представительства¹⁰⁴. Секретарь Представительства д-р Авраам Ступп среди прочего сказал: «Сейчас я вынужден затронуть весьма болезненную тему. Передо мной лежит циркулярное письмо генерала Андерса, разъясняющее его позицию по поводу антисемитских настроений в армии. Здесь Станьчик прервал д-ра Ступпа и заявил: «Я знаком с его содержанием», но д-р Ступп продолжал объяснять, как этот приказ может быть истолкован. В ответ Станьчик сказал следующее:

¹⁰² Там же. Фонд Фризнера.

¹⁰³ ЦСА. J25/54/VI. Л. 118–120.

¹⁰⁴ Там же. Л. 107–117.

Отдавая этот приказ, Андерс мог руководствоваться не самыми дурными мотивами. В сложившейся обстановке он хотел объяснить спорный вопрос, ставший камнем преткновения. Он сделал это не лучшим образом. Андерс – всего лишь солдат, а не политик. Политик сделал бы это иначе, лучше. Но не надо превращать это в международную проблему. Я знаю, едва слух дойдет до зарубежных стран, начнутся крики об антисемитизме в польской армии, что может спровоцировать еще более резкую реакцию поляков...

Далее Станьчик сказал: «Я не отрицаю и признаю, что в армии и среди прибывших из России встречаются антисемитские настроения. Я заявляю об этом с болью, но приказами положения не исправишь»¹⁰⁵.

12 июля 1943 года, то есть меньше чем через две недели после встречи Станьчика с делегацией Представительства, в штаб организации пришло письмо от польского генерального консульства в Тель-Авиве. В письме сообщалось о беседе министра Станьчика с Андерсом, в ходе которой генерал категорически отрицал существование приписываемого ему приказа и «утверждал, что этот текст является фальшивкой». Станьчик, со своей стороны, добавляет: «Я убежден, что речь идет о подделке вражеской пропаганды, которая стремится испортить отношения поляков с евреями»¹⁰⁶.

Кот, в 1955 году опубликовавший в Лондоне книгу своих воспоминаний, включил в нее, среди прочих документов, и пресловутый приказ Андерса¹⁰⁷. Правда, в то время Кот вел борьбу с Андерсом, но недостоверный документ он не включил бы в книгу ни при каких обстоятельствах. Примечательно, что Андерс в своей книге предпочел проигнорировать этот приказ. Тем не менее на встречах с евреями Андерс снова утверждал, что этот приказ – фальшивка. 19 сентября 1943 года в Тель-Авиве, в доме польского генерального консула д-ра Х. Розмарина, состоялась встреча Андерса с делегацией Представительства. На встрече инженер Аншел Райс намекнул, что в армии «его предупредили... остерегаться антисемитских выходов и при этом подчеркнули, что счеты с евреями будут сводиться по возвращении на родину».

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Л. 120.

¹⁰⁷ Знаменательно, что этот приказ, приведенный в польской версии книги Кота, был изъят при публикации его воспоминаний на английском языке.

Тут Андерс его прервал и сказал: «Я знаю, что какое-то отребье напечатало приказ, будто бы отданный мною и в таком именно духе. Однако я не хочу даже спорить по этому поводу. Это фальшивка, подобного приказа не было»¹⁰⁸.

Реакция общественного мнения на этот приказ по-прежнему беспокоила польские инстанции. В отчете польского генконсула в Иерусалиме польскому министру иностранных дел в Лондоне (без даты) сообщалось, что из-за волнений, вызванных публикацией приказа в «Эшнаве», консул счел нужным послать своего заместителя Вебера для разъяснительной беседы с Ицхаком Гринбоймом. Посланник еще раз подтвердил, что означенный приказ вовсе не был отдан, и Гринбойма попросили успокоить общественность. Гринбойм изъявил готовность выполнить просьбу консула – после согласования с членами Еврейского агентства. Кроме того, он попросил консула прислать ему письмо, содержащее такие слова: «Документ, опубликованный в “Эшнаве”, о существовании которого он [Гринбойм] слышал еще полгода назад, вообще не был издан»¹⁰⁹.

Еще раз речь об этом приказе заходит на встрече еврейских представителей – д-ра Шварцбарта, члена Национального совета Польской Республики в Лондоне, и д-ра Тартаковера, делегата Всемирного еврейского конгресса, – с преемником Сикорского, польским премьер-министром Станиславом Миколайчиком, которая состоялась в Лондоне 13 января 1944 года. Шварцбарт, говоря о положении в армии, упомянул приказ Андерса. Миколайчик заметил, что Андерс называет этот приказ фальшивкой; Шварцбарт ответил:

Да, мне это известно. Однако есть свидетели, министры и прочие, которые выступили против этого приказа, когда он был отдан. Мы знаем, что в одной из телеграмм этот приказ был назван фальшивкой. Публично опровергать это я не стану, но в нашем кругу не стоит ожидать, что я поверю, будто приказ – фальшивка.

Глава правительства промолчал и лишь минуту спустя заявил: «Этим я тоже займусь»¹¹⁰.

¹⁰⁸ ЦСА. J25/54/VI. Л. 136–137.

¹⁰⁹ IHGS, 755/2, А. 11 (без даты).

¹¹⁰ АЯВ. М–2/754.

Антисемитизм в польской армии был, безусловно, общим явлением; уходя корнями в традиции прошлого, он опирался на идейные и политические концепции межвоенной Польши. Различные слои польского общества, не в силах критически взглянуть на свое прошлое, не поняли, насколько разрушительную роль сыграл антисемитизм во внутренней жизни Польской Республики. Они не осознавали, что под личиной антисемитизма в их страну проникает враждебное им нацистское влияние. Польская армия в СССР явилась самой обширной ареной встречи поляков и евреев в годы Второй мировой войны, поскольку на территории Польши евреев отделили от польского населения стены гетто, а в местах сосредоточения эмигрантов – например, в Лондоне – оказались лишь немногие польские евреи, и взаимоотношения сторон складывались по большей части в рамках всевозможных переговоров, не достигая ни естественности, ни откровенности.

Польское политическое руководство отдавало себе отчет в том, что антисемитизм наносит ущерб его интересам, и беспокоилось, как воспримут ненависть к евреям общественное мнение в свободных странах и влиятельные еврейские круги на Западе. Но поскольку политика руководства оставалась двусмысленной и диктовалась тактическими соображениями, в поведении поляков и в различных их публикациях то и дело возникали прорехи, сквозь которые проглядывали истинные чувства. Нельзя забывать, что в широкой политической коалиции в Лондоне видное место занимали эндеки, идеологические и политические концепции которых во многом строились на юдофобии. Как мы видели, именно офицеры отличались наиболее откровенным антисемитизмом, и их позиция не составляла тайны для рядового состава.

5. Вывод армии Андерса из Советского Союза

Полный вывод армии Андерса из Советского Союза был следствием как напряженности и подозрительности, царивших между поляками и советскими властями, так и внутренних разногласий и соперничества среди поляков. Согласно оперативному соглашению, подписанному польскими и советскими генералами, предполагалось, что поляки будут постепенно готовить свой контингент и вводить его в боевые действия воинскими частями размером не меньше дивизии под началом советского верховного

командования¹¹¹. Возможно, польские генералы не вполне отдавали себе отчет в обязательствах, которые это соглашение на них накладывало. Так или иначе, польские государственные и военные руководители хотели создать большую армию, которая – со временем, по достижении полной боевой готовности – была бы введена в бой как единое целое, причем мера ее участия в боевых операциях определялась бы с учетом польских государственных интересов. Советская же сторона с конца 1941 года настаивала на переброске отдельных польских частей на фронт. Поляки возражали, ссылаясь на то, что они еще не подготовили свою армию к выполнению ее задач. Советская сторона, по своему обыкновению, оказывала давление – сокращала пищевые пайки и урезала материальное снабжение армии Андерса. Советский Союз недвусмысленно давал понять, что не намерен долго содержать на своей территории армию, которая не воюет. Положение создалось невыносимое, и стороны должны были найти какой-то выход.

Тем, кто оказался в рядах армии Андерса после советских лагерей и ссылки, действительно необходимо было набраться сил и пройти курс военной подготовки, прежде чем идти в бой. Формирующуюся польскую армию разместили вначале во временных лагерях в районе Волги, где солдаты страдали от тяжелого климата. Во время визита Сикорского в Москву поляки просили у Сталина разрешения перевести свои части в географически более благоприятное место. В качестве основного плацдарма был предложен Узбекистан. Резкий переход в жаркие районы, где свирепствовали болезни, привел к массовым эпидемиям. Добавляла проблем удаленность от штаба и от центров, где принимались политические решения.

Впервые вопрос о частичном выводе армии за пределы СССР поднял еще Сикорский на переговорах со Сталиным. Мы уже видели, что Сталин отреагировал весьма резко, но в конце концов было решено, что контингент в размере 25 000 человек покинет СССР и усилит польское формирование на Западе. Тем не менее позиция Сикорского, в сущности, не предусматривала полного вывода польских войск из СССР. Польский премьер-министр хотел, чтобы его бойцы сражались на разных фронтах, освобож-

¹¹¹ См. об этом в примечаниях Кота (Kot, *Listy z Rosji*, pp. 38–40).

дали Польшу с разных сторон. Сикорский понимал, что при таком подходе важнейшее значение приобретает советский фронт; к тому же, сражаясь бок о бок с Советами, поляки обеспечили бы себе дополнительный козырь в будущих переговорах о восточных границах Польши. Англичане, в свою очередь, были заинтересованы в выводе польского контингента из СССР, надеясь с его помощью укрепить свои военные позиции в наиболее уязвимых точках.

Не приходится сомневаться, что соображения польского правительства не укрылись от советской стороны, которая хитроумно обходила политические инстанции поляков и налаживала связь непосредственно с Андерсом и его офицерами, тонко играя на амбициях генерала. Со временем Андерс оказался независим не только в военном, но и в политическом отношении. В России Андерс сумел продемонстрировать свою независимость Коту, а в Лондоне – заручиться поддержкой польских оппозиционных кругов, видевших в Андерсе сильного соперника Сикорского. Советы собирались избавиться от польской армии, которая стала политической проблемой, и уже задумывали новую польскую армию под началом Берлинга, которая была бы послушна в политическом отношении и на которую можно было бы положиться в определении не только будущих границ, но и государственного устройства освобожденной Польши. Мы не знаем, кто поднял вопрос о полном выводе польской армии – Андерс или Советы. Андерс, во всяком случае, принял это решение, не дожидаясь правительственного подтверждения из Лондона¹¹². Можно представить себе резоны Андерса. Можно предположить, что он опасался за судьбу своей армии в Советском Союзе и видел в ее эвакуации путь к спасению и к новым военным базам. Можно также предположить, что он не желал дробить свой контингент, поскольку размеры и сплоченность армии укрепляли его собственный статус.

Не следует забывать и об ошибке Андерса: он полагал, что СССР не устоит под мощным натиском нацистов, и надеялся вывести польскую армию из СССР – района неминуемого поражения. Попытки заручиться согласием советской стороны на про-

¹¹² Kot, *Listy z Rosji*, pp. 45–53; Edward J. Rozek, *Allied Wartime Diplomacy: A Pattern in Poland* (New York: Wiley, 1958), p. 112.

должение набора в польскую армию (по соглашению с польским правительством в Лондоне) после вывода этой армии за пределы СССР были встречены решительным отказом. Вывод польской армии позволял советской стороне раздробить помощь, поступавшую из польского посольства, и приступить к формированию политической и военной силы, ядро которой составили бы немногочисленные польские коммунисты и их союзники, находившиеся тогда на территории Советского Союза. Поляки в Лондоне и люди Андерса, видимо, полагали, что Советам не удастся впрячь поляков в свою повозку и что как не появился в оккупированной нацистами Польше свой Квислинг, так не возникнет и польское формирование, служащее интересам СССР. Позднее они с горечью убедились в своей ошибке и осознали, сколь драматически она сказалась на судьбах Польши.

Вывод польской армии осуществлялся в два этапа. Советский Союз покинули около 114 000 поляков, военнослужащих и гражданских; советская сторона согласилась отпустить вместе с военными членов их семей и некоторые группы гражданского населения, например детей. На первом этапе, в марте–апреле 1942 года, отбыли около 44 000 человек (31 500 военных и 12 500 гражданских), а на втором, в августе–сентябре 1942 года, Советский Союз покинули свыше 70 000 человек (почти 45 000 военнослужащих и свыше 25 000 гражданских)¹¹³. Как мы уже говорили, железнодорожные транспорты прибывали в порт Красноводск на Каспийском море, а оттуда на судах людей переправляли в Иран, в Пехлеви. Так завершилась история польской армии, созданной на территории СССР и руководимой из Лондона польским правительством в изгнании. Этой армии не суждено было достичь величия, о котором мечтали поляки. На пути ее возникали все новые препятствия – политика советской стороны, сокращение снабжения, климатические и санитарные условия. Но и сами поляки не допустили в ряды армии многих, кто желал в нее вступить. Армия, насчитывавшая в декабре 1941 года 34 000 человек, выросла в марте 1942 года до 66 000 солдат¹¹⁴. На заключитель-

¹¹³ Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia*, vol. 3, pp. 229–230.

¹¹⁴ Побуг-Малиновский приводит следующие данные: на первом этапе были эвакуированы 43 254 человека, из них 30 799 военных; на втором этапе – 70 289 человек, из них 44 832 военных.

ной стадии, накануне последней эвакуации, была проведена еще одна поспешная мобилизация. В целом из СССР были эвакуированы почти 72 000 бойцов армии генерала Андерса¹¹⁵.

Амнистия и мобилизация означали превращение заключенного в свободного солдата, переход из нищеты и бесприютности в систему, которая заботится об удовлетворении основных человеческих потребностей. Эвакуация же предоставляла шанс полного освобождения и выхода в свободный мир. Когда стало известно, что эвакуировать будут не только военнослужащих, но и их родных и просто польских граждан, люди со всех концов страны потянулись на юг, к открывающимся воротам.

Подсчитаем же долю эвакуированных евреев и рассмотрим, как относились к евреям поляки во время эвакуации. Согласно еврейским источникам, СССР покинули около 6000 евреев, – по сообщению одного из этих источников, около 3500 солдат и 2500 гражданских лиц¹¹⁶. Вместе с большой группой эвакуируемых детей вывезли еще почти 1000 евреев – так называемых «тегеранских детей»¹¹⁷. В итоге доля вывезенных евреев составила 5% среди военнослужащих (5% рядовых и 1% офицеров) и 7% среди гражданских¹¹⁸.

На первом этапе эвакуации в Иран прибыли около 700 евреев – гражданских лиц¹¹⁹. Польские власти утверждали, что в ходе эвакуации советская сторона, строго придерживаясь своей интерпретации гражданства, воспрепятствовала выезду большего числа евреев. Но выясняется, что по крайней мере в одном случае сотрудники НКВД, надзиравшие за транспортом, вынудили поляков эвакуировать большую группу евреев, которых поляки не хотели зачислить в армию. В дороге и по прибытии в Иран эти евреи страдали от оскорблений и нападок командовавших ими

¹¹⁵ Побуг-Малиновский сообщает, что были вывезены 70 292 военнослужащих (Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia*, vol. 3, p. 241), Розек же говорит о 77 000 военнослужащих (Rozek, *Allied Wartime Diplomacy*, p. 112).

¹¹⁶ ЦСА. J25/54/VI. Л. 38. Андерс говорил об эвакуации 4 000 евреев.

¹¹⁷ Группа еврейских детей из Польши, в большинстве своем сирот, которых Еврейское агентство взялось доставить из восточных районов СССР в Страну Израиля. «Тегеранские дети», как их называли работники Еврейского агентства, добрались до Палестины, через Индию и Аден, только в феврале 1943 года. – *Прим. ред.*

¹¹⁸ Там же. Л. 35.

¹¹⁹ Там же. Л. 37.

польских офицеров, которые по-прежнему отказывались принять их в армию. Это стало известно на Западе и явилось причиной запроса, сделанного Ицхаком Шварцбартом в Лондоне. Корреспондент агентства ЮПИ Шапиро сообщал о различных инцидентах в американскую печать. Началось расследование. Возглавлявший транспорт подполковник Пстроконьский так описал присоединение еврейской группы:

*...2. В пути – если память меня не подводит, это было 25 марта 1942 года – мы оказались поставлены перед фактом: советские власти присоединили к нашему транспорту пять вагонов с гражданским населением – почти исключительно евреями. Согласно моим спискам там было 330 человек, среди них несколько детей. О подцеплении этих вагонов нам ничего не сообщали. Просто на одной из станций нам стало ясно, что они присоединены к поезду и едут вместе с нами...*¹²⁰

А офицер Довгялло, которому эти евреи оказались непосредственно подчинены и против которого было выдвинуто больше всего обвинений, сообщает, что в прицепленных вагонах было 300 человек, из них 90% – евреи: некоторые очень юные (допризывного возраста), некоторые пожилые, но в основном молодые мужчины¹²¹.

Вот как описывает этот эпизод еврейский источник.

Накануне вывода из России первых воинских частей польской армии, то есть 22 марта 1942 года, в место расположения дивизии были направлены из военкоматов 300 евреев, получивших от русской квалификационной комиссии категорию «А» (польская медицинская комиссия к тому времени уже не функционировала). Однако [поляки] велели им возвращаться туда, откуда пришли. Некоторые из них потребовали вмешательства НКВД, другие обратились к польским властям с вопросом, почему не выдают обмундирование и почему отсылают назад. Польские власти ответили, что у них не хватает вагонов, чтобы транспортировать новых людей. НКВД немедленно предоставил вагоны, и благодаря этому их взяли в Иран, однако обмундирования так и не выдали. В порту Пехлеви в Иране всем евреям, не имевшим военной формы, сказали, что они могут идти куда пожелают. В этой ситуации некоторые

¹²⁰ IHGS, KGA/24.

¹²¹ Ibid.

*евреи обратились к британским властям с просьбой о вмешательстве, и лишь по приказу британских властей им всем было выдано обмундирование и они были зачислены в армию*¹²².

Отзвуки первого этапа эвакуации определили отношение ко второму. Эвакуацией евреев заинтересовались сам Андерс и его заместитель генерал Бохуш-Шишко. 31 июля генералы Андерс и Бохуш-Шишко и представлявший советскую сторону генерал-лейтенант НКВД Г.С. Жуков подписали протокол, где объяснялось, кто из евреев имеет право на эвакуацию¹²³. В 1-м пункте этого документа говорится, что родственники военнослужащих, жители Украины и Белоруссии, не имеющие польского гражданства, могут уехать, только если будет доказано, что они и впрямь состоят в близком родстве с военнослужащими польской армии в СССР. Во 2-м пункте сказано, что следует подать отдельные (и заверенные командованием) списки членов семей жителей Украины и Белоруссии – не поляков по национальности. 3-й пункт содержал запрет на эвакуацию советских граждан – даже тех, кто сочетался браком с польскими военнослужащими во время их временного проживания в СССР.

Разумеется, согласие Андерса подписать подобный протокол уже порождает вопросы. Но интерпретация этого документа, на которой Андерс неизменно настаивал, превосходит жесткостью ограничений все официальные предписания. На встрече с несколькими раввинами и еврейскими деятелями и в докладе, направленном в Лондон, Андерс утверждал, что советское правительство «согласно на эвакуацию ближайших родственников лишь тех евреев, которые служат сейчас в частях, находящихся в Советском Союзе»¹²⁴. Иными словами, Андерс препятствовал выезду членов семей тех военнослужащих, что были эвакуированы на первом этапе, мотивируя это волей советской стороны. Кроме того, Андерс совершенно не учел, что евреи – жители западных областей, которым не было навязано советское гражданство, могут, с точки зрения советских властей, покинуть СССР, как и все

¹²² ЦСА. J25/54/VI. Л. 34.

¹²³ IHGS, KGA/25.

¹²⁴ См. телеграмму Андерса от 4 августа 1942 года, а также письма бундовцев Гликсмана и Файнзильбера: IHGS, KOL 25/24.

прочие польские граждане. На встречах с евреями и в донесениях в Лондон Андерс вновь и вновь утверждал, что любая попытка обойти советские инструкции угрожает эвакуации в целом. В то же время он объявил евреям, что не возражает против их попыток получить разрешение советской стороны на выезд, поскольку такое разрешение будет признано и поляками¹²⁵.

Группа деятелей Бунда, получившая от Кота рекомендацию для выезда из СССР, встретила с Андерсом; бундовцы заявили, что ради эвакуации они готовы предстать лицами польской национальности. Андерс «резко и категорично» отклонил их просьбу. Члены Бунда сообщают в докладной записке, что из списка транспорта, отправлявшегося 9 августа 1942 года, вычеркнуты все, кто указал, что придерживается Моисеева вероисповедания. При этом в транспорте остались евреи, назвавшие себя католиками¹²⁶. Заметим, что в Иране в судьбу этих последних вмешалось Еврейское агентство, обратившись к польским властям с просьбой позволить этим «выкрестам поневоле» вернуться к своей вере¹²⁷.

Иногда советские офицеры активно вмешивались в ход эвакуации и заявляли, что не имеют никакого отношения к дискриминационным методам поляков. Один из офицеров НКВД объявил, что готов разрешить выезд любому еврею, если два свидетеля подтвердят, что этот еврей не получал советского гражданства¹²⁸. Благодаря усилиям некоторых евреев состоялась встреча генералов Жукова и Бохуша-Шишко, где разбирались касавшиеся евреев советские ограничения на выезд. Еврейский источник сообщает о резких упреках Жукова в адрес Бохуша-Шишко:

Господин генерал, почему вы говорите евреям, что мы препятствуем их выезду? Разве вы не знаете, что на самом деле мы не проверяем списки, что мы смотрим на происходящее сквозь пальцы и нам все равно, Иван уезжает, Петр или Рабинович?!

На той же встрече Жуков предъявил подписанный документ и

¹²⁵ Заявления группы раввинов и письма членов Бунда: IHGS, KGA/24, KOL 25/24.

¹²⁶ IHGS, KOL 25/24.

¹²⁷ Ibid. В ответ на обращение представителя Еврейского агентства от 2 ноября 1942 года польский представитель сообщил, что смена имени и религии совершается по «велеанию совести» и не может быть наказуема.

¹²⁸ Сообщение генерала Бохуша-Шишко от 19.9.1942: IHGS, KOL 25/24.

доказал, что, когда речь заходит о евреях, польская сторона толкует родственные связи совершенно особым (дискриминирующим) образом¹²⁹.

Бохуш-Шишко в письме С. Коту описывал свое столкновение с Жуковым и сообщал, что Жуков согласился признавать польское гражданство на основании заявления двух свидетелей, но ответственность за достоверность таких заявлений возложил на польских командиров¹³⁰. Деятели Бунда сообщают в докладной записке, что на встрече с ними генерал Бохуш-Шишко, исчерпав все доводы, признал, что полякам известно максимальное число подлежащих эвакуации – 70 000 человек, и высказывают предположение: из-за евреев может не хватить мест полякам и потому евреев стараются оттеснить всеми возможными способами¹³¹.

В архиве профессора Кота сохранились отчеты и сводки, составленные наблюдателями и посольскими офицерами связи при штабах, руководивших эвакуацией дивизий и всего военного формирования. Офицер связи при 6-й дивизии Яков Хофман завершил свой отчет такими словами:

Обстановка во время составления списков на выезд была такова, что даже когда евреям объясняли, от кого исходят ограничения и по какой причине они были отданы, они не верили объяснениям. Не только солдаты, но и офицеры определенного толка проявляли злорадство в связи с запретом брать [в эвакуацию] представителей национальных меньшинств.

Тот же офицер пишет, что ему известен польский командир, похвалявшийся тем, что не включил в списки эвакуируемых ни одного еврея¹³².

Прикомандированный к 5-й дивизии офицер связи по вопросам эвакуации Витольд Миштовт-Чиж передал подробный, исполненный негодования доклад о своей борьбе за выезд группы евреев. По его словам, он составил список родственников военнослужащих, которые, согласно инструкциям, имели право на

¹²⁹ Ibid, pp. 42–43.

¹³⁰ Сообщение Бохуша-Шишко от 2.12.1942 и его письмо Коту, датированное тем же днем: IHGS, KOL 25/24.

¹³¹ Заявления Гликсмана и Файнзильбера от 6.10.1942 и 10.10.1942: IHGS, KOL 25/24.

¹³² Отчет Якова Хофмана, 17.9.1942, Тегеран: IHGS, KOL 25/24.

эвакуацию, однако подполковник Дудзинский, ответственный за эвакуацию части, вычеркнул из списка представителей национальных меньшинств, то есть: а) польских граждан татарской национальности и мусульманской веры; б) крещеных евреев, числящихся католиками по вере и поляками по национальности; в) ассимилированных евреев Моисеева вероисповедания, записанных поляками по национальности; г) немногих евреев, заявивших о своем еврействе. По словам Миштовта-Чиж, большинство вычеркнутых составляют представители трудящейся интеллигенции, бывшие военные, осиротевшие дети военнослужащих, инвалиды армии, а также польские промышленники. «Согласно польским критериям, в большинстве своем они имеют право на выезд». Чиж просил штаб армии вмешаться. Вопрос о татарах был немедленно решен – их снова внесли в список. Вопрос о евреях-выкрестах и иудеях в количестве 52 семей, или 122 человек, оставался открытым. Генерал Бохуш-Шишко считал, что их надо внести в список подлежащих выезду. Епископ Юзеф Гавлина, высший церковный авторитет в армии, написал заявление в защиту выкрестов и отметил, что католическая церковь далека от расизма. Подполковник Дудзинский тем не менее стоял на своем и в списке никого не восстановил. Дудзинского обвиняли в том, что он вышвырнул из вагонов с эвакуируемыми 50 евреев, которые находились там на законном основании. Миштовт-Чиж заканчивает рассказ такими словами: «Я ехал с чувством, что с польскими гражданами, имевшими полное право на выезд в Иран, поступили низко»¹³³.

Офицер связи при штабе армии инженер Анджей Енич подготовил общий отчет и включил в него рекомендации политического характера. Он отмечает, что в местах, где составлялись списки эвакуируемых и сосредотачивались подлежащие эвакуации, собралось много евреев. Евреев возмущало, что их право на выезд не признают, зато привозят людей издалека; поляков же злило, что евреи находятся здесь, а их, поляков, семьи – далеко. Енич считает, «что присутствие некоторых военных, которые в ходе эвакуации выказали себя антисемитами, создавало мрачную атмосферу», а о евреях пишет, что многие из них проявляли «враждебность и агрессивность». Енич описывает свои попытки

¹³³ Доклад Миштовта-Чиж, 16.9.1942, Тегеран: IHGS, KOL 25/24.

включить евреев в список и сообщает, что порой ему помогали в этом и невоенные инстанции. Однако все его усилия оказались тщетными. Енич объясняет, что «вывоз евреев с территории Советского Союза не приветствовался ни польским обществом, ни армией и был сведен к минимуму, как того требовала позиция советских властей, политическая по своей природе».

Еврейские международные круги захотят, вероятно, по совету наших евреев, возмущенных тем, что выехать удастся лишь очень немногим, возложить всю ответственность на поляков. С точки зрения польских государственных интересов, не имеет значения, будет ли возложена ответственность на гражданские или на военные институты – посольство, штаб армии или дивизии. Есть основания полагать, что советские власти постараются представить все это в неблагоприятном для поляков свете и свяжут с претензиями на восточные территории. Следуя этой логике, советская пропаганда заявит, что польские власти не хотели брать с собой евреев, и добавит к этому соответствующий пропагандистский материал. За таким материалом далеко ходить не надо. Вот, например, советский комиссар по делам эвакуации при 5-й дивизии направил епископу Гавлине в Янгиюль письмо, где сказано, что «армия пользуется расистскими методами». Поэтому я полагаю, что единственная [правильная] позиция такова: все организации и лица, которые непосредственно занимаются эвакуацией, должны выступить единым фронтом и передавать всем, кто должен быть осведомлен о ходе эвакуации, одинаковую информацию, а именно, – что ограничения на выезд евреев вызваны только категорическим запретом советского правительства. Мы способны обеспечить, если потребуется, удостоверяющие это материалы. Все отчеты, содержащие отвратительные подробности о ходе эвакуации, следует считать совершенно секретными, чтобы они не попали в неподходящие руки. Антисемитские установки некоторых офицеров, в высшей степени раздутые, следует представлять за рубежом как отдельные явления сугубо личного порядка, за которые руководство эвакуацией ответственности не несет¹³⁴.

Очевидно, составление списков, обращение с евреями в ходе эвакуации, а также число вывезенных евреев – солдат и гражданских лиц обнажили перед общественным мнением свободных стран методы дискриминации евреев и животный антисемитизм некоторых польских офицеров.

¹³⁴ Шестнадцатистраничный отчет Енича, 22.9.1942: IHGS, KOL 25/24.

По оценкам еврейских источников, всего было эвакуировано около 3500 еврейских военнослужащих, по словам Андерса, – 4000. Даже если мы сочтем польские данные достоверными, результат говорит сам за себя. До конца 1941 года советские власти не препятствовали мобилизации евреев в польскую армию, более того, часто направляли евреев на призывные пункты – и в результате доля евреев в армии достигла 40%, а иные утверждают, что и превысила эту отметку. Если к концу 1941 года польская армия насчитывала около 40 000 человек, то в ее составе, очевидно, оказалось более 15 000 евреев. Андерс утверждает, что, когда русские ввели ограничения на призыв представителей национальных меньшинств, была сделана попытка задним числом применить эти ограничения к уже сформированным частям. По словам Андерса, он резко возражал против подобных требований, поскольку никакой закон обратной силы иметь не может, и русским пришлось с ним согласиться. Но куда же исчезли эти евреи, ведь они были вправе оставаться в армии? Очевидно, в дополнение к советским ограничениям и польскому тенденциозному набору, отсеивавшему евреев, была проведена радикальная чистка в уже сформированных частях, чистка, определившая число эвакуированных.

Нет смысла возлагать ответственность за составление списков эвакуируемых на отдельных офицеров. Здесь виновна целенаправленная тенденциозная политика командования польской армии. Посольство старалось сдерживать армию и смягчать антиеврейские меры, пыталось добиться включения в списки большего числа евреев, и прежде всего известных еврейских деятелей. Как мы убедились, посольские ходатайства не принесли заметных плодов, что, видимо, объяснялось соперничеством между армией и политиками¹³⁵. Зачастую животный антисемитизм офицеров приводил к ужесточению линии; лишь немногие выступали против дискриминации и пытались по мере возможности помочь евреям.

Не исключено, что офицеры НКВД решили дискредитировать поляков, используя их необузданный антисемитизм в пропагандистских целях. Но возможно также, что русские не желали потакать польской ловушке – списывать все на советские власти,

¹³⁵ На этом объяснении особенно настаивают бундовцы Гликсман и Файнзильбер.

даже когда те не имели никакого отношения к ограничениям. Разумеется, во всех подобных столкновениях страдали неизменно евреи.

Справедливости ради следует хотя бы вкратце рассказать о дезертирстве из армии Андерса, пусть даже подробное исследование этого явления выходит за рамки нашей темы и заслуживает отдельного труда. Во время дислокации польской армии в Стране Израиля дезертирство приняло массовый характер. По словам Андерса, из 4000 евреев 3000 дезертировали¹³⁶. Вероятно, стремление влиться в ишув – постоянное еврейское население Страны Израиля – после горького опыта пребывания в СССР и в свете сообщений о том, что творится в оккупированной Польше, привело к массовому бегству евреев из польской армии. Решению расстаться с армией немало способствовали также царившие в ней антисемитизм и дискриминация, от которых евреи страдали и во время мобилизации, и при прохождении службы. У нас нет возможности оценить удельный вес каждого из этих мотивов и понять, какие соображения оказались решающими; однако в совокупности они, безусловно, побуждали евреев сделать свой выбор.

В воспоминаниях и устных заявлениях Андерс утверждает, что понимал настроение евреев, желавших остаться в Стране Израиля, и не нуждался в солдатах, покидавших его армию. Поэтому когда евреи дезертировали, он не устраивал расследований. В целом это верно, но сказанные по прошествии времени слова Андерса не отражают всей правды. В годы войны на встречах с представителями еврейского населения Страны Израиля Андерс утверждал, что еврейское дезертирство не наносит его армии особого ущерба, поскольку в одном бою он может потерять столько же, если не больше, солдат, – но отмечал, что это бегство может повлиять на будущие взаимоотношения поляков и евреев¹³⁷. Андерс старался уговорами сократить число побегов, да и некоторые еврейские организации противились массовому

¹³⁶ Об отношении Андерса к дезертирству см. Anders, *Bez ostatniego rozdziału*, p. 201. См. также *Generał Anders – Życie i chwala*, p. 63.

¹³⁷ ЦСА. J25/54/VI. О встрече Андерса с членами Представительства 19 сентября 1943 года в Тель-Авиве см. с. 134 и дальше. Те же настроения различимы и в других беседах Андерса с евреями. См. IHGS, KGA/24.

¹³⁸ Об этом неоднократно пишет в своих записках Шварцбарт, и та же позиция подчеркивается в докладе Представительства.

дезертирству, опасаясь за судьбу польских евреев после войны¹³⁸. Следует отметить также, что при всяком удобном случае Андерс повторял, что те евреи (1000 человек), которые остались в рядах его армии, отлично воевали и ни в чем не уступали другим бойцам, проделавшим долгий путь из Советского Союза через Ближний Восток и отважно сражавшимся в Италии, в том числе в кровавой битве при Монте-Кассино. А большинство дезертиров продолжали воевать, присоединившись к еврейскому подполью в Стране Израиля или записавшись в Еврейскую бригаду¹³⁹.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как "Jews in General Anders' Army in the Soviet Union," in *Yad Vashem Studies* (Hebrew), vol. 12 (1978), pp. 171-213.
Перевод с иврита Зои Копельман.*

¹³⁹ Военская часть в составе британской армии, сформированная из добровольцев-евреев, преимущественно евреев Страны Израиля. К началу 1945 года насчитывала 5000 человек. – *Прим. ред.*

Ицхак Арад

ЕВРЕИ СССР НА ФРОНТАХ ВОЙНЫ С НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

22 июня 1941 года, на рассвете, войска нацистской Германии вторглись в пределы СССР. Нападение оказалось неожиданностью для советского государства, и война, длившаяся с 1941 по 1945 год, получила в Советском Союзе название Великой Отечественной войны.

В советской историографии Второй мировой войны и в посвященной ей литературе принято было преуменьшать вклад евреев в борьбу с врагом. Подобная тенденция насаждалась советской властью свыше и по большей части являлась следствием антисемитизма. Так, члены Еврейского антифашистского комитета были в 1948 году арестованы, а в 1952 казнены; в списке предъявленных им обвинений значился «еврейский национализм», который выражался в «сильном преувеличении роли советских евреев в победе Советского Союза над фашистским врагом».

Настоящая работа посвящена участию евреев – бойцов Советской армии и военно-морского флота в войне СССР против нацистской Германии.

Евреи Советского Союза воевали на всех фронтах советско-германской войны, от Северного полярного круга до Кавказских гор на юге страны. Они служили во всех родах войск – на суше, на море и в воздухе; присутствовали на всех уровнях армейской иерархии. Евреи сражались в лесных партизанских отрядах, а иногда возглавляли их; были среди организаторов советского подполья в захваченных врагом городах; евреи отвечали за эвакуацию промышленных предприятий с оккупированных территорий и налаживали военное производство в тылу; евреи – инженеры и руководители производства активно участвовали в разработке новых видов боевого оружия и снаряжения.

Настоящая работа опирается на богатую литературу, посвященную участию евреев в войне, и призвана показать действия конкретных людей, командиров или рядовых. Проанализировав содержащиеся в различных источниках сведения об участии отдельных евреев в боевых действиях, можно составить общее представление о роли евреев как нации в борьбе с нацистским врагом.

Как идентифицировать евреев – бойцов советской армии? Порой достаточно найти упоминания о национальности солдата или сведения о его происхождении в печати или в книгах о войне. Часто помогают идентифицировать еврейство личные имена, отчества и фамилии. Однако столь же часто собственное имя не позволяет распознать еврея, поскольку многие советские евреи носили и носят русские и прочие инациональные имена, принятые в СССР, – как в результате длительного процесса ассимиляции и смешанных браков, так и вследствие желания, по тем или иным причинам, скрыть свое еврейство. Многие сменили имена уже в годы войны, желая скрыть свое происхождение в случае попадания в плен. И среди этих неопознанных евреев было немало самоотверженных бойцов, но посмертно установить их истинную национальность нет никакой возможности.

Факт активного участия евреев в рядах Советской армии непосредственно связан с историей советских вооруженных сил с момента их создания в годы Гражданской войны и вплоть до изучаемого периода Второй мировой. С возникновением советского государства статус евреев в армии изменился. Евреи подлежали призыву в царскую армию (1827–1917) и принимали участие в военных действиях России, однако они всегда испытывали дискриминацию, всегда страдали от антисемитизма в армии и от обвинений в нелояльности. Получив после революции полные гражданские права, евреи начали вступать в ряды Красной армии. Среди создателей и активных бойцов Красной гвардии, способствовавшей победе Октябрьской революции 1917 года, были евреи Яков Свердлов, Семен Рошаль и Вера Слуцкая в Петрограде, Семен Урицкий¹ в Одессе и другие. А еврей Лев Троцкий, много сделавший для окончательной победы большевиков, организовал в 1918 году Красную армию и стал ее первым командиром в годы Гражданской войны.

В период Гражданской войны в Красной армии остро не хватало опытных профессиональных офицеров, поскольку подавляющая часть офицерского состава бывшей царской армии примкнула к контрреволюционному лагерю. Поэтому на командные посты в Красной армии назначались люди, пусть и не имевшие специальной подготовки, но зато надежные с идеологической

¹ Семен Урицкий (1895–1938), племянник Моисея Урицкого. – Прим. ред.

точки зрения. Среди них было много евреев, хотя евреи воевали в рядах Красной армии и как простые солдаты. Высокий процентный состав евреев и их активное участие в действиях новых вооруженных сил с момента их формирования обусловили их заметное присутствие в советской армии как в послереволюционный период, так и в годы Второй мировой войны.

По данным переписи населения, в 1926 году евреи составляли 1,7% от числа всех мужчин страны, тогда как в рядах ее вооруженных сил евреев насчитывалось 2,1%, а среди офицерского состава – 4,4%. Особенно заметно было участие евреев в политическом управлении армией – 10,3%². В 1929–1937 годах политуправление Красной армии возглавлял еврей Яков Гамарник, а преемником Гамарника, покончившего жизнь самоубийством, стал еврей Лев Мехлис³.

Высок был процент евреев и среди советских солдат и офицеров, сражавшихся на стороне республиканцев в гражданской войне в Испании (1936–1939)⁴. В Испании евреи впервые сошлись в бою с солдатами нацистской Германии, воевавшими на стороне Франко. Советский комкор, впоследствии генерал, еврей Григорий Михайлович Штерн в 1937–1938 годах был главным военным советником при республиканском правительстве в Испании. А старший советник военно-воздушного флота республиканцев, сформированного главным образом из советских самолетов и летчиков, еврей генерал Яков Владимирович Смушкевич прославился в Испании как «генерал Дуглас». После возвращения в Совет-

² Dov Levin, "Uvdot ve-haarakhot al yehudim ba-Zava ha-Adom be-Milhemet ha-olam ha-shniya" // *Masua*, vol. 10, p. 82. Левин опирается на публикацию в советской газете на идише «Дер Эмес» (19.11.1930). Arkadii Timor, "Yehudim ba-'Zava ha-Adom" // Yehuda Sluzki, Mordechai Kaplan (eds.), *Hayalim yehudim bi-zvaot Eiropa* (Tel Aviv: Maarakhot, 1977), p. 132. Тимор пользуется данными переписи, проведенной в СССР в 1926 г. Yosef Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot ba-milhama neged Germania ha-nazit" // M. Mushkat (ed.), *Lohamim yehudim ba-milhama neged ha-nazim* (Tel Aviv: Maarakhot, 1971), p. 27.

³ Timor, "Yehudim ba-Zava", p. 132; О.А. Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник*. М.: Политиздат, 1990. С. 355.

⁴ Alan Rockman, *Jewish Participation in the International Brigades in the Spanish Civil War, 1936–1939*. (Michigan, 1984). Согласно Рокману, в Интернациональной бригаде из 45 000 общего состава было 7 000 – 10 000 евреев. У нас нет точных данных о числе евреев из СССР, воевавших в Испании, но Тимор утверждает ("Yehudim ba-Zava", p. 133), что 12 из 30 советских инструкторов-танкистов были евреями, и это позволяет нам приблизительно оценить долю участия евреев в советском контингенте в Испании.

ский Союз и Штерн и Смушкевич оказались на Дальневосточном фронте, где в 1938 году велись военные действия против Японии. Командование переброшенными из СССР в Испанию танковыми частями осуществлял генерал Семен Моисеевич Кривошеин⁵.

Массовые чистки высшего и среднего командного состава Красной армии, проводимые Сталиным в 1937–1939 годах и позднее, больно ударили по евреям⁶.

Примерные оценки числа евреев, мобилизованных в советскую армию для войны с нацистской Германией

Согласно опубликованным в последнее время в России данным, в годы войны в рядах советской армии служили 34 476 700 бойцов, тогда как общая численность населения СССР (включая территории, аннексированные СССР в 1939–1940 годах, – Западную Белоруссию, Западную Украину, страны Балтии, Бессарабию и Северную Буковину) в 1940 году составляла 194 100 000 жителей. В годы войны (1941–1945) в разное время и на разные сроки были мобилизованы в армию 17,5% советских граждан, но лишь треть мобилизованных пребывала в рядах армии одновременно⁷.

Накануне Второй мировой войны в Советском Союзе был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности»: мобилизации в армию подлежали все мужчины начиная с 19 лет, а выпускники средних школ – с 18 лет. В отдельных родах войск и для младших командных чинов срок армейской службы увеличился до трех лет. После начала Второй мировой войны демобилизация

⁵ Ф.Д. Свердлов, *Евреи – генералы Вооруженных Сил СССР (Краткие биографии)*. Иерусалим: Яд Вашем, 1993. С. 118; Levin, "Uvdot ve-haarakhot", p. 81; Timor, "Yehudim ba-Zava", pp. 133–134.

⁶ Широкомасштабные чистки высшего и среднего командного состава Красной армии, проведенные Сталиным (как в 1937–1939 годах, так и в позднейшие годы), затронули многих евреев. В ходе этих чисток были казнены генерал Иона Эммануилович Якир (стоял у истоков создания Красной армии еще в годы революции), генерал Григорий Штерн (начальник штаба Дальневосточного военного округа, прославился в сражениях с японцами). Яков Гамарник был доведен до самоубийства. Генерала авиации Якова Смушкевича арестовали за несколько недель до немецкого нападения на СССР и расстреляли 18 октября 1941 года. Известны имена еще пятнадцати расстрелянных генералов-евреев в ранге командующего корпусом или командующего дивизией. Жертвами чисток стали также сотни евреев – офицеров разного уровня; судьба многих из них не известна до сих пор.

⁷ Г.Ф. Кривошеев (ред.), *Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование*. М.: Военное издательство, 1993. С. 139.

отслуживших свой срок солдат была отложена, за счет чего численность регулярной армии возросла. В присоединенных к СССР в сентябре 1939 года Западной Белоруссии и Западной Украине в 1940 году состоялась мобилизация военнообязанных 1919–1922 года рождения. Число евреев среди этих мобилизованных можно оценить примерно в 25 000 – 30 000 человек⁸. К моменту нападения Германии на СССР в Красной армии служили представители четырех возрастных групп⁹ плюс постоянный армейский контингент, что в общей сложности составляло 4 826 907 человек¹⁰.

22 июня 1941 года, в день начала войны, в военкоматы были вызваны мужчины 1905–1918 года рождения. В ходе войны под мобилизацию подпали и люди старшего возраста, вплоть до 55-летних мужчин. В мае 1945 года, после капитуляции нацистской Германии, советские вооруженные силы насчитывали 12 840 000 военнослужащих, из которых более миллиона раненых находились в госпиталях и больницах¹¹.

По данным переписи, население СССР в 1939 году насчитывало 170 467 000 человек. На основании этой информации попробуем оценить число евреев, служивших в советских вооруженных силах в годы Второй мировой войны, и прежде всего евреев, проживавших на территории СССР в границах до 1939 года. По переписи января 1939 года в Советском Союзе насчитывалось 3 021 000 евреев, что составляло 1,78% населения страны. Если предположить, что процент мобилизованных среди евреев

⁸ На территориях Восточной Белоруссии и Восточной Украины проживали около 1 300 000 евреев, и среди них, по приблизительным подсчетам, 25 000 – 30 000 мужчин 1919–1922 года рождения, что составляло 2–2,7% от числа всех мобилизованных в армию.

⁹ Согласно действовавшему ранее закону «Об обязательной военной службе», ежегодному призыву подлежали лица, которым к началу года – до 1 января – исполнилось 19 лет. По новому же закону «О всеобщей воинской обязанности», вступившему в силу 1 сентября 1939 года, призывались те, кому в год призыва (с 1 января по 31 декабря) исполнилось 19 или – если они окончили среднюю школу – 18 лет. Таким образом, фактически призывной возраст был понижен на год. В результате под осенний воинский набор (15 сентября – 15 октября) 1939 года подпали сразу две возрастные группы – одни по старому закону, другие по новому. К 22 июня 1941 года на срочной службе находились лица, призванные в 1938 году (в основном 1918 года рождения), в 1939 (1919 и 1920 годов рождения) и в 1940 (1921 года рождения). – *Прим. ред.*

¹⁰ *Гриф секретности снят.* С. 139.

¹¹ *Encyklopedia II wojny światowej* (Warszawa: Wydaw. Min. Obrony Narodowej, 1975), р. 780; *Гриф секретности снят.* С. 141.

соответствовал проценту мобилизованных среди советского населения в целом (17,5%), получим, что в составе советских вооруженных сил служили 528 000 евреев. В действительности, однако, их было меньше, поскольку на территориях с большим еврейским населением (например, в некоторых районах Белоруссии и Украины) из-за быстрого продвижения немецких войск и воцарившегося хаоса власти не успели провести мобилизацию. А в 1943–1944 годах, когда эти территории были освобождены советскими войсками и мобилизация возобновилась, там почти не осталось евреев – они были уничтожены нацистами. Число евреев, мобилизованных в армию на территории СССР в его старых границах, можно оценить в 460 000 – 480 000 человек¹².

На территориях, аннексированных СССР в 1939–1940 годах, где проживали почти два миллиона евреев, мобилизации с началом войны практически не было – немцы захватили эти регионы в первые же дни войны. Лишь немногие евреи из этих областей сумели выбраться из зоны немецкой оккупации и, оказавшись в СССР, вступить в ряды Красной армии.

В первые месяцы войны, во время большого отступления, многие белорусы и украинцы – жители западных территорий дезертировали из Красной армии. Вследствие этого в октябре 1941 года был обнародован указ, согласно которому все призванные из Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины переводились из боевых частей в ряды так называемой «трудовой армии». Многим евреям удалось обойти действие этого указа; они остались в боевых частях и продолжали сражаться. Многие евреи, которые жили в перечисленных в указе областях и которым удалось бежать из-под оккупации и попасть в СССР, вместо положенной мобилизации в «трудовую армию» добивались призыва в боевые части. Как уже отмечалось, эти еврейские беженцы были в большинстве своем молодыми людьми, и среди них процент подлежащих призыву в действующую армию был существенно выше, чем по стране в целом. К концу 1943 года выходцев из аннексированных районов (в том числе и евреев), которых до этого посылали в «трудовую армию», снова стали призывать в боевые части¹³.

¹² Yitzhak Arad, *Be-zel ha-degel ha-adom* (Tel Aviv: Misrad Ha-Bitahon – Hozaa La-Or, 2008), p.35.

¹³ Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot", p. 51; Levin, "Uvdot ve-haarakhot", pp. 85–86. В АЯВ

Высок был также процент евреев в Литовской и Латышской национальных дивизиях. Их начали формировать в конце 1941 года по решению высших эшелонов советского правительства. Решение было вызвано политическими соображениями: после того как стало известно о широком сотрудничестве литовцев, латышей и эстонцев с немцами, требовалось доказать миру, что народы Балтии верны Советскому Союзу и сражаются с нацистами за освобождение своих земель. 201-я Латышская дивизия была сформирована из остатков 24-го территориального (Латвийского) стрелкового корпуса, а 16-я Литовская дивизия – из 29-го территориального (Литовского) стрелкового корпуса. С началом войны большая часть личного состава этих корпусов дезертировала; лишь немногие последовали за отступающей Красной армией. В этих национальных дивизиях служили в основном те, кто бежал из Литвы и Латвии перед самым приходом нацистов, а также литовцы и латыши, проживавшие на территории Советского Союза еще до советской аннексии стран Балтии. Вместе с литовцами и латышами в этих дивизиях служили русские и представители других национальностей, в том числе евреи. Согласно одному источнику, в 201-й Латышской дивизии к декабрю 1941 года, когда дивизия впервые была переброшена на фронт, насчитывалось около 3000 евреев, что составляло треть ее воинского состава. Другой источник сообщает о 17–20% евреев среди 10 000 бойцов этой дивизии. Еще около тысячи евреев служило в 308-й Латышской дивизии, сформированной на более позднем этапе войны¹⁴. 16-я Литовская дивизия была переброшена на фронт в начале 1943 года, и к этому моменту в ней служили бойцы следующих национальностей (всего 10 251 человек): литовцы – 3 717 (36%), русские – 3 061 (29,9%), евреи – 2 971 (29,0%), «прочие» – около 4%. Зато в Эстонской дивизии процент евреев был весьма мал – как мал был и процент евреев среди населения Эстонии.

В 1944 году, с освобождением Белоруссии и Западной Украины, в советскую армию влились тысячи евреев – бойцов партизанских отрядов, а также те немногие, кто выжил, сумев раздобыть

хранятся свидетельства евреев-красноармейцев, где они упоминают этот приказ и рассказывают о своих попытках, иногда успешных, избежать перевода в «трудовую армию» и остаться в боевых частях.

¹⁴ Dov Levin, *Im ha-gav el ha-kir: lehima shel yehudei Latvia be-nazim, 1941–1945* (Jerusalem: Yad Vashem, 1988), pp. 88–90.

«арийские» документы или найти надежное убежище. Число евреев с территорий, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах, в рядах Красной армии оценивается в 50 000 человек, включая и тех, кто был призван в регулярную армию еще до начала войны.

Таким образом, общее число евреев, сражавшихся с Германией в рядах советской армии, составляет как минимум 450 000 – 470 000 человек. Кроме того, 17 000 – 20 000 евреев – польских граждан были мобилизованы в польскую армию под командованием генерала Андерса, сформированную на территории СССР, а также в Армию Людову¹⁵.

*Лето – осень 1941 года:
отступление и оборонительные сражения*

Важнейшими событиями первого этапа войны стали непредвиденное нападение Германии на Советский Союз и последовавшее отступление Красной армии, кровопролитные оборонительные бои на подступах к Москве и сражения под Ленинградом.

План операции «Барбаросса», как называлось в ставке германского Верховного главнокомандования (ОКВ) нападение на СССР, предусматривал «внезапное нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью разобщить, окружить и уничтожить главные силы Красной армии, находившиеся в западной части СССР, последующее стремительное продвижение вглубь страны и выход на линию Архангельск – Астрахань»¹⁶. Главный удар немцы предполагали нанести по Москве. Германия планировала завершить операцию еще до начала зимы 1941 года, взяв советскую столицу и добившись падения и капитуляции советского государства.

В период отступления и поражений Красной армии в 1941–1942 годах обнаружилось, что патриотизм и боевой дух некоторых солдат недостаточно высоки. Главное политическое

¹⁵ *Register of Jewish Survivors, Vol. II: List of Jews in Poland – 58 000 Names* (Jerusalem: Jewish Agency, 1945). В этой книге приводится список евреев, находившихся в Польше в августе 1945 года. Там указано, что в Армии Людовой насчитывалось тогда 13 000 евреев, но к этому числу следует добавить тех, кто погиб в сражениях, и тех, кто был демобилизован после ранения.

¹⁶ Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная война 1941–1945*. С. 11.

управление Красной армией (ГлавПУРККА) выработало инструкции по усилению разъяснительной работы в воинских частях, где служили такие солдаты. На совместных собраниях и семинарах политработников – политруков и комиссаров, прикрепленных к этим частям, звучали наставления о том, как следует вести разъяснительную работу среди военнослужащих нерусского происхождения. (В советской историографии нет упоминаний о проблеме лояльности нерусских солдат, как правило, представителей азиатских и кавказских народов, но есть сведения о проведении особой разъяснительной работы в их среде¹⁷.) Приходится сделать вывод, что наиболее преданными бойцами Красной армии в тот тяжелый период были русские, защищавшие свою «матушку-Россию», а также, и в не меньшей степени, евреи.

Уже в первые недели и месяцы войны служившим в рядах Красной армии евреям стало ясно: нацисты ведут против них войну и как против красноармейцев, и как против евреев. Немцы разбрасывали с самолетов обращенные к бойцам Красной армии листовки, содержавшие антисемитские выпады и злобные карикатуры. Эти листовки представляли Сталина тираном и поработителем, евреев – паразитами, русских колхозников – страдальцами, а русских солдат – теми, кто отдает свою жизнь за благополучие Сталина и евреев. Листовки призывали солдат не сражаться за чужие интересы, оставить еврейских комиссаров и политруков и перейти на сторону немцев. Из немецких плакатов и листовок, а также от советских бойцов, сумевших вырваться из немецкого плена и вернуться в ряды советской армии, евреи узнавали, что плен будет означать для них страшную смерть. Еврейский солдат, воевавший в пехотной дивизии на юге Украины и в Крыму, рассказывал, как осенью 1941 года, когда их часть была на фронте и готовилась отразить атаку врага, солдат-украинец предупредил его: «Ты должен остерегаться... Я-то могу попасть к ним в плен, но ты – нет»¹⁸. И подобные предостережения звучали неоднократно. Война разгоралась; все чаще до фронта доходили сведения о массовых убийствах евреев в зоне немецкой оккупации. Многие

¹⁷ А.П. Артемов, *Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне*. М.: Мысль, 1975. С. 72, 81–83, 97–98.

¹⁸ Свидетельство Авраама Вейна. Архив Яд Вашем (далее – АЯВ). ОЗ/4822. Л. 10–11.

бойцы-евреи боялись за судьбу своих родных и близких; многие желали отомстить за убитых.

Сложившаяся ситуация обеспечивала высокую мотивацию еврейских солдат в борьбе с нацистами. Об этом свидетельствует и число евреев, награжденных званием Героя Советского Союза – высшей государственной наградой, присуждаемой за воинские подвиги. Согласно переписи 1939 года, евреи, будучи седьмой по численности национальной группой в СССР, оказались пятой среди получивших звание Героя Советского Союза. Не менее 154 еврейских военнослужащих разных званий удостоились этого ордена¹⁹. По официальным советским данным, различными знаками воинской доблести были награждены 160 722 еврея, что ставит евреев как национальную группу на четвертое место в списке награжденных – следом за русскими, украинцами и белорусами²⁰.

В оборонительных боях, при отступлении и особенно во вражеском окружении, когда шансы на успех были минимальными, – с первых же дней войны еврейские солдаты неизменно оказывались среди тех, кто сражался до последнего, а в окружении старался прорваться на советскую территорию. В боях, определивших важнейший этап войны с нацистами, отличились люди разных национальностей, но эта статья посвящена евреям – солдатам и офицерам.

Легендами овеяно одно из сражений первых дней войны – оборона Брестской крепости. Брестская крепость, расположенная на западной границе СССР, защищала важные стратегические пути на Минск и Москву. В 4 часа утра 22 июня 1941 года гарнизон крепости неожиданно подвергся бомбежке с воздуха, массиро-

¹⁹ Gershon Shapiro, *Under the Fire: The Stories of Jewish Heroes of the Soviet Union* (Jerusalem: Yad Vashem, 1988). Эта книга содержит биографии 150 евреев, удостоенных звания Героя Советского Союза, и называет еще четырех, чьи биографии автору разыскать не удалось. (В русском издании, вышедшем шестью годами раньше, приведены только 148 имен. В дальнейшем ссылки даются на русское издание: Гершон Шапиро, *Евреи – Герои Советского Союза*. Тель-Авив: Б. и., 1982. – Прим. ред.).

²⁰ Гури (Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot", p. 41) основывается на данных, опубликованных Музеем Советской армии. Знаками отличия награждены 123 822 еврея (это 1,8% всех награжденных), и среди народов СССР евреи стоят на четвертом месте по числу награжденных. Документ Министерства обороны СССР от 4.04.1946 воспроизведен на фотографии в каталоге выставки «История советских евреев в документах Государственного архива Российской Федерации», которая состоялась в Национальной библиотеке в Иерусалиме в июне – августе 1993 г.

ванному артобстрелу, а затем атаке сил немецкой пехоты. Под натиском врага защищавшие крепость бойцы 6-й и 42-й стрелковых дивизий отступили и были разбиты, однако почти 3500 солдат и офицеров вновь собрались в крепости и семь дней и ночей отражали немецкие атаки. Душой и сердцем защитников крепости был комиссар 82-го полка еврей Ефим Моисеевич Фомин²¹. Вот что мы читаем в воспоминаниях немецкого генерала Гудериана, чьи танковые части брали Брест:

Внезапность нападения на противника была достигнута на всем фронте танковой группы... однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно жестоко оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест²².

29–30 июня немцы, войска которых были уже на расстоянии сотен километров от советской границы, в окрестностях Минска, предприняли массированную атаку Брестской крепости и взорвали часть ее укреплений. Многие защитники крепости оказались заживо погребены под обломками, оставшиеся взяты в плен. Среди них был и раненый Фомин. Один из пленных указал на него как на комиссара и еврея, отдавшего приказ сражаться до конца. Немцы вывели Фомина из строя и расстреляли. За умелое руководство и героизм при защите Брестской крепости Е.М. Фомин был удостоен ордена Ленина – посмертно²³.

22 июня, двигаясь из Восточной Пруссии, немцы вторглись также в районы к северу от Бреста. Немецкие войска подошли к Гродно и намеревались взять в окружение 10-ю армию в районе Белостока. После дня кровопролитных боев солдаты 10-й армии вынуждены были отступить с огромными потерями. Ни в Москве, ни в штабе Западного фронта в Минске не имели сведений о положении дел; оттуда приходили невыполнимые приказы – немедленно выступить в бой и отбросить врага за пределы СССР.

²¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза (далее – ИВОВСС). В 6 т. М.: Военное издательство, 1960–1965. Т. 2. С. 18.

²² Heinz Guderian, *Erinnerungen eines Soldaten* (Heidelberg: K. Vowinkel, 1951), S. 140. Чит. по: Арон Абрамович, *В решающей войне: участие и роль евреев СССР в войне против нацизма*. Тель-Авив: Б. и., 1981. С. 83.

²³ Абрамович, *В решающей войне*. С. 83–85.

Единственной частью 10-й армии, которая пока не понесла больших потерь, оставался 6-й механизированный корпус под командованием генерал-майора еврея Михаила Георгиевича Хацкилевича. 23–24 июня танки 6-го корпуса предприняли контратаку и добились некоторых успехов местного значения. Танки Хацкилевича оказались под непрекращающимися налетами вражеской авиации, без горючего и боеприпасов. Хацкилевич лично явился в штаб командования 10-й армией с требованием выделить ему бензин и снаряды. Вот что пишет об этом в воспоминаниях бывший заместитель командующего Западным фронтом генерал Болдин:

...На НП прибыл Хацкилевич. Он явно нервничает:

– У нас последние снаряды. Выпустим их, и придется уничтожить танки.

– Да, пожалуй, иного выхода нет, – отвечаю. – Если машины нельзя сохранить, их лучше уничтожить.

Глядя тогда в глаза этому мужественному человеку, разве мог я подумать, что в тот день мы лишимся не только танкового корпуса, но и его чудесного командира. Генерал Михаил Георгиевич Хацкилевич погиб смертью героя на поле боя²⁴.

Маршал Г.К. Жуков, отмечая в своих мемуарах гибель Хацкилевича, тоже воздает должное мужеству этого человека и его таланту военачальника. О контратаке под командованием Хацкилевича советский историк В.А. Анфилов пишет: «...Контрудар механизированных корпусов в районе Гродно не привел к достижению решительных целей... Тем не менее он имел большое значение... Все это нарушило планы противника и срывало сроки выдвижения войск к Днепру»²⁵.

Героизм отдельных воинов и даже отдельных боевых частей не мог радикальным образом изменить тяжелое положение дел на фронте. Основной контингент немецкой армии стремительно продвигался к Москве. 28–30 июня 1941 года немцы захватили Минск, окружили и уничтожили десятки советских дивизий в Западной Белоруссии. Красная армия предпринимала отчаянные попытки стабилизировать оборону по Днепру. В надежде выиграть

²⁴ Цит. по: Абрамович, *В решающей войне*. С. 81–82.

²⁵ Там же. С. 82.

время и укрепиться на новом рубеже была предпринята попытка задержать врага немного западнее, в районе Борисова на Березине. Эту задачу возложили на 1-ю Московскую моторизованную дивизию под командованием еврея, полковника Якова Крейзера. Дивизия располагала танками Т-34 – в те дни считалось, что они лучше немецких танков. В первых числах июля 1941 года бойцы Крейзера атаковали 18-ю танковую дивизию немцев, которая накануне форсировала Березину и нанесла советской стороне тяжелые потери. Немцы обладали численным превосходством на земле и абсолютным преимуществом в воздухе, однако дивизии Крейзера удалось в течение двух суток сдерживать наступление вражеских танков. Даже перейдя на третий день к вынужденному отступлению от Борисова, бойцы Крейзера продолжали сражаться, задерживая продвижение противника, что позволило 20-й армии передислоцироваться для обороны Орши на Днепре. Дополнительные десять суток, выигранные Крейзером при отступлении, оказались решающими: Красная армия укрепила оборону магистралей, ведущих к Москве. Попытки немцев взять дивизию Крейзера в кольцо окончились провалом. В немецких листовках, сброшенных с воздуха над 1-й Московской дивизией, говорилось: «Русские воины! Кому вы доверяете свою жизнь? Ваш командир – юде Янкель Крейзер. Неужели вы верите, что Янкель спасет вас от наших рук?»

В дивизии Крейзера сражались и другие евреи. В сражениях под Борисовом отличились командир артиллерийского полка капитан Абрам Менделевич Ботвинник; командир батареи лейтенант Семен Гомельский, позднее павший в бою; командир танкового полка капитан Семен Иосифович Пронин, погибший под Борисовом и посмертно награжденный орденом Ленина; офицер оперативного отдела штаба капитан Владимир Наумович Ратнер и многие другие²⁶.

В середине июля Крейзер был ранен и отправлен в госпиталь; 22 июля ему присвоили звание Героя Советского Союза, а несколько позже произвели в генерал-майоры. Армейская газета «Красная звезда» опубликовала 23 июля 1941 года следующее сообщение: «Я.Г. Крейзер – первый из мужественных командиров пехоты, удостоившийся высокой награды за отвагу и героизм,

²⁶ Цит. по: Абрамович, *В решающей войне*. С. 91–92.

проявленные на фронте борьбы с фашизмом, умело управляя боем соединения и увлекая личным примером в бой подразделения». Дивизия Крейзера одной из первых получила почетное звание «гвардейской дивизии». После выздоровления Крейзер командовал 3-й армией, воевавшей на Брянском фронте²⁷.

Оказавшись южнее Борисова, немецкие бронетанковые войска стали продвигаться на восток, чтобы форсировать Днепр и захватить Могилев. 13-я армия советских войск пыталась сдерживать натиск врага. Артиллерийская батарея под командованием капитана Бориса Львовича Хигрина, еврея, заняла позиции вдоль реки Друть. Стреляя прямой наводкой по немецким танкам, артиллеристы Хигрина одну за другой выводили из строя вражеские машины, задерживая продвижение сил противника. Расчет одной из пушек был убит, и Хигрин сам встал к орудию и продолжал вести огонь. 31 августа 1941 года Борису Хигрину было присвоено звание Героя Советского Союза. Во второй половине июля при защите переправы через Днепр пал смертью храбрых командир 110-й полка майор К.А. Реймер, еврей. Бойцы Реймера, отрезанные от своей 53-й стрелковой дивизии, в течение десяти дней отбивали вражеские атаки²⁸.

Переправившись через Днепр, немцы продолжали наступление, продвигаясь к Смоленску и Москве. Пытаясь помочь сражавшимся под Смоленском частям избежать окружения, Красная армия организовала в середине июля 1941 года контрнаступление на южном участке фронта. Контрнаступление возглавил 25-й механизированный корпус под командованием еврея, генерал-майора (впоследствии генерал-лейтенанта) Семена Кривошеина. В ходе кровопролитных боев корпусу Кривошеина удалось переправиться через Днепр и продвинуться на запад, к Бобруйску. Действия корпуса ослабили положение противника и вынудили немцев перебросить в тот район дополнительные войска. Быстрое продвижение немцев к Москве было тем самым приостановлено. В обороне Смоленска отличился танковый батальон под командованием еврея, капитана Давида Драгунского. Драгунский окончил войну в чине генерала, дважды награжденный

²⁷ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 318–319. О роли Крейзера в боях под Борисовом см. также: *ИВОВСС*. Т. 1. С. 39.

²⁸ Абрамович, *В решающей войне*. С. 94–95.

звездой Героя Советского Союза. В боях под Смоленском погиб еврей А.Л. Фейгин, начальник штаба 63-го стрелкового корпуса.

Войска немецкой группы армий «Север» шли через Прибалтику к Ленинграду. По пути на север, двигаясь вдоль побережья Балтийского моря, они окружили латвийский порт Лиепаяю. Оборона города и защита его военно-морской базы были возложены на 67-ю стрелковую дивизию. 25 июня 1941 года командир дивизии был смертельно ранен, и командование принял начштаба – полковник Владимир Маркович Бобович, еврей. Бобович несколько дней вел оборонительные бои за Лиепаяю; когда стало очевидно, что удержать город невозможно, пришел приказ: прорываться из окружения к Риге. При прорыве Бобович был тяжело ранен, однако сумел вывести из окружения часть своих бойцов. На пути к Ленинграду, в районе Пскова и Новгорода немцам пришлось задержаться: бойцы 1-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Михаила Львовича Чернявского, еврея, начали контрнаступление и сумели затормозить продвижение противника²⁹.

В боях за контроль над Балтийским морем и морскими подступами к Ленинграду важнейшую роль играла советская военная база на полуострове Ханко, на юго-западе Финляндии. По мирному договору между СССР и Финляндией Советский Союз получил этот полуостров в аренду и разместил там гарнизон численностью в 25 000 человек, половину которого составляли военные моряки. Комиссаром и заместителем командира базы Ханко был еврей Арсений Львович Расскин. 164 дня гарнизон противостоял непрерывающимся атакам и обстрелам финнов и немцев. Суда базы ограничивали движение немцев в водах Балтики, позволяя боевым кораблям советского флота атаковать морские силы противника. Расскин отличился при обороне Ханко и лично командовал операциями по захвату близлежащих островов. Другие евреи – защитники базы тоже были отмечены наградами за боевые заслуги. В ноябре 1941 года было решено покинуть Ханко и перебросить остатки гарнизона к Ленинграду. Эвакуация бойцов проводилась морским путем в тяжелейших условиях, многие суда и лодки подорвались на минах и затонули; вместе с эсминцем «Гордый» погиб и его командир капитан Евгений Ефет.

²⁹ *Абрамович, В решающей войне*. С. 106, 118.

В сентябре немцы достигли Ладожского озера и взяли Ленинград в блокаду, однако захватить город не сумели. С юга Ленинград защищала 42-я армия, начальником штаба которой был генерал-майор Лев Самойлович Березинский, еврей. Продовольствие и все необходимое в город доставляли единственной трассой – по Ладожскому озеру. Немцы многократно пытались перерезать эту Дорогу жизни. Движение грузовых судов, снабжавших город, обеспечивала флотилия под командованием контр-адмирала Павла Ароновича Трайнина, еврея. В обороне Ленинграда активнейшее участие принимал Балтийский флот, где многие командиры боевых кораблей и подводок были евреями (см. ниже).

На южном участке в пределы СССР вторглась немецкая группа армий «Юг». Они продвигались по Украине в направлении Киева и Харькова. В июле – августе 1941 года в боях к югу от Киева участвовал 64-й стрелковый корпус под командованием Зиновия Рогозного, еврея. Там же отличилась 2-я воздушно-десантная бригада под командованием подполковника К. Штейна, тоже еврея. Задачей 15-го стрелкового корпуса, которым командовал полковник Михаил Бланк, еврей, была оборона Чернигова, к северу от Киева. Михаил Бланк лично повел своих бойцов в атаку на танковые части противника, форсировавшие реку Десну, и погиб в бою. В опубликованной уже после войны книге генерал И. Федюнинский писал о полковнике Бланке:

...Жаль этого энергичного и храброго офицера, проявившего так много воли и мужества при выводе из окружения полков 87-й дивизии. Полковник Бланк был смелым командиром, стремился лично присутствовать в самых опасных местах. Он и погиб, идя в контратаку с винтовкой, как рядовой солдат³⁰.

В середине сентября 1941 года Красная армия потерпела одно из тяжелейших своих поражений. Немцы приостановили продвижение к Москве и повернули танковые части Гудериана на юг, в сторону Украины – впоследствии этот маневр окажется величайшей тактической ошибкой немцев, ошибкой, которая дала Красной армии передышку и позволила подготовиться к обороне Москвы.

³⁰ Абрамович, *В решающей войне*. С. 146.

Танковая группа Гудериана, наступая с севера, из района Смоленска, вторглась в тыл частей Красной армии, оборонявших Киев. Другие силы немцев атаковали с юга. В 150 км к востоку от Киева немецкие армии объединились и взяли в кольцо 600 000 советских солдат. Целые дивизии и корпуса Советской армии были разбиты и попали в плен. Мелкие отряды, стихийно сформировавшиеся из бойцов разных частей, пытались собственными силами прорваться из окружения на восток. Как и прежде, в этой ситуации евреи оказались среди тех, кто готов был сражаться с немцами не на жизнь, а на смерть.

Начальник артиллерии 31-го стрелкового корпуса полковник Исаак Кушнир, когда его соединение было разбито, собрал под своим началом несколько сотен бойцов и, передвигаясь исключительно по ночам, постарался вывести их из окружения. Десять ночей его самодеятельный отряд шел на восток, пока в одной из стычек с вражескими танками Кушнир не был убит. 6-я воздушно-десантная бригада под командованием подполковника Павла Менделевича Шафаренко тоже продолжала сражаться и 18 сентября 1941 года, после десяти дней пребывания в кольце врага, прорвала линию окружения и соединилась с основными частями Красной армии³¹. В том же котле оказалась и 37-я кавалерийская дивизия под командованием полковника Григория Моисеевича Ройтенберга, которая 12 сентября прорвала вражескую линию на реке Псёл и, продвигаясь на восток, сумела выйти из окружения³².

Одесса, город с многочисленным еврейским населением, выдерживала осаду два месяца – с 19 августа по 16 октября 1941 года, после чего перешла в руки немцев и румын. Многие евреи, как военнослужащие, так и гражданские лица, участвовали в обороне города и морского порта. Заместитель командира Одесской военно-морской базы и один из руководителей ее обороны, полковой комиссар Самуил Израилевич Дитятковский особенно отличился при эвакуации города. Многие евреи сражались в Одессе на командных должностях, например командующий артиллерией Чапаевской дивизии подполковник Фрол Фалькович Гроссман, командир дивизиона береговой артиллерии Александр

³¹ Там же. С. 150–151.

³² Там же. С. 148.

Меерсон, командир бронепоезда «За родину!» капитан Михаил Чечельницкий. Старшим политруком первого добровольческого отряда морской пехоты, сформированного из моряков Черноморского флота, был Семен Изус, погибший в бою в конце сентября. Санитарную службу в Одессе возглавлял военврач, впоследствии полковник Давид Соколовский. Ведущую роль в обороне города и в мобилизации гражданского населения в помощь Красной армии, в том числе в запуске предприятий оружейной промышленности, сыграл секретарь горкома партии Наум Гуревич. Многие евреи – защитники Одессы удостоились наград. Некоторые из них сумели эвакуироваться морем; другие погибли, защищая город³³.

В начале октября 1941 года немцы возобновили наступление на Москву, возвратив в центр часть войск, которые ранее были брошены в южном направлении, на Украину. На первом этапе битвы за Москву немцам удалось взять в кольцо крупные советские силы, дислоцированные в районах Брянска, Вязьмы и Ржева. Падение Москвы стало реальной угрозой, однако упорное сопротивление бойцов Красной армии не позволило немцам взять столицу до начала осенних дождей и зимних холодов; битва за Москву была Германией проиграна, и, как и прежде, еврейские солдаты и офицеры внесли свой вклад в эту важнейшую общенародную победу.

Подо Ржевом в окружение попала 242-я стрелковая дивизия. На ее южном фланге сражался полк под командованием майора И.М. Самойловича, еврея. Когда Самойлович был ранен, командование запертым в кольце врагов полком принял капитан Давид Драгунский (о нем см. выше), который сумел вывести из окружения 3000 уцелевших бойцов – все, что осталось от дивизии, – и предоставить их в распоряжение командования для формирования новой линии обороны³⁴.

Танковым батальоном в составе 18-го полка командовал капитан Григорий Коган. 8 октября ему было поручено держать оборону главного московского шоссе, проходящего через Можайск. Батальон сражался, пока все танки не были подбиты. Коган бросился на немцев с двумя последними танками, орудия которых были повреждены, с единственной целью – прикрыть отступле-

³³ Там же. С. 154–156, 160–163, 168, 170.

³⁴ Там же. С. 183.

ние своей пехоты, и погиб в бою. За этот подвиг Коган был посмертно награжден орденом Ленина. На Волоколамском шоссе, расположенном севернее Можайского, защиту подступов к столице осуществляла легендарная 316-я дивизия генерала Панфилова. В ее составе было много евреев: офицер оперативного отдела штаба майор К. Гофман; командир 1077-го полка майор Шехтман, тяжело раненный в тех боях; начштаба 857-го артиллерийского дивизиона майор Владимир Аугсбург, погибший на боевом посту – на наблюдательном пункте, откуда он командовал артиллерийским огнем³⁵. На том же Волоколамском шоссе в секторе обороны 18-й дивизии проявил поразительное мужество и удостоился звания Героя Советского Союза рядовой артиллерист Ефим Дыскин. Когда все бойцы противотанковой батареи были ранены или убиты, четырежды раненный Дыскин в одиночку продолжал стрелять по вражеским танкам, подбил семь из них и сражался, пока не потерял сознание. К северу от Москвы, в районе Калинина (ныне Тверь) отличился в боях танковый батальон под командованием Героя Советского Союза капитана Иосифа Маковского. В ходе контратаки, которую Маковский возглавил и в которой был тяжело ранен, в ближнем бою его часть захватила две оккупированные немцами деревни. Позднее И. Маковский воевал под Сталинградом и снова был тяжело ранен³⁶.

Южнее, на Брянском фронте, немцы подошли к Туле и приближались к Москве. 3-я армия советских войск под командованием генерала Якова Крейзера (см. о нем выше) вела тяжелые оборонительные бои в условиях окружения. После того как противнику был нанесен существенный урон, бойцы Крейзера сумели прорвать кольцо врага и передислоцировались для новой линии обороны, продолжая сдерживать немцев, наступавших на Москву с юго-запада. В составе 3-й армии воевала 42-я отдельная танковая бригада. После одиннадцати дней боев в окружении бригада лишилась всех своих танков, а командир ее был ранен. Тогда командование принял майор Григорий Клейн, который собрал остатки своей бригады и солдат из других разбитых воинских частей и вывел людей из окружения³⁷.

³⁵ Там же. С. 194–199.

³⁶ Там же. С. 192; Шапиро, *Евреи – герои...* С. 447–451.

³⁷ Абрамович, *В решающей войне.* С. 189–190.

На первой стадии войны Красная армия терпела тяжелые поражения, и все же план Германии захватить к началу зимы 1941 года Москву и Ленинград и добиться капитуляции СССР осуществлен не был. В решающих боях за Москву, Ленинград и другие важнейшие стратегические пункты участвовали специальные оборонительные формирования, которые создавались в больших городах при приближении врага, – народное ополчение. Отряды народного ополчения формировались из добровольцев, которые не подлежали мобилизации, по большей части потому, что были прикреплены к месту работы. Доля участия евреев в народном ополчении была весьма высока – соответственно их доле в общем населении городов. Отряды народного ополчения направлялись в бой на тех же условиях, что и регулярные части Красной армии, в последующие годы войны они входили в состав стрелковых дивизий и воевали на разных фронтах. Первые отряды народного ополчения были созданы в Ленинграде; из них сформировали 10 дивизий и несколько независимых батальонов общей численностью 135 000 человек. 85-й стрелковой дивизией, созданной из ленинградских отрядов народного ополчения, командовал генерал-майор Илья Любозцев, еврей. В командный состав дивизии входили полковник Исаак Лебединский, командир артиллерии подполковник Григорий Бруссер (дослужился до генерал-майора), командир 59-го полка полковник Хотя (Хаим, Ефим Маркович) Краснокутский. Евреями были также многие офицеры и солдаты. В Москве из отрядов народного ополчения были сформированы 12 дивизий, в которых насчитывалось 120 000 бойцов³⁸. Части народного ополчения были созданы в Могилеве, Гомеле, Харькове, Одессе и во многих других городах, где Красная армия пыталась сдержать наступление немцев. Одним из таких батальонов, сформированным из сотрудников могилевской милиции, командовал еврей Зусман Клугман, а в обороне города участвовали секретарь могилевской комсомольской организации Яков Сегал и один из организаторов местного народного ополчения Наум Шполянский. Сегал и Шполянский погибли в боях за Могилев³⁹. При обороне Гомеля особо

³⁸ Там же. С. 202, 211–212; М. Кирьян (ред.), *Великая Отечественная война 1941–1945. Словарь-справочник*. М.: Политиздат, 1988. С. 302–304.

³⁹ Абрамович, *В решающей войне*. С. 221–222.

отличился полк народного ополчения под командованием еврея Ф.Е. Уткина, который тоже пал в бою. В составе этого полка воевал батальон под началом еврея В. Фридмана; многие рядовые солдаты батальона были евреями⁴⁰. Отряды народного ополчения, в том числе 1-й полк под командованием еврея Зильпера, вели бои на улицах родного Харькова⁴¹. Ополченцев посылали в бой после краткого и поверхностного курса военной подготовки, и потому уровень потерь среди них был особенно высок.

Частями иного рода и назначения были истребительные отряды. Решение об их создании принял СНК СССР 24 июня 1941 года. В задачу истребительных отрядов входила борьба с немецкими десантниками и с диверсантами в тылу Красной армии, которые выводили из строя пути сообщения, промышленные предприятия и т. п. В истребительные отряды тоже шли те, кто не подпал под мобилизацию в силу возраста, состояния здоровья или по хозяйственным соображениям. Члены истребительных отрядов продолжали работать на своих обычных местах, но при необходимости призывались органами внутренней безопасности (милицией и НКВД) для борьбы с врагом. Однако когда фронт подходил к месту их проживания, истребительные отряды включались в военные действия против регулярных войск противника. Подробных данных об участии евреев в истребительных отрядах нет⁴². Часть истребительных отрядов после отступления Красной армии осталась в немецком тылу; на их основе были организованы партизанские отряды.

*Декабрь 1941 – март 1942 года:
контрнаступление Красной армии*

6 декабря 1941 года, после того как Советскому Союзу удалось остановить врага на подступах к Москве, Красная армия перешла в контрнаступление, стремясь разгромить войска группы армий «Центр» и отбросить их от Москвы. 12 декабря пал в

⁴⁰ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 528–532.

⁴¹ Артемов, *Братский боевой союз*. С. 35–37; Абрамович, *В решающей войне*. С. 119–120.

⁴² Кирьян (ред.), *Великая Отечественная*. С. 206; Абрамович, *В решающей войне*. С. 96–97.

бою командующий танковым батальоном капитан Леонид Мозарский. 20 декабря под Клином, к северо-западу от Москвы, в боях за стратегически важный пункт Волоколамск участвовал пехотный полк под командованием майора М. Штайнлухта из 331-й стрелковой дивизии. Вступив в город, советские солдаты обнаружили виселицу с телами восьми повешенных – шестерых парней и двух девушек. Эта группа была послана во вражеский тыл для диверсионной работы. Среди схваченных и казненных диверсантов были два еврея – Николай Каган и Евгения Полтавская. За проявленный героизм все члены группы посмертно были награждены орденом Ленина⁴³.

Контрнаступление было призвано, в частности, восстановить железнодорожное сообщение между Москвой и Ленинградским фронтом. В осуществлении этой задачи принимала участие 4-я армия, начштаба которой, еврей Григорий Стельмах, недавно получил звание генерал-майора. Годом позже Стельмах погиб в боях за Сталинград⁴⁴. 23 января 1942 на юго-западном направлении возле Калуги рота разведчиков-лыжников сумела с боем проникнуть в тыл врага. Разведчикам предписывалось взять деревню Хлуднево (разъединив тем самым немецкие части на фронте) и удерживать ее до приближения линии фронта и подхода основных советских сил. Рота взяла деревню и вела ожесточенные бои за нее с превосходящими силами противника, но фронтовые части так и не дошли тогда до Хлуднева. В этой операции погибли все красноармейцы. Последним в живых оставался рядовой Лазарь Паперник. Когда все патроны кончились, он позволил немцам приблизиться и взорвал себя и врагов ручной гранатой. За этот подвиг Паперник был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза⁴⁵.

В мае 1942 года немцы вытеснили Красную армию с Керченского полуострова. Ставка Верховного главнокомандования возложила вину за неудачу и тяжелые потери, понесенные советскими войсками, на командующего фронтом и командующих сражавшимися в Керчи армиями: всех их сняли с занимаемых постов. Среди снятых был и Лев Мехлис, представитель Ставки

⁴³ Абрамович, *В решающей войне*. С. 211–212.

⁴⁴ Там же. С. 154

⁴⁵ Там же. С. 240. Об этих операциях см. также: *ИВОВСС*. Т. 2. С. 219, 435.

на Крымском фронте. Ранее он был председателем Главного политуправления Красной армии и заместителем наркома обороны СССР – это самая высокая должность, какую занимал еврей в армии. Теперь его, армейского комиссара 1-го ранга, понизили в звании до корпусного комиссара⁴⁶.

*Июль 1942 – январь 1943 года: немецкое наступление
на южном участке фронта (Сталинград и Кавказ)*

Город-крепость Севастополь 30 октября 1941 года был осажден врагом. 4 июля 1942 года, после длительной осады и кровопролитных боев, Севастополь был занят немцами. В июне 1942 года немцы прорвали оборону на линии Белгород – Харьков в восточном и юго-восточном направлениях и в конце августа вышли на подступы к Сталинграду, а в октябре – к предгорьям Кавказа. 126-я стрелковая дивизия прикрывала отступление 64-й армии на новые оборонительные позиции к югу от Сталинграда. Там в жестоких боях за оборону города погиб командир 126-й стрелковой дивизии Владимир Сорокин, еврей⁴⁷.

62-й армии под командованием генерала Василия Чуйкова было приказано держать оборону Сталинграда. Благодаря героизму советских воинов, сражавшихся в осажденном городе, немцы потерпели сокрушительное поражение, переломившее ход войны. В битве за Сталинград как в самом городе, так и на подступах к нему сражались и погибли многие бойцы-евреи. О доблести отличившегося в Сталинграде командира танковой части 62-й армии подполковника Матвея Вайнруба вспоминал позднее маршал Чуйков. В официальной советской истории войны сказано:

Большую изобретательность в наиболее эффективном использовании танков в боях на улицах города проявили танкисты 62-й армии, действиями которых руководил заместитель командующего армией по бронетанковым и механизированным войскам подполковник М.Г. Вайнруб. Располагая недостаточным количеством танков, танкисты использовали их рассредоточенно,

⁴⁶ Абрамович, *В решающей войне*. С. 276–277; Levin, “Uvdot ve-haarakhot”, p. 97; Кириян (ред.), *Великая Отечественная*. С. 285; ИВОВСС. Т. 2. С. 355–356.

⁴⁷ Абрамович, *В решающей войне*. С. 313–317.

*по одной-две машины, на важнейших участках обороны и, во взаимодействии со стрелками и артиллеристами, наносили короткие контрудары или отражали с места вражеские атаки. Подбитые танки окапывали и превращали в мощные огневые точки*⁴⁸.

Вайнруб не только руководил действиями солдат из штаба армии, но и лично командовал танковыми расчетами в уличных боях. 14 октября, когда немцы захватили важную укрепленную позицию, Вайнруб во главе отряда пехоты и под прикрытием своих танков ринулся в бой и отбил эту позицию у врага. После Сталинграда Матвей Вайнруб освобождал Украину и Польшу; в марте 1944 года он был назначен командующим танковым корпусом и получил звание генерал-майора. Он четырежды был ранен – и вновь возвращался в строй. В конце войны вместе с маршалом Чуйковым, под командованием которого он сражался за Сталинград, Матвей Вайнруб брал Берлин⁴⁹.

Василий Чуйков вспоминает и о героизме командира танковой бригады полковника Михаила Кричмана и начальника разведывательного управления штаба 62-й армии полковника Михаила Германа⁵⁰. Похвалы маршала удостоились также рядовые и офицеры младшего ранга, и среди них рядовой Вольф Римский, который бросился на вражеский танк с ручной гранатой и подбил его, пожертвовав собственной жизнью. Вместе с Вольфом в Красной армии сражались еще три брата из еврейской семьи Римских. Лев, как и Вольф, пал в бою; два брата выжили и удостоились боевых наград. В битве за Сталинград участвовали лейтенант артиллерии Исаак Ваксман, который в ноябре 1943 года отличился в боях на 3-м Украинском фронте и получил звание Героя Советского Союза; лейтенант Зиновий Горелик, удостоенный звания Героя Советского Союза за мужество, проявленное осенью 1943 года при форсировании Днепра; сержант Михаил Грабский, который был ранен под Сталинградом, а потом сражался на 1-м Украинском фронте и был награжден звездой Героя Советского Союза⁵¹.

⁴⁸ ИВОВСС. Т. 2. С. 443. См. также: Василий Чуйков, *Сражение века*. М.: Советская Россия, 1975. С. 234, 252.

⁴⁹ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 112–119.

⁵⁰ Чуйков, *Сражение века*. С. 328; Абрамович, *В решающей войне*. С. 330–331.

⁵¹ Абрамович, *В решающей войне*. С. 322, 332; Шапиро, *Евреи – герои...* С. 132–133, 193–197, 212–215.

В летопись боев за Сталинград вписана героическая страница «дома Павлова». 16 бойцов под командованием сержанта Павлова в течение 58 дней и ночей удерживали занятый ими дом и отражали многократные атаки противника. Последние защитники этого дома погибли 24 ноября в ходе немецкой атаки на дом; среди них был и еврей Идель Хаит. В советских официальных источниках опубликован список двенадцати героев «дома Павлова» с указанием национальности каждого из них, однако павший смертью храбрых еврей, рядовой Идель Хаит, в этот урезанный список не попал⁵².

19 ноября 1942 года Красная армия с севера и с юга от Сталинграда перешла в контрнаступление и через четыре дня взяла в кольцо силы врага – 6-ю армию под командованием фельдмаршала фон Паулюса. 31 марта 1943 года Паулюс заявил о капитуляции южной группы войск 6-й армии, оказавшейся в «котле». Капитуляцию армии и ее штаба принимал заместитель командира 38-й бригады 64-й армии подполковник Леонид Абович Винокур, еврей⁵³.

В Сталинграде немцы потерпели серьезнейшее поражение, и в войне наступил перелом. В составе Донского фронта, самого северного из трех фронтов Красной армии, взявших в кольцо немецкие войска под Сталинградом, воевала 2-я гвардейская дивизия под началом генерал-майора Якова Крейзера (см. о нем выше). За заслуги в этой кампании Крейзер был произведен в генерал-лейтенанты и летом 1943 года назначен командующим 51-й армией, которая в 1944 году сыграла решающую роль в освобождении Крыма. Летом 1944 года армия под командованием Я.Г. Крейзера участвовала в освобождении Литвы и Латвии. За умелое руководство крупными воинскими формированиями Яков Крейзер был награжден орденом Суворова, наградой, которой удостаивались старшие командиры. На Донском фронте сражался еще один командир-еврей, полковник Израиль Бескин, командующий артиллерией 65-й армии, который позже был произведен в генерал-лейтенанты и награжден званием Героя Советского Союза⁵⁴.

⁵² ИВОВСС. Т. 2. С. 54; Чуйков, *Сражение века*. С. 189–190; Абрамович, *В решающей войне*. С. 328–330.

⁵³ Абрамович, *В решающей войне*. С. 356–357.

⁵⁴ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 313–364. О военной карьере Крейзера см. там же; о Бескине см. с. 88–90.

В январе 1943 года, когда Сталинградская кампания близилась к завершению, Красная армия перешла в наступление на Воронежском фронте. Силы врага на этом участке состояли в основном из итальянцев и венгров. 7-й кавалерийский корпус Красной армии сумел зайти глубоко в тыл врага, стремясь замкнуть кольцо и окружить противника. Воевавший в составе корпуса 31-й Кубанский кавалерийский полк под командованием полковника Ефима (Хаима) Абрамовича Попова за четыре дня продвинулся на 250 км и захватил железнодорожную станцию Валуйки на реке Оскол. Этот маневр позволил раздробить крупные силы противника и уничтожить их⁵⁵. За отличное проведение операции, героизм и мужество 31-й кавалерийский полк под началом Х. Попова получил звание гвардейского.

Во время контрнаступления на южном направлении, в районе реки Кубань, советские войска захватили плацдарм к югу от Новороссийска. Бравший плацдарм батальон морской пехоты состоял из моряков-добровольцев и морских десантников под командованием майора Цезаря Львовича Куникова. Еврей Куников считался одним из лучших советских офицеров морского десанта. Немцы упорно пытались ликвидировать угрожающий плацдарм, но несмотря на отчаянные контратаки, непрерывающиеся обстрелы и бомбардировки Куников и его бойцы продержались на своих позициях и тем самым позволили высадиться новому десанту, что позднее определило исход битвы за Новороссийск. Стойкость и мужество защитников плацдарма вызвали восхищение по всему Советскому Союзу, а в советской историографии этот эпизод получил название обороны Малой Земли. В ходе боев Цезарь Куников был тяжело ранен и вскоре умер от ран. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а рыболовецкая деревня неподалеку от места сражения стала называться Куниковка⁵⁶.

*Весна 1943 – лето 1944 года:
изгнание немецких войск с советской территории*

После Сталинградской битвы стратегическая инициатива перешла к советским вооруженным силам. В начале июня 1943 го-

⁵⁵ Абрамович, *В решающей войне*. С. 333–392; Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot", p. 38.

⁵⁶ ИВОВСС. Т. 3. С. 93–96; Шапиро, *Евреи – герои...* С. 400–418.

да, в последней отчаянной попытке взять в свои руки стратегическую инициативу на Восточном фронте и переломить ход войны в свою пользу, немецкая армия перешла в новое наступление на курско-орловском направлении. Немецкое наступление провалилось. В боях на Курской дуге отличился 3-й моторизованный корпус под командованием Семена Моисеевича Кривошеина, получивший звание гвардейского. Кривошеин был произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Суворова⁵⁷. Бойцы 55-го танкового полка в составе 5-го механизированного корпуса сдерживали продвижение немцев из отборной дивизии СС «Адольф Гитлер». Командир этого полка М. Гольдберг пал в бою⁵⁸. Советское контрнаступление на центральном участке фронта в районе Орла начали артиллеристы 65-й армии, которыми командовал генерал-майор Израиль Бескин. Членом Военного совета Брянского фронта был назначен генерал Лев Мехлис, вновь удостоенный доверия властей (после понижения в чине годом раньше, вследствие поражения Красной армии при обороне Крыма). В 1944 году Мехлиса вновь повысили, присвоив ему звание генерала-полковника, и наградили орденом Ленина. Сотни евреев, сражавшихся на Курской дуге, были отмечены боевыми наградами, а тринадцать человек награждены орденом Ленина⁵⁹.

Летом 1943 года советская армия, перейдя в наступление в Центральной России и на Украине, быстро продвигалась на запад. Немцы спешно пытались создать новую линию обороны вдоль Днепра, однако советские войска сумели в ряде пунктов форсировать реку и 6 ноября 1943 года заняли столицу Украины Киев. За героизм, проявленный в боях за освобождение Украины и при форсировании Днепра, 900 военнослужащих удостоились звания Героя Советского Союза. Третьей по численности, после русских и украинцев, национальной группой среди награжденных оказались евреи – 27 человек⁶⁰.

⁵⁷ Ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского были введены в Советской армии во время Второй мировой войны; ими награждали офицеров, отличившихся в руководстве воинскими частями в ходе боевых действий. О Кривошеине см. Шапиро, *Евреи – герои...* С. 373–394.

⁵⁸ Абрамович, *В решающей войне*. С. 438.

⁵⁹ Там же. С. 436–439, 471–472.

⁶⁰ Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot", p. 35.

Красная армия продвигалась на запад на всех фронтах. Летом 1944 года была снята блокада Ленинграда. 23 июня 1944 года началась операция «Багратион», в ходе которой советские войска разгромили группу армий «Центр». Красная армия освободила Белоруссию, часть Литвы и Латвии, вступила на территорию Польши и подошла к границам Восточной Пруссии: немцы были изгнаны со всей территории СССР (за исключением некоторых районов Западной Латвии).

Латышские и литовские национальные дивизии на фронтах

В историю вооруженной борьбы советских евреев с нацистами славную страницу вписали воины 201-й Латышской и 16-й Литовской национальных дивизий, где евреи составляли почти треть личного состава. 201-я Латышская дивизия была введена в действие еще 19 декабря 1941 года к юго-западу от Москвы. К этому моменту дивизия еще не была в достаточной мере организована и обучена, а потому несла огромные потери. После короткой передышки переформированная дивизия возвратилась на Северо-Западный фронт, в район Демянска. В ходе боев она попала в окружение и продолжала сражаться, испытывая острую нехватку боеприпасов и продовольствия. Дивизия прошла славный боевой путь и летом 1944 года участвовала в освобождении Латвии. За героизм она получила звание 43-й гвардейской дивизии. В освобождении Латвии принимала участие и 308-я Латышская дивизия, в которой тоже служило немало евреев. Из-за жестоких потерь и отсутствия пополнения численность евреев в личном составе обеих дивизий неуклонно сокращалась. После того как в освобожденной советской армией Латвии была проведена мобилизация местного населения, доля евреев в этих двух дивизиях сократилась еще больше⁶¹.

16-я Литовская стрелковая дивизия впервые вступила в бой в районе Орла во второй половине февраля 1943 года. 21 февраля, в условиях суровой зимы, дивизия заняла линию обороны возле деревни Алексеевка и 24 февраля перешла в контратаку, которая продолжалась с перерывами вплоть до 22 марта. Дивизия столкнулась с упорным сопротивлением противника и понесла боль-

⁶¹ Levin, *Im ha-gav el ha-kir*, pp. 89–90.

шие потери: почти половина солдат были убиты и ранены. Среди убитых и раненых было около полутора тысяч солдат-евреев. Пополнение брать было неоткуда; евреев в дивизии оставалось все меньше и меньше. Летом 1943 года, когда переформированная дивизия была переброшена на Курскую дугу, евреи составляли четверть ее бойцов. Боевой путь Литовской дивизии лежал от Курска и Орла через Белоруссию к Литве, освобождение которой началось летом 1944 года, и чем дальше, тем больше редели ряды бойцов-евреев. Когда советские войска заняли Литву, были мобилизованы тысячи литовцев. Таким образом, число евреев в составе дивизии неуклонно сокращалось, и к окончанию войны их насчитывалось всего 9 %. В годы войны в 16-й Литовской стрелковой дивизии служило от 4000 до 5000 евреев, из них почти 1800 человек погибли, многие были ранены и остались инвалидами⁶². Многие евреи – бойцы этой дивизии были отмечены боевыми наградами, а четверо получили звание Героя Советского Союза: майор Вульф Виленский, сержант Калман Шур, рядовой Гирш Ушполис и погибший в бою рядовой Борис Цинделис⁶³.

В латышских и литовских дивизиях оказалось сосредоточено большое число бойцов-евреев, обладавших развитым национальным сознанием, и благодаря этому в буднях армейской службы и на фронте и в тылу сохранялись некоторые еврейские традиции: солдаты общались друг с другом на идише, пели идишские песни, а некоторые даже соблюдали религиозные ритуалы. Еврейских военнослужащих этих дивизий отличала особая, уникальная в Красной армии солидарность, в том числе между офицерами и солдатами.

Осень 1944 – май 1945 года: от Варшавы до Берлина

Завершающий этап войны ознаменовался изгнанием немецкой армии из Польши и из большинства стран Восточной Европы. В начале 1945 года советские войска вошли в Германию. Судьба нацистской Германии была предрешена, однако немецкая армия продолжала упорно сражаться. В уличных боях в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша) пал в последние дни войны Герой Советского

⁶² Levin, *Lohamim ve-omdim al nafsham*, pp. 53–60.

⁶³ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 137–145, 641–644, 712–713, 770–776.

Союза капитан Яков Иегудович Чапичев, крымский еврей. Он повел роту на штурм жилого дома, который необходимо было очистить от врагов. В советских официальных сообщениях Герой Советского Союза и поэт Чапичев назван «крымчаком», а не евреем⁶⁴.

Танковая бригада под командованием Героя Советского Союза полковника Давида Драгунского (см. о нем выше), пройдя с боями бесчисленные километры, подошла к Берлину. Драгунский получил свое первое звание Героя Советского Союза после того, как летом 1944 года его бригада форсировала Вислу, захватила плацдарм в районе Сандомежа («Сандомирский плацдарм») и в течение 27 дней отражала атаки противника. 30 апреля 1945 года танковая бригада Драгунского в составе 1-го Украинского фронта перерезала шоссе Берлин–Потсдам и соединилась с подошедшими с севера силами 1-го Белорусского фронта. Берлин был окружен. За бои в районе Берлина Давид Драгунский получил вторую звезду Героя Советского Союза⁶⁵. Силы 1-го Белорусского фронта и танковая бригада Драгунского входили в состав 1-го механизированного корпуса под командованием генерала Семена Кривошеина (см. выше). Корпус Кривошеина освобождал Белоруссию, в частности города Бобруйск и Барановичи, сражался на берегах Вислы, брал Берлин. За боевые заслуги в битве за Берлин генерал Кривошеин был награжден званием Героя Советского Союза. Другой танковой бригадой в составе корпуса Кривошеина командовал еврей Евсей Григорьевич Вайнруб. За взятие Берлина Евсею Вайнрубу было присвоено звание Героя Советского Союза, а его танковой бригаде – почетное наименование Берлинской. В сражениях за Берлин проявила особое мужество и 8-я гвардейская армия, где заместителем командующего был генерал-майор Матвей Вайнруб, брат Евсея. Матвей Вайнруб отличился еще под Сталинградом, а за участие во взятии Берлина получил звание Героя Советского Союза⁶⁶.

⁶⁴ Там же. С. 65–73. Крымчаки – особая еврейская этнокультурная группа, сложившаяся в Крыму в Средние века; их разговорный язык близок к крымско-татарскому. Большинство крымчаков, не успевших покинуть Крым, были уничтожены нацистами в 1941–1942 годах.

⁶⁵ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 41–59; Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная*. С. 316.

⁶⁶ Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная*. С. 598–602.

Евреи в политуправлении армии

Политуправление Красной армии и институт комиссаров и политруков были созданы еще в годы Гражданской войны и на деле означали двойное командование всеми воинскими частями, поскольку комиссар (или политрук) наравне с командиром участвовал в принятии всех решений. В 1940 году, накануне войны, полномочия политруков были ограничены; отныне решающий голос в военных вопросах принадлежал командиру части. В июле 1941 года, на фоне жестоких поражений и отступлений Красной армии, ЦК ВКП(б) «рекомендовал» армии расширить полномочия комиссаров с целью усиления влияния партии и контроля над армией. В сущности, это означало возвращение к двойному командованию⁶⁷.

Двойное командование сохранялось в Красной армии в дни тяжелых поражений и отступлений в начале войны, вплоть до остановки немцев под Сталинградом. Очевидным образом сложившаяся ситуация противоречила армейским нормам командования и ответственности командира за порядок и дисциплину. За первые 15 месяцев войны командный состав Красной армии сильно омолодился; преданность новых офицеров советскому государству прошла проверку в трудный период, и потребность в пристальном комиссарском надзоре за командирами отпала. В то же время комиссары приобрели боевой опыт и навыки командования, и многие из них назначались на командные должности в воинских частях. Упразднение должности военных комиссаров лишь укрепило советскую армию.

Статистические данные о присутствии евреев в политическом аппарате Красной армии накануне или в годы Великой Отечественной войны не опубликованы. В 1926 году евреи – военные комиссары составляли 10,3%, однако с 1926 по 1941 год их число явно сократилось. Можно предположить, что в годы войны процент евреев – армейских комиссаров и политруков в разных чинах был выше, чем процент евреев-военнослужащих, поскольку на эти посты назначались только члены ВКП(б) и ВЛКСМ, где участие евреев было непропорционально высоким.

⁶⁷ Артемов, Братский боевой союз. С. 66.

Определенное представление об участии евреев в политуправлении Красной армией дает исследование А. Абрамовича. Так, в главе о 250-дневной (с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 года) осаде Севастополя сообщается, что оборона города-порта велась по четырём секторам, и в каждом было свое командование. Из четырех комиссаров, ответственных за эти секторы, двое были евреями – Аарон Хацкевич (сектор 1) и Яков Мельников (сектор 4), комиссар воевавшей в 4-м секторе 95-й стрелковой дивизии. В 241-м полку в составе этой дивизии служил комиссаром С. Абрамович, а заместителем командира 161-го полка – комиссар Самуил Лившин. В секторе 2 воевала 172-я стрелковая дивизия, где комиссаром был Георгий Шафранский, а его заместителем – Михаил Найгер, оба евреи. Эта дивизия сдерживала яростную атаку врага в декабре 1941 года. Ей на подмогу была переброшена 7-я бригада морской пехоты, начштаба которой, майор А. Кернер, погиб в том бою. Многие комиссары пали в боях за город, некоторые были эвакуированы на подводных лодках, а те, что оказались в немецком плену, погибли. Высокий процент комиссаров-евреев, участвовавших в обороне осажденного Севастополя, пропорционален присутствию евреев в рядах политсостава Красной армии в целом.

В разгар Сталинградской кампании Красная армия подверглась реорганизации: указом Президиума Верховного Совета от 9 октября 1942 года должность военного комиссара была упразднена. Эта мера сразу сказалась на судьбе многих военнослужащих-евреев. Бывшие комиссары стали теперь называться «заместителями командира по политической части», что поставило командиров выше политруков в армейской иерархии. Это преобразование сопровождалось и другими переменами, направленными на укрепление воинской дисциплины и усиление авторитета офицерского состава армии. Были введены погоны, как некогда в царской армии, и восстановлены некоторые традиции и церемонии, сложившиеся в дореволюционные времена⁶⁸.

Евреи в военной авиации

Советская военная авиация, в числе создателей и первых летчиков которой было много евреев, в первые дни войны понесла

⁶⁸ Alexander Werth, *Rusya ba-milhama 1941–1945* (Tel Aviv: Maarakhhot, 1968), vol. 1, pp. 295–296.

тяжелый урон. Из-за внезапности нападения Германии и отсутствия своевременного предупреждения большинство самолетов были выведены из строя немецкими бомбами, не успев подняться с земли. В первый день войны советская военная авиация потеряла 1200 самых современных своих самолетов, базировавшихся на аэродромах в западных районах Советского Союза, так что на первой стадии войны немецкая авиация безраздельно господствовала в воздухе. Несмотря на сложившуюся ситуацию, советские боевые самолеты вылетали бомбить вражеские объекты, в том числе города Германии. В этих боевых вылетах принимали участие и еврейские пилоты.

Истребители 43-й эскадрильи Балтийского флота под командованием капитана Вахтермана бомбили вражеские суда и продвигавшиеся по Литве и Латвии сухопутные колонны противника, обороняя латвийский порт Лиепаю. Самолеты 40-го авиабатальона под командованием капитана Могилевского атаковали с воздуха Кенигсберг, Клайпеду и другие города. 27 июня 1941 года пал смертью храбрых лейтенант Исаак Пресайзен⁶⁹: он направил свой подбитый самолет в гущу вражеских танков и пехоты; взрыв уничтожил большие силы врага⁷⁰. В первом советском воздушном налете на Берлин ночью с 7 на 8 августа 1941 года принял участие капитан Михаил Плоткин, еврей. Советские самолеты взлетели с находящегося в Балтийском море острова Эзель (Сааремаа); немцы, не поверив, что советские бомбардировщики способны провести подобную операцию, решили, что налет совершили англичане. Плоткин продолжал воевать в районе Ленинграда и Балтийского моря. 6 марта 1942 года при минировании с воздуха вражеского фарватера в водах Балтийского моря Плоткин погиб. За отвагу капитану М. Плоткину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза⁷¹. В первый период войны в воздушной обороне Москвы отличился летчик-испытатель Марк Лазаревич Галлай. В июне 1943 года его самолет был сбит над немецким военным аэродромом в районе Брянска. Пилот сумел спуститься на парашюте и оказался в местах, контролируемых

⁶⁹ Таким образом, он повторил подвиг капитана Н.Ф. Гастелло, сделавшего то же самое днем раньше – 26 июня. – *Прим. ред.*

⁷⁰ Абрамович, *В решающей войне*. С. 102–104, 172–174.

⁷¹ Там же. С. 175–177; Шапиро, *Евреи – герои...* С. 540–554.

партизанами. Вскоре он вернулся в авиацию и продолжал боевые вылеты и испытания новых моделей самолетов. Марк Галлай был трижды награжден орденом Ленина и удостоен звания Героя Советского Союза⁷².

Из 154 евреев, награжденных в годы войны звездой Героя Советского Союза, 20 были летчиками. По советским данным, командир боевой эскадрильи капитан Владимир Левитан сбил 20 вражеских самолетов, капитан Абрек Аркадьевич Баршт – 19, капитан Яков Верников – 16; Верников был сбит в боях над Доном летом 1942 года, однако выжил и вернулся в строй. Капитан Илья Катунин погиб 23 апреля 1944 года при выполнении боевого задания над Северным морем: его бомбардировщик был подбит, но Катунин направил горящий самолет на вражеское судно и потопил его. Капитан Борис Лунц перебрасывал партизанам в тыл врага оружие и боеприпасы, а обратными рейсами забирал раненых. О нем тепло вспоминал в мемуарах легендарный партизанский командир Ковпак. В боевой авиации отличились и женщины, например Полина Гельман, на счету которой сотни боевых вылетов. В августе 1943 года в воздушном бою погибла летчица Лили Литвак⁷³.

Евреи в военно-морском флоте

На Балтике в рядах военно-морского флота служил Арсений Львович Раскин, заместитель командира и дивизионный комиссар базы на полуострове Ханко. Когда полуостров Ханко пришлось сдать, Раскин был отозван из района Балтийского моря и назначен главным комиссаром Черноморского флота. Раскин погиб в авиакатастрофе в конце декабря 1942 года⁷⁴. Среди евреев, служивших в начале войны на советском морском флоте, самое высокое звание носил контр-адмирал Павел Аронович Трайнин⁷⁵. Он командовал военно-морскими силами в Риге, а после

⁷² Шапиро, *Евреи – герои...* С. 153–156; Абрамович, *В решающей войне.* С. 174–175.

⁷³ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 72–73, 135–136, 168–178, 276–285, 437–438, 443–446; Guri, “Yehudei Brit ha-Moazot”, pp. 44–45.

⁷⁴ Абрамович, *В решающей войне.* С. 129–130, 133.

⁷⁵ В советской историографии – Павел Алексеевич. – *Прим. ред.*

отступления советских войск – военной флотилией на Ладожском озере, через которое проходила основная линия снабжения блокадного Ленинграда. Осенью 1941 года Трайнин был переведен в Крым, на Керченский полуостров, и принял командование военно-морскими силами, сражавшимися за Керчь. Вверенные Трайнину суда прикрывали огнем сухопутные части, а также перебрасывали в район боев и обратно в тыл солдат и боеприпасы. Когда Красная армия оставила Керчь, силы ВМФ под командованием Трайнина действовали в районе полуострова Тамань и под Новороссийском⁷⁶. В том же секторе отличился капитан второго ранга Аркадий Свердлов, еврей, начальник штаба Азовской флотилии⁷⁷.

После того как в первые месяцы войны немцам удалось захватить всю Прибалтику, Ленинград оказался единственной базой Балтийского флота; так продолжалось до лета 1944 года. Господство немецкого флота и немецкой авиации в районе Ленинграда крайне затрудняло действия советского надводного флота. Поэтому основную роль приняли на себя подводные лодки и маневренные торпедные катера. Командир звена торпедных катеров старший лейтенант Абрам Свердлов за успешное потопление нескольких вражеских судов и отличное выполнение боевых заданий получил звание Героя Советского Союза⁷⁸.

На Балтийском флоте командирами многих подводных лодок были евреи, в том числе капитаны третьего ранга Н. Смоляр, Роман Линденберг и Исаак Кабо. Командир подводной лодки «Л-3» капитан Вольф Калманович (Владимир Константинович) Коновалов за успешное выполнение многих боевых операций (в том числе потопление в апреле 1945 года в районе Данцигской бухты двух крупных вражеских транспортов «Гойя» и «Роберт Мюллер», перебрасывавших немецкие войска) удостоился звания Героя Советского Союза. После войны Вольф Коновалов был произведен в ранг контр-адмирала⁷⁹. Капитан третьего ранга Самуил Нахманович Богорад командовал подводной лодкой

⁷⁶ Абрамович, *В решающей войне*. С. 138, 266, 371–372

⁷⁷ Там же. С. 263, 266, 273, 372.

⁷⁸ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 576–579; Абрамович, *В решающей войне*. С. 138.

⁷⁹ Шапиро, *Евреи – герои...* С. 286–289.

«Щ-310» и в январе и апреле 1945 года торпедировал и потопил несколько судов, эвакуировавших войска окруженной курляндской группировки, за что получил звезду Героя Советского Союза⁸⁰. Героем Советского Союза стал также Израиль Фисанович, командир подводной лодки «М-172», воевавший в Северном море в районе Мурманска и потопивший 12 судов противника. Летом 1944 года вместе с экипажами четырех подлодок, в числе лучших подводников СССР два еврея – Исаак Кабо и Израиль Фисанович – отправились в Англию получать новые подводные лодки. Новые подлодки вышли из Англии в порт приписки Мурманск, но только три из них достигли цели. Командир четвертой Фисанович вместе со всем экипажем погиб в морской пучине при невыясненных обстоятельствах⁸¹.

Особенно высокий, по сравнению с надводными судами, процент евреев в составе экипажей подводных лодок объясняется тем, что подводный флот был относительно новой отраслью советского военно-морского флота, а евреи всегда предпочитали служить в самых современных родах войск.

Евреи в инженерных войсках и на военно-медицинской службе

Многие евреи служили в инженерных войсках и в области военной медицины, нередко на ответственных должностях – ведь евреи давно и успешно занимались и инженерным делом, и медициной. Главным терапевтом Красной армии был генерал-майор Мирон (Меир) Вовси, заместителем главного военного хирурга – генерал-майор Владимир Левит, главным стоматологом Красной армии – генерал-майор Давид Энтин. Десятки евреев возглавляли военно-полевые госпитали на фронте и в тылу, где работали многие тысячи еврейских врачей и медсестер⁸².

В инженерных войсках служил генерал-лейтенант Леонтий Захарович Котляр, который осенью 1941 года, в разгар ожесточенных боев под Москвой, отвечал за возведение укреплений линии обороны. Во время советского контрнаступления в районе Сталинграда Котляр командовал форсировавшими Дон военно-

⁸⁰ Там же. С. 97–99.

⁸¹ Там же. С. 649–676.

⁸² Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot", p. 39.

инженерными войсками Юго-Западного фронта, а в начале 1943 года был назначен начальником инженерных войск 3-го Украинского фронта. Л.З. Котляр окончил войну в звании генерал-полковника Героем Советского Союза⁸³.

Подготовка к обороне Москвы требовала создания минных полей на подступах к городу; некоторые из них должны были быть оснащены дистанционными взрывными устройствами и управляться с помощью электрического сигнала. За выполнение этой задачи отвечал генерал-майор инженерных войск Михаил Фадеевич Иоффе. В рамках операции предстояло заминировать мосты и здания, которые должен был захватить противник, и взорвать их – через час, когда они будут в руках врага. О высоком профессионализме инженера-взрывника полковника Якова Рабиновича и о его командире Михаиле Иоффе с уважением и благодарностью вспоминал в мемуарах маршал Советского Союза Виктор Харченко. В боях под Сталинградом Михаил Иоффе командовал специальным полком инженерных войск, отвечавшим за подрыв мостов на подступах к городу, за создание минных полей и за минирование важных объектов. За отличие в боях за Сталинград вверенный Михаилу Иоффе полк получил звание «1-й гвардейской инженерной бригады». А полковник Яков Рабинович командовал под Сталинградом инженерной частью, предназначенной для особых заданий. Начальником штаба инженерных войск Западного фронта в районе Сталинграда был полковник (а после войны – генерал-майор) Арон Шифрин⁸⁴.

Евреи-генералы

В Советском Союзе не публиковались статистические данные о национальном составе генералитета Красной армии и высшего командного состава Красного флота в годы Второй мировой войны. Согласно данным, которые приводит полковник Ф. Свердлов (см. прим. 5), таких генералов-евреев было 305 человек⁸⁵. Большинство из них дослужились до генеральского чина в годы войны.

⁸³ Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная*. С. 338; Шапиро, *Евреи – герои...* С. 297–298; Guri, “Yehudei Brit ha-Moazot”, pp. 39–40.

⁸⁴ Абрамович, *В решающей войне*. С. 242–244, 360–363, 456.

⁸⁵ Свердлов, *Евреи – генералы...* С. 14.

Особенно велико было присутствие евреев-генералов в боевых частях как в сухопутных войсках, так и в авиации и на флоте, и прежде всего в родах войск, связанных с техникой, – в артиллерии, инженерных и танковых войсках. Среди евреев-генералов девять человек командовали армиями, 12 – корпусами, 34 – дивизиями⁸⁶.

Антисемитизм

Антисемитизм, который выражался бы в дискриминации евреев-военнослужащих при присвоении воинских званий и при награждении орденами и медалями или в целенаправленной политике высших эшелонов власти, не существовал в советской армии в годы войны. Лучшим доказательством этому служит число евреев, дослужившихся до генеральских чинов, занимавших высокие армейские посты и награжденных всевозможными знаками отличия, в том числе званием Героя Советского Союза. Тем не менее наблюдались случаи проявления антисемитизма со стороны солдат и командиров, антисемитизма, направленного как на товарищей по оружию, так и на евреев вообще. Двадцать лет советского режима не искоренили бытового антисемитизма, издавна присущего русскому народу и другим славянским народам СССР, свойственного многим представителям партийно-советской верхушки. Сыграли свою роль и различные формы нацистской пропаганды (например, листовки, которые немцы сбрасывали с самолетов), которая представляла евреев виновниками войны, уклоняющимися от службы на фронте.

К обвинениям в трусости и в уклонении от службы в боевых частях добавлялись оскорбительные замечания и шутки о массовом бегстве евреев в тыл, подальше от фронта. Иногда дело доходило до прямых столкновений и до физической расправы с евреями⁸⁷. И все же во многих армейских частях проявлений антисемитизма не было, еврейские солдаты и офицеры не чувствовали к себе презрительного или оскорбительного отношения. Гораздо откровеннее проявлялся антисемитизм в тылу.

⁸⁶ Там же. С. 270–272.

⁸⁷ Иногда антисемитизм выражался в прямых зверствах. Так, Герой Советского Союза Вульф Виленский пишет в воспоминаниях, как три советских офицера, обмениваясь при этом антисемитскими выкриками, избивали еврея-кассира, инвалида войны.

3 декабря 1945 года, на встрече с главой польского правительства в изгнании Владиславом Сикорским, в присутствии Вячеслава Молотова, польского посла в Москве профессора Станислава Кота и польского генерала Владислава Андерса, сам Сталин позволил себе пренебрежительно и оскорбительно высказаться в адрес еврейских солдат. В ходе обсуждения действий польской армии на территории СССР встал вопрос о призыве в нее евреев – беженцев из Польши. Сталин тогда заметил: «Евреи – плохие вояки», а чуть позже повторил еще раз: «Да, евреи – никудышные вояки»⁸⁸.

На пленарном заседании Еврейского антифашистского комитета 20 февраля 1943 года писатель Илья Эренбург поднял вопрос об антисемитских высказываниях, особенно обвинявших евреев в уклонении от участия в боевых действиях. Он сказал, что оскорбительные замечания, которые вынуждены выслушивать семьи еврейских солдат, сражающихся на фронтах войны, наносят моральный ущерб и самим этим бойцам, а потому необходимо покончить с постыдным явлением.

Во время войны еврейские военнослужащие Красной армии старались не подчеркивать свою национальность, а иногда и скрывали ее. Прежде всего они опасались за свою судьбу в случае попадания в немецкий плен. Уже в первые месяцы войны еврейским солдатам стало ясно, что в немецком плену, в силу одной только национальной принадлежности, их ожидает немедленная гибель. Другой, хотя и менее важной причиной сокрытия своего еврейства был антисемитизм в армии. Некоторые солдаты носили славянские имена или имена, характерные для народов, среди которых они жили до мобилизации. Нееврейские имена позволяли многим евреям скрыть свою национальность, если их не выдавала внешность. Однако были и те, кто в годы войны намеренно сменил еврейское имя на нееврейское. Так, советский еврейский писатель Гершель Вайнрох пишет:

Я тоже на войне назывался типичным славянским именем. Когда мне случилось однажды попасть с фронта на несколько дней в Москву, я посетил Еврей-

⁸⁸ Stanisław Kot, *Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego* (London: Jutro Polski, 1955), pp. 150–151. Об отношении Сталина к евреям в период Великой Отечественной войны см. также Louis Rapoport, *Stalin's War against the Jews* (New York: Free Press, 1990), pp. 55–79; Binyamin Pinkus, *Yehudei Rusya u-Vrit ha-Moazot* (Beer-Sheva: Ben-Gurion University of the Negev, 1986), pp. 252–254.

ский антифашистский комитет. Поэт Лейб Квитко, который был одним из руководителей комитета... упрекнул меня в том, что я называю себя нееврейским именем и таким образом уменьшаю количество евреев на фронте. После моего рассказа о положении и моей роли на фронте Лейб Квитко согласился со мной и даже настаивал на том, что я не должен рассказывать на фронте, что я еврей⁸⁹.

Некоторые предпочитали называться мусульманскими именами, принятыми в СССР, чтобы избежать уничтожения при попадании в плен, – ведь мусульмане тоже делают обрезание.

Соккрытие своего еврейства на фронте не было маргинальным явлением. Этому способствовала ассимиляция советских евреев еще в довоенные годы. Евреи – жители областей, аннексированных СССР накануне войны, напротив, обладали ярко выраженным еврейским самосознанием и чрезвычайно редко скрывали свою национальность. Как правило, скрывали свое еврейство те, кто служил на фронте, где угроза плена была гораздо ближе и реальнее, чем в тыловых частях. В результате присутствие евреев в боевых частях выглядело незначительным; это и породило утверждения, будто «еврея на фронте не сыщешь».

Сопrotивление в лагерях военнопленных

В лагерях военнопленных, в концентрационных лагерях и в лагерях уничтожения заключенные создавали подпольные организации, организовывали сопротивление и даже поднимали восстания. Евреи принимали в этом сопротивлении активное участие. Главной целью узников было бежать из лагеря. Нам не многое известно о таких попытках, поскольку лишь единицам удавалось бежать, остаться в живых и потом рассказать об этом. В немецкой документации тоже редко упоминаются побег. В тех случаях, о которых пойдет речь ниже, евреям удалось скрыть свое еврейство при попадании в плен и таким образом избежать немедленного уничтожения. Иногда национальность пленных обнаруживалась позднее, в тыловых лагерях, и тогда евреев переправляли в лагерь уничтожения или назначали на такие работы, где не было никакой возможности выжить. Но некоторые выдавали себя за

⁸⁹ Levin, "Uvdot ve-haarakhot", p. 103; Guri, "Yehudei Brit ha-Moazot", pp. 54–57.

неевреев до самого конца, вплоть до гибели при попытке восстания или при побеге. Иногда в ходе расследования, проведенного уже после войны, выяснялось, что тот или иной участник антифашистского сопротивления был евреем.

Известно об участии евреев-военнопленных в восстании в лагере уничтожения Собибор. Лидер восстания лейтенант Александр Печерский возглавил группу еврейских военнопленных, к которой примкнули еврейские узники лагеря. Печерский попал в плен в сражении под Вязьмой осенью 1941 года. Полгода ему удавалось скрывать свое еврейское происхождение, и только при неудачном побеге в мае 1942 года немцы узнали, что Печерский еврей, и передали его в руки СС. По воле случая его не расстреляли на месте, а отправили в рабочий лагерь СС, размещавшийся на улице Широкой в Минске. В сентябре 1943 года, при ликвидации Минского гетто, Печерский вместе с другими евреями был вывезен в лагерь уничтожения Собибор. Вместе с ним в транспорте ехало около 2000 человек, и почти всех сразу по прибытии отправили в газовые камеры. Лишь 80 человек – тех, кто заявил, что владеет строительными профессиями, – оставили в живых для выполнения работ на территории лагеря. В этой группе, гибель которой была временно отсрочена, большую часть составляли военнопленные; попал в нее и Печерский. В Собиборе находились тогда около 700 еврейских узников; в лагере действовала и готовила восстание подпольная организация. Когда руководители подполья узнали, что среди прибывших военнопленных есть офицер, они предложили Печерскому принять командование на себя. Печерский согласился и разработал план восстания, которое состоялось 14 октября 1943 года и во главе которого встали военнопленные. Восставшие сумели уничтожить одиннадцать эсэсовцев, оказавшихся в лагере, и некоторых украинских охранников. В боях на территории лагеря Собибор нашли свою смерть более 300 заключенных, и почти столько же было убито в ходе погони за беглецами и в последующие дни, когда большие немецкие силы прочесывали окрестности. Тем не менее нескольким десяткам военнопленных, и в том числе Печерскому, удалось бежать; почти все они соединились с партизанскими отрядами и продолжали сражаться с нацистами до последних дней войны⁹⁰.

⁹⁰ Yitzhak Arad, *Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death-Camps*

Попавшие в плен советские евреи вели подпольную деятельность и на территории Германии. Так, в марте 1943 года советские военнопленные создали подпольную организацию в Мюнхене, на улице Шванзештрассе, и вскоре ее местные ячейки возникли в разных городах Южной Германии. Члены этой организации, которая называлась «Братское сотрудничество военнопленных», видели свою задачу в диверсиях и саботаже на рабочих местах, в подрыве военной мощи Германии; они готовили и осуществляли побегі военнопленных, выявляли и уничтожали предателей. Они также старались противодействовать мобилизации добровольцев из числа военнопленных в армию Власова, воевавшую на стороне немцев. «Братское сотрудничество» объединило в своих рядах несколько сот военнопленных. Его организатор, офицер, выдававший себя за украинца Георгия Фесенко, был в действительности евреем Иосифом Фельдманом. Уроженец Запорожья, он служил на фронте фельдшером и в августе 1941 года попал в плен, сумев при этом скрыть свою национальность и специальность. Фельдман бежал из плена, раздобыл подложные документы и под именем украинского рабочего Фесенко был отправлен на работы в Германию. Знание немецкого языка помогло ему стать переводчиком в лагере советских военнопленных. Переводчик же мог свободно перемещаться по лагерю и входить в контакт с заключенными. Так он создал подпольный комитет, в который среди прочих вошли лейтенант Владимир Моисеев (настоящее имя – Борис Гройсман; уроженец Одессы) и числившейся в плену под другой фамилией капитан Михаил Зингер – оба бывшие защитники Севастополя.

Один из руководителей связанного с «Братским сотрудничеством» подполья в лагере Моосбург в окрестностях Мюнхена, капитан Борис Келесов (еврей, настоящее имя – Абрам Исаевич Яжемский), также попал в плен в Севастополе. Можно предположить, что в организации состояли и другие евреи, скрывавшиеся под вымышленными именами, однако скудные источники не позволяют это выяснить. Советские военнопленные наладили связь и с немецким антифашистским подпольем. Гестапо напало на след подпольщиков, арестовало их и переслало в Дахау.

Иосиф Фельдман умер под пытками 10 марта 1944 года. 92 члена организации, и среди них Гройсман, Зингер и Яжемский, были расстреляны 4 сентября 1944 года⁹¹.

Подпольные организации еврейских военнопленных и других узников существовали также в местах массовых убийств. Здесь военнопленных использовали для сжигания трупов в рамках операции «Акция 1005», призванной устранить следы массовых убийств, совершенных немцами на оккупированных территориях. Так, подпольные организации военнопленных действовали в Бабьем Яру под Киевом, в IX форте под Каунасом, в Понарах (Паняряй) под Вильнюсом и в других местах и неизменно видели свою задачу в подготовке и обеспечении массовых побегов заключенных.

В IX форте под Каунасом сжиганием трупов были заняты 70 еврейских заключенных: примерно половину из них составляли военнопленные (в том числе те из пятисот еврейских пленных, доставленных в форт в ходе акций июня – октября 1941 года, кому удалось выжить), другую половину – узники гетто (в том числе члены подпольной организации гетто, которые пытались бежать в лес к партизанам, но были схвачены). В команду входили и трое местных русских – они были арестованы по подозрению в антифашистской деятельности. В IX форт попадали также евреи, которые поначалу скрывались под нееврейскими именами, но были разоблачены: здесь их ожидали тяжелая работа и верная гибель. Одному из них, военнопленному капитану Василенко (настоящее имя – Израиль Весельницкий), удалось продержаться в плену вплоть до октября 1943 года, когда открылось, что он еврей. Ответственным над узниками IX форта немцы назначили военнопленного Александра Беловского – «бригадира». Группа узников IX форта создала подпольную организацию, в комитет которой вошли несколько евреев из Каунасского гетто и бывшие военнослужащие: капитан Василенко (Весельницкий), майор Михаил Неменов и «бригадир» Беловский. Подпольщики планировали устроить побег в ночь с 24 на 25 декабря 1943 года, рассчитывая, что в рождественскую ночь немцы будут пьяны. Заранее были

⁹¹ Yosef Guri, "Maavakam shel lohamim yehudim me-ha-Zava ha-Adom ba-shevi ha-germani" // *Yediot Yad Vashem*, № 34 (April 1965), pp. 11–16; Ефим Бродский, *Они не пропали без вести: Не сломленные фашистской неволей*. М.: Мысль, 1987. С. 110–111, 125–130.

сделаны ключи от камер и лестницы – чтобы взобраться на стены крепости. Всем 64 узникам, находившимся в ту ночь в крепости, удалось вырваться. Часть беглецов была схвачена во время облавы, которую устроили немцы, обнаружив побег, но другой части удалось добраться до Каунасского гетто, а оттуда позднее уйти в лес, к партизанам⁹².

В Киеве, в Бабьем Яру летом 1943 года сжиганием трупов занималась команда из 330 заключенных устроенного там маленького лагеря. В нее входили еврейские военнопленные, а также евреи и «наполовину евреи», пользовавшиеся фальшивыми арийскими документами и схваченные при облавах. Были тут и неевреи, арестованные по подозрению в антифашистской деятельности. В этом лагере тоже возникла подпольная организация, которая ночью 29 сентября 1943 года, то есть через два года после уничтожения киевских евреев, организовала массовый побег заключенных. Во время побега охрана открыла огонь, и почти все бежавшие погибли, некоторые были схвачены впоследствии и расстреляны, и только 15 человек выжили и дождались освобождения Киева⁹³.

В Понарах под Вильнюсом сжиганием трупов были заняты почти 80 евреев, среди них военнопленные, которым на первых порах удалось скрыть свое еврейство и которые оказались в Понарах, когда оно обнаружилось. Возникшая здесь подпольная организация подготовила побег. Заключенные вырыли подземный ход, который начинался в котловане, где они содержались, и заканчивался за пределами лагерной ограды, по ту сторону колючей проволоки. Побег состоялся ночью 15 апреля 1944 года. К тому времени, когда охрана заметила побег, подземным ходом успели пройти около 40 человек. 15 человек сумели бежать – остальные были убиты охраной или погибли в первые дни после побега; 11 из этих 15 выбились к партизанам в Рудницких лесах⁹⁴.

Надо полагать, что подпольная деятельность еврейских военнопленных не исчерпывается описанными случаями. Однако в

⁹² Zvi A. Braun, Dov Levin, *Toldoteya shel mahteret: Ha-irgun ha-lohem shel Kovna be-Milhemet ha-olam ha-shniya* (Jerusalem: Yad Vashem, 1962), pp. 153–173.

⁹³ *Sovyetish Heimland*, № 6 (1977); Ефрем Баух (сост.), *Бабий Яр*. Тель-Авив: Союз землячества выходцев из СССР, Киевское землячество, 1981.

⁹⁴ Yitzhak Arad, *Ghetto in Flames: The Struggle and the Destruction of the Jews in Vilna in the Holocaust* (Jerusalem: Yad Vashem, 1980), pp. 444–446.

силу того, что евреи – члены подпольных организаций военнопленных и участники актов сопротивления почти всегда гибли, рассказать о созданных ими организациях просто некому; немецкие источники не всегда упоминают подпольную деятельность военнопленных.

Евреи в военной промышленности

В создании советской военной промышленности принимали самое активное участие тысячи евреев – инженеров и руководителей производства. Многие из них были арестованы и расстреляны в бесконечных сталинских чистках, пик которых пришелся на 1937–1938 годы. Некоторые уцелели и продолжали работать на промышленных объектах и в технических лабораториях, находившихся в лагерях. Начало войны и стремительное продвижение немцев вглубь страны поставили советское правительство перед сложной и срочной задачей эвакуации заводов и фабрик с территорий, которым угрожала оккупация.

Во второй половине 1941 года предприятия военной промышленности были успешно эвакуированы в глубокий тыл и быстро введены в действие на новом месте. Эти предприятия снабжали армию самолетами, танками, пушками и другими видами оружия, компенсируя потери в боевой технике и обеспечивая вооружение новых воинских частей, сформированных в первые дни войны или позднее. Кроме того, от советской военной промышленности требовалось создать самолеты, танки, артиллерию, которые могли бы успешно противостоять боевой технике врага и даже превосходить ее. Способность Советского Союза эвакуировать свою военную промышленность, запустить ее предприятия и обеспечить огромную армию всем необходимым во многом определила ход войны. Грандиозная операция по налаживанию военной промышленности и снабжению армии и фронта оружием прошла успешно благодаря труду многих тысяч людей, которые работали над модернизацией советской военной авиации. Многие евреи – специалисты, руководители и изобретатели – работали в военной промышленности еще до начала войны. Назовем лишь наиболее видных.

Борис Львович Ванников был в 1939–1941 годах наркомом оборонной промышленности СССР. В начале июня 1941 года

Ванников был арестован по приказу Сталина, но в свете новых событий и бедственного положения Красной армии уже в начале июля 1941 года его вернули в Москву и восстановили в прежней должности. Сталин понимал, что для отпора врагу ему нужны высококвалифицированные кадры, и не мог позволить себе пренебречь опытом и талантом Ванникова. С 1942 года и до конца войны Б.Л. Ванников занимал пост наркома боеприпасов. Он отвечал за эвакуацию и запуск в действие предприятий военной промышленности и за снабжение фронта всем необходимым. За умелое руководство вверенной ему отраслью Ванников трижды был награжден званием Героя Социалистического Труда (что соответствует званию Героя Советского Союза), а в 1944 году произведен в генерал-полковники⁹⁵.

Семен Захарович Гинзбург до войны был заместителем наркома тяжелой промышленности, а в 1939–1946 годах – наркомом СССР по строительству. В рамках занимаемой должности в годы войны Гинзбург отвечал за сооружение военных укреплений и линий обороны, за создание инфраструктуры для военной промышленности, эвакуированной в тыл с захваченных территорий, и за строительство новых военно-промышленных объектов⁹⁶.

Среди евреев-наркомов следует назвать и Исаака Моисеевича Зальцмана. Начало войны И.М. Зальцман встретил директором Кировского машиностроительного завода, выпускавшего танки. Вскоре завод был эвакуирован из Ленинграда в Челябинск, в глубокий тыл. Завод под руководством Зальцмана в годы войны выпустил 20 000 танков Т-34, которые считались тогда лучшими танками в мире. За отличное руководство заводом в 1941 году И.М. Зальцману присвоили звание Героя Социалистического Труда; в 1942 году его назначили наркомом танковой промышленности в звании генерал-майора. Зальцман был удостоен многих наград⁹⁷.

Евреи становились заместителями наркомов, отвечавших за производство стали и станков, судостроение, руководство торговым флотом и т. п.; евреи были директорами и главными инженерами предприятий военной промышленности.

⁹⁵ Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная*. С. 299.

⁹⁶ Кирьян (ред.), *Великая Отечественная*. С. 140.

⁹⁷ Абрамович, *В решающей войне*. С. 122–123.

В первые дни неожиданного немецкого нападения советский воздушный флот понес колоссальный урон. В создании новых истребителей и бомбардировщиков участвовали многие евреи, и их имена отразились в названиях самолетов. Поначалу советские самолеты сильно уступали немецким, но в 1942 году советская авиация получила новый истребитель: он был сконструирован Семеном Алексеевичем (Айзиковичем) Лавочкиным и доказал свое превосходство над самолетами врага. В годы войны Лавочкин продолжал совершенствовать свое детище. За вклад в оборону страны Лавочкин был награжден орденом Героя Социалистического Труда и получил звание генерал-майора⁹⁸.

Советские авиаконструкторы армянин Артем Микоян и еврей Михаил Гуревич разработали серию истребителей МиГ, получившую название по первым буквам фамилий своих создателей. М. Гуревич был удостоен звания Героя Социалистического Труда и многих наград⁹⁹.

Вклад евреев в советскую военную промышленность – тема, все еще ожидающая подробного исследования¹⁰⁰. Здесь мы упомянули только тех, кто занимал ключевые посты в этой области, и тех, чьи изобретения принесли своим создателям всемирную славу. Неназванными остались тысячи специалистов, занятых созданием и совершенствованием оружия, принесшего победу Советскому Союзу.

Заключение

В годы войны в рядах советских вооруженных сил служили от 490 000 до 520 000 евреев. Советские источники не приводят данных о национальном составе военнослужащих, павших на полях сражений. Остается делать самые приблизительные подсчеты. Российские публикации последних лет позволяют предположить, что во время Великой Отечественной войны погиб-

⁹⁸ Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная*. С. 345; Кирьян (ред.), *Великая Отечественная*. С. 255.

⁹⁹ Ржешевский (ред.), *Великая Отечественная*. С. 313; Кирьян (ред.), *Великая Отечественная*. С. 156.

¹⁰⁰ Через два года после выхода в свет настоящей статьи такое исследование появилось: Л.Л. Мининберг, *Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945 гг.)*. М.: «Иц-Гарант», 1995. – Прим. ред.

¹⁰¹ *Гриф секретности снят*. С. 146.

ли около 6 885 000 солдат и офицеров¹⁰¹, а поскольку, по нашей оценке, доля евреев в общем контингенте военнослужащих в боевых частях составляла 1,78%, получается, что в боях погибли около 120 000 евреев. К этому числу следует прибавить евреев, погибших в фашистском плену. По имеющимся данным, в плен попали 5 750 000 советских военнослужащих¹⁰², а значит, среди них должны были находиться около 100 000 евреев. Однако следует учитывать, что евреи старались во что бы то ни стало избежать плена, поэтому предположим, что в плену оказались 80 000 – 85 000 военнослужащих-евреев. Как известно, нацисты уничтожали всех евреев, и в живых остались лишь около 4500 человек¹⁰³, которым удалось скрыть свое еврейство или посчастливилось попасть в плен к финнам. Итак, выходит, что около 200 000 евреев – военнослужащих советской армии погибли на фронтах войны или в немецком плену, что составляет 40% всех евреев, служивших в армии в годы войны. Подобного уровня потерь не знала ни одна из национальностей Советского Союза, принимавших участие в войне.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как "Soviet Jews in the War against Nazi Germany," in *Yad Vashem Studies* (Hebrew), vol. 23 (1993), pp. 51–89.*

Перевод с иврита Зои Копельман.

¹⁰² Alexander Dallin, *German Rule in Russia* (London: Macmillan, 1957), p. 427.

¹⁰³ Гриф секретности снят. С. 340.

Мордехай Альтшулер

**БОРЬБА ЕВРЕЕВ С НАЦИЗМОМ И УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ
В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В СССР:
СОВЕТСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Название статьи требует прежде всего определить разницу между «борьбой евреев с нацизмом» и «участием евреев в боевых действиях Советского Союза». Евреи сражались в гетто, в еврейских партизанских отрядах, в Еврейской бригаде¹ и т. п., и речь шла именно о борьбе евреев: все бойцы в этих формированиях были евреями, их участие в войне было следствием их еврейства и определялось особыми обстоятельствами еврейской судьбы и особым положением еврейского населения во время нацистской оккупации. Трудность возникает при необходимости дать определение действиям сотен тысяч бойцов-евреев, воевавших бок о бок с солдатами других национальностей. Солдаты эти тоже были евреями, но можно ли рассматривать их участие в боевых действиях как борьбу евреев с нацизмом?

Чтобы установить, в чем разница между этими двумя понятиями, выяснить, где проходит тонкая граница между борьбой евреев и участием евреев в боевых действиях, следует обратить внимание на мотивацию военнослужащих-евреев – именно мотивация подсказывает историку, в какой мере можно говорить о борьбе евреев с нацизмом и в какой – об участии евреев в общей войне. На это разграничение – а оно касается не только бойцов-евреев в рядах советской армии и партизанских формирований в СССР – следует обращать внимание и при рассмотрении советской и западной историографии. В качестве иллюстрации я хочу привести один из примеров героизма, проявленного евреем – бойцом Красной армии.

25 апреля 1945 года, когда Красная армия вела жестокие бои у Бреслау (ныне Вроцлав, Польша), Иосиф Бумагин, 1907 года рождения, уроженец еврейского местечка Городок и житель Биробиджана, закрыл своим телом амбразуру немецкого укрепления. Его

¹ Воинская часть в составе британской армии, созданная в 1944 году. Была сформирована из евреев-добровольцев, проживавших в основном в подмандатной Палестине. Насчитывала около 5000 бойцов, участвовала в боях в Италии (*прим. ред.*).

смерть обеспечила успех важной военной операции². Мотивы его поступка неизвестны; однако историку важно понять, был этот отчаянный шаг продиктован советским воспитанием и преданностью коммунистической партии (в которой Бумагин состоял с 1932 года), – или еврейским воспитанием и стремлением отомстить за кровь близких, зверски убитых в родном местечке и в других местечках Белоруссии, где Бумагин родился и вырос. А может быть, Иосиф Бумагин, столкнувшись в своей части с презрительным отношением к евреям (как сталкивались с ним евреи в других воинских частях), услышав, будто еврей не способен на самопожертвование, своим поступком пытался, как и многие другие, ответить на это обвинение?

Когда младшим командирам и даже отдельным солдатам приходилось принимать трудные решения, еврейство часто оказывалось центральным и наиболее весомым фактором. Так, когда воинское подразделение попадало во вражеское окружение и многие бойцы, не видя выхода, готовы были сдаться в плен, часто только солдат-еврей решительно возражал против такого решения – поскольку знал, что его, еврея, ждет иная судьба, нежели остальных, и что именно его товарищи по оружию могут сообщить немцам о его национальности. Поведение бойцов-евреев не раз определялось мотивами такого рода, и эти случаи следует рассматривать как борьбу евреев, как борьбу, обусловленную национальными соображениями. Само собой разумеется, в каждой конкретной ситуации на поведение человека влияет множество разнообразнейших мотивов, но это не освобождает историка от обязанности выявить те из них, которые были специфичны для еврейского солдата.

К советской и западной историографии следует применять разные критерии. В странах свободного мира историографию можно рассматривать как совокупность исследований и работ, написанных по определенной теме. Большинство этих исследований – плод индивидуального творчества ученых. И хотя ученый безусловно не полностью свободен от представлений, настроений и мнений общества, в котором он живет, его первым долгом оста-

² *Einikait*, May 1, 1946; Y. Davidovitch, "Baim keiver fun undzer folks-held" // *Folks-Shtime*, Dec. 13, 1959; M. Brukazh, "25 yor nokh der bafrayung fun Vaisrusland" // *Folks-Shtime*, Sept. 13, 1969.

ется интеллектуальная и научная честность, которая обязывает его относиться к рассматриваемому материалу объективно, пытаться вдохнуть жизнь в находящуюся в его распоряжении информацию, рассматривать историческое событие с различных точек зрения и делать выводы на основании фактов.

В глазах советского историка, однако, эти цели не обладают безусловной ценностью. Советская историография – это по определению марксистская историография, то есть она строится на априорном мировоззрении, предлагающем готовые объяснения изучаемым явлениям. В свободном мире дело обстоит иначе. Разумеется, историк может подходить к изучаемому предмету со своим мировоззрением – но только если он пытается по возможности сохранять объективность, только если исторический анализ оказывается призмой, сквозь которую он рассматривает идеологические и философские системы, – а не наоборот, как это происходит в СССР

Однако даже абстрактное мировоззрение менее губительно для советской историографии, чем практические требования к историку. *Советская историческая энциклопедия* 60-х годов прямо говорит: «Историческая наука [в СССР] заняла важное место в ряду общественных наук, призванных служить коммунистическому воспитанию трудящихся»³. Это заявление однозначно определяет общественно-воспитательную функцию всех общественных наук, в том числе и исторической науки.

Если такова цель историографии, то историческая правда не является первой заботой ученого. Скорее, используя историю, этот ученый преследует воспитательные цели. А поскольку цели воспитания масс устанавливаются коммунистической партией – иными словами, действующей властью, – историк в итоге служит текущим целям политического режима. Принимая во внимание эти обстоятельства, мы вправе считать советскую историографию в целом и историографию Второй мировой войны в частности заведомо ангажированной. Таким образом, внимание или невнимание советской историографии к еврейскому вопросу отражает позицию режима. Поскольку вся историография в СССР определяется упомянутой выше тенденцией, вполне уместно (по край-

³ *Советская историческая энциклопедия*. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 476.

ней мере в контексте обсуждаемой здесь проблемы) включить в категорию исторических публикаций не только исторические работы в традиционном смысле слова – основанные на архивных материалах, использующие научный аппарат и написанные подобающим ученому осторожным и точным языком, – но и литературу, стоящую на границе историографии: научно-популярные работы, воспоминания и разного рода статьи.

Советский историк, публицист, мемуарист изначально знал, что его труд должен служить политическим и воспитательным целям, и считал свою ангажированность само собой разумеющейся. Поэтому в процессе работы он пропускал материал через фильтр самоцензуры, отсеивая нежелательные – то есть не согласующиеся с политикой режима в данный момент – факты и события.

Крупные исследовательские работы, особенно коллективные, не раз обсуждаются научными институциями, от имени которых они пишутся, и во время этого процесса от ученых и писателей требуют избегать одних тем и подчеркивать другие. На последней стадии каждую публикацию проверяет официальный цензор, который следует прямым и косвенным директивам властей. Таким образом, мы не должны забывать, что любое научное исследование, выполненное в СССР, проходит несколько стадий проверок, от авторской самоцензуры до цензуры официальной. Все эти фильтры заостряют политический характер изданных в СССР исторических трудов и текстов, находящихся на грани историографии.

Становление советской историографии (в широком смысле этого слова), посвященной боевым действиям времен Второй мировой войны, началось уже в годы войны, когда публиковались статьи и брошюры, превозносящие героические поступки красноармейцев и партизан. Материалы такого рода продолжали появляться в печати во второй половине 40-х годов; «оттепель» вызвала новую волну публикаций о Второй мировой войне, затрагивающих темы и проблемы, на которые в конце сталинской эпохи было наложено табу.

Историческое осмысление боевых действий времен Второй мировой войны продолжалось в следующие десятилетия; количество накопленного материала не поддается обозрению. Достаточно сказать, что до середины 70-х годов в СССР было опубликовано более 9000 книг и брошюр о Второй мировой войне, а

также около 6000 статей на эту тему в научных журналах – и это не включая художественную литературу⁴. Разумеется, невозможно уделить внимание всем этим публикациям, но, обобщая, мы можем разделить их на шесть основных категорий.

1. Сборники документов (в виде книг или публикаций в исторических журналах), которые, как правило, включают в себя распоряжения коммунистической партии или других органов власти⁵. В материалах такого рода, охватывающих либо всю страну, либо определенные географические регионы, евреи не упоминаются и не могут упоминаться, ни прямо, ни косвенно.

2. Сборники документов, включающие отчеты боевых единиц, действовавших в составе Красной армии или в рамках партизанского движения. Пример такого рода публикации – трехтомник документов, связанных с партизанским движением в Белоруссии, изданный в Минске в 1967–1982 годах тиражом 10 000 экземпляров⁶. В этом сборнике упомянуты по крайней мере 150 партизан, имена которых указывают на их еврейское происхождение. И хотя национальность партизан не указана точно, публикации такого рода могут рассматриваться как важный первичный источник, который сообщает точные даты событий и предоставляет материал для сравнительного анализа различных свидетельств. Тем не менее из-за пристрастного отношения многих ученых, убежденных в том, что советские издания не содержат сведений о евреях, этот тип литературы не был достаточно исследован – хотя иногда только там можно найти упоминание о том или ином событии. Рассмотрим в качестве примера приведенный ниже отрывок из отчета партизанской роты им. Кирова от 16 июня 1943 года.

9 июня 1943 г., в три часа ночи, немцы окружили дер. Вулька 1-я (в 7 км от Луниница) и забрали 156 семей. Вывезли их в Лунинец в гетто... 11 июня 1943 г.

⁴ П.Н. Поспелов (сост.), *Советский тыл в Великой Отечественной войне*. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 190.

⁵ В пример можно привести сборник В.И. Нечипуренко и др. (сост.), *Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне, июнь 1941 г. – 1945 г.* М.: Политиздат, 1970.

⁶ *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 – июль 1944: Документы и материалы*. В 3 т. Минск: Беларусь, 1967–1982.

*вечером была направлена группа партизан под командованием политрука Свитцова А., в гор. Лунинец к полицейским... которые связаны с [партизанским] отрядом, с задачей выпустить 150 семей из гетто. Эта задача с 11 на 12 июня 1943 г. была выполнена; 127 семей убежало, а 29 осталось в гетто*⁷.

Хотя нет ни малейшего сомнения, что речь здесь идет о евреях, автор отчета по каким-то соображениям не упоминает об этом. Не считают нужным сообщать об этом и редакторы сборника – чтобы не подчеркивать, что целью партизанских действий было спасение евреев. Таким образом мы видим, что еврейская тема замалчивается в подобных публикациях, хотя и не отсутствует полностью.

3. Специальные исследования, посвященные анализу военных, экономических и социальных аспектов действий Красной армии и партизанских отрядов на разных этапах советско-германской войны. Такого рода труды полностью игнорируют евреев (хотя имена особо отличившихся командиров-евреев иногда упоминаются).

4. Исторические труды общего характера, рассматривающие положение в СССР или в тех или иных географических и административных регионах во время Второй мировой войны. Наиболее известный из них – шеститомное исследование *История Великой Отечественной войны Советского Союза*. Подобного исследования удостоилась каждая союзная республика; достаточно привести в пример трехтомное издание *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.* Такого рода научно-популярные публикации призваны воссоздать и осмыслить события, происходившие в стране или в определенном регионе в час тяжелых испытаний, в годы советско-германской войны.

Трудам третьей и четвертой категорий присуща отчетливая тенденция преуменьшать (хоть и не полностью игнорировать) роль евреев в войне с нацистами. Так, общая история Украины времен войны с нацизмом упоминает, что в героической обороне Брестской крепости принимал участие еврей Ефим Фомин⁸. Как правило, однако, национальность бойцов не упоминается. Более того, чтобы затушевать роль евреев в военных действиях, их име-

⁷ *Всенародное партизанское...* Т. 2. Кн. 1. С. 456.

⁸ І.Д. Назаренко и др. (сост.), *Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянсько-*

на и отчества указываются инициалами – эту систему постоянно использовал царский режим во время Первой мировой войны, когда речь шла об отличившихся в боях евреях.

5. Всевозможная мемуарная литература. Воспоминания о Второй мировой войне писали не только бывшие командующие фронтами, армиями и т. п., но и младшие офицеры и даже рядовые, служившие в армии или участвовавшие в партизанском движении. В этих книгах упоминаются многие бойцы-евреи, однако национальность их не указывается прямо и собственно еврейские черты не акцентируются. Когда речь идет об узбеках, украинцах или татарах, автор обычно намекает на национальную принадлежность своего героя (если не говорит о ней открыто), описывая его дом и семью, любимую им пищу и другие характерные черты, указывающие на этническое происхождение. Но еврей в большинстве мемуаров лишен каких бы то ни было национальных черт, и если его имя не указывает однозначно на его происхождение, трудно понять, что автор рассказывает о еврее.

Конечно, можно утверждать, что советские евреи, особенно молодые люди, воевавшие в рядах Красной армии или в немецком тылу, не обладали какими-либо характерными еврейскими чертами, что их происхождение никак не сказывалось на их поступках или реакциях, а потому эти черты, поступки и реакции и не находят отражения в мемуарах. Но такого рода утверждение не выдерживает критики. Возможно, молодой еврей из Москвы или Ленинграда действительно не имел никаких отличительных черт, но еврей, недавно покинувший свое местечко, свой *штетл*, – а таких евреев хватало в рядах Красной армии, не говоря уже о партизанском движении, – безусловно выделялся среди своих товарищей. Похоже, специфика еврейских образов в мемуарной литературе обусловлена прежде всего тем, что авторы, осознавая необходимость по мере возможности обойти молчанием вклад евреев в войну, стараются как можно реже обращаться в своих воспоминаниях к образам евреев.

В рамках этой общей установки авторы мемуаров, конечно, по-разному понимали, насколько уместны упоминания о евреях и как эти упоминания должны выглядеть. Цензоры тоже часто

руководствовались собственными представлениями о границах дозволенного. Таким образом, некоторые воспоминания выводят больше еврейских образов, некоторые меньше, но общая тенденция очевидна – приглушить эту тему, не избегая ее полностью⁹.

6. Сборники, посвященные Героям Советского Союза – выдающимся бойцам Красной армии и партизанского движения, издававшиеся почти всеми советскими республиками, многими областями и даже районами. В большинстве своем эти сборники состоят из кратких биографий и описаний заслуг и героических поступков; тексты обычно составлены журналистами или писателями, а иногда и профессиональными историками. Эти работы основаны не только на архивных материалах и документах, первоначально появившихся в прессе, но и на беседах и интервью с самими героями или членами их семей. Встречаются среди этих публикаций и статьи о выдающихся еврейских военных, родившихся или живших в том или ином регионе. Как правило, если герой был евреем, его национальность указывается; впрочем, правило это соблюдается не всегда. Эти сборники преследуют обычно три цели: увековечить память героев; воздать должное жителям региона за их вклад в войну с нацистскими захватчиками; подать пример молодому поколению. Сборники предоставляют довольно много информации о выдающихся еврейских бойцах.

Но и здесь почти никогда не рассматривается специфика мотивации бойца-еврея, и подвиг его описывается классическими советскими клише – смесью высокопарных фраз и напыщенных лозунгов. Кроме упоминания имени и национальности, еврейский боец изображается лишенным каких-либо существенных национальных связей и привязанностей, в отличие от других бойцов, национальная принадлежность которых не только обозначается указанием паспортных данных, но зачастую и особо подчеркивается.

⁹ Сравним две книги воспоминаний (И. Сацункевича и В. Агаджаняна), мы можем понять, насколько упоминание евреев в мемуарной литературе зависело от личности автора. Оба автора пишут о подполье и партизанском движении – в районе Минска (Сацункевич) и в окрестностях Могилева (Агаджанян). При этом Сацункевич почти полностью игнорирует роль евреев, Агаджанян же упоминает вклад евреев в войну с нацистами: И. Сацункевич, *Суровая быль*. Минск: Беларусь, 1969; В. Агаджанян, *Дороги партизанские*. Минск: Беларусь, 1979. Стоит отметить воспоминания А. Окоркова, который с любовью пишет о многих еврейских бойцах: А. Окорков, *Слово, ведущее в бой*. М.: Воениздат, 1980.

Таким образом, анализ основных категорий советских публикаций о советско-германской войне ясно указывает на тенденцию: преуменьшать роль евреев в войне и намеренно игнорировать борьбу евреев с нацистами. Напрашивается вопрос, в какой степени эта тенденция отражает общую установку советской историографии Второй мировой войны (установку, которая старается затушевать национальную проблематику), а в какой – ограничения, специфически связанные с упоминанием евреев.

Подход советской историографии к национальному происхождению бойцов Красной армии и участников партизанского движения во время Второй мировой войны неоднозначен. Желая подчеркнуть единство всех народов Советского Союза и показать, что все население страны несло тяжкое бремя войны в равной мере, историки и литераторы используют такие фразы, как «борьба советского народа», «война советских людей», «советские воины» и т. п. Действительно, именно в таком духе был выдержан ответ на обращение группы евреев в Институт истории Великой Отечественной войны при Министерстве обороны в сентябре 1976 года. В процессе подготовки к симпозиуму по еврейской культуре советские еврейские активисты обратились в это официальное учреждение с вопросом, изучает ли институт роль еврейского народа в войне с фашистской Германией. В устной беседе с организационной группой заместитель директора института Николай Шеховцов сообщил, что

...институт в своих публикациях информирует общественность об участии во Второй мировой войне всего советского народа и не выделяет при этом ни одну из национальностей, населяющих СССР¹⁰.

Ответ не противоречил истине, но он озвучивал только один аспект советской историографии. А ведь эта же историография (в самом широком смысле этого слова) считала своим долгом подчеркивать заслуги разных советских народов и их вклад в войну с нацистами. Выходили публикации, прославляющие роль народов каждой республики, каждой национальной области и т. п. Конечно, можно утверждать, что публикации эти основаны на

¹⁰ *Евреи и еврейский народ: Еврейский самиздат.* Вып. 15. Иерусалим: Еврейский университет, 1978. С. 36.

территориальном принципе, а не на этническом, но это утверждение не выдержит проверки фактами. Например, одна из глав трехтомной истории Украины во время Второй мировой войны носит название: «Вклад украинского народа в развертывание и укрепление Вооруженных сил СССР»¹¹. Немало научных статей посвящено участию представителей разных национальностей в войне¹², а роль киргизского¹³, белорусского¹⁴, армянского¹⁵ и других народов даже удостоилась особых книг. Грузинские историки превзошли всех, опубликовав труд о роли грузинского народа в освобождении Украины от гнета нацистского оккупанта. Отдельные главы этой книги посвящены участию грузинских бойцов в украинском партизанском движении, в освобождении Крыма и т. д.¹⁶ Все эти публикации основаны на национальном, а не территориальном подходе к обсуждаемой теме. Здесь ярко проявляется вторая тенденция советской историографии Второй мировой войны – подчеркивать вклад разных народов в войну с нацистами, и не по территориальному, а по национальному принципу.

Публикации такого рода подчеркивают преданность бойцов не только Советскому Союзу, но и своим национальным группам. Так, об украинских солдатах говорится, что они отличаются в боях, потому что хотят отомстить захватчикам за уничтожение культурных ценностей Украины, и т. п. Все намеки на подобные обоснования исчезают, как только речь заходит о солдатах-евреях. Отказ от обсуждения роли евреев в войне с нацистами, замалчивание борьбы евреев с нацизмом особенно заметны на фоне дуализма советской историографии.

¹¹ Назаренко, *Українська РСР*. С. 95–105. Отметим, что в русской версии того же издания глава носит название «Вклад Советской Украины в развертывание и укрепление Вооруженных сил СССР» (*прим. ред.*).

¹² См., например, статью: Я. Паўлаў, «Дапамога беларускага народа фронту летам 1941 г.» // *Весті Акадэміі навук БССР*. № 5. 1970. С. 114–123.

¹³ А. Казанский, *Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945 гг.* Фрунзе: Киргизгосиздат, 1954.

¹⁴ И. Кравченко, А. Залесский, *Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны*. Минск, 1959.

¹⁵ А. Мнацаканян, *Армянский народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Ереван, 1954.

¹⁶ И. Бабалашвили, *Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны*. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969.

Советская еврейская историография тоже предполагала служение общественным и воспитательным целям. Идея публикации документов и статей о службе евреев в Красной армии во время советско-германской войны впервые была вынесена на общественное обсуждение Ильей Эренбургом на втором пленуме Еврейского антифашистского комитета в феврале 1943 года. Такие публикации рассматривались как орудие пропаганды, направленное против антисемитских утверждений о том, что евреи избегают службы в боевых частях и уютно устраиваются в тылу¹⁷. Но уже к середине 1944 года стало понятно, что план этот неосуществим. Эренбург писал в своих воспоминаниях:

Летом [1944] Совинформбюро¹⁸ попросило меня написать обращение к американским евреям о зверствах гитлеровцев, о необходимости как можно скорее разбить третий рейх. Один из помощников А.С. Щербакова – Кондаков – забрал мой текст, сказал, что незачем упоминать о подвигах евреев, солдат Красной Армии: «Это бахвальство»¹⁹.

В контексте этой политики, очевидно, не было смысла обсуждать издание особой книги на русском языке – о роли, сыгранной евреями в действиях Красной армии.

И тем не менее еврейские общественные деятели делали все возможное, чтобы рассказать о доблести еврейских солдат хотя бы читателям-евреям. В 1943 году были опубликованы на идише три брошюры, посвященные евреям – Героям Советского Союза. Одна была составлена военным корреспондентом (и русским поэтом) Семеном Гудзенко и описывала подвиг Лейзера (Лазаря) Паперника, который сражался до последнего патрона, а когда боеприпасы кончились, взорвал себя вместе с немцами, пытавшимися взять его в плен²⁰. Вторая, принадлежавшая перу еврейского (писавшего на идише) писателя М. Хащеватского, рассказывала о Хаиме (Ефиме) Дыскине, который с одним орудием сумел остано-

¹⁷ "Tsveyter plenum fun Yidishn antifashistishn komitet in FSSR" // *Eynikayt*, March 15, 1943.

¹⁸ Советское информационное бюро, созданное в начале войны с нацистской Германией, отвечало за распространение официальной информации о военных действиях и за организацию пропаганды внутри СССР и за его пределами.

¹⁹ И. Эренбург, *Люди, годы, жизнь*. В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. С. 322.

²⁰ S. Gudzenko, *Held fun Sovetnfarband – Leyzer Papernik* (Moscow: Der emes, 1943).

вить немецкую танковую атаку²¹. Третья, авторства Рахили Ковнатор, говорила об Иосифе Маковском, танкисте, отличившемся во время советско-финской войны²². В 1944 году увидела свет брошюра русского писателя еврейского происхождения В. Каверина, посвященная командиру подводной лодки Израилю Фисановичу, который в 1944 году был удостоен звания Героя Советского Союза²³. В 1946 году еврейский (писавший на идише) поэт Самуил Персов выпустил брошюру о Моисее Хохлове, удостоенном звания Героя Советского Союза за успешное форсирование Днепра, а в 1947 году вышла в переводе на идиш брошюра А. Безыменского о Давиде Драгунском²⁴. В 1948 году, накануне ликвидации еврейской культуры в СССР, Р. Ковнатор опубликовала брошюру о знаменитой еврейской летчице Полине Гельман²⁵.

Эти семь брошюр были построены по одной схеме: они содержали краткую биографию героя и рассказы о подвиге, за который он был удостоен звания Героя Советского Союза. Когда речь в брошюрах заходила о мотивах героического поступка, мотивация описывалась клишированными советскими фразами: как ответ на варварство гитлеровцев или как проявление преданности Коммунистической партии и Советскому Союзу. В некоторых брошюрах встречаются расхожие советские фразы того времени, такие как «верный сын советского и еврейского народов» и др. Брошюры, опубликованные на идише и адресованные исключительно евреям, демонстрировали, что у евреев тоже есть свои военные герои, как и у других народов, однако авторы даже не пытались анализировать мотивы поведения этих героев. И все же спустя долгие годы, когда несколько брошюр были переведены на русский язык (то есть стали доступны нееврейским читателям), редкие и невнятные намеки на возможные особые мотивы бойцов-евреев были скрупулезно изъяты.

²¹ M. Khashtshevatski, *Khayim Diskin – der Held fun Sovetnfarband* (Moscow: Der emes, 1943).

²² R. Kovnator, *Der held fun Sovetnfarband – Yoysef Makovski* (Moscow: Der emes, 1943).

²³ V. Kaverin, *Der held fun Sovetnfarband – Yisroel Fisanovitch* (Moscow: Der emes, 1944).

²⁴ Sh. Persov, *Moishe Khokhlov – der Held fun Sovetnfarband* (Moscow: Der emes, 1946); A. Bezymenskii, *David Dragunski* (Moscow: Der emes, 1947).

²⁵ R. Kovnator, *Held fun Sovetnfarband, Polina Gelman* (Moscow: Der emes, 1948).

Брошюра Самуила Персова о Моисее Хохлове содержит описание случайной встречи в одном из освобожденных местечек.

В одном селе, когда минометчики сидели в крестьянской избе и с аппетитом ели борщ, вошел еврей. Осмотревшись, он медленно проговорил:

– Среди вас есть еврей?

– Сыны всех народов, – сказал Гейнутдинов, а Хохлов добавил:

– Я еврей.

Гость так обрадовался, как будто встретил собственного сына.

– Я местный, – сказал он на идише. – Евреи жили здесь с незапамятных времен, а теперь я один остался из еврейского местечка. Просто вышел из могилы.

Кто-то из бойцов бросил:

– Эй, ты говори так, чтоб понимали все.

Хохлов вкратце доложил, что сказал еврей, а Ефим Иванов добавил:

– Так что же ты стоишь? Сядь, возьми мою ложку.

Гейнутдинов подтолкнул к еврею кусок хлеба, а кто-то другой – миску с борщом. Еврей ел борщ, а из глаз его текли слезы и капали ему на бороду. Он вытер их рукой, как ребенок, и опять обратился к Хохлову:

– Откуда ты и как тебя звать?

– Моя фамилия Хохлов.

– Еврей, а фамилия Хохлов?

– Да, да, – сказал Хохлов, словно оправдываясь. – Я из Дубровно.

– Да, Дубровно, – еврей опять перешел на идиш. – Когда-то там делали замечательные талесы.

Прежде чем уйти, еврей пожал руку каждому солдату.

– Не забудьте, дети мои, отомстите им за невинную кровь...²⁶

Этот отрывок мог бы намекнуть на особые чувства еврейского воина – и был изъят из перевода на русский, появившегося в печати в 1959 г. Тенденция исключать при переводе на русский язык еврейские мотивы отличает не только конец 50-х годов и более поздние времена – она была широко распространена уже в 40-е годы.

Три книги, занимающие особое положение в советско-еврейской историографии, недвусмысленно посвящены борьбе евреев с нацизмом: книга Авраама Суцкевера о Вильнюсском гетто, целая глава которой рассказывает о борьбе в гетто и в лесах; книга

²⁶ См. брошюру Персова, упомянутую выше (прим. 24), а также его книгу: С. Персов, *Очерки о героях*. М., 1959.

М. Елина и Д. Гельперна о партизанах из Каунасского гетто; и книга Г. Смоляра о Минском гетто, где особое внимание уделено сопротивлению в гетто и участию евреев в партизанском движении²⁷.

В 1947 году под названием *Мстители гетто* вышел в свет перевод книги Смоляра на русский язык²⁸. Достаточно бегло сравнить два издания, чтобы увидеть, что в русском переводе многое сокращено или выпущено, причем иногда речь идет об издержках перевода, а иногда – о намеренном изменении текста. Так, например, в издании на идише сказано, что с одобрения партизан подполье, действовавшее в гетто, решило основать самостоятельные отряды – еврейские отряды; но в русской версии слова, указывающие на то, что отряды были именно еврейскими, опущены, туманная формулировка говорит лишь о неких «собственных партизанских отрядах»²⁹. В другом месте речь идет о попытке создать объединенный партизанский отряд, куда вошли бы 40 вооруженных бойцов из гетто и 30 белорусов-железнодорожников³⁰. Формирование отряда застопорилось, и белорусы вернулись в город. «А что было делать евреям?», – спрашивает автор, подразумевая, что они не могли вернуться в гетто, как вернулись в город белорусы-железнодорожники. Здесь автор намекает на особое положение еврейских бойцов, которые действовали в совершенно иных условиях, нежели их белорусские товарищи. В русской версии этот намек исчез, и акцент, подчеркивавший уникальность борьбы евреев с нацизмом, был притуплен. В другом месте Смоляр цитирует советского партизанского командира: «Евреи из гетто выделяются в моем отряде храбростью в бою»³¹. В русском переводе эти слова опущены – из опасения, что нееврейский читатель увидит в них «еврейское бахвальство».

Подобные примеры (свидетельствующие о существовании различий между текстами на русском и на идише) показывают, что уже в 40-е годы существовала тенденция не подчеркивать

²⁷ A. Sutskever, *Fun Vilner geto* (Moscow: Der emes, 1946); M. Yelin, D. Gelpner, *Partizaner fun Kaunaser geto*. (Moscow: Der emes, 1948); Hersh Smoliar, *Fun Minsker geto* (Moscow: Der emes, 1946).

²⁸ Г. Смоляр, *Мстители гетто*. М.: Дер эмес, 1947.

²⁹ Ср. с. 73 издания на идише и с. 56 издания на русском языке.

³⁰ Smoliar, *Fun Minsker geto*, p. 73.

³¹ *Ibid.*, p. 119.

чрезмерно – сверх заранее определенной меры – еврейскую войну, особенно в публикациях, предназначенных и для нееврейских читателей. Эта политика добросовестно реализована и в последней книге, посвященной борьбе евреев с нацизмом (опубликованной на русском языке накануне ликвидации Еврейского антифашистского комитета). Название книги – *Партизанская дружба: воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны*³² – говорит о намерениях публикаторов. Большая часть очерков в этом сборнике написана неевреями; возможные особые мотивы евреев-партизан не упомянуты ни словом. Напротив: акцент ставится на братской дружбе, которая связывала бойцов – евреев и неевреев – в партизанских отрядах. Несмотря на все ограничения и вынужденные оговорки, книга свидетельствует о намерении доказать, что евреи тоже сражались во время войны (и не менее самоотверженно, чем представители других народов СССР), и тем самым опровергнуть антисемитские обвинения. Советская еврейская историография даже такого рода – бедная по содержанию, скромная по тиражу и строго ограниченная даже в упоминании еврейской проблематики – перестала появляться после ликвидации еврейской культуры в СССР в конце 1948 г.

Тем не менее замалчивание борьбы евреев с нацизмом волновало многих евреев в Советском Союзе, особенно на фоне повторяющихся снова и снова заявлений о том, что евреи избегали военной службы во время войны. Некоторые искали пути выразить свои чувства; в качестве примера можно привести статью Якова Кантора, появившуюся в варшавской газете на идише «Фолкс-штиме», а также действия А. Приблуды и Я. Бергмана, которые опубликовали в «Советиш геймланд» полный (насколько это было возможно) список евреев – Героев Советского Союза³³.

Эмоциональная необходимость доказать неевреям (а может быть, прежде всего как раз евреям) Советского Союза, что евреи

³² *Партизанская дружба: воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны*. М.: ОГИЗ, 1948.

³³ Y. Kantor, "Yidn oif dem grestn un vikhtikstn front" // *Folks-Shtime*, April 18, 1963; а также: "Zei zainen der shtolts fun undzer folk" // *Folks-Shtime*, May 5–6, 1965; "Undzer heimland hot zei gekroint mit rum" // *Sovetish Heimland*, № 5 (1970), pp. 43–47. См. также *Sovetish Heimland*, № 8 (1970), p. 40.

внесли не менее (если не более) достойный вклад в войну с нацизмом, чем другие советские народы, чувствовалась и в кругах активистов еврейского национального движения в СССР. Поэтому неудивительно, что полулегальные еврейские публикации («самиздат») уделяют много внимания роли, сыгранной евреями – бойцами Красной армии во Второй мировой войне³⁴. Большая часть сообщений на эту тему перекочевала в еврейский самиздат из советских официальных источников и поэтому естественным образом сохраняет их стиль и дух. Такие материалы, как и официальные публикации, например в «Советиш геймланд», были призваны почтить память и подчеркнуть роль евреев в войне и выразить протест против замалчивания этой темы в советской историографии. Их, однако, невозможно отнести к аналитическим научным работам.

Поэтому есть основания утверждать, что советская еврейская историография, касающаяся борьбы евреев СССР с нацизмом, не продвинулась дальше своей начальной стадии. Первые же попытки затронуть эту тему в рамках общей советской историографии были пресечены в зародыше при ликвидации еврейской культуры. Однако огромный интерес многих евреев к этой проблематике остался неизменным, особенно в свете бесчисленных советских публикаций о героизме, проявленном во время войны, публикаций, в которых героизм евреев намеренно замалчивался.

У истоков западной историографии, посвященной борьбе евреев с нацизмом, особенно в рядах партизанского движения на аннексированных территориях, стояли историки, которые еще недавно сами держали в руках оружие. Их работы, основанные на личном опыте и случайных свидетельских показаниях, не лишены были политической тенденциозности. Наиболее заметна в этом ряду книга Моше Кагановича *Участие евреев в партизанском движении в Советской России*, опубликованная в 1948 году Исторической комиссией при Союзе еврейских партизан в Италии. С явными политическими целями автор привел выдержку из при-

³⁴ Публикации еврейского самиздата в СССР переснимались и переиздавались в Израиле. В серии сборников «Еврейский самиздат», которую выпускал Еврейский университет в Иерусалиме, например, вышли в свет следующие работы: «Евреи в борьбе против гитлеровской Германии» (Вып. 9. 1975); Г. Шапиро, «Очерки о евреях – Героях Советского Союза» (Вып. 14. 1978); В. Вагнер, «Евреи в войне 1941–1945 гг.» (Вып. 18. 1979. С. 7–26); «Евреи на Малой Земле» (Вып. 19. 1979).

каза, якобы подписанного Председателем Президиума Верховного Совета М.И. Калининым, где помимо прочего говорится:

Поскольку враг ведет себя варварски и зверски и поголовно уничтожает советских граждан еврейской национальности, я приказываю предоставлять им преимущество при эвакуации в отдаленные районы СССР³⁵.

Этот приказ, которого автор, цитирующий его, никогда не видел (как он сам признавался в более поздних изданиях своей книги)³⁶, почти наверняка был вымыслом в духе ожиданий той эпохи – и до сих пор напоминает нам, сколь осторожен должен быть историк, используя материалы такого рода.

Сменилось поколение, прежде чем западная историография, затрагивающая эту тему, начала принимать научную форму, но и тогда речь, как правило, шла о территориях, аннексированных Советским Союзом во время войны. Еврейские общины этих областей были ближе к общинам Польши и Румынии, чем к советскому еврейству. В этих общинах ощущались присутствие и влияние довоенных еврейских политических движений и организаций, хотя они были формально распущены во время короткого периода советского правления. Более того, независимый исследователь имел доступ к достаточно обширному материалу о еврейских бойцах на аннексированных территориях, тогда как СССР в старых (до 1939 года) границах оставался белым пятном на карте историографии.

Поэтому неудивительно, что ранние исследования борьбы евреев с нацизмом и участия евреев в войне Советского Союза

³⁵ М. Kaganovitch (Moshe Kahanovich), *Der yidisher onteil in der partizaner-bavegung fun Sovet-Rusland* (Rome: Tsentrale historishe komisiye beim Partizaner-Farband in Italiye, 1948), p. 188.

³⁶ Соломон Шварц усомнился в существовании такого приказа еще в 1951 г. (Solomon M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union* [Syracuse: Syracuse University Press, 1951], p. 221). В расширенном издании своей книги, вышедшем в Тель-Авиве в 1954 г., Каганович пишет: «Согласно свидетельствам евреев, находившихся в начале войны в России, в конце 1941 года Президиум Верховного Совета издал указ о предоставлении преимущества в эвакуации еврейскому населению из районов, находящихся под угрозой немецкого вторжения. Согласно этим свидетельствам, властям на местах было приказано предоставить для этой цели специальный транспорт. Тем не менее документ, подтверждающий эти заявления, никогда не был найден» (Moshe Kahanovich, *Milhemet ha-partizanim ha-yehudim be-Mizrah Eiropa* [Tel-Aviv: Einot, 1954], p. 202). Автор повторяет то же самое в издании этой книги на идише, которое увидело свет в Буэнос-Айресе в 1956 году (Т. 1. С. 270).

сфокусированы на этих территориях. В этом контексте стоит упомянуть работу Дова Левина, посвященную евреям стран Балтии³⁷, книгу Ицхака Арада о евреях Вильнюса³⁸, книгу Шалома Холавского о евреях Западной Белоруссии³⁹, а также исследование Шмуэля Спектора о еврейских общинах Волыни и другие⁴⁰. Во всех этих работах авторы, изучая интересующие их регионы, рассматривают основные проблемы борьбы евреев с нацизмом и участия евреев в войне Советского Союза. Их исследования базируются на обширном и разнообразном материале, которые они старались проверить и критически проанализировать. Таким образом, существует корпус исторических работ о роли евреев аннексированных Советским Союзом территорий в войне с нацистами. О евреях СССР в его границах до Второй мировой войны известно гораздо меньше.

Принимая во внимание скудость доступных исследователю материалов, многие ученые отказывались заниматься этим предметом. Первым, кто взялся исследовать роль евреев – военнослужащих Красной армии во Второй мировой войне, был Йосеф Гури, который предпринял серьезную и систематическую попытку свести воедино разрозненную информацию, прежде всего о евреях, удостоенных звания Героя Советского Союза и занимавших посты в советском командовании. За ним последовал Дов Левин, который глубже проанализировал собранные Гури данные⁴¹.

Волна иммиграции из СССР в Израиль в 70-х годах пробудила новый интерес к участию евреев СССР в борьбе с нацистами; и именно этому интересу мы обязаны двумя очень подробными

³⁷ Zvi A. Braun, Dov Levin, *Toldoteya shel mahteret: Ha-irgun ha-lohem shel Kovna be-Milhemet ha-olam ha-shniya* (Jerusalem: Yad Vashem, 1962); Dov Levin, *Lohamim ve-omdim al nafsham: milhemet yehudei Lita ba-nazim, 1941–1945* (Jerusalem: Yad Vashem, 1974); idem, *Im ha-gav el ha-kir: lehima shel yehudei Latvia ba-nazim, 1941–1945* (Jerusalem: Yad Vashem, 1988).

³⁸ Yizhak Arad, *Vilna ha-yehudit be-ma'avak u-ve-kilayon* (Jerusalem–Tel Aviv: Sifriyat Ha-Poalim, 1976).

³⁹ Shalom Cholawski, *Al neharot ha-Niemen ve-ha-Dniepr: Yehudei Bialorusiya ha-Maaravit be-Milhemet ha-olam ha-shniya* (Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1982).

⁴⁰ Shmuel Spector, *Shoat yehudei Vohlin* (Jerusalem: Yad Vashem, 1986), pp. 229–317.

⁴¹ Yosef Guri, "Yehudim ba-'Zava ha-Adom' be-Milhemet ha-olam ha-shniya" // Yehuda Sluzki, Mordekhai Kaplan (eds.), *Hayalim yehudiim bi-zvaot Eiropa* (Tel Aviv: Maarakhot, 1977), pp. 135–148; idem, "Yehudei Brit ha-Moazot ba-milhama neged Germaniya ha-nazit" // M. Mushkat (ed.), *Lohamim yehudim ba-milhama neged ha-nazim* (Tel Aviv:

исследованиями о евреях в Красной армии. Одно из них – книга Гершона Шапиро *Евреи – Герои Советского Союза*⁴²; второе – труд Арона Абрамовича *В решающей войне: участие и роль евреев СССР в войне против нацизма*⁴³.

Обе эти книги служат как увековечению памяти героев, так и образовательным целям, однако они отличаются друг от друга структурой и содержанием. Книга Шапиро состоит из очерков о евреях – Героях Советского Союза, отобранных из советских источников (некоторые из них ранее появились в СССР как полуполюгальные публикации). Со многих точек зрения эти статьи выдержаны в характерном для СССР стиле. Книга рассказывает о евреях, отличившихся в боях, но автор не касается специфики борьбы евреев с нацизмом, даже когда советские публикации, на которых он основывается, дают основание затронуть этот вопрос. Тем не менее благодаря богатому собранному материалу эта коллекция очерков вносит важный вклад в исследование вопроса.

Книга Абрамовича, представляющая собой начальный том предполагаемой большой публикации, стала первой попыткой нарисовать исчерпывающую картину той роли, которую сыграли евреи в Красной армии. Автор проделал огромную работу, разыскивая информацию о героическом поведении евреев на поле боя в десятках книг воспоминаний и в сотнях статей, появившихся в СССР. Собранные сведения о евреях он поместил в контекст боевых действий на разных фронтах и на разных стадиях войны. Абрамович сделал все возможное, чтобы найти имена евреев, и педантично отнесся к военным деталям и обстоятельствам. Его книга сообщает о сотнях актов героизма, совершенных еврейскими бойцами, и содержит имена сотен евреев, разбросанных по всему быстро перемещавшемуся фронту. Использование почти исключительно советских источников наложило свой отпечаток на стиль книги и придало ей некоторую ограниченность. Но несмотря на недостатки работа Абрамовича может служить импульсом к дальнейшим исследованиям.

Maarakhot, 1971), pp. 20–75; Dov Levin, "Uvdot ve-haarakhot al ha-yehudim ba-Zava ha-Adom be-Milhemet ha-Olam ha-Shniya" // *Masua*, vol. 10 (1982), pp. 79–105.

⁴² Г. Шапиро, *Евреи – Герои Советского Союза*. Тель-Авив: изд. Г. Шапиро, 1982.

⁴³ А. Абрамович, *В решающей войне: участие и роль евреев СССР в войне против нацизма*, Тель-Авив: Б. и., 1982. В 1992 году, когда эта статья была уже написана, вышел второй том книги А. Абрамовича (прим. ред.).

Из обзора советской, советско-еврейской и западной историографии следует, что тема борьбы евреев СССР с нацистами до сих пор не стала предметом тщательного и исчерпывающего исследования. Большинство опубликованных до настоящего времени работ так или иначе затрагивают проблему борьбы евреев, описывая участие евреев в боевых действиях на том или ином участке борьбы с нацистами. Но кардинальный вопрос – была ли эта борьба обусловлена специфически национальными факторами и мотивами, и если была, то в какой степени, иными словами, насколько правомочно говорить о борьбе евреев с нацизмом – остается открытым и ждет научного исследования, которое использует не только советские публикации, но и свидетельства тысяч людей, живущих среди нас и способных осветить множество вопросов с новых точек зрения.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как "Jewish Warfare and Participation of Jews in Combat in the Soviet Union as Reflected in Soviet and Western Historiography," in Yisrael Gutman, Gideon Greif, eds., *The Historiography of the Holocaust Period* (Jerusalem: Yad Vashem, 1988), pp. 167-185.*

Перевод с иврита Кати Гусаровой.

Марк (Меир) Дворжецкий

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЕВРЕЕВ НАЦИСТАМ

В последние годы в литературе, посвященной Холокосту, широко применяется понятие «противостояние». По своему охвату оно значительно шире таких терминов, как «восстание», «неповиновение» или «сопротивление». Речь идет о сопротивлении не только активном (будь то подпольная борьба, вооруженные выступления в гетто, партизанская деятельность, служба в регулярных армиях и т. д.), но и психологическом, моральном, духовном и культурном, о противостоянии как индивидуальном, так и массовом. Понятие «противостояние» охватывает все проявления еврейского нонконформизма, все формы сопротивления и все действия евреев в попытках сорвать преступные замыслы нацистов, стремившихся лишить евреев человеческого достоинства и превратить их в отбросы – а затем физически уничтожить¹.

Такой аспект еврейского противостояния нацистам, как вооруженная борьба, был в какой-то мере изучен. Однако незаметные на первый взгляд акты сопротивления, в которых главным образом и выражалось повседневное неповиновение отдельных людей и еврейской общины в целом во время Холокоста, все еще ожидают тщательного изучения. Под «актами сопротивления» мы подразумеваем проявления человечности со стороны обитателей гетто и узников лагерей – людей, которые в нечеловеческих условиях продолжали действовать в согласии со своей совестью.

Методы изучения повседневного противостояния евреев нацистам в гетто и концлагерях: еврейские источники

В своем исследовании мы будем использовать главным образом еврейские источники различных периодов, поскольку ли-

¹ Ивритское слово *amida* («противостояние») происходит от глагола *laamad* – «стоять». Этот корень используется для образования слов, означающих «стоять на своем» и «бороться против». В библейской конкорданции д-ра Соломона Манделькерна корень *amad* переведен латинскими словами *stare*, *adstare*, *resistere* и т. д. Например: «И никто из всех врагов их не устоял перед ними» (*Йехошуа* [*Иисус Навин*], 21:42); «...собраться и встать на защиту жизни своей» (*Эстер* [*Эсфирь*], 8:11), «Не устоит никто из них пред тобой» (*Йехошуа*, 10:8).

тература на иностранных языках, где затрагивалась бы эта тема, весьма скудна.

а) Дневники и письменные свидетельства периода Холокоста

До нас дошло гораздо больше свидетельств о моральной деградации обитателей гетто, чем об их духовной стойкости. Это вполне понятно: до Холокоста авторы таких свидетельств привыкли считать евреев человеколюбивым народом, который заботится о сиротах и вдовах, о страждущих и нуждающихся. Теперь же они внезапно столкнулись с проявлениями деградации, и незнакомая ранее сторона еврейской жизни глубоко удивила и озадачила их. Историк Варшавского гетто д-р Эммануэль Рингельблюм спрашивал себя: «В чем причина такого падения нравов?»² В своих записях он предъявляет обвинение еврейской полиции гетто, которая часто вела себя самым низким образом. Поэт Варшавского гетто Ицхак Каценельсон в своей «Тетради Виттеля»³ называет еврейских полицейских «позором рода человеческого», «отравленными душами» и т. д.

Однако даже в эти страшные времена многие стали свидетелями проявлений благородства. Д-р Рингельблюм старался отмечать такие случаи, когда речь шла об этической, культурной и экономической сферах и, разумеется, о подпольной деятельности. В своих письмах он посвятил немало страниц культурной деятельности как акту неповиновения со стороны еврейской интеллигенции – писателей, художников, учителей, актеров и т. д. – и участников еврейского подполья. Он не мог подробно описать все подобные случаи и лишь иногда отмечал самые поразительные. Поэтому в его работах часто встречаются только упоминания о событиях и людях, о которых он, видимо, планировал когда-нибудь рассказать подробнее: «Побег из поезда», «Еврей из малого гетто, схвативший немца за горло», «Еврей с [улицы] Налевки, который выхватил у украинца [-полицейского] винтовку и убежал», «Муж не хотел разлучаться с женой», «Дети пошли на

² Emmanuel Ringelblum, *Ksovim fun geto*, vol. II (Warsaw: Yiddish Bukh, 1963), p. 13.

³ Yitzhak Katzenelson, *Ktavim aharonim, 5700–5704* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuhad, 1956).

Умшлагплац [площадь в Варшавском гетто, где евреев собирали перед депортацией] вместе с родителями», и т. д.⁴

Десятки дневников и других письменных свидетельств из гетто уже были опубликованы, десятки (возможно, сотни) еще предстоит обнаружить в архивах. Хотя, как мы уже отметили, большинство из них содержит непропорционально много описаний низкого и подлого поведения людей, благодаря своей аутентичности они остаются важнейшими источниками, позволяющими узнать о противостоянии евреев нацистам в эти годы.

б) Воспоминания и статьи, написанные после Холокоста

После Холокоста были написаны сотни книг и воспоминаний и тысячи статей. Их авторы, как правило, все еще пребывали в состоянии шока от тех ужасов, которые они пережили или которым были свидетелями. Тем не менее они вспоминали благородные поступки и благородных людей. Эти проявления сопротивления и благородства часто упоминаются вскользь, мимоходом, – впрочем, именно это и говорит об их достоверности. Однако упоминания эти столь многочисленны – и столь разрозненны, – что следовало бы обратить самое пристальное внимание на этот пласт литературы, изобилующий свидетельствами стойкости и мужества евреев.

в) Свидетельства людей, переживших Холокост

Личные свидетельства обладают огромной ценностью. Большинству очевидцев – простым, бесхитростным людям – нет нужды что-то скрывать или, наоборот, нарочито подчеркивать. Вопрос о добрых поступках в гетто (актах солидарности с другими евреями, случаях взаимопомощи и т. д.) обычно застаёт их врасплох: ведь такие действия не требуют особого упоминания – это заурядные человеческие поступки, в довоенные времена совершенно естественные. Лишь когда очевидцы осознают исключительный характер добрых дел, преданности, солидарности и т. д. в страшных условиях того времени, они начинают вспоминать детали и имена, которых, казалось, не помнили вначале.

⁴ Ringelblum, *Ksovim fun geto*, vol. II, pp. 10–12.

Я прочел много сообщений очевидцев в Архиве Яд Вашем и в других архивах Холокоста. Все они содержат подробные описания пыток и депортаций в лагеря уничтожения – и ни единой детали, связанной с актами неповиновения. Когда я спрашивал свидетелей, что они помнят о еврейском духовном сопротивлении в гетто и лагерях, они обычно удивлялись: «Как, об этом тоже нужно писать в книгах по истории?» – и тут же начинали приводить один за другим примеры актов сопротивления и благородных поступков безымянных героев.

Разумеется, рассказы очевидцев – достаточно проблематичный источник сведений. Часто свидетели помнят только свое гетто или даже только то, что происходило в их собственной квартире. Иногда они приукрашивают и искажают события, о которых рассказывают. Иногда они воспринимают произошедшее чрезвычайно субъективно и в своих воспоминаниях преувеличивают как хорошее, так и дурное. Но как бы то ни было, они очевидцы, воспоминания их аутентичны. Чем больше личных свидетельств переживших Холокост людей о пребывании в гетто и лагерях мы соберем, тем ближе мы подойдем к исторической правде.

*Нееврейские источники, касающиеся стран,
которые пострадали от нацистов или сражались с нацистами*

Евреи относительно редко упоминаются в литературе о нацистской оккупации, подполье и концлагерях, если только речь не идет о текстах на идише или на иврите. Когда упоминаются евреи – члены подполья, их еврейство указывается далеко не всегда.

Это характерно не только для литературы России, Польши и других стран Восточной Европы, но и для западноевропейских источников. Все они замалчивают роль евреев в борьбе этих стран против нацизма – в рядах регулярных армий, в подполье или в партизанских группах. Подобное замалчивание объясняется прежде всего тем, что война против нацизма провозглашается войной всей страны, а потому не следует делить народ на большинство и меньшинство; кроме того, часто авторы просто не заинтересованы в подчеркивании роли еврейских повстанцев.

Возьмем в качестве примера Францию.

Множество евреев воевало в рядах французской армии, участвовало в борьбе «Сражающейся Франции» и в движении Со-

противления на оккупированной французской территории. Однако в обширной французской литературе о Второй мировой войне и во множестве документальных материалов очень редко упоминается национальность бойцов-евреев⁵.

Полное исследование о еврейском подполье во Франции все еще ждет своего часа. Сколько евреев знают о существовании подпольной организации «Еврейские скауты Франции» (*E.I.F. – Eclaireurs Israélites de France*), действовавшей в районе Монтань-Нуар на юге страны? Ее основателем был Робер Гамзон (Кастор), скончавшийся несколько лет назад в Израиле. Мы располагаем лишь поверхностной и фрагментарной информацией о «Еврейской армии» (*Armée Juive – A.J.*), позднее известной как «Еврейская боевая организация» (*Organisation Juive de Combat – O.J.C.*). Ее группы действовали в Париже, Лионе, Гренобле, Марселе, Лиможе, Ницце, Тулузе и т. д.

Книгу о евреях во французском подполье и о французском еврейском подполье еще предстоит написать⁶.

⁵ Евреи принимали активное участие в борьбе Франции против нацизма: например, Луи Коан, генерал саперных войск «Сражающейся Франции»; лейтенант Виктор Миркен, захвативший главную крепость на подступах к Тулону (он похоронен на еврейском кладбище в Витале); нобелевский лауреат Рене Кассен; Жан-Пьер Блок, член правительства «Свободной Франции», один из руководителей ее секретной службы, поддерживавшей связь с Сопротивлением; капитан Дрейфус Шмитт, бывший мэр Бельфора; Гастон Палевски и Жюль Мок, члены штаба де Голля.

Активно действовали во французском подполье Жорж Альтман и Жан-Пьер Леви, основатели движения сопротивления «Франтирёр»; Казнав (Жак Таяр), основатель подпольной сети «Электрон»; Даниэль Майер, издатель подпольной газеты социалистов «Попюлэр», участвовавший в 1943 году в создании Национального совета сопротивления; Марк Блок, командовавший объединенным подпольем в Лионе; полковник Жиль (Жозеф Эпштейн, родственник писателя И.-Л. Переца), один из видных командиров французского Сопротивления.

Евреи (1% общего населения Франции) составляли 6% (60 человек из 1000) кавалеров ордена Освобождения, учрежденного де Голлем во время войны.

В ноябре 1942 года союзные войска высадились в Алжире и захватили страну без единого выстрела благодаря подготовительной работе 400 подпольщиков, большинство из которых были евреями.

(На углах парижских улиц установлены специальные цветочные горшки, в которые по утрам ставят букеты свежих цветов. Рядом с каждым таким горшком находится мраморная мемориальная доска; выгравированная на ней надпись гласит: «Здесь пал герой Сопротивления... в борьбе за освобождение Парижа». Надписи не содержат указаний на национальность этих героев, и можно, разумеется, предположить, что все они были французами. Но однажды, проходя мимо этих досок, я насчитал 15 классических еврейских имен, таких как Абраам Коэн или Самуэль Мизрахи. Я спросил нескольких парижских евреев, однако они ничего не знали. Можно назвать этих людей неизвестными еврейскими героями французского Сопротивления.)

⁶ Автор не вполне справедлив. Уже во время публикации настоящей статьи такие ис-

Мы мало знаем о деятельности еврейских вооруженных подпольных групп во Франции и еще меньше – о повседневном противостоянии французских евреев нацистам. Разрозненные истории можно найти в еврейских периодических изданиях (на идише и на французском языке) и в свидетельствах очевидцев, переданных в Центр документации современного еврейства (*Centre de Documentation Juive Contemporaine – C.D.J.C.*).

Исследователям предстоит изучить материалы о Сопротивлении, хранящиеся во французских архивах, а также ознакомиться с сочинениями французских авторов-неевреев, особенно с работами о движении Сопротивления⁷.

В качестве второго примера возьмем Советский Союз, крупнейшую страну Восточной Европы. Целый пласт советской литературы, в основном на русском языке, посвящен партизанскому движению. Обычно речь идет о воспоминаниях бывших партизанских командиров. Национальное происхождение бойцов упоминается крайне редко; еще реже упоминается еврейское происхождение того или иного партизана. Удивительно смотрится на этом фоне книга под названием «Партизанская дружба» с подзаголовком «Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны». Тираж был напечатан, однако книга так и не поступила в продажу⁸.

ледования существовали. Достаточно назвать две работы: Anny Latour, *La Résistance juive en France, 1940–1944* (Paris: Stock, 1970) и David Diamant, *Les Juifs dans la Résistance française, 1940–1944* (Paris: Le Pavillon, 1971). Литература о еврейском сопротивлении во Франции во времена Холокоста весьма обширна. – *Прим. ред.*

⁷ Впечатляющее свидетельство о еврейской группе, названной в честь Марка Агно, можно найти в сборнике «Свидетельства из Страсбурга», в очерке Бёв-Мери, редактора газеты «Монд»; см. *Témoignages Strasbourgeois* (Paris: Société d'édition "Les belles lettres", 1947); в очерке перечислены имена многих членов страсбургского подполья, отправленных за свою деятельность в концентрационные лагеря. Среди них было много евреев (в частности, Леви Андре, Леви Клод, Леви Робер) – но об этом Бёв-Мери не упоминает.

⁸ В сборник «Партизанская дружба» вошли воспоминания о героических делах партизан-евреев, написанные 23 авторами, в основном неевреями – командирами партизанских отрядов. Книга была готова к публикации 9 октября 1948 года (эта дата указана на последней странице), однако она так и не поступила в продажу, поскольку тем временем в СССР началось уничтожение еврейской культуры и какие бы то ни было упоминания о мужестве евреев были запрещены. Сборник (в переводе на иврит) был включен в состав книги «Их было много» (*Heim hayu rabim*) под редакцией Биниамина Веста, изданной Отделом изучения русского еврейства при Архиве рабочего движения (Тель-Авив, 1968). Экземпляр «Партизанской дружбы» был получен из московской Библиотеки им. Ленина благодаря усилиям Биниамина Веста. В книге при-

Прочитав приведенные в сборнике рассказы о героизме евреев, мы спрашиваем себя: итак, эта книга не нашла пути к читателю; сколько еще подобных рассказов лежит вапёрти в советских архивах?

Нам известно, что в рядах Красной армии сражались около 500 000 евреев, причем очень многие из них были награждены орденами и медалями⁹. Около 120 евреев получили высшую советскую награду – звание Героя Советского Союза¹⁰. Большинство солдат Литовской дивизии были евреями¹¹. Даже еврейскому читателю редко оказываются известны эти факты. После войны евреев в Советской России часто спрашивали: «А вы где воевали, в Ташкенте?» (другими словами, «вы все были за тысячи километров от линии фронта, в «городе хлебном», вы все дезертиры»).

Поэтому еврейские историки обязаны изучить всю советскую литературу о Второй мировой войне, просмотреть каждую книгу, чтобы найти имена еврейских бойцов и сведения о духовном и моральном сопротивлении евреев Советского Союза.

Нацистские документы

Нам следует проявлять чрезвычайную осторожность при изучении нацистских документов¹². Например, приводимые там

ведены рассказы о подвигах еврейских бойцов – учителей, студентов, инженеров, врачей, подростков. В ней также рассказывается о «семейных лагерях» и о пользе, которую они принесли партизанским отрядам.

⁹ Согласно подсчетам советского еврейского исследователя Я. Кантора (на основании статистических данных Центрального музея Советской армии, опубликованных 1 апреля 1947 года), в Красной армии воевали 500 000 евреев, из которых 160 722 получили различные награды (см. также Y. Kantor, "Yidn oyf dem grestn un vikhtikstn front" // *Folksstime*, April 18, 1963).

¹⁰ Согласно данным, опубликованным в «Правде» 6 мая 1965 года, этого звания удостоились 107 евреев, однако, по сообщению Йосефа Гури (который приводит поименный список), их число составляло 120 (*Yediot Yad Vashem*, № 36 [1966]).

¹¹ Согласно некоторым оценкам, в момент создания Литовской дивизии евреи составляли 80% бойцов. См. статьи Й. Литвака в журнале *Gesher* (Tel Aviv: World Jewish Congress, 1960, 1966) и работы Д. Левина (см. также статью И. Арада в этом сборнике. – Прим. ред.).

¹² Известно письмо Гейдриха, в котором он приказывает объявлять карательные меры против евреев наказанием за преступления, совершенные еврейскими партизанами (письмо было написано в самом начале войны, 21 сентября 1939 года). Известно также, что немцы объясняли акции уничтожения евреев нападениями на немецких солдат. См. Mark (Meir) Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita ba-Meri u-va-Shoa*: Tel-Aviv: Miflegat poalei Erez Yisrael, 1951, pp. 37–42.

данные о численности еврейского подполья нередко оказываются преувеличены (дабы показать, что немецкой оккупации противятся в основном евреи). Иногда же, наоборот, составители документов преуменьшают эти цифры или вообще замалчивают существование еврейского вооруженного сопротивления или еврейского повстанческого движения. Однако даже в этих весьма сомнительных источниках можно найти примеры противостояния евреев нацистам, свидетельства мужества¹³ – примеры нападений на немецких полицейских¹⁴, героического поведения перед лицом смерти¹⁵ или пения на пути к месту казни¹⁶.

Значение сопоставления источников

Учитывая указанные выше факты, важно сопоставлять рассказы очевидцев с другими источниками (даже с сомнительными немецкими документами). Такое сравнение способно значительно приблизить нас к исторической правде. Приведем характерный пример.

После акции в Вильнюсском гетто, известной как «акция Каунас – Понары»¹⁷, в ходе которой 5000 евреев были отправлены из гетто в лес в Понарах (Паняряй) и убиты, по гетто распространились слухи о том, что евреи атаковали убийц и многим удалось бежать. Песня, звучавшая в Вильнюсском гетто в те дни, содержит следующие строки:

¹³ Шталекер сообщает о евреях Каунаса, которые вели активную партизанскую борьбу, и приводит примеры поджогов и диверсий, совершенных евреями Даугавпилса, – см. *Trials of the War Criminals before the Nuremberg Tribunals under Control Council Law No. 10*, vol. IV (Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1953), p. 161ff, doc. L-180.

¹⁴ *Ibid.*, p. 187, doc. NO-3279.

¹⁵ Свидетельство инженера Германа Гребе о массовой казни в окрестностях Ровно – см. L. Poliakov, J. Wulff (Hg.), *Das Dritte Reich und die Juden: Dokumente und Aufsätze*, S. 143–145, Dok. PS-2992.

¹⁶ Показания Олендорфа (*Trials*, vol. IV, p. 248).

¹⁷ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 352–360 (глава «Западня»).

(В апреле 1943 года немцы объявили о переселении части евреев из Вильнюсского гетто в Каунас, где «условия легче». Всех отобранных для переселения отвезли в Понары и там расстреляли. Многие из жертв, сумев бежать с места расстрела, вернулись в Вильнюсское гетто – так и возник слух об оказанном ими сопротивлении. Упоминаемая автором ниже песня пелась на мотив «Раскинулось море широко». – Прим. ред.).

*...И они поднялись, и взломали двери вагонов, / И побежали; / Они набросились на гестаповцев / И содрали с них мундиры, / И несколько немцев, искусанных и раненных евреями, / Остались там...*¹⁸

В 1965 году Литовский центральный государственный архив опубликовал на литовском языке сборник документов под названием «Массовые убийства в Литве (1941–1944 гг.)»¹⁹. В документе № 180 (с. 117) различимы отголоски побега большого числа евреев из Понар и схватки евреев с убийцами. Документ представляет собой отчет оберштурмфюреров Мюллера и Штютца о положении в Литве в апреле 1943 года. В мае 1943 года отчет был послан в Берлин. Вот отрывок из него:

...Во время расстрела один еврей напал на унтершарфюрера Вилла и дважды ударил его ножом в спину и один раз – в голову, ранив его. Он был доставлен в госпиталь в Вильнюсе... а около пятидесяти евреев бежали; один литовец из вспомогательной полиции был ранен; состояние его тяжелое.

В этом случае сопоставление источников помогло проверить и подтвердить факты.

Индивидуальное противостояние и противостояние общины

Нередко акты неповиновения или сопротивления отдельных лиц давали толчок к неповиновению или сопротивлению общины; бывало, однако, и так, что атмосфера в общине воздействовала на поведение индивидуумов. Не следует забывать, что в преддверии массового уничтожения евреев (то есть к 22 июня 1941 года) польское еврейство лишилось очень многих своих лидеров. Многие не смогли вернуться в Польшу после Сионистского конгресса 1939 года, который открылся перед самым началом войны. В конце 1939 и в начале 1940 года руководители многих еврейских партий и движений покинули Польшу (находившуюся теперь под властью Германии и Советского Союза), перейдя ли-

¹⁸ Ibid. На идише: «*Zey hobn gebrokhn di tir fun vagon / genumen aleyh makhn pleyte. / Zey hobn gevorf'n zikh oyf der gestapo / un zey di kleyder tserisn, / Geblibn iz lign lebn di yidn, / Etlekhe Daytshn tsebisn...*».

¹⁹ G. Erslavaite et al. (eds.), *Masinės žudynės Lietuvoje 1941–1944* (Vilnius: Mintis, 1965). Литовская версия представляет собой перевод с немецкого; оригинал находится в Литовском центральном государственном архиве (LCVA, f. 1399, ap. 1, b. 26, l. 55).

товскую границу в надежде уехать из Литвы в Страну Израиля или в другие страны. Советское же еврейство почти двадцатью годами ранее лишилось и общинной организации, и духовного руководства. Евреи стран Балтии утратили свои организации и руководство, когда русские захватили власть в июне 1940 года. Более того, когда немцы вторглись в Польшу, а затем в балтийские страны, их первой акцией стало убийство еврейской интеллигенции и раввинов²⁰, то есть всех тех, кто мог бы организовать сопротивление в гетто или хотя бы призвать к нему. Целые общины остались без лидеров, и каждый еврей должен был наедине со своей совестью решать, как вести себя в эти страшные времена.

Тем не менее из дневников, воспоминаний и свидетельств переживших Холокост людей следует, что евреи не были готовы покориться своей судьбе; все как один они считали нацистскую оккупацию временным явлением и верили, что немцы в конце концов получат по заслугам.

Общее настроение евреев в гетто остроумно выразил торговец часами из Вильнюса Ицхак Ааронович: «Налагаю вето на все это гетто» (*Ikh farleg mayn veto oyfn gantsn geto*)²¹.

Нонконформизм и надежда звучат во многих стихотворениях, сочиненных в период существования гетто. Ниже мы еще вернемся к этой теме.

Сохранение собственной индивидуальности

Одним из проявлений духовного сопротивления было стремление каждого человека остаться собой, «сохранить свою индивидуальность», «продолжить быть тем, кем был до гетто или концлагеря». Узники гетто чувствовали, что нацисты хотят растоптать их, лишит человеческих черт и индивидуальности. Они понимали, что евреи гетто интересуют немцев, только пока их можно использовать в качестве рабочей силы (*Arbeitsjuden*). Они понимали также, что само превращение обитателей гетто в «номера», лишённые имен и семей, автоматически означало уничтожение их личности.

²⁰ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 24–25; см. также другие мемориальные сборники, посвященные гетто. Немцы уничтожали не только еврейскую интеллигенцию, но и польскую.

²¹ *Ibid.*, p. 53.

Поэтому в гетто и лагерях евреи стремились во что бы то ни стало остаться собой. Учителя хотели оставаться учителями, портные – портными, сапожники – сапожниками. Учителя, инженеры и представители свободных профессий завидовали портным – ведь те могли продолжать работать по специальности в мастерских, могли продолжать быть собой!

Некоторые удивляются, узнав, что в гетто по-прежнему существовали многочисленные политические партии, хотя в сложившихся обстоятельствах их программы утратили всякий смысл. Возможно, в преданности избранной однажды идеологии проявлялось осознанное или неосознанное желание членов партий сохранить свою человеческую индивидуальность.

*Желание всей еврейской общины
поддерживать свою еврейскую идентичность*

Еврейская община как целое стремилась остаться собой – сохранить еврейскую идентичность и еврейский образ жизни в гетто и даже в лагерях.

Что такое «еврейский образ жизни»? Каждый интерпретировал это понятие по-своему. Для религиозных евреев вести еврейский образ жизни означало следовать религиозным заповедям и обычаям, невзирая на опасности и тяжкие лишения. Евреи, придерживавшиеся других убеждений, полагали необходимым соблюдать этические принципы и еврейские обычаи, привычные им с детства: праздновать *Песах*, *Рош ха-Шана*, *Йом-Кипур* и *Хануку*, помнить еврейскую историю, петь еврейские песни на идише и иврите, учить своих детей быть евреями (*Er zol zaun a yid!*), продолжать общинную деятельность – культурную (школы, всевозможные собрания) и социальную (помощь сиротам, вдовам, нуждающимся и голодным). «Быть евреем» в гетто означало «жить по совести». «Будьте евреями!» (*Zayd yidn!*) – говорили обитатели гетто полицейским. Это означало: «Поступайте справедливо и милосердно»²².

Отказ от возможности спастись

Иногда стойкость евреев в повседневной жизни проявлялась в отказе от возможности спастись в одиночку, оставив семью

²² Ibid., p. 99.

и близких. В литературе, посвященной Холокосту, мы встречаем множество примеров такого поведения. Отказ спастись в одиночку был продиктован чувством еврейской солидарности и вековыми традициями духовной стойкости перед лицом преследований. Дети отказывались оставлять своих родителей, мужа – жен, братья – сестер, члены движений и организаций – своих товарищей, учителя – своих учеников.

Отказ педагога Януша Корчака от предложенной ему возможности спастись, оставив своих воспитанников, и его готовность отправиться вместе с ними в лагерь уничтожения стали символом и примером. Однако он не единственный поступил подобным образом. Учителя, работавшие в его школе, пошли на смерть вместе с ним²³. В литературе о Холокосте описаны похожие случаи, произошедшие в других городах²⁴.

Такой же выбор совершили командующий восстанием в Белостокском гетто Мордехай Тененбойм²⁵ и один из лидеров восстания в Бендзине Фрумка Плотницка²⁶; такой выбор совершали раввины, которые не покидали свои общины на пути в лагерь уничтожения²⁷.

²³ Ringelblum, *Ksovim fun geto*, vol. II, p. 23; заголовок: «Мужественный поступок Корчака, Конинского и Яновской. Они не хотели бросать своих воспитанников». Рингельблюм пишет (р. 61), что перед отправкой в Трешлинку вместе с Корчаком во главе колонны детей шла его помощница, учительница Стефа Вильчинска. Рингельблюм цитирует слова Нахума Рембы (р. 215), секретаря Совета еврейской общины Варшавы, о том, что во главе одной группы шел Корчак, во главе другой – Вильчинска, во главе третьей – Бронятовска, а во главе четвертой – Штернфельд. Аарон Конинский возглавлял детское учебное заведение, расположенное в доме № 18 на улице Мыльной. Рингельблюм сообщает (р. 225), что Конинский тоже отправился со своими воспитанниками в Трешлинку.

²⁴ Например, учитель Тувья Корн, работавший в детском доме, не покинул своих воспитанников, когда ему стало известно о намеченной акции: «Я не покину их, чтобы спасти свою жизнь. Их судьба – моя судьба». И так он погиб вместе со своими детьми...» – см. Sh. Meltzer (ed.), *Sefer Horodenka* (Tel Aviv: Irgun zozei Horodenka ve-havsviva b-Yisrael u-ve-Arzoṭ ha-Brit, 1963), p. 214. Так вели себя и врачи – они тоже шли на смерть вместе со своими пациентами.

²⁵ В конце июля 1943 года Мордехай Тененбойм писал из Белостокского гетто своей сестре: «Если бы я очень того хотел... ценой моей чести и против моей воли мы бы могли еще увидеться. Но я этого не хочу. Нет такой необходимости. Наплевать!» – см. Mordekhai Tenenboim-Tamaroff, *Dapim min ha-dleka* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuḥad, 1948), p. 245.

²⁶ «...Фрумка решила остаться. Она не могла бежать, чтобы спасти себя, когда ее братья погибли у нее на глазах. Она отвергает любую возможность бегства. Она также отказывается от возможности бежать, используя сертификаты нейтральной страны...» – см. свидетельство Рени в Gilad Zerubavel (ed.), *Hanche ve-Frumka: Mikhtavim ve-divrei zikaron* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuḥad, 1945), p. 134.

²⁷ «...Очевидно, именно в этот момент сам раввин, рабби Михельсон, один из величайших раввинов Варшавы, решил, что остаться со своими соплеменниками-евреями,

Освящение Имени Божьего (*кидуш ха-Шем*)

Многие поколения евреев готовы были принять смерть «ради освящения Имени Божьего» (*кидуш ха-Шем*), но не поступиться своей верой. Согласно традиции, *кидуш ха-Шем* – дело свободного выбора; такое решение принимают, оказавшись перед дилеммой: жить, отказавшись от иудаизма, или сохранить преданность еврейской вере и умереть во имя освящения Имени Господа.

В гетто неоднократно вставал вопрос, следует ли считать смерть от руки немцев примером *кидуш ха-Шем*. В гетто не было свободного выбора. Нацисты не предлагали евреям жизнь в обмен на переход в другую религию. Евреи, отказавшиеся от иудаизма и принявшие христианство, были обречены самой кровью, текущей в их жилах, и их посылали в гетто и лагеря наравне с теми, кто сохранил верность еврейской традиции.

Ответ на этот вопрос дал Хилель Цейтлин, опираясь на мнение Маймонида: «Квинтэссенция мученичества – смерть вследствие своего еврейства»²⁸.

В гетто и лагерях евреи считали своих убитых соплеменников святыми мучениками, и о каждом убитом принято было говорить: «Он умер ради освящения Имени Божьего» (*Er iz avek oyf kidush ha-Shem*). Такое отношение заметно во всех памятных книгах²⁹.

Немцы лишили евреев выбора между преданностью своей вере и отказом от нее, но евреи оставили себе другой выбор: умереть

когда близится час их смерти, важнее, чем быть похороненным по еврейскому обычаю. Он занял место в колонне и вместе с остальными евреями пошел на Умшлагплац...» – см. Rahel Oyerbakh, *Be-huzot Varsha* (Tel Aviv: Am Oved, 1954). «...Полуголый, избитый и измученный, раввин [Слонима] стоял там вместе с тысячью двумястами членами своей общины... Он погиб первым, освящая Имя Божье. В жизни своей и в смерти своей...» – см. свидетельство д-ра Н. Каплинского в *Pinkas Slonim*, vol. II (Tel Aviv: Irgun olei Slonim b-Yisrael, 1964), p. 160.

²⁸ Д-р М. Ленский рассказывает, как он спросил Хилеля Цейтлина: «Можем ли мы увенчать венцом мученичества всех тех, кого отправили на смерть?» Цейтлин ответил: «Это давно уже было решено Рамбамом (традиционная аббревиатура полного имени Моисея Маймонида. – Прим. ред.): если тело убитого еврея было найдено на дороге, то следует считать его мучеником, ибо убили его потому, что он был евреем. Так постановил Рамбам. Таким образом, смысл мученичества заключается в гибели из-за своего еврейства. Поэтому еврей может получить корону мученика без необходимости в проверках...» – см. M. Lenski, *Hayei ha-yehudim be-geto Varsha: Zikaronot shel ha-rofe* (Jerusalem: Sifriyat ha-Shoa, 1961), p. 290.

²⁹ Еврейские памятные книги (*sifrei zikaron*), или книги поминовения (*sifrei yizkor*), издавались еврейскими землячествами (объединениями выходцев из определенного города или местности) для увековечения памяти уничтоженных еврейских общин. Эти

в отчаянии, утратив человеческий облик, – или отправиться на смерть спокойно, гордо, без слез и с достоинством, не унижаясь перед убийцами. Те, кого вели на смерть, видели в отказе от самоуничтожения возможность совершить *кидуш ха-Шем*. Во многих общинах евреи шли на казнь, завернувшись в молитвенные покрывала (галиты), со свитками Торы в руках и молитвой на устах. Таков был новый выбор, предложенный эпохой Холокоста: выбор между смертью в отречении и смертью с верой.

Так на пороге гибели, лежащей за пределами понимания, безмолвный героизм становился трагической, но возвышенной декларацией преданности вере отцов. Те, кто шел на смерть с молчаливым достоинством, словно говорили: «Хотя нас ведут на смерть против нашей воли, мы все же умрем с радостью и воодушевлением, не просто потому, что нам придется умереть, но потому, что мы готовы умереть». Готовность к смерти стала в гетто еще одним способом совершить *кидуш ха-Шем*³⁰. С точки зрения узников гетто, человек, своей смертью спасавший жизни других евреев, совершал *кидуш ха-Шем*.

Со временем понятие *кидуш ха-Шем* приобрело новые оттенки. Обитатели гетто говорили, что бойцы подполья, павшие при исполнении своего долга, погибли ради освящения Имени Господа, подразумевая, что они отдали жизнь во имя своих идеалов и чести еврейского народа. З.-Х. Калманович, который был очень далек от понимания того, чем занимается подполье, и выступал против взглядов Ицхака Виттенберга, так писал о нем 18 июля 1943 года³¹: «Этот юноша останется святым... да будет его па-

книги содержат иногда весьма ценные для историков сведения. – *Примеч. ред.*

³⁰ По свидетельству рабби Эфраима Ошри, когда 11 таммуза 5701 года (6 июля 1941 года) убийцы ворвались в помещение в Каунасе, где происходило совещание раввинов и глав ешив, рабби Эльханан Вассерман сказал присутствующим: «Мы должны помнить, что на самом деле мы идем освятить Имя Господа. Так поднимите же головы... мы теперь выполняем величайшую заповедь – заповедь об освящении Имени...» – см. Rabbi E. Oshri, *Hurban Lite* (New York: Ho-rav E. Oshri Bukh-Komitet, 1952). Согласно Л. Фейнгольду, учитель из Лодзи рабби Нехемья Альтер сказал собравшимся раввинам: «*Кидуш ха-Шем* не всегда совершается публично. Каждый должен совершать *кидуш ха-Шем* самым лучшим образом, как только может. Мы не должны унижаться перед гоями и повиноваться их приказам...» – см. L. Feingold, "Mi-gai ha-harega" // *Ha-zofe*, Kislev 13, 5706. Множество подобных свидетельств переживших Холокост людей см. в Mordechai Eliav (ed.), *Ani taamin: Eduyot al hayei hem u-motam shel anshei emuna bi-yemei ha-Shoa* (Jerusalem: Mosad ha-Rav Kuk, 1965).

³¹ Коммунист Ицик (Ицхак) Виттенберг был военным руководителем подпольной организации Вильнюсского гетто. 16 июля 1943 года он был арестован литовской поли-

мять благословенна...» Концепцию *кидуш ха-Шем* жители гетто связывали с еврейским героизмом, восхищаясь теми, кто выбирал своим уделом постоянную опасность и рисковал жизнью в борьбе с убийцами и гонителями еврейского народа.

Завершая этот раздел, я еще раз хочу подчеркнуть, что понятие *кидуш ха-Шем*, исполненное векового смысла, приобрело в эпоху гетто и лагерей дополнительное значение.

Освящение жизни

В эпоху гетто и лагерей возникло также новое понятие: «освящение жизни». Речь шла о том, что община в целом и каждый еврей в отдельности должны сделать все от них зависящее, чтобы помешать нацистам уничтожить евреев как общину и как индивидуумов. Рабби Ицхак Ниссенбаум объяснял:

*Пришло время освящения жизни (kidush ha-hayim), а не освящения Имени Господа смертью. В былые времена, когда враги требовали наших душ, евреи шли на мучение тела, совершая кидуш ха-Шем. Сегодня враг требует нашего тела, и потому обязанность еврея – защитить себя и сохранить свою жизнь*³².

Евреи часто говорили между собой о необходимости «блюсти заповедь, предписывающую жить», «назло врагу остаться в живых». Это было частью игры «назло врагу»: в прошлом враги хотели отнять у нас наши души, и мы отдавали им свою жизнь; сегодня враг хочет лишиться нас жизни, и мы защитим ее любой ценой.

В этом заключался корень желанья «пережить их» (*iberleben*). «Мойше, держись!» (*Moysh, halt zikh!*) – этот призыв держаться, невзирая на страдания, держаться, пока не придет час избавления, часто звучал в песнях гетто³³.

цией, но сумел бежать из-под стражи. Немцы объявили, что, если Виттенберг не сдастся полиции сам, все Вильнюсское гетто будет уничтожено. В гетто началась паника, многие евреи вызвались разыскать Виттенберга. Чувствуя, что гетто стоит на грани раскола и братоубийства, Виттенберг решил сдаться добровольно; во время ареста он принял цианистый калий. – *Прим. ред.*

³² «...И проникновенные слова рабби Ицхака Ниссенбаума пронеслись по гетто: “Пришло время освящения жизни, не освящения Имени Господа смертью”» – см. Nathan Eck, *Ha-toyim be-darkei ha-mavet* (Jerusalem: Yad Vashem, 1960), p. 37.

³³ См. раздел о песнях гетто.

Борьба за жизнь в условиях Холокоста проявлялась по-разному. В подвалах и на чердаках устраивали бункеры. Чтобы ускользнуть от убийц во время акций, строили целые подземные города. В гетто организовывали круглосуточные дежурства, чтобы оповещать о предстоящей опасности. В гетто тайком провозили еду; жителям раздавали одежду и обувь («Никто в гетто не должен ходить босиком»). Создавались организации взаимопомощи; велась борьба против голода; принимались меры для оказания помощи престарелым, детям и больным; люди пытались бежать через границу в Швейцарию, Испанию и т. д.

Упрямая готовность страдать, смотреть смерти в глаза, но не совершать самоубийств – такой путь избирало подавляющее большинство евреев в годы Холокоста. Д-р Рингельблюм пишет (с. 55): «...из 300 000 человек [которые были отправлены из Варшавского гетто в тогда еще неизвестный пункт назначения – Трешлинка] лишь несколько сотен покончили жизнь самоубийством. Люди – как простые евреи, так и подавляющее большинство интеллигенции – не сломались... Неопровержимым доказательством этого служит малое число самоубийств среди евреев Варшавы...»

Самоубийства

Из устных и письменных воспоминаний тех, кто пережил Холокост в Восточной Европе, следует, что самоубийства не были массовым явлением. Возможно, для восточноевропейских евреев разочарование в «цивилизованной Германии» оказалось не столь страшным: в отличие от евреев Западной Европы (среди которых самоубийств было много), они не были неотъемлемой частью этой цивилизации³⁴.

В некоторых случаях, однако, даже евреи Восточной Европы видели в самоубийстве проявление силы духа. Евреи Варшавского гетто считали самоубийство председателя юденрата Адама Черняка актом сопротивления и отказом сотрудничать с нацистами в отправке евреев в лагеря уничтожения. Точно так же

³⁴ В Терезиенштадте были зафиксированы 273 самоубийства и 211 попыток самоубийств. См. H.G. Adler, *Theresienstadt, 1941–1945: Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft* (Tübingen: J.C.B. Mohr), S. 528.

жители Вильнюсского гетто видели в самоубийстве Ицхака Виттенберга (уже сдавшись гестаповцам, он проглотил цианистый калий) решимость избежать унижительной смерти. Узники Аушвица никогда не судили своих братьев, бросавшихся на забор из колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения. Самоубийство предотвращало не только страдания, но и смерть в газовой камере. Лишь ничтожное меньшинство восточноевропейских евреев выбирало этот путь. Большинство предпочитало страдать, чтобы «жить и пережить врага» (*derlebn un iberlebn*).

Самопожертвование ради блага других людей

В те дни грань между самопожертвованием индивидуума ради блага многих и совершением *кидуш ха-Шем* становилась все менее отчетливой. Свидетельство тому можно найти во многих стихотворениях поэта Варшавского гетто Ицхака Каценельсона. В стихотворении «Песнь о Шломо Желиховском», написанном, вероятно, в 1942 году, его лирический герой говорит: «Счастливы мы, принявшие такую смерть. Потому что ради многих мы пожертвуем своими жизнями, и мы идем теперь совершить *кидуш ха-Шем...*»³⁵ В поэме Каценельсона о раввине из Радзина герой говорит: «Как рабби Акива... во имя Бога... О, если бы только я заслужил эту честь, ради моих евреев, ради Бога... О радость...» (*Vi Rabi Akiva... leman ha-Shem... ven ikh bin zoykhe tsu dem, far mayne yidn, far Got... aza glik...*)³⁶.

В номере подпольной газеты «Едиот», которую издавало в Варшавском гетто движение «Дрор», от 2 июля 1942 года говорится о Радзинском рабби: «Поступило сообщение об акте *кидуш ха-Шем*. Убийцы допрашивали молодого еврея о местонахождении Радзинского рабби. Чтобы спасти рабби, он указал на себя и был застрелен на месте...»³⁷ С точки зрения автора, отдать свою жизнь ради жизни другого человека означало совершить *кидуш ха-Шем*.

³⁵ Katzenelson, *Ktavim aharonim*, p. 54.

³⁶ *Ibid.*, p. 112.

³⁷ *Ibid.*, p. 451.

Искушение еврейского народа

Некоторые евреи верили, что, умирая ради своих товарищей-евреев, они приносят «искупительную жертву» во имя еврейского народа. Д-р Давид Вдовинский рассказал на процессе Эйхмана в Иерусалиме, что кантор Фишель Битер, погибший от рук украинцев, перед смертью воскликнул: «Я принимаю это с любовью, если я должен стать искупительной жертвой во имя еврейского народа...» Падая на землю, он кричал: «Я не чувствую боли, ибо я – искупительная жертва во имя еврейского народа...»³⁸ С. Кемплер сообщает в тель-авивском журнале «Решумот», что глава общины в Вижнице Циметбаум, которого повесили в вижницком лагере, воскликнул перед смертью: «Владыка мира, вот я предлагаю себя в жертву ради народа Твоего, Израиля. Пусть буду я последней жертвой и принесу искупление всему еврейскому народу...»³⁹ Д-р Мешулам Симха сообщает в «Памятной книге Косова»: «Говорят, когда они тащили нашего Гершеле Файера в могилу, весь в крови, он крикнул: «Да буду я искуплением всему еврейскому народу»⁴⁰. З.-Х. Калманович записал в своем дневнике 18 июля 1943 года: «...Их смерть – это искупление грехов целого поколения...»⁴¹

Моральная стойкость в повседневной жизни и в трудных нравственных ситуациях

С самого начала нацистской оккупации евреи ежедневно сталкивались с новыми моральными проблемами, вызванными к жизни реалиями Холокоста. Часто они не знали, как вести себя в незнакомых ситуациях.

Должны ли солдаты-евреи, оказавшиеся в лагерях для военнопленных, заявлять о своем еврействе и тем самым подвергать опасности свою жизнь, или следует скрывать свое происхождение

³⁸ Показания д-ра Д. Вдовинского см. в *Ha-mishpat shel Adolf Aikhman. Reshumot mishpat ha-yoez ha-mishpati shel Memshelet Yisrael neged Adolf Aikhman*, vol. 2 (Jerusalem: Misrad ha-mishpatim, 2003), p. 1130.

³⁹ Свидетельство С. Кемплера см. в *Reshumot*, vol. 2, № 3 (1947).

⁴⁰ *Sefer Kosov, Galiziya ha-Mizrahit* (Tel Aviv: Ha-Menora, 1964), p. 308.

⁴¹ *YIVO Bleter*, vol. 35 (1969), p. 74.

ние? Станет ли заявление «Я еврей» актом *кидуш ха-Шем*? Или, напротив, сокрытие еврейства будет актом освящения жизни?⁴²

С этой проблемой сталкивались многие евреи в Западной Европе, где до войны в документах не была предусмотрена графа «национальность», а во время немецкой оккупации всем жителям пришлось зарегистрироваться и указать свою национальную принадлежность. Что следовало делать в этой ситуации: в ущерб личному достоинству скрывать свое еврейство или с риском для жизни заявлять о своем еврейском происхождении?⁴³

Когда в гетто начали подделывать «арийские» документы, многие евреи задавались вопросом, не роняют ли они, скрываясь под христианским именем, честь еврейского народа, не бросают ли в беде своих еврейских братьев, – и не оскверняют ли Имя Бога (*хилуль ха-Шем*)⁴⁴.

В Вильнюсском гетто еврейские работники, в которых нуждались немцы, получали «сертификат жизни» (*Lebenschein*); в него можно было вписать жену и двух детей. Некоторые евреи при этом сталкивались с трагическим испытанием: что делать с третьим ребенком? Кого из детей выбрать? Бросая ребенка, разве не оказываются они соучастниками преступлений нацистов? Как поступать с матерями? Вписывать их в сертификат вместо жен, тем самым обрекая на смерть настоящих жен? Или, наоборот, следует вписать в сертификат жену и бросить мать? Иногда матери решали этот вопрос сами: они отказывались жить такой ценой⁴⁵.

С возникновением партизанского движения возможность уйти в леса предоставлялась только молодым людям, не обремененным семьей. Как им следовало поступать? Бросать свои семьи и присоединяться к партизанам или оставаться с семьями?

⁴² Marc (Meir) Dworzecki, "Shevi be-tokh shevi" // *Ha-haya*, № 552, Nov. 1, 1946.

⁴³ См. воспоминания французских евреев.

⁴⁴ Вначале многие не хотели использовать «арийские» документы. Позднее, однако, видели в них средство спасения и активно пользовались ими. На вопрос же о покупке свидетельств о крещении рабби Ошри дал следующий ответ: «Это запрещено... Это подпадает под заповедь, касающуюся освящения Имени Господа, в соответствии с указанным мною мнением Рамбама о том, что этот закон следует соблюдать любой ценой...» – см. R.E. Oshri, *Sefer divrei Efraim: Hidushei halakhot ve-biur sugiyot be-Sh"z*, (New York, 1949), p. 101, question 5 (приложение "Me-emek ha-bakha al yemei ha-zaam be-geto Kovna").

⁴⁵ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 97–98.

Иногда еврейские партизаны разрешали эту проблему, создавая «семейные лагеря» при партизанских отрядах⁴⁶. Перед таким же выбором оказывался каждый, кто получал возможность бежать из гетто. Пьеса «До ворот», написанная д-ром Исраэлем Димантманом в Вильнюсском гетто, посвящена этой трагической проблеме⁴⁷.

Как следовало вести себя в условиях «коллективной ответственности» в гетто, когда отсутствие одного жильца в доме во время патрульного обхода немцев грозило смертью всем его соседям? Можно ли было бежать из гетто в поисках спасения, бросив соседей на произвол судьбы, – или, наоборот, следовало оставаться в гетто и вместе со всеми ждать смерти или депортации?⁴⁸

И еще один вопрос: раздавая «сертификаты жизни» (в Вильнюсском гетто – желтые, в других гетто – других цветов), немцы словно чертили границу между жизнью и смертью, между теми, кто получил сертификат, и теми, кто не получил. Что следовало делать еврею из гетто? Отказаться от сертификата и тем самым бросить себя и свою семью на произвол судьбы – или принять его, осознавая, что тем, кто сертификата не получил, угрожают депортация и гибель?⁴⁹

Некоторые евреи, не получившие сертификатов, оказывались перед похожей дилеммой: вступить в ряды полиции гетто и тем самым обеспечить себе жизнь, пусть даже участвуя в поиске убежищ, то есть выдавая евреев немцам, – или не становиться полицейским и не иметь никакой защиты на случай акций?⁵⁰

Обитатели гетто и лагерей сталкивались с бесчисленными нравственными проблемами. Свидетельства, книги и дневники того периода показывают, что лишь немногие совершали аморальные поступки; в большинстве своем узники с честью выдержали страшный экзамен. Они не предавали своих товарищей,

⁴⁶ Moshe Kaganovich, *Der yidisher ont Eyl in der partizaner bavegung fun Sovet-Rusland* (Rome: Tsentrale historishe komisye bey m Partizaner Farband ph" h in Italie, 1948), pp. 147–148.

⁴⁷ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 237, 253.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 448.

⁴⁹ См. Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, p. 124, – о демонстрациях людей, не получивших сертификатов, которые кричали: «Пусть никто не берет желтый документ: или мы все будем жить, или все умрем!»

⁵⁰ Очень немногие из узников гетто поступали на службу в полицию.

не покупали спасение ценой предательства и не «продавали свои души дьяволу».

Моральная стойкость религиозных евреев

Решение о поголовном уничтожении касалось всех евреев. Однако немедленно после вторжения Германии в Польшу в 1939 году первыми жертвами издевательств и убийств стали ортодоксальные евреи, «с бородами и в лапсердаках». Именно на них нацистские убийцы прежде всего обратили свое внимание. Таким образом, соблюдение религиозных традиций и обычаев ставило жизнь человека под угрозу. Религиозные евреи, однако, прилагали все возможные усилия, чтобы вести традиционный образ жизни, даже если это означало подвергать свою жизнь опасности или даже умереть под пыткой⁵¹.

Их заставляли работать по субботам – но они все же зажигали субботние свечи⁵². Как в гетто, так и в лагерях предпринимались попытки праздновать Рош ха-Шана и Йом-Кипур; иногда удавалось заполучить *шофар* – рог, в который традиция велит трубить в Рош ха-Шана⁵⁴. Если позволяли условия, проводился пасхальный седер⁵⁵; зажигались ханукальные свечи⁵⁶; на Пурим в гетто читали свиток Эстер⁵⁷; по возможности соблюдались и заповеди праздника Суккот, например, произносилось благословение над этрогом⁵⁸. Утренние и вечерние молитвы читались индивидуально и в рамках *миньянов* (молитвенный кворум из

⁵¹ Подробнее см. в *Ani taamin*.

⁵² См. публикацию Батьи Эйзенштейн (*Davar*, Nisan 27 [5713]).

⁵³ См. показания Йосефа Клейнмана в *Ha-mishpat shel Adolf Aikhman*, vol. 2, p. 1036f.

⁵⁴ Rabbi Zvi-Hirsh Meizlish, *Sefer sheelot u-tshuvot mekadshai ha-Shem* (Chicago, 1955).

⁵⁵ I. Perlov (ed.), *Sefer Radom* (Tel Aviv: Irgun yozei Radom b-Yisrael ve-Ifuzot, 1961).

⁵⁶ Dov Sadan (ed.), *Ha-naar Moshe: Yomano shel Moshe Flinker* (Jerusalem: Yad Vashem, 1961). На рус. яз.: *Дневник Моше Флинкера*. Иерусалим: Амана, 1991.

⁵⁷ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 349–351.

⁵⁸ Yehoshua-Moshe Aharonson, *Sefer yeshuat Moshe* (Bnei Brak, 1959). Михал Вейхерт в своей книге рассказывает, как в сентябре 1941 года из организации «Джойнт» в Лиссабоне было получено 1800 этрогов (этрог, или цедрат, – цитрусовый плод, используемый в ритуале праздника Суккот. – Прим. ред.), и их распределили между всеми филиалами Еврейской общественной взаимопомощи; были также посланы деньги для нуждающихся. См. Michael Weichert, *Yidishe aleynhilf* (Tel Aviv: Menora, 1962).

десяти взрослых мужчин), иногда на ходу⁵⁹. Некоторые узники даже возлагали *тфилин* (филактерии)⁶⁰. Многие читали *Кадिश* (поминальную молитву)⁶¹ по своим родственникам, а некоторые накануне отправки в лагеря уничтожения произносили *Кадिश* по самим себе⁶². Умерших старались хоронить согласно еврейскому обычаю⁶³. В гетто и лагерях были и те, кто отказывался от любой пищи, кошерность (ритуальная пригодность к употреблению) которой вызывала сомнения⁶⁴.

В ожидании депортации евреи расспрашивали раввинов, какое благословение следует произносить тому, кто освящает Имя Господа⁶⁵. Девочки в Вильнюсском гетто носили с собой молитвенники, где на титульном листе было записано «благословение *кидуш ха-Шем*»⁶⁶. По некоторым свидетельствам, даже на краю зияющей ямы евреи объявляли, что продолжают верить в Создателя Вселенной⁶⁷.

Религиозные евреи задавались вопросами, связанными с соблюдением галахических предписаний в условиях того времени. В частности, они пытались решить: можно ли прятать детей среди неевреев (ведь если родители погибнут, дети могут усвоить христианские верования и образ жизни)? Можно ли подвергать опасности свою жизнь, открыто изучая Тору и читая молитвы?

⁵⁹ Mark (Meir) Dworzecki, "Al talmud Tora bi-ikufat ha-Shoa" // *Sefer ha-shana shel universitat Bar-Ilan* (Ramat Gan: Bar-Ilan University, 1967), p. 297.

⁶⁰ См. *Ani maamin*.

⁶¹ Согласно показаниям д-ра Давида Вдовинского на процессе Эйхмана, Ф. Битер перед повешением попросил его: «Я прошу Вас прочесть по мне *Кадिश*».

⁶² В Вильнюсском гетто, скрываясь в убежищах во время акций, многие читали *Кадिश* по самим себе (личное воспоминание автора).

⁶³ Eliezer Unger, *Zkhor: M-yimei kronot ha-mavet* (Tel Aviv: Masada, 1945).

⁶⁴ Y. Gutman, *Anashim ve-efer* (Merhaviya: Sifriyat ha-Poalim, 1957).

⁶⁵ Rabbi E. Oshri, *Sheelot u-tshuvot me-maamakim* (New York: [n.p.], 1963).

⁶⁶ Mark (Meir) Dworzecki, "Ha-hayim ha-datiim be-geto Vilna" // *Sinai*, vol. 48 (1960), pp. 118–119.

⁶⁷ Когда умирающего А. Крейзеля спросили, не поколебало ли его веру все то, что ему довелось увидеть, он ответил: «Нет! Моя вера в Провидение совершенна и безоговорочна» (*Sefer Kosuv*, p. 309). Рабби Шмуэль-Давид Унгер из словацкого города Нитра сказал своей общине в элуле 5704 года (в августе-сентябре 1944 года): «...Нам вне всяких сомнений ясно, что Святой, да будет Он благословен, – Властелин мира, и мы должны с любовью принять Его суд...» – см. *Ele ezkeru: Toldot kdoshei ta"sh-tash"h*, vol. 2 (New York: Ha-Makhon le-heker beayot ha-yahadut ha-haredit, 1957).

Можно ли в гетто готовить пищу по субботам? Можно ли есть немецкий суп (некошерный)?⁶⁸

Возникали и другие проблемы: следует ли читать Кадиш по людям, отправленным в «неизвестные места» (например, в Понары), как по умершим? Считается ли женщина, чей муж был отправлен в Понары, вдовой (то есть может ли она снова выйти замуж)?⁶⁹

Культурное сопротивление

Тех, кто не испытал на себе страшную реальность Холокоста, поражают продолжавшаяся в гетто культурная жизнь и проблемски культурной деятельности в лагерях. Так проявлялась духовная стойкость евреев. Во времена Холокоста цель каждого еврея, как мы уже говорили, заключалась в том, чтобы остаться в живых. В то же время евреи считали своим долгом оставаться евреями и не жалели усилий для того, чтобы и дети их сохранили еврейские традиции. Именно это упорство лежало в основе удивительной главы истории Холокоста – системы обучения детей. Литература, посвященная Холокосту, показывает, что в крупных гетто (в Варшаве, Вильнюсе, Каунасе, Лодзи, Белостоке, Шяуляе, Люблине и т. д.) действовали общеобразовательные и религиозные школы, ешивы (талмудические школы) и подпольные учебные кружки («комплеты»). Предпринимались попытки организовать высшие учебные заведения, вроде медицинской школы в Варшавском гетто и «университета» в Вильнюсском.

Школы организовывались не только в Польше и Литве, но и в Голландии. В 1941/1942 учебном году в Амстердаме действовали 27 школ; школы и другие виды небольших учебных заведений существовали в 36 других городах страны⁷⁰. Начальные школы были созданы в Терезиенштадте (Терезине)⁷¹. Во французском Алжире, находившемся под властью режима Виши, образовательные учреждения продолжали работать даже в 1940–1942

⁶⁸ R. Oshri, *Sheelot u-tshuvot*.

⁶⁹ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, p. 282.

⁷⁰ A. Bauminger, N. Blumental, Y. Kermish, *Ha-yeled ve-ha-naar ba-Shoah u-va-gvura* (Jerusalem: Kiryat Sefer, 1965). См. статью И. Мелькмана.

⁷¹ *Ibid.*, p. 67.

годах⁷². В Мункаче (Мукачево) действовала средняя школа, где преподавание велось на иврите⁷³. Даже в лагерях в лесах далекой Эстонии учителя (работавшие «бригадирами») ухитрялись обучать детей⁷⁴.

Культурные мероприятия проводились не только для детей и юношества, но и для взрослых. С этой целью в крупных гетто, например в Варшавском, Вильнюсском и Каунасском, действовали как «официальные», так и «подпольные» учреждения.

Показательны подобные мероприятия в Вильнюсском гетто. Общества учителей и врачей каждую пятницу организовывали вечерние лекции. Раз в неделю или две под эгидой Союза писателей и художников проводились культурные вечера, в том числе симпозиумы, посвященные Хаиму-Нахману Бялику, И.-Л. Перцу, Шолом-Алейхему и т. д. Большая читальня и библиотека размещались в доме № 6 по улице Страшуне. В честь выдачи столысячной книги был устроен праздник. В «Научном институте» («университете»), созданном при библиотеке гетто, были секции философии, лингвистики, общественных наук, естественных наук, математики, физики и химии. Для тех, кому предстояло отправиться в составе «рабочих групп» за пределы гетто, устраивались специальные собрания. Действовал оркестр; два хора исполняли песни на иврите и один на идише. Существовавший в гетто филиал Всемирного союза иврита проводил на иврите культурные мероприятия и основал театр на иврите, давший множество представлений пьесы Давида Пинского «Вечный жид». В театре на идише в 1942 году состоялось 120 представлений, и посетили их 38 000 человек⁷⁵.

Культурные учреждения работали ежедневно, даже во время депортаций в эстонские лагеря⁷⁶. Евреи гетто привыкли к труд-

⁷² Ibid., p. 96.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Об этом см. Mark (Meir) Dworzecki, *Mahanot ha-yehudim be-Estoniya 1942–1944* (Jerusalem: Yad Vashem, 1970), p. 263. Например, учитель Реувен Харт из Вильнюса был в лагере Эреда бригадиром колонны подростков-лесорубов; в лесу, в минуты отдыха, он готовил детей к церемонии религиозного совершеннолетия – бар-мицвы.

⁷⁵ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, pp. 215–285 (глава «Духовная жизнь в Вильнюсском гетто»).

⁷⁶ Депортации евреев Вильнюсского и Каунасского гетто в лагеря принудительного труда в Эстонии состоялись в августе–сентябре 1943 года; см. статью А. Вейсс-Вендта в настоящем сборнике. – Прим. ред.

ностям и не боялись отправки в Эстонию, куда, как они думали, их посылают только для работы. Многие накануне депортации ходили в театр в последний раз. Об этом поется в песне, которую сочинили в гетто в те дни: «Сегодня вы слышите симфонию, / А завтра вы уже в Эстонии»⁷⁷. О посещении театра в гетто говорили: «Нужно проветривать свои горести» (*Me darf durkhluftern dem tsar*).

Борьба против замалчивания зверств

Многие жители гетто старались вести записи о творившихся в те дни гонениях, зверствах и убийствах. Они опасались, что с исчезновением еврейского народа из Европы исчезнет и память о его борьбе и гибели. Поэтому многие записывали то, что они знали, видели или слышали, и прятали свои записи в банках, бутылках и т. д. Они ощущали насущную потребность оставить письменное свидетельство⁷⁸.

В гетто и даже в лагерях уничтожения многие вели дневники – учителя, писатели, журналисты, простые рабочие и дети. Некоторые из этих дневников (в частности, Хаима А. Каплана и д-ра Эммануэля Рингельблюма из Варшавского гетто, З.-Х. Калмановича и Г. Крука из Вильнюсского гетто, Юстины Давидсон-Дренгер из гетто Кракова и Адама Чернякова) были опубликованы.

В печати появились и дневники детей: «Дневник мальчика Моше Флинкера» (Брюссель), «Дневник Анны Франк» (Амстердам), дневник мальчика Рудашевского (Вильнюсское гетто), дневники Давида Сераковяка (Лодзинское гетто) и Давида Рубиновича (польское местечко) и дневник Сары Фишбейн, напечатанный в «Памятной книге Рубежевичей».

⁷⁷ Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*.

⁷⁸ В гетто бытовала легенда о том, что историк Шимон Дубнов воскликнул перед смертью: «Пишите, записывайте» (*Shreybt un farshreybt!*). Г. Крук пишет на четвертой странице своего дневника: «Сегодня я взял перо, чтобы записать, что происходит в городе... Да обретет мой дневник глаза и уши, да служит он зеркалом и совестью этой великой катастрофы, этих трудных дней...». З.-Х. Калманович открывает свой дневник такими словами: «Сегодня, ровно через год после начала последней войны, я приступаю к записи своих воспоминаний о прошедших днях. Жаль, что я не нашел в себе душевных сил делать записи по свежим следам – я дрожал от страха, что мой дневник увидят те, кому его видеть не следует. Кто не знал страха, кто не боялся подвергнуть свою жизнь опасности – сумеет сохранить для грядущих поколений историю того, что выпало на нашу долю...»

В некоторых гетто специальные организации собирали материалы о еврейской катастрофе. Например, документы, собранные в свое время в Вильнюсском гетто, хранятся сегодня в Архиве Яд Вашем и в Бейт лохамей ха-гетаот, в институтах ЙИВО и «Морешет»; в Белостокском гетто был сформирован так называемый архив Мерсика. Во Франции во время войны Исаак Шнеерсон создал институт, который сегодня называется Центром документации современного еврейства.

Крупнейший из созданных в гетто архивов – архив Эммануэля Рингельблюма – возник в Варшавском гетто, замаскированный безобидным названием «Онег шабат». Без этого архива наша информация о том, что пережило польское еврейство в годы Холокоста, была бы безнадежно недостаточна. Этот архив был найден в Варшаве⁷⁹. К счастью, мы располагаем многочисленными копиями собранных в нем материалов: не удастся ни скрыть историю еврейского сопротивления в гетто, ни умолчать о том, как неевреи вели себя по отношению к своим соседям-евреям в тяжелые годы. Рингельблюм так определил миссию «Онег шабат» в своих сочинениях: «...“Онег шабат” был братским союзом, орденом братьев, которые выбрали своими принципами готовность к самопожертвованию, взаимную верность и служение обществу»⁸⁰.

Песни гетто – проявление духовной стойкости узников гетто и лагерей

Особое место в корпусе литературных произведений, созданных в годы Холокоста, занимают песни гетто и лагерей. В них отразились мысли, надежды и отчаяние еврейского народа, в них звучал призыв к мести. Песни быстро превратились в неотъемлемую часть жизни гетто. Узники пели их на работе и в минуты отдыха. Они превращали разрозненных людей в общину. Иногда песни обретали популярность за несколько дней, поразительным образом преодолевая стены и заборы, и переходили из гетто в гет-

⁷⁹ Архив Рингельблюма (архив «Онег шабат») был помещен в три больших молочных бидона и в металлические ящики и зарыт в трех разных местах в Варшавском гетто. Первая часть архива была обнаружена в 1946 году, вторая – в 1950, третья часть не найдена до сих пор. – *Прим. ред.*

⁸⁰ Ringelblum, *Ksovim fun geto*.

то, из лагеря в лагерь. Так произошло с песнями «Не говори, что ты идешь в последний путь» и «Наше местечко горит» (*Es brent, briderlekh, es brent!*), – последняя песня, хотя и была написана в 1938 году, стала своего рода гимном гетто.

Песни поддерживали дух людей в самые страшные минуты. Евреи из Вильнюсского гетто, которых везли на поезде в неизвестном направлении (как выяснилось позже, в Эстонию), внезапно начали петь «Не говори, что ты идешь в последний путь». Перед дверьми газовых камер евреи пели «Я верю» (*Ani maamin*).

Чаще всего в песнях звучали отказ смириться со своей судьбой и уверенность в скором конце Гитлера и его режима⁸¹. Песни выражали упорство («назло всему») и надежду («Мы, верящие в это чудо, знаем, что оно придет...»)⁸². Песни говорили: «Держись!»⁸³, «последний час близится»⁸⁴, «может быть завтра, конечно, завтра, вновь взойдет солнце»⁸⁵, «из маленькой веточки вырастет новое дерево»⁸⁶, «зло исчезнет»⁸⁷. Каждая из них по-своему выражала веру в грядущее избавление. Одни призывали к мести, звали уйти в леса⁸⁸. Другие провозглашали: «Избавление Господне все еще скрыто, / Но завтра оно станет явным»⁸⁹.

⁸¹ Sh. Katsherginski, *Lider fun di gettos un di lagern* (New York: Tsiko, 1948), p. 324: “*Lomir zayn freylekh un zogn zikh vitsn / Mir veln nokh Hitlern shive zitsn*” («Давайте радоваться и рассказывать друг другу шутки, / Мы еще устроим поминки по Гитлеру...»). Автор неизвестен.

⁸² Ibid., p. 350: “*Mir zaynen di gloyber / In oto dem tsoyber / Mir veysn oyf zikher: er kumt!*” Автор – С. Бройдо.

⁸³ Ibid., p. 300: “*Moyshe halt zikh, Moyshe halt zikh!.. Gedenk men ver aroys*” («Держись, Мойше, держись, Мойше; помни – наше освобождение близится»). Автор – С. Бройдо.

⁸⁴ Ibid., p. 354: “*Es shlogt di sho... s’kumen neye tsayten*” («Час близится... новые времена грядут»). Автор: С. Бройдо.

⁸⁵ Ibid., p. 78: “*S’ken zayn as morgen, s’iz zikher as morgen / vet oypsheyne di zun oyf dos ney...*” («Может быть, завтра, – конечно, завтра! – вновь взойдет солнце»). Автор – Л. Опескин.

⁸⁶ Ibid., p. 28: “*Er vet mir haynt brengen / a frishinkn tsveygl / mit bletelekh grininke sheyn ... un s’vet zikh fun a tsveygl tseblien a boym*” («Сегодня он принес мне свежую веточку с ярко-зелеными листьями, и веточка прорастет и превратится в дерево»). Автор – С. Бройдо.

⁸⁷ “*Froyen, s’veln farshvinden beyze shoen... / s’vet a treyst far undz nokh zayn*” («Женщины, злые времена скоро пройдут, будет нам утешение»). Автор – С. Бройдо.

⁸⁸ Katsherginski, *Lider fun di gettos...*, pp. 297–357 (особенно раздел «Контратака»).

⁸⁹ Moshe Prager (ed.), *Min ha-mezar karati: Shirei ha-getaot, mahanot heabdut, hazerot ha-mavet, ha-partizanim, ha-nakam ve-ha-rakuv* (Jerusalem: Mosad ha-Rav Kuk, 1955): “*Di hilf fun Got vos iz nokh farborgn, veln mir zen ersht morgen...*” («Избавление Господне, которое еще скрыто, – / Мы увидим его только завтра»). Автор неизвестен.

В этом контексте становится понятной магическая сила песни, написанной в Варшавском гетто на слова двенадцатого из тринадцати принципов веры Маймонида: «Я верю полной верой в приход Мессии, и даже если он замешкается, я все же буду каждый день ждать его прихода». Евреи гетто повторяли слова «Я верю», заявляя таким образом о своей вере в приход Избавителя. Как бывший узник гетто и лагеря, я могу засвидетельствовать, что эту песню пели не только религиозные евреи, но все, кто находился в заключении и не хотел сдаваться. Когда весь мир, казалось, погрузился в пучину кровопролития и отчаяния, слова этой песни выражали отказ евреев смириться с судьбой и веру в приход Избавителя. Я хорошо помню песню на иврите, служившую антитезой нацистскому насилию: «Люби своего ближнего как самого себя – таково великое правило Торы» (*Ve-ahavta le-reakha kamokha – ze klal gadol ba-Tora*). Как будто бросаю прямой вызов торжествующему расизму, дети гетто пели: «Все люди братья» (*Ale mentshn zaynen brider*).

В гетто эти песни называли «песнями, которые поют» (*gezungene lider*); их мелодии и размер легко западали в память и так хорошо выражали настроения узников гетто и лагерей, что люди забывали, кто сочинил их, и они становились «народными».

Другие лирические стихотворения и песни, написанные талантливыми поэтами, звучали на немногочисленных собраниях. Читая их сегодня, мы можем только восхищаться духовной стойкостью узников гетто. Дух противостояния евреям нацистам во времена Холокоста лучше всего отразил поэт Варшавского гетто Ицхак Каценельсон. В «Песни о Шломо Желиховском» он изображает «неизвестного жителя гетто», «героя забытой еврейской деревушки», который называет гибнущих «доблестными евреями» (*likhtike yidn*).

Побеги из центров уничтожения, гетто, транспортов и лагерей

История евреев, сражавшихся с нацистами в регулярных армиях (около 1 500 000 человек), и участие евреев в подпольных движениях сопротивления и в партизанских движениях в странах Европы выходят за рамки настоящей статьи. Этим темам следует посвятить отдельные труды. Здесь же я хочу подчеркнуть необходимость всестороннего изучения побегов. Многим евреям удавалось бежать с места казней, из гетто, из транспортов (вы-

прыгнув из поезда) и из лагерей. Евреи бежали из Трешлинка, из Аушвица и других лагерей уничтожения, где они были окружены колючей проволокой под напряжением. В моем распоряжении находится список евреев, которым удалось бежать из Освенцима: в нем больше 80 имен. История побегов, которые тоже были формой еврейского сопротивления в оккупированных нацистами странах, все еще не получила должного внимания.

Стойкость еврейских детей

Недостаточно изучены стойкость и борьба еврейских детей, на долю которых в годы Холокоста выпали самые страшные испытания. Дети играли ведущую роль в осуществлении контрабанды в Варшавском и других гетто. Другими словами, именно они были солдатами в безнадежной битве гетто – битве с голодом.

О судьбе детей рассказывается в стихотворении «Маленький контрабандист»: «...Голод сделал меня смелым и упрямым... Я поставлю свою жизнь на карту... и если достигнет меня рука судьбы... уличная пыль будет мне могилой...»⁹⁰ Стихотворение «Я Исраэлик, мальчик из гетто» повествует о судьбе сирот в гетто⁹¹. Мысли и чаяния детей гетто описываются в стихотворении о Мойшеле: «Там, снаружи, цветет цветок, / Между оградами гетто он говорит мне: / “Мойшеле, почему ты все еще там? Иди ко мне, иди”»⁹².

Солидарность, взаимная помощь и добрые дела неизвестных людей

И в исторических трудах, посвященных Холокосту, и в воспоминаниях, свидетельствах и мемориальных альбомах основное внимание всегда уделялось зверствам нацистов и страданиям евреев. Упоминались случаи удивительной стойкости перед лицом испытаний и на пути к смерти. Пережившие Холокост вспоминают примеры исключительного героизма, однако не всегда осознают, что следует рассказывать и о том, как вели себя в гетто и лагерях простые евреи. Поэтому мы должны уделить внимание

⁹⁰ Yizhak Zukerman, Moshe Basok (eds.), *Sefer milhamot ha-getaot* (Tel Aviv: Ha-Kibuz Ha-Meuhad, 1954), p. 90.

⁹¹ Katsherginski, *Lider fun di gettos...*, p. 106.

⁹² Dworzecki, *Yerushalayim de-Lita*, p. 232.

повседневному поведению «обычных» людей и их отношениям с товарищами-узниками.

Нацисты стремились лишить евреев человеческого облика, сломить их дух, уничтожить характер, истребить нормальные человеческие чувства и превратить их в существа, готовые предать товарищей ради куска хлеба. Поэтому сопротивление безмян-ных масс следует видеть в проявлениях человечности, солидарности, взаимопомощи, самопожертвования и во всех тех поступках, которые принято называть «добрыми делами». Такие добрые дела не всегда очевидны. Кто из выживших вспомнит, что, когда он голодал, товарищ отдал ему свой кусок хлеба или миску супа, вскипятил для него воду или просто утешил и поддержал его добрым словом?

Собирая материал для своей работы о концентрационных лагерях для евреев в Эстонии, я вычленил все детали, которые можно было найти в 150 свидетельских показаниях, и самостоятельно записал 30 свидетельств, рассказывавших о таких повседневных добрых делах.

*Изучение стойкости евреев в повседневной жизни
в годы Холокоста*

Изучая историю народа в какой-либо период времени, мы стремимся понять, каковы были существенные черты всех социальных слоев этого народа в описываемый период и каковы были его действия, поступки, надежды и мечты. Возможно, так мы неосознанно пытаемся угадать, каким этот народ станет в будущем, какое наследие достанется следующему поколению.

Хершке Глик, молодой поэт гетто, писал, что «посреди рушащихся стен весь народ пел» песню гетто. Он добавил: «Пусть же эта песня станет девизом грядущих эпох».

Еврейские массы продолжали древнюю традицию противостояния врагу и солидарности с гонимыми. Стойкость евреев в повседневной жизни – во всех ее проявлениях и в каждой стране – заслуживает самого тщательного изучения.

Впервые опубликовано по-английски как "The Day-to-Day Stand of the Jews" in Yisrael Gutman, Livia Rothkirchen, eds., The Catastrophe of European Jewry: Antecedents, History, Reflections (Jerusalem: Yad Vashem, 1976), pp. 367-399.

Перевод с английского Бенциона Дымерского.

Белла Гуттерман

ЕВРЕИ ПОД НАЧАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ ТОДТА
НА ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ
(ОКТАБРЬ 1941 – МАРТ 1942 ГОДА)

Опечатанные вагоны немецких поездов стали леденящим душу символом времен Холокоста. Стук колес все еще отдается эхом в ушах выживших, и вид опечатанных товарных вагонов, торопящихся на восток в лагерь смерти, врезался в коллективную память. В то же время немецкая железная дорога оказалась источником серьезных проблем, с которыми столкнулись немцы в ходе операции «Барбаросса» – и за решение которых заплатила страшную цену небольшая группа еврейской молодежи.

Эта странная история, второстепенная подробность в рамках общей исторической картины, до сих пор не становилась объектом исследования. Поразительный факт: группа еврейской молодежи из восточной Верхней Силезии – узники лагерей принудительного труда для евреев, принадлежавших организации Шмельта¹, – была под видом немецких рабочих организации Тодта² отправлена на восстановление сети железных дорог в СССР.

¹ Организация Шмельта (*Organisation Schmelt*, ОШ) была создана Гиммлером как самостоятельная структура, подчиненная непосредственно ему. Официально организация называлась «Службой особого уполномоченного рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции по использованию инонациональной рабочей силы в Верхней Силезии» (*Dienststelle des Sonderbeauftragten des RFSS und Chef der Deutschen Polizei für fremdvölkischen Arbeitseinsatz in Oberschlesien*). Как правило, немцы предпочитали сокращать это название до слов «организация Шмельта», – по имени офицера СС и полиции бригадфюрера Альбрехта Шмельта, поставленного во главе организации. Евреи восточной Верхней Силезии не знали Шмельта. Они сталкивались только с чиновниками среднего звена – в основном с Генрихом Линднером, Геншильдом и Кноллем, и поэтому называли ведомство, использовавшее их труд в гетто и содержащее их в рабочих лагерях, «Особым» – «Дер зондер» (*Der Sonder*). Вольф Грунер считает, что по крайней мере часть таких лагерей возникла еще до создания организации Шмельта; возможно, они были переданы под ее ответственность. Не все существовавшие лагеря были подчинены организации. Грунер предполагает, что несколько лагерей, возникших осенью 1940 года, относились к дорожному управлению Рейха – Рейхсавтобану (*Reichsautobahn*), на проектах которого к концу 1941 года были заняты принудительным трудом около 8000 евреев. См. Wolf Gruner, "Juden bauen die 'Straßen des Führers', Zwangsarbeit und Zwangsarbeitslager für nichtdeutsche Juden im Altreich 1940 bis 1943/44" // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (1996), Heft 9, S. 807.

² Организация Тодта (*Organisation Todt*, ОТ) представляла собой крупную строительную фирму. Ее возглавлял д-р Фриц Тодт, в будущем министр вооружения и боеприпасов, а после его гибели в авиакатастрофе – Альберт Шпеер. По требованию Тодта

Длань организации Шмельта не только простиралась над всей Германией и над аннексированной Рейхом территорией Польши, но, посредством группы еврейских заключенных, достигла и заснеженных просторов СССР. В поисках рабочей силы для строительства на востоке руководство Рейхсавтобана³ и руководители ОТ решились на смелый эксперимент. К ним присоединились руководители организации Шмельта, искавшие новые источники доходов. 350 молодых евреев – выходцев из Заглембе⁴, узников принадлежащих Рейхсавтобану лагерей принудительного труда для негерманских евреев, были помещены осенью 1941 года в рабочий лагерь вблизи германского фронта. Для них затеянный немцами эксперимент закончился трагически. Организация Шмельта поставляла Рейхсавтобану еврейскую рабочую силу⁵.

История 350 молодых людей, еврейство которых должно было оставаться секретом для окружающих, прошедших ускоренный

в июне 1933 года был принят закон «О создании предприятия Рейхсавтобан». Задачей Рейхсавтобана было развитие дорожной сети и одновременно создание дополнительных рабочих мест. Фрица Тодта назначили главным инспектором дорог в Германии; его предприятие быстро развивалось, были проложены тысячи километров новых дорог. В мае 1938 года строительные работы были приостановлены, так как все усилия сосредоточились на возведении Атлантического вала. Организация постепенно росла; в ней были заняты свыше 1 000 000 человек – рабочие, в том числе подневольные, военнопленные и узники концлагерей.

³ Руководство Рейхсавтобана отвечало за создание инфраструктуры шоссейных и железных дорог Рейха.

⁴ Заглембе – горнопромышленный район на юге Польши (в русской литературе его часто называют Домбровским каменноугольным бассейном). После немецкой оккупации территория была аннексирована Рейхом и включена в границы Верхней Силезии. В результате аннексии к еврейскому населению довоенного Рейха добавились 65 000 евреев, которых нацисты собирались немедленно выселить на территорию Генерал-губернаторства. Однако после нескольких небольших депортаций в рамках плана «Ниско» высылки прекратились – в результате вмешательства силовых структур, преследовавших собственные интересы, например, генерал-губернатора Ганса Франка и армейских командиров, которые нуждались в еврейской рабочей силе. Сыграла свою роль и надежда рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера обрести с помощью использования еврейской рабочей силы капитал и влияние.

(Заглембе не является частью Силезии, эта территория была введена в ее состав только при немецкой оккупации. В действительности Заглембе принадлежит к исторической области Малая Польша. Называть евреев Заглембе евреями Верхней Силезии, как это делает автор, не вполне верно. – Прим. ред.)

⁵ Подробнее см. Bella Gutterman, *Gesher zar el ha-hayim: Yehudim be-mahane ha-rikuz Gros-Rozen u-ve-mahanot ha-avoda shelo 1940–1945* (Jerusalem: Yad Vashem, 2000); Alfred Konieczny, "Die Zwangsarbeit der Juden in Schlesien im Rahmen der 'Organisation Schmelt'" // *Sozialpolitik und Judenvernichtung: Gibt es eine Ökonomie der Endlösung?* (Berlin [West]: Rotbuch Verlag, 1987 [Beiträge zur nationalsozialistischen Gesundheits- und Sozialpolitik, Bd. 5]); Alfred Konieczny, "'Organizacja Schmelt' i jej obozy pracy dla Żydów

курс полувоенной подготовки, одетых в особую форму и отправленных к месту назначения вместе с группой рабочих и инженеров, содержится в свидетельских показаниях тех немногих, кто пережил морозный ад, а затем концентрационные и рабочие лагеря, куда их вернули. Настоящая статья пытается выяснить цели этой операции, понять, почему евреев восточной Верхней Силезии выдавали за немецких рабочих организации Тодта и как они были связаны с операцией «Барбаросса». Эта история наглядно демонстрирует многочисленные противоречия в процессе принятия решений нацистскими властями, особенно когда эти решения затрагивали евреев.

Подготовка войны с СССР заняла, как известно, многие месяцы, и все же после начала военных действий обнаружилось множество недостатков и упущений в стратегическом планировании⁶. Различные факторы: трудности в управлении фронтами, тактика «выжженной земли», к которой прибегала Красная армия, а также способность советских войск реорганизоваться в процессе отступления – тормозили немецкое вторжение. Отступая, советские войска взрывали предприятия, поджигали продуктовые склады, резали или угоняли на восток скот. Между тем в середине октября, после дождей, наступила осенняя распутица. В следующие три недели погода все ухудшалась: зима вступала в свои права значительно раньше срока. Моторы машин замерзали, их приходилось прогревать; расходы топлива росли. Одновременно увеличилась потребность в боеприпасах, которые постоянно расходовались в оборонительных боях с советской армией и партизанами, устраивавшими засады на колонны снабжения. Доставка припасов стала на этом этапе одной из главных задач немецкого командования. В декабре, когда температура упала до 31 градуса ниже нуля, солдаты вынуждены были устраиваться на ночлег в деревянных избах и случайных укрытиях. Уцелевшие строения были в плачевном состоянии:

na Śląsku w latach 1940–1944” // *Studia nad Faszyzmem i Zbrodniami Hitlerowskimi*, vol. 15 (1992), pp. 281–314 (Wałbrzych: Państwowe Muzeum Gross-Rosen, 1992). Сведения об организации Шмелята скудны. История отправки партии евреев на восток не имеет документального подтверждения, кроме свидетельств выживших, которые совпадают в основных фактах.

⁶ Allen Clark, *Operation Barbarossa: The Russian-German Conflict, 1941–1945* (New York: William Morrow and Co., 1965), pp. 24–25.

В больших сельских хозяйствах мы видели сожженные конюшни и амбары, оставленные дома без всяких признаков жизни. Чтобы облегчить прокладывание пути на бесконечных просторах, мы летали над железнодорожными линиями – и иногда на протяжении всего полета не видели ни одного поезда. От сожженных станционных построек уцелели только обугленные останки. Большинство расположенных поблизости мастерских и гаражей было разрушено до основания... то там, то здесь виднелась в белой пустыне дорога, но и она была безжизненна. Дорога уходила в бесконечность, и мертвенная тишина, окутывавшая огромные пространства, навевала уныние...⁷

Участие организации Тодта в военной кампании

Быстрая и легкая победа, вид отступающих советских солдат и захват огромных территорий привели к эйфории. Немецкие танки почти беспрепятственно продвигались по бескрайним просторам, когда вдруг обнаружилась непредвиденная опасность: плохие дороги. Армейские командиры быстро осознали насущную необходимость срочного восстановления советской железнодорожной сети, так как после первых военных успехов наступление буксовало из-за трудностей с поставкой продовольствия и боеприпасов, функционированием вспомогательных служб, поддержкой транспортных средств и прочего⁸.

Операция «Барбаросса» удостоилась особого внимания д-ра Фрица Тодта – генерального инспектора дорог, министра вооружения и боеприпасов. Он давно и успешно – с 1933 года, когда началась реализация проекта Рейхсавтобана, и до начала 1941 года – сотрудничал с руководством железных и шоссейных дорог Рейха. Организация под его началом носила его имя и была хозяйственным учреждением полувоенного типа⁹. Тодт поручил одному из своих ведущих работников, Ксавьеру Доршу, подготовиться к новой военной кампании. Уже к началу 1941 года Дорш разработал план размещения передвижных подразделений организации на завоеванной территории – план операции «Якоб» (*Einsatz Jacob*)¹⁰. 6 июня 1941 года Верховное главнокомандова-

⁷ Albert Speer, *Be-tokhekhei ha-Raikh ha-shlishi* (Tel Aviv: Bustan, 1979), p. 209.

⁸ Clark, *Operation Barbarossa*, p. 52.

⁹ Alfred Vagts, *Hitler's Second Army* (Washington D.C.: Infantry Journal, 1943), p. 117.

¹⁰ Ксавьер Дорш, один из приближенных Альберта Шпеера, фактически управлял организацией Тодта.

ние вермахта выпустило соответствующий приказ: «Для предстоящих летних военных операций вермахту необходимы отряды опытных и готовых немедленно приступить к работе прокладчиков дорог. Создание таких частей поручается генеральному инспектору дорожного строительства».

Организация Тодта сопровождала вермахт в захваченные страны и поддерживала тесную связь с техническими частями. Ранее, как правило, бригады ОТ состояли из бывших солдат, получивших военную подготовку во время Первой мировой войны; теперь же набору подлежали в основном те, кто родился в 1909–1911 годах, прошел военные курсы и владел оружием – на случай неожиданного нападения¹². По некоторым свидетельствам, сам Тодт говорил: «Мне теперь нужны не те инженеры, что сидят в конторах, а те, что находятся в гуще событий. Мне нужны техники-руководители»¹³. Однако нехватка рабочей силы в связи с призывом в армию чувствовалась и в ОТ; организации приходилось искать новых рабочих. Согласно указаниям Фрица Тодта, на завоеванных восточных территориях предполагалось расквартировать 20 000 человек: 5000 рабочих Рейхсавтобана, 10 000 рабочих военных заводов и 5000 рабочих других предприятий¹⁴. Уже в сентябре 1941 года рабочих стали свозить в три сборных лагеря (*Sammellager*), где их обучали прокладывать шоссейные и железные дороги и возводить мосты. Сложнейшие планы были посвящены организации снабжения. Чтобы собрать транспортные средства для отправки на восток, пришлось урезать квоту, выделенную бригадам ОТ на других фронтах. 2000 машин были отозваны из бригад, дислоцированных во Франции; управление должны были осуществлять руководители предприятий, работавших на Генеральный инспекторат дорожного строительства Германии¹⁵. Ядро операции «Якоб» составляли сотрудники самой организации Тодта, ибо решено было располагать вдоль линии фронта как можно меньше персонала и оборудования производящих работы фирм.

¹² *Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force, Evaluation and Dissemination Section. G-2 (Counter Intelligence Sub-Division): Basic Handbook* (Washington, D.C.: [s.n.], 1945–1947)

¹³ Vagts, *Hitler's Second Army*, p. 124.

¹⁴ Hans Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn in Ostfeldzug* (Neckergemünd: Scharnhorst Buchkameradschaft, 1960), S. 43.

¹⁵ *Ibid.*, S. 21.

Когда началась война с СССР, вермахту были предоставлены 20 оперативных команд (*Einsatzkommando*), состоявших из работников организации Тодта; команды подчинялись разным группам армий и были готовы к перемещениям. Семь команд были отправлены на юг, восемь – на центральный фронт, пять – на северный. При каждой команде было создано особое подразделение, которому надлежало поддерживать постоянную связь с армией через фронтфюреров (*Frontführer*) – командиров оперативных команд ОТ. Кроме того, приданным командам врачам и начальникам транспортных отделов тоже было поручено поддерживать постоянную связь с параллельными структурами в армии. До марта 1942 года эти подразделения связи подчинялись не командиру оперативных команд ОТ, а начальнику штаба армии, и их обязанностью было строжайшим образом согласовывать действия оперативных команд с армией. В каждой оперативной команде организации Тодта было несколько подразделений, а в каждом подразделении, как правило, восемь рабочих групп, каждая под руководством бауфюрера (*Bauführer*). Эта структура сохранилась и после гибели Фрица Тодта в таинственной авиакатастрофе 8 февраля 1942 года. Его преемник, Альберт Шперер, в ходе реорганизации предоставил Ксавьеру Доршу широкие полномочия.

Участие Рейхсавтобана в военной кампании

Хотя шоссейным и железным дорогам Германии была отведена особая роль в снабжении и обслуживании вермахта и в обеспечении успеха военных операций в СССР, транспортная сеть в оккупированных странах почиталась не менее важной. Еще в октябре 1940 года вермахт выдал руководству железных дорог подробные инструкции по подготовке железнодорожных станций и путей Остбана (*Ostbahn* – сокращенное наименование Управления восточных железных дорог) к увеличению нагрузки. Эти инструкции, известные как программа «Отто», предписывали привести железнодорожную сеть в состояние готовности к 10 мая 1941 года¹⁶. В конце ноября 1940 года ОКХ (*Oberkommando*

¹⁶ Wolf Gruner, "Juden bauen die 'Straßen des Führers'", S. 800; Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 43.

des Heeres – Главное командование сухопутных войск) потребовало от бюро труда в Силезии предоставить ей в рамках программы «Отто» еврейских рабочих для подготовки оперативных команд, которые будут отправлены на восток. Бюро труда не сумело выполнить эту заявку, и ОКХ стало взвешивать возможность использования военнопленных¹⁷. Для решения проблем с рабочей силой руководство Рейхсбана (Имперского управления дорог) создало лагеря принудительного труда для евреев негерманского происхождения. Программа «Отто» предусматривала расширение железнодорожных станций, на которых менялись локомотивы, строительство новых станций на востоке, возведение дополнительных сигнальных постов, переводных стрелок и электрических и телефонных сетей. Подготовка разветвленной инфраструктуры требовала, по расчетам руководства, 30 000 рабочих. Организация такого количества рабочих и отправление их, вместе со строительными материалами и оборудованием, на восток, параллельно со снабжением вооруженных сил легли тяжелым бременем на руководство Остбана, которое одновременно отвечало за развитие сети шоссейных дорог, строительство аэродромов и поставку грузов. Между тем холодной зимой 1940/1941 года дирекции пришлось в срочном порядке выделить не меньше 10 000 человек для расчистки занесенных снегом путей. Остбан отставал от графика, не укладывался в сроки¹⁸.

Времени на соблюдение всех технологических требований не хватало, и руководству приходилось упрощать рабочий процесс, чтобы успеть к началу вторжения в Россию. Поэтому, укладывая рельсы, их не укрепляли должным образом немедленно – эти работы производились позже¹⁹. Решение казалось правильным, ибо дирекциям в Варшаве, Кракове, Кенигсберге и Данциге удавалось ежедневно отправлять на восток 220 поездов вместо 84, как ранее. Это позволило в течение пяти месяцев переправить на территорию СССР 141 дивизию. Но здесь возникла первая проблема с организацией снабжения, затронувшая всех участников войны на

¹⁷ Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 21. На программу «Отто» было потрачено 1,2 миллиарда злотых, 60 % этой суммы заплатил Рейх и 40 % – руководство Остбана. Подготовку необходимо было закончить до 15 июня 1941 года.

¹⁸ Seidler, *Die Organisation Todt*, S. 96; Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 24.

¹⁹ Clark, *Operation Barbarossa*, p. 132; Seidler, *Die Organisation Todt*, S. 97.

востоке, от командиров до солдат. После стремительного захвата огромного пространства немцы обнаружили, что собранные разведкой сведения о состоянии железнодорожных путей в России далеки от действительности. Все планы снабжения, основанные на оценке пропускной способности русской сети железных дорог, оказались неосуществимы.

Управленческие неудачи, нехватка сырья и оборудования привели к полной зависимости от снабжения. Припасы подвозились ограниченным количеством местных поездов, находившихся в распоряжении армии. Выяснилось, что в отличие от ситуации на Западном фронте, где кроме поездов задействованы были многие другие транспортные средства, на востоке снабжение армии целиком и полностью зависит от исправности товарных поездов. Иных возможностей не было. Немногочисленные в России шоссейные дороги были в скверном состоянии, и вдали от баз снабжения в Рейхе полагаться приходилось только на поезда. Однако техническое состояние железных дорог в России тоже оставляло желать лучшего – лишь некоторые центральные железнодорожные узлы оказались оборудованы современными установками и электрическими приводами. Стремительное продвижение армии в начале войны заставило руководителей Рейхсбана выделить для нужд Восточного фронта значительную рабочую силу, и в июле 1941 года собранные из ряда лагерей рабочие были отправлены на восток, на оккупированные территории. И там-то командиры с изумлением обнаружили, что железнодорожная колея в России на 8,9 сантиметра шире, чем в Западной Европе, а значит, прямая перевозка грузов из Рейха на фронт невозможна²⁰.

В ноябре 1941 года, во время своего путешествия на восток, Альберт Шпеер убедился, что дорожное движение на востоке неминуемо столкнется с серьезными проблемами, и проблемы эти только усугублялись разрушительными операциями отступающей Красной армии. Солдаты так основательно крушили русскую сеть железных дорог, что быстро починить ее не представлялось возможным, а когда это все же удавалось, пользоваться можно было только участками, проложенными между большими реками: мосты были взорваны Советами. Шпеер понимал, что в эйфории от первых успехов кампании, когда казалось, что «русский

²⁰ Seidler, *Die Organisation Todt*, S. 97.

медведь» уничтожен, никто не думал о восстановлении этих объектов. Гитлер не проявлял интереса к проблеме снабжения, которая неизбежно должна была возникнуть с наступлением зимы. Крупные чиновники Рейхсбана и армейские и авиационные командиры часто жаловались на трудности со снабжением, и по возвращении Шпеер обратился к Гитлеру, посоветовав немедленно направить на восстановление русских железных дорог 30 000 из 65 000 строительных рабочих, занятых на объектах Рейха, а также штат инженеров²¹.

Гитлер задержал решение вопроса на две недели и только 27 декабря 1941 года дал наконец свое согласие. Донесения с театра боевых действий поставили вопрос о перевозке жизненно важных грузов на фронт. Были предложены два варианта решения. Согласно первому варианту, необходимо было на восточной границе перегружать все – военную технику, оружие, боеприпасы и транспортные средства – с немецких поездов на немногочисленные русские поезда, захваченные в ходе наступления. Второй вариант предполагал в ходе особой молниеносной операции сузить колею русской железной дороги, чтобы немецкие поезда могли продолжать свой путь по оккупированным землям. Д-р Тодт поддерживал предложение о сужении колеи и пытался убедить главу Отдела дорожного движения вермахта как можно скорее начать подгонять русские железнодорожные пути под европейский стандарт. Его настойчивость объяснима: армия не располагала достаточным количеством советских вагонов, и первый вариант решения не обеспечил бы непрерывного снабжения. Однако и второе предложение не могло бы полностью разрешить все возникающие проблемы²².

4 января 1942 года, когда Гитлер наконец распорядился начать приготовления к операции по восстановлению сети железных дорог на восточных территориях, он постфактум одобрил деятельность организации Тодта, уже находившейся на востоке и приступившей к работам. По распоряжению Гитлера людей для выполнения работ следовало «набирать из кадров Рейхсбана... вопросы продовольственного снабжения и расквартирования рабочих должны быть согласованы с командиром армейского отдела

²¹ Albert Speer, *Inside the Third Reich* (London: Sphere Books, 1971), pp. 184–185.

²² Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 35; Seidler, *Die Organization Todt*, S. 98.

по расквартированию». В третьем пункте распоряжения Гитлер указывал: «Рабочая сила, необходимая для развития железнодорожной сети, будет состоять из строительных команд Рейхсбана, армии, организации Тодта, строительного штаба Шпеера и других производственных единиц, в соответствии с планами [местных] управлений железных дорог»²³.

В четвертом пункте распоряжения говорилось, что в целях строительства и развития железнодорожной сети руководство Рейхсбана обязано предоставлять все необходимые машины, оборудование и сырье из своего постоянного запаса. Недостающее придется изыскивать своими силами. Министр экономики Рейха выделил руководству железных дорог особые лимиты. Завершение строительства превратилось в первоочередную задачу.

Предложение Тодта о сужении русских железнодорожных путей до европейских стандартов было одобрено, и руководство Рейхсбана подготовило особую программу срочного строительства на востоке (*Sofortprogramm Ostbau*), которая должна была обеспечить завершение необходимых работ к 15 марта 1942 года²⁴. Из Рейха вглубь СССР были переброшены тысячи работников. Таким образом, приказ Гитлера от 4 января определил состав рабочей силы для строительства сети железных дорог; привлечены были и оперативные команды ОТ – часть этих команд, как мы упомянули ранее, заканчивала подготовку, а часть уже находилась на восточных территориях.

В январе 1942 года началось введение в эксплуатацию железнодорожных путей и восстановление различных объектов, в основном водяных установок и ремонтных мастерских. В конце 1941 – начале 1942 года руководство Рейхсбана переправило команду железнодорожных рабочих в группу армий «Центр», командование которой находилось в Минске. В декабре 1941 года для запуска железных дорог на северном участке фронта был создан штаб под руководством профессора Гислера, располагавший 2 000 работников из числа тех, кто занимался реконструкцией Мюнхена. Команды по восстановлению железных дорог на севере получили название *Eisenbahneinsatz Riga*, а начальство группы обосновалось в Пскове. Наравне с рабочими ОТ и строительным

²³ Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 38–39.

²⁴ *Ibid.*, S. 33.

штабом Шпеера были задействованы и гражданские немецкие строительные компании, а к черным работам – расчистке снега и разгрузке вагонов – привлекались местные жители²⁵. В первые месяцы 1942 года эти штабы получили в свое распоряжение тысячи квалифицированных рабочих и специалистов из Германии, а также вспомогательных рабочих, мобилизованных на строительные предприятия Рейха. Формируя рабочие бригады, ОТ отступила от своей обычной практики – размещать работников на тех же предприятиях, на которых они трудились. ОТ действовала на свой страх и риск, а использовать гражданских рабочих в бригадах, рассеянных по прифронтовой полосе, где уже действовали первые партизанские отряды, было слишком опасно²⁶. Охрана, и многочисленная охрана, была необходима; гражданские же предприятия никак не могли бы обеспечить безопасность работников.

Итак, решение было принято, большие оперативные команды составлены – но работы все равно продвигались недостаточно быстро. Снегопады тормозили прокладывание железнодорожных путей: прежде чем снять рельс и уложить его заново, приходилось убирать снег. Кроме того, выяснилось, что местных рельсов не хватает, а прибытие новых из Германии задерживается; не хватало сигнальных и стрелочных устройств, и их тоже приходилось везти издалека. Для перевозки необходимого был создан особый штаб при главном управлении Рейхсбана в Берлине. Снабжение рабочих продовольствием, одеждой и прочим было возложено – на некоммерческой основе – на центры обслуживания армии (*Heeresverpflegungsdienststellen*), а для снабжения оборудованием, машинами, инструментами и для устройства ночлега рабочих штаб операции «Якоб» создал особый центр. При ОТ уже существовал особый штаб (*Einsatzstab*), отвечавший за бесперебойные поставки строительных материалов, инструментов и транспортных средств. Другой серьезной проблемой, удручавшей руководство Рейхсбана, оказалась непригодность немецких локомотивов к работе в условиях русского холода: открытые части локомотивов, трубы и насосы замерзали и ломались. Техникам приходилось на месте искать выход из положения, утеплять уяз-

²⁵ Seidler, *Die Organisation Todt*, S. 97.

²⁶ *Ibid.*, S. 98.

вимые части машин, а иногда и ставить локомотивы на кучи горячей золы, чтобы они оттаяли²⁷.

Восстановление работоспособности железнодорожной системы посредством сужения существующей колеи, прокладывание дополнительных путей и обеспечение оперативных поставок снабжения должны были завершиться, как уже упоминалось, к 15 марта 1942 года. Приказ от 6 декабря 1941 года запрещал железнодорожникам уходить в отпуск – все ресурсы следовало бросить на выполнение поставленной задачи. 4 января 1942 года, в тот самый день, когда Гитлер принял решение, министр транспорта Германии инженер д-р Юлиус Дорпмюллер посетил округа Минск, Киев и Брест и проверил состояние железных дорог. 18 апреля 1942 года он посетил Псков, в июле – Киев, Днепропетровск и Крым. В то же самое время уполномоченные им представители Рейхсбана проверили, как продвигаются восстановительные и строительные работы на железной дороге. Однако подробное планирование материальной стороны операции стало возможно только после получения разрешения Гитлера и оказалось сложным и длительным, так что работы не были начаты в назначенный срок. Тяжелые погодные условия тоже сказывались на ходе операции. Вскоре стало очевидно, что сроки окончания работ оценивались слишком оптимистично. Оказавшись на месте, уполномоченные выяснили, что устройства, снабжавшие водой и углем русские локомотивы, разрушены, а железнодорожные станции расположены слишком далеко друг от друга (и поэтому необходимо срочно возводить промежуточные станции). Кроме того, были повреждены сигнальные сооружения, и немецкие железнодорожники тревожились за безопасность движения поездов. Поэтому в феврале 1942 года, например, по железнодорожной линии Львов – Киев – Днепропетровск могли пройти только восемь составов в день. Ответственные за операцию впали в отчаяние, осознав, что задача не будет выполнена в срок.

Восстановление железнодорожной системы оказалось гораздо более сложной и трудоемкой задачей, чем нам представлялось. Русские разрушили все промежуточные станции, не оставив ни ремонтных мастерских, ни морозостойчивых цистерн с водой, ни сколько-нибудь исправных стрелочных си-

²⁷ Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 35.

*стем. Самые простые вещи – например, достать гвозди или доски для строительства (в Берлине хватило бы одного телефонного звонка) – здесь превратились в сложнейшую проблему, лишаящую работников сна и покоя*²⁸.

Сам Гитлер высказался по этому поводу 30 сентября 1942 года, произнося в рейхстаге речь о военных успехах русской кампании:

*К большому сожалению, шоссейных дорог там нет, только участки дорог. Поэтому нам предстоит строить и дороги. Первые центральные трассы вводятся сейчас в действие нашей организацией Тодта. В ряде областей придется прокладывать дороги по болотистой местности. В прошлом никто бы не подумал, что в этих областях можно проложить пути для наземного транспорта*²⁹.

Другая сложность заключалась в том, что работы по восстановлению железнодорожной сети проводились в непосредственной близости от линии фронта и жизнь рабочих подвергалась опасности. Уже в начале 1942 года партизаны начали проводить диверсии, и лагеря ОТ страдали от постоянных нападений. Но и это не остановило работы. Благодаря вмешательству высших правительственных чиновников и бесперебойному поступлению сырья программа срочного строительства (*Sofortprogramm*) была закончена к апрелю 1942 года, и вермахт мог продолжать наступление. Тем временем был подготовлен план следующего этапа работ над железнодорожной сетью, получивший название «Остбан-1942» (*Ostbahn 1942*); этот этап должен был завершиться к октябрю 1942 года. Строительные материалы, шпалы, сигнальные устройства, стрелочные устройства, бревна и рельсы поставлялись транспортом под кодовым названием «Петер»³⁰.

Евреи организации Шмельта в операции «Барбаросса»

В эту-то чудовищную ситуацию и оказалась совершенно неожиданно вовлечена группа из 350 молодых евреев в возрасте от

²⁸ Speer, *Inside the Third Reich*, p. 190.

²⁹ Vagts, *Hitler's Second Army*, p. 126.

³⁰ Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 35. Планы по завершению строительства железных дорог продолжали составляться и после октября 1942 года (вплоть до 1944 года).

17 до 22 лет. Их внезапно забрали из еврейских лагерей Рейхсавтобана, куда они были помещены организацией Шмельта, и повезли на далекий русский фронт в составе оперативных команд организации Тодта, занятых восстановлением русской железнодорожной сети. Похоже, это единственный случай, когда еврейские узники из лагерей принудительного труда восточной Верхней Силезии были переведены для работ в другое место.

Организация Шмельта, первоначально регулировавшая использование еврейского труда в восточной Верхней Силезии, росла и расширялась; организация получила исключительные права на поставку еврейских рабочих государственным и частным предприятиям, а ее начальник снискал поддержку многих высокопоставленных лиц в местной и центральной немецкой администрации и стал влиятельной фигурой. Организация стремительно осваивала новые для себя сферы деятельности; лагеря принудительного труда для евреев возникли не только в Верхней Силезии, но и в Нижней Силезии и в Судетской области. Набравшая силу организация получала хорошие прибыли, поступавшие на отдельный счет рейхсфюрера. ОШ богатели, сдавая евреев внаем для выполнения различных черных работ, таких как реконструкция дорог, пострадавших от бомбежек, прокладывание шоссейных дорог, вырубка леса и строительство. 13 сентября 1940 года Эрих фон дем Бах-Зелевски, главный начальник СС и полиции Верхней Силезии, доложил, что «вчера рейхсфюрер СС приказал постараться собрать евреев и польских безработных в закрытых лагерях, чтобы использовать их в каменоломнях и на дорогах»³¹. В результате этой директивы некоторые лагеря принудительного труда для евреев были созданы как лагерь Рейхсавтобана (сокращенное название – РАБ-лагеря, от *Reichsautobahnlager* – *RAB Lager*) – лагеря, узники которых работали на Рейхсавтобан и на сеть железных дорог Рейха³². Молодым людям, о которых мы рассказываем в этой статье, уже приходилось заниматься тяжелым физическим трудом, и все же к тому, что ожидало их на востоке, они не были готовы. Вскоре концерны и компании Рейха тоже начали осваивать Верхнюю Силезию и прибирать к рукам остальные предприятия. Они тоже

³¹ Konieczny, "Organizacja Schmelt", p. 23.

³² Isabell Sprenger, *Groß-Rosen: Ein Konzentrationslager in Schlesien* (Köln: Böhlau, 1996 [Neue Forschungen zur schlesischen Geschichte, Bd. 006]), S. 245.

зарабатывали на еврейском принудительном труде и очень старались заполнить увеличенные квоты на рабочих.

Приказ об изъятии немецких рабочих из рядов организации Тодта и строительного управления Шпеера и о перемещении немецких железнодорожников Остбана заставил руководство этих и других заинтересованных организаций искать дополнительные источники рабочей силы. Число немецких рабочих (ряды которых все редели в связи с усиленной мобилизацией), задействованных за пределами Рейха, следовало свести к минимуму. Начиная с 1939 года немецких граждан – работников ОТ забирали в армию, а вместо них на работу принимали «добровольцев» из оккупированных стран или граждан стран-сателлитов. В начале 1940 года стало понятно, что организация отдала большинство своих немецких рабочих армии и военной промышленности. В августе 1941 года немцы составляли лишь пятую часть работников ОТ и в большинстве своем выполняли функции надсмотрщиков³³.

Организация Шмельта в то время поставляла рабочую силу Рейхсавтобану, вермахту, ОТ и различным предприятиям Верхней Силезии. Трудно сказать, было обращение к ОШ инициативой тех, кто пользовался этой рабочей силой, или самого Альбрехта Шмельта и группы его помощников, искавших, с одобрения Гимmlера, дополнительные источники доходов и обнаруживших здесь богатый потенциал. Вероятно, здесь пересеклись интересы различных организаций и лиц, и решение использовать еврейских заключенных на восстановлении железных дорог в России было взвешено и проверено, тем более что узники лагерей организации Шмельта и так работали на Рейхсавтобан, укладывая рельсы в Верхней и Нижней Силезии. Подтверждает это предположение (а также объясняет отправку евреев в СССР) тот факт, что и в других случаях евреи, занятые принудительным трудом в организации Шмельта, использовались главным строительным управлением Рейхсавтобана в Бреслау (*Oberste Bauleitung der Reichsautobahnen in Breslau*, ОБР) и при его посредничестве. С конца ноября, например, при посредничестве ОБР организация Шмельта поставляла рабочих на строительные площадки компании «Луранил», филиала концерна «И.Г. Фарбен»³⁴. Для строительства железных

³³ Vagts, *Hitler's Second Army*, p. 130.

³⁴ Sprenger, *Groß-Rosen*, S. 245.

дорог западно-восточного направления руководство Рейхсавтобана получило от РСХА (Главного управления имперской безопасности) специальное разрешение использовать еврейских рабочих негерманского происхождения в лагерях в старых границах Рейха. Рейхсавтобан передал руководство этими лагерями (в отличие от закрытых лагерей, где содержались евреи немецкого происхождения) организации Шмельта и впредь заключал с нею особые договоры на группы рабочих³⁵. Одновременно организация Шмельта сдавала евреев из этих лагерей внаем различным предприятиям, в том числе предприятиям ОТ и самому Рейхсавтобану, в ведении которых находились лагеря. Когда ОТ не хватало рабочих кадров, Тодт не раз обращался к промышленным компаниям с просьбой выделить ему часть рабочих и оборудования, а иногда (особенно если речь шла о строительных фирмах) даже пользовался целым предприятием, со всеми рабочими и всем оборудованием³⁶. Мы не обнаружили письменных свидетельств о сделке между ОТ, организацией Шмельта и руководством Рейхсавтобана; неизвестно, был ли транспорт, сформированный из молодых еврейских рабочих, пробной инициативой, попыткой проверить, насколько эффективно можно использовать молодых евреев, или разовым событием, которое позволило бы организации Тодта продержаться в решающие месяцы зимы 1941/1942 года. Быть может, весной, по завершении первого этапа восстановления железнодорожных путей, необходимость в труде евреев отпала, поскольку решено было активнее использовать население оккупированных стран? Условия, в которых трудились эти молодые люди, показывают, что работодатели не очень заботились об их выживании. Приносимая ими польза не оправдывала особых приготовлений, связанных с привлечением их к этой работе, и усилий, призванных скрыть их еврейское происхождение и выдать их за работников ОТ.

Концентрация еврейских узников в лагере Гросс-Массельвиц

Принудительный труд евреев использовался, как известно, в самых разных формах, но история этого единственного в своем роде транспорта из 350 евреев, отправленного из лагерей орга-

³⁵ Gruner, "Juden bauen die 'Straßen des Führers'", S. 800.

³⁶ Vagts, *Hitler's Second Army*, p. 130.

низации Шмельта к линии фронта под Ленинградом, остается загадочной и вызывает все новые и новые вопросы. Немногие выжили после этого страшного путешествия; выжившие попытались в меру своих сил описать то, что произошло с ними и с их товарищами, которым эта операция стоила жизни, – но они были молодыми людьми, некоторые еще подростками, не понимали, что происходит, не знали ни немецкого, ни русского и не могли даже прочесть указатели на дорогах, по которым ехали. Им трудно было следить за происходящим вокруг, холод и голод заставляли их все больше и больше замыкаться в себе³⁷. Им было ясно, что выбор пал на них из-за их молодости и физической крепости; после возвращения они узнали также, что из лагерей Верхней Силезии транспорты на восток больше не отправлялись. Эти молодые люди были пешками в игре влиятельных организаций, представители которых неожиданно появились в лагерях, отобрали подходящих заключенных, одели их в форму, похожую на униформу ОТ, и отправили их вместе с техническими бригадами, немецкими рабочими и тысячами подневольных рабочих из других стран заботиться об исправности железнодорожных путей, которые позволили бы немецкой армии вырваться из капкана русской зимы и продолжать войну.

По-видимому, решено было выбрать молодых людей именно из лагерей Закрау, Бранде, Эйхталь и Аунроде – все эти лагеря принадлежали Рейхсавтобану, – потому что эти заключенные уже работали на строительстве инфраструктуры для сети шоссе-сейных и железных дорог в Силезии, а администрация Рейхсавтобана готова была использовать труд еврейских заключенных на востоке. Согласно служебной записке, отправленной 15 января 1943 года строительным командам, в дополнение к подробному распоряжению руководства об использовании евреев от 31 октября 1941 года, все правила, регулировавшие использование евреев на объектах Рейхсавтобана, распространялись и на восточные территории; предписывалось следить, чтобы евреи работали только группами и были отделены от других бригад³⁸.

³⁷ Согласно свидетельским показаниям, хранящимся в архиве Яд Вашем, и интервью с двумя выжившими, группа состояла из рабочих, родившихся в 1919–1924 годах.

³⁸ Циркуляр дирекции Восточных железных дорог: АЯВ. О51/66; *Verzeichnis der Haftstätten unter dem Reichsführer SS (1939–1945. Konzentrationslager und deren*

Еврейским старостой (*Judenälteste*) в лагере Закрау был Юлиус Зигель, офицер австрийской армии времен Первой мировой войны. В лагере он щеголял в зеленом костюме с бриджами, в начищенных сапогах, с хлыстом в руке и моноклем в глазу. Когда лагеря, работавшие на Рейхсбан, согласились выделить для предполагаемой операции некоторое число заключенных, именно Юлиусу Зигелю начальство организации Шмельта поручило сформировать Ост-айнзац – транспорт на восток. Кандидаты были направлены в лагерь Гросс-Массельвиц в окрестностях Бреслау. Там располагались огромные склады, поставившие необходимое оборудование для восточной кампании; там ожидали отправки тысячи саней и сотни тысяч лыж. В лагерь Бранде прибыл Генрих Линднер, заместитель Шмельта; он отобрал 200 молодых людей и отправил их в Гросс-Массельвиц. Лагерь Эйтхаль посетил Геншильд, которого узники звали «Хромым» или «Конским барышником», – он набирал рабочих на различные предприятия. Всех отобранных отправили на грузовиках в Гросс-Массельвиц и разместили в двух блоках, отдельно от других заключенных³⁹. Ночью им дали поесть, и качество и количество еды удивили их; на следующий день их не вывели на работу, а в обед снова принесли густой суп. В течение нескольких дней приезжали различные немецкие комиссии, осматривали их и производили дополнительный отбор. Все это время их держали отдельно от других узников и обращались с ними на удивление хорошо:

Так что прежде всего, как бы там ни было, – это подняло настроение. Когда есть еда, это прежде всего... мы получили манную кашу с молоком и сахаром, мы решили, что они свихнулись, не верили в такую резкую перемену... но мы не знали, что нас ждет⁴⁰.

И вот евреев вывели на строевой плац, и Кноль, еще один представитель ОШ (создается впечатление, что в подборе заключенных для этого транспорта участвовало большинство руково-

Außenkommandos sowie andere Haftstätten unter dem Reichsführer SS in Deutschland und deutschbesetzten Gebieten (Arolsen: International Tracing Service, 1979), S. 398.

³⁹ Свидетельство Авраама Тимберга: АЯВ. ОЗ/8211.

⁴⁰ Там же.

дителей организации), выбрал 350 самых здоровых и крепких парней, преимущественно светловолосых. Их построили пятерками, и Юлиус Зигель провел с ними упражнения из курса строевой подготовки. Их обучали даже прыгать с идущего поезда. Иногда занятия проводились по ночам: «Нас словно мобилизовали в армию: налево–направо, надеть шапку, снять, и это надо было сделать одним ударом, чтобы слышно было, как шапка ударяет по ноге; но в основном мы маршировали туда и обратно»⁴¹.

На следующий день выдали новую одежду, похожую на форму: штаны и короткий пиджак из плотной темно-зеленой ткани и черную верхнюю куртку без подкладки; на правом рукаве куртки была закреплена повязка с надписью *Arbeitseinsatz der Reichsautobahn* ОТ и свастикой. Заключенным выдали темно-синие (по другим свидетельствам – черные) береты и новые ботинки на деревянной подошве с верхней частью из толстой материи, на шнуровке.

Мы не понимали, что происходит. Евреи – и вдруг с повязками, со свастикой и [надписью] «Рейхсбан»; мы не понимали, что здесь происходит. А те, кто возвращался с работы, смотрели издали, не веря глазам своим, когда видели нас, – как в Пурим⁴²; а люди еще и гордились⁴³.

Каждому узнику выдали также три одеяла, скатанные по армейскому образцу, и рюкзак. После получения одежды они оставались в бараках еще один день; их ничего не заставляли делать и хорошо кормили. Им несколько раз повторили, что вскоре они будут отправлены на работы оборонного значения, которые позволят Германии наступать на Восточном фронте. Евреи чувствовали, что руководство организации всячески старается скрыть их национальную принадлежность. Им стало известно, что в немецкой прессе мелькала информация о добровольцах, едущих работать на восток, и разворачивалась энергичная ре-

⁴¹ Там же.

⁴² Празднование Пурима по традиции сопровождается маскарадом. – Прим. ред.

⁴³ Там же. Йосеф Анзель (АЯВ. ОЗ/1646) дал похожее описание, как в своем письменном свидетельстве, так и в интервью в ноябре 1997 года. Пинхас Гляйтман в своем свидетельстве (АЯВ. ОЗ/3810) указывает, что узникам сделали прививки и выдали рабочие удостоверения, хотя другие выжившие об этом не упоминают.

кламная кампания. Им часто повторяли: «Вы больше не евреи, вы немецкая рабочая бригада», хотя говоривший немедленно чувствовал, что зашел слишком далеко, и торопился уточнить: «Вы евреи, но не такие, как те, что в лагерях», и даже добавлял: «Вы получаете сегодня снаряжение, какое положено в вермахте»⁴⁴. Вновь и вновь им напоминали, что им предстоит участвовать в разгроме русских, и угрожали смертной казнью, если они посмеют обнаружить перед кем бы то ни было свою национальность. Маскировка затронула и внешний признак, выдававший их еврейство, – «тропинку для вшей» на их головах⁴⁵. В Гросс-Массельвице их побрили налысо, чтобы потом волосы выросли равномерно.

Такое внимание к мелочам, такое тщательное сокрытие еврейского происхождения рабочих указывают на то, что необходимость использовать евреев в работе не заставила руководство ОТ забыть об идеологии и расовой теории. Их национальность была скрыта, чтобы не предавать огласке решение включить еврейскую рабочую силу в оперативные команды на востоке. Этот жалкий маскарад противоречил давнему заявлению Фрица Годта:

*Использование евреев на строительных площадках Рейхсавтобана полностью исключается. Вместе с тем мы не возражаем против того, чтобы рабочие, косвенно связанные с прокладкой дорог Рейха, использовались на вспомогательных работах, например в каменоломнях и карьерах по добыче гравия. Тем самым мы сможем освободить немецкие рабочие руки для работы на дорогах*⁴⁶.

Так, в занятиях исключительно военной подготовкой, прошли две недели.

Через две недели, осенью 1941 года (видимо, в ноябре), был старший представитель организации Шмельта и заявил, согласно свидетельствам, что узникам предстоит шагать «с запада на восток, из Москвы в Лондон» (*von Westen nach Osten, von Moskau nach London*); он добавил, что если они хорошо потрутся на благо Германии, то по окончании войны евреям отдадут Па-

⁴⁴ Свидетельство Авраама Хорнунга: АЯВ. ОЗ/6441.

⁴⁵ Дорожка, которую выстригали узникам некоторых концлагерей, чтобы предотвратить побег. – Прим. ред.

⁴⁶ Gruner, "Juden bauen die 'Straßen des Führers'", S. 789.

лестину, а кто будет работать плохо, будет казнен. Он еще раз объяснил, что им следует вести себя достойно. Юлиус Зигель торжественно обратился к нему с наивной просьбой, которая наглядно выдает растерянность и смятение, царившие среди евреев в лагерях восточной Верхней Силезии, – с просьбой позаботиться о семьях отъезжающих. В конце построения, с согласия немцев, Зигель приказал евреям петь «Ха-Тикву»⁴⁷. Эта сюрреалистическая ситуация – группа евреев со свастиками на одежде стоя поет национальный еврейский гимн в присутствии отдающих честь солдат вермахта – глубоко взволновала узников и в то же время наполнила страхом перед неведомым будущим. Некоторые чувствовали, что эта странная картина не предвещает ничего хорошего. Заключенные, которым удалось уклониться от включения в этот транспорт, позже, услышав о судьбе товарищей, благодарили свою удачу⁴⁸. Юлиус Зигель, подготовивший и обучивший узников, не присоединился к путешествию. Среди отъезжающих был доктор Лайтнер, прикрепленный к группе врач, которому суждено было сыграть в судьбе этих юношей важную роль⁴⁹.

После построения немецкие офицеры разъехались, а группу евреев окружил отряд фольксдойче с тяжелыми автоматами и собаками. На десять евреев приходился один охранник. Получив приказ избегать каких-либо контактов с окружающими, под конвоем они вышли маршем из лагеря Гросс-Массельвиц, направляясь в Бреслау, находившийся в 12 километрах. Когда они шли по улицам Бреслау к железнодорожной станции, прохожие останавливались, смотрели им вслед и интересовались, куда они едут, а главное, кто они, – их странный вид вызывал любопытство: в форме, со свастикой на рукаве, с обритыми наголо головами, они маршировали под усиленным конвоем. Молодые люди чувствовали, что им не случайно было предписано двигаться военным строем:

⁴⁷ Точно не известно, кем был этот представитель организации Шмельта. Некоторые считают, что явился сам Шмельт, другие считают, что это был Кнолль, один из руководителей организации, часто приезжавший для проверок и перевода рабочей силы в другие лагеря.

⁴⁸ Свидетельства Ицхака Айхенбаума (АЯВ. ОЗ/9852), Шломо Фраймана (АЯВ. ОЗ/4594), Эльякима Варшавского (АЯВ. ОЗ/9079).

⁴⁹ Доктора Лайтнера, ранее исполнявшего обязанности врача в лагере Эйхталь, узники Эйхтала недолюбливали, считая человеком педантичным и черствым. Однако евреи этого транспорта были благодарны ему за преданную заботу.

*Мы шли как солдаты, нас же обучили. Они хотели, чтобы в городе знали, что есть добровольцы, которые едут на работу в Советский Союз, добровольцы... Мы ни о чем не думали. Мы хотели знать, что нас ждет, куда нас посылают после красивых речей, чего от нас хотят?*⁵⁰

Путь на восток

На станции стоял военный грузовой состав, и евреев распределили по вагонам – 30–40 человек в каждый вагон. Спальных полок не хватало; многим приходилось ложиться на пол, рядом с ведром для нечистот, которое быстро наполнилось – двери вагонов были открыты только на шестой день пути. В остальных вагонах ехали инженеры и квалифицированные работники ОТ, польские подневольные рабочие и солдаты вермахта. Уже в пути евреи столкнулись с жестокостью охранников – в основном румынских солдат из Буковины, иногда даже говоривших на идише. Они узнали в узниках евреев и сообщили, что им, в прошлом работавшим на евреев, теперь выпала возможность отомстить за «эксплуатацию». В пути охранники часто избивали евреев и издевались над ними.

По дороге состав останавливался ненадолго на боковых путях, но евреев не выпускали из вагонов и не всегда кормили. Молодые люди не понимали, где они находятся и куда движутся, и только от железнодорожников узнали, что они едут по Восточной Пруссии. Дорога заняла около двух недель. Они проехали Кенигсберг и впервые получили разрешение выйти из вагонов в Каунасе, где им удалось помыться снегом. Некоторые надеялись спастись бегством, когда поезд достигнет территории Советского Союза, но теперь они поняли, что невозможно бежать, не зная языка и не умея ориентироваться на местности⁵¹. От Каунаса их везли в открытых вагонах; следующая остановка была сделана в Вильнюсе. Проезжая по оккупированным территориям, они повсюду видели разруху и запустение.

Работа на организацию Тодта

После двух недель пути они прибыли к месту назначения. Зимними ночами под белесым небом заключенные все больше страда-

⁵⁰ Свидетельство Авраама Хорнунга.

⁵¹ Свидетельство Йосефа Анзеля.

ли от мороза. Состав остановился в городке Себеж на юге Псковской области, где были расположены сборно-транзитный лагерь и штаб ОТ⁵². В Себеже солдаты вермахта сняли с поезда 50 евреев и приказали им переносить грузы из немецкого состава в местный поезд. На поезде, который привез заключенных, отправляли в лагерь в Рейхе советских военнопленных. Сразу по прибытии евреев поставили расчищать снег и укладывать рельсы – в то время грузы, доставленные немецкими составами, приходилось перевозить к линии фронта на санях. Остальные евреи из транспорта продолжили свой путь на восток в местном поезде и прибыли в поселок Чихачево. Каждый день они пешком ходили на работу за пять-шесть километров; их новые ботинки, к подошвам которых прилипал снег, превратились в орудие пытки. Работа должна была выполняться очень быстро. Заключенных разбивали на маленькие бригады: одна бригада сметала с рельсов снег, другая очищала шпалы от наросшего на них льда, третья разбирала рельсы, четвертая укладывала их на необходимую ширину, пятая укрепляла железными гвоздями, вбить которые можно было только с помощью тяжелого молота. Снег между тем продолжал падать на только что очищенное место; словом, это был сизифов труд. Узники страдали от холода и изнурительного труда, многие просто садились неподвижно, предпочитая замерзнуть до смерти. Прибывший с транспортом доктор Лайтнер уговаривал заключенных все время двигаться, чтобы обеспечить циркуляцию крови: напряженный труд был единственным спасением от мороза⁵³.

С продвижением работ узники из большой группы достигли Идрицы. Они работали маленькими бригадами, продвигаясь вдоль железнодорожного полотна на восток через местечки Маево и Тригуча в районе Великих Лук⁵⁴. Оказавшиеся в Идрице (городке, где ОТ собирала прибывшие с запада транспорты) слышали от своих начальников, что они стали первой группой такого рода и что их труд покажет, стоит ли набирать новые партии еврейских рабочих из лагерей организации Шмельта⁵⁵.

⁵² Свидетельства Авраама Тимберга, Шимона Балицкого (АЯВ. ОЗ/1246) и Йосефа Анзеля.

⁵³ Свидетельство Авраама Тимберга.

⁵⁴ Два свидетеля упоминают название «Тригуча». На линии Себеж – Великие Луки нет населенного пункта или станции с таким названием. Возможно, свидетели имеют в виду деревню Грибушино к западу от Великих Лук.

Евреи из транспорта встречали местных евреев, которых тоже привозили на работы. Местные евреи носили белые нарукавные повязки с шестиконечной звездой. Попытка разговорить их не увенчалась успехом: местных евреев отпугивали форма и свастика, кроме того, им запрещено было приближаться к рабочим. Евреи из транспорта кричали «Гут шабес!» и «Шма, Исраэль», но и это не помогало. Один из них сумел поговорить с местной девушкой, работавшей на разгрузке щебня, и узнал, что всех евреев городка забрали. Продвигаясь вдоль железнодорожного полотна, они попали в местечко, жители которого, вероятно, были недавно выселены. Они заходили в дома, где на дверных косяках висели мезузы, на столах лежали молитвенники; в одном доме они нашли связку писем от сына с Ленинградского фронта, а в доме врача – остатки недавно приготовленной пищи. Делать было нечего, и евреи из транспорта воспользовались оставленной мебелью, чтобы развести огонь в печи и немного согреться.

В регионе функционировало немало немецких предприятий, переправлявших машины и оборудование на оккупированные территории России. Кроме того, к оперативным командам ОТ присоединялись инженеры и служащие, и молодые евреи работали бок о бок с ними и под их надзором. Один из выживших запомнил имя бауфюрера инженера Ханке, шестидесятилетнего немца, который издевался над евреями с самого первого дня. Их национальная принадлежность больше не была секретом, и он позволял себе бить их и обзывать «вшивой компанией»; очевидно, никто уже не пытался соблюдать маскировку. Еврейские заключенные подвергались здесь более жестокому обращению и более страшным издевательствам, чем в лагерях Силезии. Впрочем, не все сотрудники ОТ были бесчувственными. Многие инженеры обращались с узниками по-человечески и даже пользовались услугами одного еврея – он работал возле бензинового насоса и мог наполнять их зажигалки (а в результате проблем со снабжением бензин ценился на вес золота), и он их не выдал, даже когда командиры допрашивали его по поводу уменьшения запаса бензина в резервуаре⁵⁶.

⁵⁵ Свидетельство Александра Вайнрайха: АЯВ. ОЗ/2802.

⁵⁶ Свидетельство Йосефа Анзеля.

Еврейскую молодежь поселили в вагонах товарного состава, который продвигался вперед по мере продвижения работ по укладке рельсов и сужению колеи. Их разместили в самых дальних от локомотива вагонах, где они не могли греться даже теплом двигателя – а температура на улице достигала 36 градусов ниже нуля. Пищи они получали мало, а хлеб был таким черствым, что его приходилось пилить пилой или рубить топором. Днем, во время получасового перерыва, им давали суп: разлитый по мискам, этот суп сразу же замерзал. Выжившие указывают, что положение других рабочих было не лучше и что все – солдаты, гражданские лица, подневольные рабочие – страдали одинаково⁵⁷. Впрочем, в одном вопросе для евреев сделали исключение: как уже упоминалось, их поместили в последних вагонах поезда – и неслучайно. По приказу начальства паровоз обычно прицепляли сзади, в конце ряда вагонов, а не спереди, и таким образом еврейские рабочие оказывались в передних вагонах поезда, двигавшегося по железной дороге. Начальство при этом рассуждало цинично, но практично. В те дни начались партизанские диверсии на железных дорогах, и ночные нападения наводили ужас на беспомощных немцев. Ночью партизаны переводили стрелку или перемещали специальный знак, установленный в конце рабочего дня и указывающий, где заканчиваются уложенные рельсы, и не раз случалось, что утром локомотивы продолжали движение по неправильной разметке и переворачивались, увлекая за собой вагоны, калеча людей и повреждая технику. Поэтому начальство помещало локомотив в конец поезда, а евреев – в начало: никого не беспокоило, если вагоны с еврейскими узниками сходили с рельсов и переворачивались. Евреев выручал снегом «генерал Зима», точно так же, как прежде выручал он Красную армию. Снег не раз спасал заключенных от смерти и смягчал падение, когда они вываливались из перевернувшихся вагонов. Строительство шло, рабочие команды продвигались на восток и на север. С линии фронта доносились отзвуки канонады, мимо молча проходили на лыжах немецкие солдаты в белых масках-латах. Не раз конвой и рабочие подвергались бомбардировке с воздуха, и пока немецкие рабочие поспешно искали, где бы спрятаться, евреи лежали свернувшись в глубоком снегу, без всякого

⁵⁷ Свидетельства Йосефа Анзеля, Авраама Хорнунга и Авраама Тимберга.

укрытия, и наблюдали за паническим бегством представителей расы господ⁵⁸.

В течение своего (примерно четырехмесячного) пребывания на востоке евреи ни разу не мылись и не меняли одежду; по воскресеньям они могли постирать только нарукавную повязку. Все страдали от обморожения, и даже те, кому удалось раздобыть варежки, вынуждены были их снимать, так как они прилипали к железным рельсам и затрудняли работу. Они работали голыми руками, и кожа на руках облезала; они страдали от кровавых ран и обморожения носа, пальцев рук и ног, от различных болезней. Мертвую плоть с обмороженных конечностей отрезали ножницами – из медицинских средств была только аптечка первой помощи, привезенная одним из евреев из лагеря Эйтхаль. Они работали от рассвета до темноты, без выходных, а на ночь их запирали в вагонах. Молодые люди часто плакали по ночам, некоторые сходили с ума; многие, устав бороться, замерзали насмерть⁵⁹. Выходить по нужде разрешалось только всей группой, а по ночам они отправляли естественные потребности в запертых вагонах, что добавляло грязи, вшей и болезней. Немногие отваживались время от времени снимать одежду, чтобы вытряхнуть вшей или даже попытаться помыться, окунувшись в глубокий снег. Их терзал постоянный голод, так как паек состоял из килограмма мерзлого хлеба на три дня и миски холодного супа. Таковую жалкую пищу получали не только евреи; солдаты, служившие в тех местах, не имели лучшего. Однако и у еврейской молодежи было преимущество: молодые люди, еще не пристрастившиеся к курению, могли обменивать относительно щедрые пайки сигарет и табака на порции хлеба и вареной картошки у русских женщин, работавших неподалеку, и пожилых крестьян, мечтавших о куреве. Немногие выжившие смутно помнят короткие часы отдыха. Каждый забивался в свой угол и пытался согреться как мог, никто не пытался завязать разговор, никто не выказывал интереса к культуре или религии. Они помнят только один случай, когда, воспользовавшись возможностью погреться, они сгрудились в домике с теплой печкой на станции, и вдруг кто-то вспомнил, что, по его подсчетам, в этот день наступал праздник Пурим.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

Они разговорились, вспомнили о доме, обменялись анекдотами, связанными с этим праздником, и на этом все и кончилось⁶⁰.

С продвижением работ на восток узников, по 80 человек в вагоне, привезли в район Великих Лук; их разместили в заброшенных бараках и пешком водили на работу. Оттуда их отправили на север, в Чихачево, ближе к Пскову, и здесь отношение к ним изменилось к лучшему, потому что все члены оперативной команды – солдаты, гражданские работники, подневольные рабочие и евреи – жили в одинаковых условиях. Страшная зима притупила ненависть; над евреями больше не издевались. Наказывали только за небрежность в работе.

Условия жизни и работы в ОТ на оккупированных территориях, где оказались евреи этого транспорта, были результатом русской политики выжженной земли. Железнодорожные пути пролегали по полям и лесам; вокруг, насколько хватало взгляда, простирались только обугленные развалины. Партизанское движение набирало силу, диверсий против ОТ с каждым месяцем становилось больше. Рабочим группам приходилось в панике оставлять места работы, оборудование и инструменты из-за воздушных налетов, начальники вынуждены были забирать сотрудников ОТ для охраны и обеспечения безопасности. Не раз число охранников превышало число работников.

Эпидемия тифа

Из-за плохих жилищных условий, страшного холода, скудного питания, скученности и грязи узники начали болеть. Самой страшной болезнью стала эпидемия сыпного тифа, начавшаяся среди евреев. Молодой парень из Клубоцка заболел первым, и его болезнь не сразу удалось определить – простуда и грипп были повседневным явлением. Только через несколько дней доктор Лайтнер поставил правильный диагноз. Он решил скрыть случившееся от немцев и после смерти больного похоронил его в снегу⁶¹. Второго больного, парня из Сосновца, Лайтнер попы-

⁶⁰ Свидетельства Йосефа Анзеля и Шимона Балицкого.

⁶¹ Александр Вайнрайх, родственник доктора Лайтнера, помогал ему в качестве санитаря. Йосеф Анзель в беседе со мной рассказал, что по утрам видел сани, приезжавшие забрать доктора Лайтнера для лечения больных в округе.

тался отправить в больницу в Идрице, утверждая, что он болен воспалением легких. Немецкое начальство согласилось на его просьбу; для сопровождения к больному приставили еще одного узника. По пути в Идрицу больной скончался в военном грузовике, и сопровождающий похоронил его у дороги. Потом он добрался до Идрицы, явился в штаб организации Готта и доложил о своем прибытии немецкому начальнику, умолчав при этом об эпидемии. Начальник решил присоединить его к польским рабочим ОТ, которые готовились к отправке в сторону Себежа. Тем временем ему было предложено пожить несколько дней в пустующей комнате, где обычно проживали рабочие ОТ. Никто, кроме начальника, не знал, что парень еврей. Два дня спустя его присоединили к группе польских рабочих, но те узнали в нем еврея и, не обладая великодушием немецкого начальника, отказались ехать с ним в одном грузовике. Ему пришлось перебраться на крышу машины, и так он ехал целый день, пока не добрался, замерзший и больной, до Себежа⁶².

В Себеже он встретил нескольких человек из малой группы, отделившейся от остальных в начале путешествия к линии фронта. Пораженные его ужасным состоянием, они принялись растирать его и отпаивать горячим чаем. Когда он пришел в себя, ему рассказали, что происходило с этой группой. Тем временем в Себеж прибыли остальные евреи из Чихачева; их поселили всех вместе в помещении казармы. Среди прибывших из Чихачева уже было немало тифозных больных; вскоре несколько человек умерли. Доктор Лайтнер всеми силами пытался остановить эпидемию, отделить больных от здоровых. Он приказал уложить больных в дальнем углу помещения, за перегородкой. Но число больных росло так стремительно, что уже через несколько дней половина группы не способна была выйти на работу.

Начальник лагеря, представитель ОТ, пригрозил расстрелять всех, если группа в полном составе не выйдет на рабочие места, так как видел в этом попытку симуляции и саботажа. Своим поведением в этой ситуации и завоевал доктор Лайтнер симпатии узников. В лагерях принудительного труда в Силезии товарищи по заключению не любили его, но во время путешествия на восток он неукоснительно защищал евреев из транспорта и всегда

⁶² Свидетельство Александра Вайнрайха.

приходил им на помощь, без усталости лечил больных и ухаживал за ними и снискал всеобщую любовь и уважение. Его ценили даже руководители ОТ – их он тоже лечил⁶³. Но доктор Лайтнер не мог добиться многого; лекарств не было, люди продолжали умирать. Он решил вызвать главного армейского врача и сообщить ему о сложившемся положении, не давая, однако, полной информации. Он надеялся, что военный врач поможет ему убедить командира в необходимости отправить больных обратно в Германию. Лайтнер подготовился к визиту: тех, у кого болезнь протекала в легкой форме, он уложил у входной двери, а тяжелых больных – в конце помещения, где их могли и не заметить, и попытался убрать грязную и вонючую казарму. Военный врач сразу понял, что речь идет об эпидемии, и согласился похоронить о возвращении еврейских рабочих, но натолкнулся на резкое сопротивление со стороны командира лагеря, который угрожал всех расстрелять.

Обратный путь

Слух об эпидемии среди еврейских рабочих вверх местное начальство и находившихся в Себеже военных в панику. От других рабочих узники слышали, что военное командование сектора распорядилось отправить здоровых обратно в Силезию, под власть организации Шмельта. На следующий день прибыл представитель ОТ, нашел доктора Лайтнера и приказал ему подготовиться к вывозу здоровых рабочих. Больных тифом он велел бросить на произвол судьбы: «Все дерьмо обратно в Германию, но только транспортабельных» (*Die ganze Scheiße zurück nach Deutschland aber nur die Transportfähige*). Доктор Лайтнер протестовал; он напомнил командиру, как представители организации, отправляя оперативные команды на восток, обещали, что распоряжаться рабочими и отвечать за них будет армия. Поэтому, доказывая, он, необходимо вернуть всех, как больных, так и здоровых, в Германию. И его просьба была удовлетворена⁶⁴.

В ту же ночь был организован транспорт, и с удивительным мужеством, совершив чудеса преданности и взаимопомощи, здо-

⁶³ Свидетельства Йосефа Анзеля и Александра Вайнрайха.

⁶⁴ Свидетельство Йосефа Анзеля.

ровые евреи (ослабленные и обмороженные) перенесли горящих в жару тифозных больных в вагоны поезда, стоявшего на запасных путях в трех-четыре километрах от казармы. Им пришлось проделать этот путь несколько раз, пока не были перенесены все больные, под оскорбительные замечания и издевки наблюдавших за ними солдат. Они шли, хромая, закутавшись в обрывки мешков и одеял, осознавая свою ответственность за жизнь больных, которых они тащили под руки. На станции им выдали немного продовольствия, хлеб и варенье, и посадили в вагоны. Здоровые узники были настроены скептически, подозревали ловушку и не верили, что их вернут в Германию; только когда поезд тронулся, они начали надеяться на лучшее. Доктор Лайтнер распределил их по вагонам таким образом, чтобы в каждом оказались и больные и здоровые, и предупредил, что необходимо по-прежнему скрывать факт эпидемии от сопровождавших состав солдат вермахта. В пути им выдавали холодную, но съедобную пищу, и поскольку больные не способны были есть, здоровым хватало. Дорога на запад оказалась не легче дороги на восток. Во время движения вагоны были опечатаны, люди страдали от жажды и на остановках умоляли о глотке воды. Иногда солдаты и гражданские жалели их, однако в дороге скончались еще несколько узников; трупы оставались в вагонах. Изредка узникам разрешали выйти, и они смешивали варенье со снегом и поили больных, а умерших хоронили в снегу.

Первая остановка произошла в Вильнюсе, где еврейских рабочих решили поместить в большое дезинфекционное помещение, которым пользовалась немецкая армия. Здесь тоже следовало скрывать, что они являются носителями тифа, и доктор Лайтнер приказал всем, даже больным, выйти на построение. Группы по 50 человек заходили в дезинфекционное помещение, удивляя работавших там еврейских врачей и медсестер: они не ожидали увидеть евреев на объекте, которым пользовалась немецкая армия. Больным был обеспечен прекрасный уход; впервые за четыре с лишним месяца узники помылись в горячей воде, им перевязали раны и обработали обмороженные места; была также сделана попытка уничтожить вшей, от которых страдали все. После дезинфекции их вновь посадили в товарные вагоны и повезли по знакомому маршруту через Каунас и Восточную Пруссию. В Каунасе они прошли поверхностную дезинфекцию и помылись

холодной водой – после этого некоторые простудились и несколько человек умерли. Вагоны были открыты; на каждой станции здоровым разрешалось выйти, чтобы размять ноги. На одной из разрушенных станций на территории Литвы узникам разрешили открыть паровой шланг локомотива и вымыться горячей водой⁶⁵. Их уже не так строго охраняли. Румынские охранники не сопровождали их в пути на запад; теперь охрана состояла из пожилых солдат вермахта, проявлявших сдержанную симпатию к узникам и разрешавших вытаскивать из вагонов разлагающиеся трупы – эпидемия продолжала свирепствовать. На пятый день пути они оказались в Кенигсберге. Там еще существовала маленькая еврейская община, и ее представители прибыли на небольшом грузовике и забрали 50 трупов, которые обещали захоронить⁶⁶. Пока узники ждали на станции, они удостоились исключительного жеста: гражданские, ожидавшие поезда с ранеными немецкими солдатами, щедро наделили евреев едой.

В марте 1942 года, после десятидневного пути, в исходный пункт в Бреслау вернулись приблизительно 120–150 выживших – меньше половины евреев, отправленных с зимним транспортом⁶⁷. Целые сутки состав простоял на станции с запертыми в вагонах заключенными, и никому не было до них дела. Евреи чувствовали, что «эти, из организации Тодта, избавились от нас, передали товар»⁶⁸. На следующий день несколько грузовиков перевезли их в Гросс-Массельвиц. Узники лагеря с изумлением смотрели на них – заросших, бородатых, высохших и бледных. Их разместили на время карантина в каменном здании и несколько дней держали в кроватях – и никто не интересовался их судьбой. Тиф снова усилился, больные бредили в жару; вскоре эпидемия распространилась на других узников лагеря и даже на немцев. Еще через несколько дней евреев из транспорта перевезли на поезде в лагерь Аннаберг, там их ждали последние письма от родных. В лагере уже не было евреев. Доктор Лайтнер потребовал вызвать еще врачей для борьбы с болезнью, и через несколько дней

⁶⁵ Свидетельство Йосефа Анзеля.

⁶⁶ Свидетельство Александра Вайнрайха.

⁶⁷ Выжившие указывают март или апрель 1942 года как время возвращения в Силезию.

⁶⁸ Свидетельство Авраама Тимберга.

из Сосновца прибыл доктор Шмуэль Миттельман. По его словам, весной 1942 года его вызвали в здание юденрата в Сосновце; Монек Мерин, председатель «Централи»⁶⁹, проводил его к Генриху Линднеру, представителю организации Шмельта. Линднер спросил его: «Ты врач? У меня в Аннаберге гриппозные больные, их нужно лечить. Ты поедешь туда сегодня же, под охраной. Ты знаешь, что такое Аушвиц?»

Ему разрешили вернуться домой за вещами, а затем он отправился на станцию – в сопровождении эсэсовца, который остановил на улице прохожего-еврея и заставил его нести докторский чемодан. В Аннаберге доктора Миттельмана привел в ужас вид больных, ослабевших от температуры, едва державшихся на ногах. Он сразу понял, что речь идет не о гриппе, а об эпидемии сыпного тифа, и осознал всю тяжесть своей ответственности: «Как врач я был потрясен тем, что в самом сердце Силезии вспыхнула эпидемия»⁷⁰.

Доктор Миттельман приступил к работе. Лекарств не было; кроме доктора Лайтнера, не было и медицинского персонала. Доктор Миттельман немедленно отправил Лайтнера в Сосновец, в отдел здравоохранения юденрата, с просьбой о помощи. Он решил сообщить командиру лагеря, представителю ОТ, об эпидемии тифа. Территория была изолирована, из гетто прибыли несколько фельдшеров и медсестер. Через несколько дней из Оппельна (ныне Ополе, Польша) приехала комиссия, состоявшая из старших офицеров, но в лагерь не вошла, убоившись заразы. Как только название болезни было произнесено во всеуслышание, доктор Миттельман попал в подчинение к главному врачу округа Оппельн; при его посредничестве пробы с анализами крови больных были переданы в институт в Бойтене (ныне Бытом, Польша). Больные снова прошли дезинфекцию; для спасения от жажды принесли ведра с кипяченой водой, и выздоравливавшие поили ослабевших. Достать лекарства было трудно, хотя юденрат предоставил деньги для их приобретения. Доктор Миттельман

⁶⁹ Моисей (Монек) Мерин был председателем созданного по инициативе оккупационных властей Центрального бюро (по-польски – *Centrala*) еврейских советов старейшин восточной Верхней Силезии, номинально руководившего всеми юденратами этой области. – *Прим. ред.*

⁷⁰ Свидетельство доктора Шмуэля Миттельмана: АЯВ. ОЗ/2646. Доктор Миттельман был впоследствии переведен в Аушвиц и освобожден в Дахау.

даже получил разрешение выйти за пределы лагеря и купить лекарства в городской аптеке. Несмотря на все трудности, за четыре недели доктору Миттельману удалось вылечить большинство больных; двенадцать человек умерли и были погребены по еврейскому обряду на ближайшем кладбище. Через месяц молодые люди окрепли настолько, что уже могли пробираться в лагерьный сарай и воровать гниющую там картошку. Выздоровливающих, под охраной пожилых солдат вермахта и вспомогательной полиции, использовали на легких работах. Они оставались в Аннаберге до приезда Геншильда в июле 1942 года. Геншильд провел построение, понаблюдал за строевыми упражнениями, которые возвращенным с востока евреям приказали продемонстрировать, и объявил доктору Миттельману: «Да, я доволен, но ты останешься при мне, а эту молодежь снова отправят на работу»⁷¹.

После построения Геншильд отправил молодых людей в лагерь Грейдиц, Маркштадт и Бунцлау⁷². Весть о группе выживших распространилась по лагерям, и их встречали с уважением и долей изумления: «Вы из Ост-айнзац?» После столь страшного путешествия им давали иногда работу полегче⁷³. Но они недолго наслаждались своей славой: снова став узниками лагерей организации Шмельга, они разделили судьбу остальных евреев восточной Верхней Силезии, заключенных в лагерь принудительного труда. После расформирования организации в 1944 году они превратились в безымянных узников Аушвица или Гросс-Розена.

Заключение

Как было сказано выше, мы не располагаем документами, связанными с решением включить еврейскую молодежь из РАБ-лагерей в оперативную команду, и не знаем, как была совершена сделка между руководством Рейхсавтобана, организацией Тодта

⁷¹ Там же. Геншильд направил доктора Миттельмана на работу в еврейскую больницу в Сосновце; доктор Лайтнер и санитарная команда остались в лагере Аннаберг. Доктор Лайтнер выжил и после войны эмигрировал в США.

⁷² Свидетельства Йосефа Анзеля, Густава Ицковича (АЯВ. М49/498) и Аарона Ауэрбаха (АЯВ. О3/5251); Hans W. Wollenberg, *...Und der Alptraum wurde zum Alltag: Autobiographischer Bericht eines jüdischen Arztes über NS-Zwangsarbeitslager in Schlesien (1942–1945)* (Pffaffenweiler: Centaurus, 1992), S. 66.

⁷³ Свидетельства Авраама Хорнунга, Йосефа Анзеля и Александра Вайнрайха.

и организацией Шмельта. Нет в нашем распоряжении и документов, позволяющих установить, предполагалось ли отправление других транспортов с евреями из Силезии. Уцелевшим казалось, что «это был эксперимент. Нам было известно, что должны прибыть еще люди. Мы были первыми, на ком решили проверить, справимся ли мы с этой работой»⁷⁴; позднее же «мы знали, что они собираются отправить нас обратно в Германию, что они не добились успеха с нашим транспортом»⁷⁵. Другой выживший утверждал: «Мы знали, что после нас евреев уже не посылали на работу на восток»⁷⁶. Так или иначе, весной 1942 года организация Шмельта коренным образом изменила политику использования принудительного труда евреев: было решено закрыть и расформировать лагеря, управлявшиеся непосредственно Рейхсавтобаном, и перевести еврейских рабочих под прямой контроль организации Шмельта – в новые лагеря, построенные вблизи предприятий военной промышленности или на их территории. Гиммлер требовал (обходя тем самым идеологический аспект), чтобы эти евреи обслуживали прежде всего строительные проекты и нужды фронта. Лагеря были расширены; в соответствии с требованиями различных предприятий организация разработала процедуру распределения подневольных рабочих и их перевода с места на место.

Стоит отметить, что в вопросах, связанных с национальной принадлежностью рабочих, ОТ обычно следовала четким правилам. Только немецким гражданам разрешалось носить форму. Идея ношения формы немецкими гражданами отвечала двум целям: форма подчеркивала военный характер ОТ и позволяла рабочим ощутить свой особый статус. Вот как сказал об этом представитель организации по связям с общественностью:

*Использование организацией иностранной рабочей силы растет, и чтобы немецкие рабочие не подумали, будто они лишь немногим лучше, если вообще лучше, военнопленных и иностранных рабочих, их следует обеспечить особой формой*⁷⁷.

⁷⁴ Свидетельство Авраама Хорнунга.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Свидетельство Йосефа Анзеля.

⁷⁷ Vagts, *Hitler's Second Army*, p. 129.

Работники-немцы были самой многочисленной группой рабочих *ОТ*, и они носили форму организации. Иностранные рабочие, так называемые «фронтовые рабочие» (*Frontarbeiter*), которым было дозволено принести клятву верности фюреру, носили значок организации на берете, погон со шнуром и повязку с указанием разряда на левой руке. Еще одной группой иностранных рабочих были «оперативные рабочие» (*Einsatzarbeiter*) – они проходили трехмесячный испытательный срок, после чего удаивались права работать на организацию. Они считались добровольцами, работали в особых командах, не носили значок на берете, а их нарукавная повязка была коричневого цвета. Им не приходилось приносить фюреру клятву верности. Кажется, из всех рабочих *ОТ* на оккупированных восточных территориях эта группа по своему положению была ближе всего к еврейским заключенным, отправленным на восток и получившим рабочую одежду, похожую на форму. Примерно таков же был статус иностранных рабочих, мобилизованных на работу без испытательного срока: представители разных национальностей (в основном поляки и чехи), они не носили форму и использовались на вспомогательных работах (*Hilfsarbeiter*). Они были временными рабочими организации Тодта, их не отправляли в прифронтовые районы, они не считались «оперативными рабочими». В организации работали также немцы, непригодные к военной службе. Они носили гражданскую одежду, а на рукаве – коричневую повязку с надписью *Arbeit für OT*⁷⁸. Всем рабочим в обязательном порядке выдавалась трудовая книжка организации, и только уцелевшие еврейские рабочие не упоминают о получении каких-либо документов.

Следует подчеркнуть и другой аспект этой истории: руководство организации Шмельта прилагало немалые усилия для лечения евреев, переживших путешествие на восток, – в то самое время, когда евреев восточной Верхней Силезии та же организация посылала на смерть, когда во всех лагерях ОШ проходили селекции, выявляя больных и ослабевших, подлежащих уничтожению в Аушвице. Качество лечения удивляло медицинский персонал из Сосновца, который ухаживал за больными в лагере Аннаберг: возвращение больных тифом евреев в Рейх, решение об их лечении и выделение на это лекарств были событиями чрез-

⁷⁸ Seidler, *Die Organisation Todt*, S. 171.

вычайными. Видимо, в те дни ощущалась отчаянная нехватка рабочей силы, и организация не могла себе позволить отказаться от молодых евреев, выдержавших все тяготы труда на востоке. А может быть, по иронии судьбы, это было сдержанное проявление уважения к тем, кто был включен в оперативные команды и отправлен на восток с немецкими солдатами и гражданскими лицами.

В апреле 1942 года, с началом второго этапа восстановления железнодорожной сети и мостов, руководству Рейхсавтобана пришлось выделить 50 000 рабочих для продолжения работ. На сей раз привозные рабочие не использовались. Директива от 18 мая 1942 года предписывала руководству железных дорог на оккупированных территориях использовать (причем только для насущных нужд фронта) местную рабочую силу – чтобы немецкие рабочие могли вернуться в Рейх⁷⁹. В значительной мере именно этот подход и обеспечил Альбрехту Шмельту полный контроль над тридцатью еврейскими лагерями, узниками которых прежде распоряжался Рейхсавтобан. Перевод лагерей в ведение организации Шмельта отразился в названии – они стали называться «лагерями принудительного труда для евреев» (*Zwangsarbeitslager für Juden – ZALfJ*)⁸⁰. Отныне подневольных еврейских рабочих организации Шмельта посылали на промышленные и военные предприятия, обслуживавшие нужды фронта, а на востоке для строительства шоссейных и железных дорог старались использовать местную рабочую силу, хотя при этом приходилось сталкиваться с серьезными проблемами. Местные рабочие и представители оккупированного населения бежали с рабочих мест и присоединялись к партизанам⁸¹.

Строительные работы на востоке требовали огромных расходов. В 1942 и 1943 годах на строительство на востоке было потрачено 20 000 000 рейхсмарок, а в целом расходы на работы, произведенные организацией Тодта, на содержание рабочих и на другие нужды операции «Якоб» (1943–1944 годы) достигли 1 400 000 000 рейхсмарок⁸². Шпеер, недовольный темпами и стоимостью ра-

⁷⁹ Pottgiesser, *Die Deutsche Reichsbahn*, S. 50.

⁸⁰ Gruner, "Juden bauen die 'Straßen des Führers'", S. 803.

⁸¹ Seidler, *Die Organisation Todt*, S. 100.

⁸² *Ibid.*, S. 100.

бот, 22 июня 1942 года резко упрекнул Рейхсбан: «У Рейхсбана нет оснований гордиться своими достижениями»⁸³.

Первая и единственная попытка использовать еврейских заключенных из рабочих лагерей организации Шмельта в надежде ускорить работы на востоке не увенчалась успехом. Сотни километров проложенных рельсов дорого стоили молодым евреям – и тем, кто погиб и был похорон в снегах, и тем, кого после страшного путешествия на восток ожидали новые страдания в лагерях организации Шмельта и в рабочих лагерях Аушвица и Гросс-Розена.

Впервые опубликовано на иврите и по-английски как

“Jews in the Service of ‘Organization Todt’ in the Occupied Soviet Territories,”
in *Yad Vashem Studies* (Hebrew), vol. 29 (2001), pp. 53-83.

Перевод с иврита Кати Гусаровой.

⁸³ *Ibid.*, S. 99.

Антон Вейсс-Вендт

БИЗНЕС ВЫЖИВАНИЯ: ООО «БАЛТИЙСКАЯ НЕФТЬ»
И ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ДЛЯ ЕВРЕЕВ
В ЭСТОНИИ

Введение

Понятие «уничтожение трудом» широко используется для обозначения переходной стадии между дискриминацией и массовым убийством. Однако в последнее время некоторые историки Холокоста модифицировали эту концепцию, утверждая, что использование еврейского принудительного труда предшествовало планам нацистов уничтожить евреев как группу. Кристофер Браунинг и Вольф Грунер показали, что порой «трудовое использование [евреев] в изоляции» (*der geschlossene Arbeitseinsatz*) продолжалось до середины 1943 года.

Несмотря на суровую ретроспективную критику юденратов, которые старательно руководили подневольным трудом, пытались спасти остатки населения гетто, факт остается бесспорным: евреи, занятые на принудительных работах, имели хоть какой-то шанс выжить. В самом деле, использование принудительного труда евреев, хотя и в ограниченном масштабе, сохранялось в рамках «окончательного решения», и гораздо дольше, чем до сих пор полагали ученые. Браунинг утверждает, что, хотя sporadическое использование еврейского принудительного труда в Польше в 1942 и 1943 годах не отменяло конечных идеологических целей нацистов, некоторым узникам оно позволило выжить. Он говорит о «выживании посредством труда».

Самым горячим противником постоянного использования принудительного труда евреев был Генрих Гиммлер, который добивался еще более полного контроля над оставшимися в живых евреями, работавшими в военной промышленности, и над их неминуемой смертью. Восстание в Варшавском гетто побудило Гиммлера принять решение о ликвидации сохранившихся «рабочих гетто» на востоке. Поэтому между мартом и ноябрем почти все гетто в Польше и на оккупированных советских территориях были уничтожены, а их обитатели убиты. Согласно Браунингу, к ноябрю 1943 года одержимость Гиммлера, жаждавшего избавить континентальную Европу от евреев, несколько ослабла. Острая

нехватка рабочих рук оказалась решающим фактором и продлила существование горстки рабочих лагерей и гетто¹.

Грунер рисует более обширную картину, исследуя динамику еврейского принудительного труда в Германии, Австрии, протекторате Богемии и Моравии и в Польше. Он настаивает на том, что «трудовое использование евреев в изоляции» было возможно благодаря ограниченной роли СС в планировании принудительного труда и в управлении им. Решающий голос принадлежал немецким государственным учреждениям и частным предприятиям, а они ставили во главу угла нужды военной экономики и, прежде всего, вооружения. В конце 1942 года в Германии и Польше все еще проживали около 400 000 евреев, занятых принудительным трудом. Общее число рабочих лагерей и гетто, действовавших между 1938 и 1943 годом и не относившихся к системе концлагерей, вероятно, достигало 1300. Если не считать нескольких ссылок на гетто Лодзи, просуществовавшее до 1944 года, Грунер заканчивает свое исследование 1943 годом. Лишь вкратце он упоминает о том, что программа еврейского принудительного труда была распространена на Западную Европу и Советский Союз². Этот примечательный лаконизм указывает на недостаток информации о принудительном труде евреев на оккупированных советских территориях (начиная с лета 1943 года). Борьба между немецкой промышленностью и СС за еврейский труд на нефтяных месторождениях Галиции в 1941–1944 годах представляется здесь единственным исключением. Постоянное использование еврейского принудительного труда в районе Карпат больше всего напоминает ситуацию в Эстонии³.

До сего дня ученые исследовали феномен еврейского принудительного труда, фокусируясь на структурах и организации.

¹ Christopher Browning, *Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), pp. 58–60, 79–88.

² Wolf Gruner, *Jewish Forced Labor under the Nazis: Economic Needs and Racial Aims, 1938–1944* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), pp. ix–xvii, 31, 275, 278–292.

³ См. Thomas Sandkühler, *“Endlösung” in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944* (Bonn: J.H.W. Dietz, 1996), особенно гл. 9; Rainer Karlsch and Raymond Stokes, *“Faktor Öl”: Die Mineralölwirtschaft in Deutschland 1859–1974* (München: C.H. Beck, 2003), pp. 218–232; Bernd Schmalhausen, *A Man of Courage in an Inhuman Time: Berthold Beitz in the Third Reich* (Jerusalem: Yad Vashem, 2006).

Статьи о принудительном труде евреев в Энциклопедии Холокоста⁴, например, организованы географически, по принципу «из лагеря в лагерь». Недавняя работа Кристофера Браунинга, касающаяся лагерей-заводов в Стараховице, является, вероятно, одним из самых подробных исследований, связывающих использование еврейского труда с определенной отраслью промышленности.

Ни одна из немецких компаний, чье имя вписано в историю преследования евреев нацистами, не удостоилась такого внимания историков, как «И.Г. Фарбен», в то время крупнейшее в мире химическое предприятие. Это не удивительно – достаточно вспомнить количество избыточных свидетельств, представленных на суде над «И.Г. Фарбен» в Нюрнберге в 1947–1948 годах. Массовое производство газа «Циклон Б» одним из филиалов «И.Г. Фарбен» стало одной из известнейших особенностей геноцида евреев в нацистской Германии. По стечению обстоятельств, именно «И.Г. Фарбен» (совместно с корпорацией «Дрезднер банк») приобрела в 1938 году акции эстонского концерна по производству синтетических нефтепродуктов⁵. Пять лет спустя потребности нефтяной промышленности играли центральную роль в решении основать в Эстонии сеть лагерей принудительного труда для евреев.

Исследования, посвященные лагерям принудительного труда для евреев, немногочисленны. До недавнего времени единственной доступной книгой на эту тему оставалось исследование Марка (Меира) Дворжецкого. Дворжецкий писал в 60-е годы, не имея доступа к советским источникам. Он сам пережил Холокост – и работа его, естественно, прежде всего посвящена испытаниям, перенесенным еврейскими узниками в Эстонии⁶. Опубликованные недавно воспоминания Германа Крука также содержат информацию об эстонских лагерях⁷. Альфред Штрейм, используя

⁴ Israel Gutman (ed.), *Encyclopedia of the Holocaust* (New York: Macmillan, 1990).

⁵ Vesa Vasara, "Die deutschbaltische Minderheit in Estland in der Zwischenkriegszeit: Wirtschaft und Finanzen" // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, Bd. 44 (1995), S. 583.

⁶ Mark Dworzecki, *Mahanot ha-yehudim be-Estoniya: Ha-tmurot be-shitat ha-hovalot u-ve-shitat ha-mahanot, amidat ha-asirim, ha-maheret, ha-briha le-yaarot* (Jerusalem: Yad Vashem, 1970).

⁷ Herman Kruk, *The Last Days of the Jerusalem of Lithuania: Chronicles from the Vilna Ghetto and Camps, 1939–1944* (New Haven: Yale University Press, 2002).

свое положение главы Центрального бюро по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, написал первую академическую статью, где в перечень лагерей на оккупированных советских территориях включены и лагеря, основанные в Эстонии в 1943 году⁸. Рут-Беттина Бирн в своем подробном исследовании эстонской полиции безопасности посвящает лагерям принудительного труда для евреев менее шести страниц⁹.

Наиболее авторитетным источником, касающимся нацистской оккупации Эстонии, остаются отчеты Эстонской международной комиссии, опубликованные в Таллине в 2006 году. В этот том входит статья о системе лагерей в Эстонии, которая убедительно доказывает связь между прибытием еврейских транспортов и потребностью в рабочей силе. Однако статья о военных действиях в Эстонии не упоминает эстонскую нефтяную (сланцевую) промышленность как фактор, усиливавший немецкое сопротивление наступавшим советским войскам¹⁰. Всеобъемлющее исследование Райнера Карльша и Реймонда Стокса заполняет этот пробел и дает общий обзор германской нефтяной промышленности в XIX и XX веках¹¹.

В настоящей статье я предполагаю рассмотреть принудительный труд евреев в Эстонии в контексте нацистской программы уничтожения и проанализировать политику «уничтожения трудом». Поэтому я не останавливаюсь подробно на условиях в конкретных лагерях – этот вопрос превосходно осветил Дворжецкий в своей книге. Я ставлю себе и другую цель – установить более тесную связь между системой лагерей для евреев и производством синтетической нефти. Я утверждаю, что экономические интересы Германии не только обеспечили выживание большинства евреев, оказавшихся в Эстонии в 1943 году и занятых принудительным трудом, но и определили ход военных

⁸ Alfred Streim, "Konzentrationslager auf dem Gebiet der Sowjetunion" // *Dachauer Hefte*, vol. 5 (November 1989).

⁹ Ruth-Bettina Birn, *Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944: Eine Studie zur Kollaboration im Osten* (München: Schöningh, 2006).

¹⁰ Riho Västriik and Meelis Maripuu, "Vaivara Concentration Camp in 1943–1944"; Toomas Hiio, "Combat in Estonia in 1944" // Toomas Hilo et al. (eds.), *Estonia, 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission* (Tallinn: Tallinnaraamatutrükikoda, 2005), pp. 719–38, 1035–1094.

¹¹ Karlsch, Stokes, "Faktor Öl" (особенно гл. 6). См. также книгу Dietrich Eichholtz,

действий в этой стране в следующем году. Противопоставляя концепцию Браунинга о «выживании посредством труда» концепции «бизнеса геноцида» (этой формулой Майкл Тед Аллен озаглавил свое исследование, посвященное принудительному труду в эсэсовских концентрационных лагерях), я пришел к выводу, что ситуацию в Эстонии в последние годы немецкой оккупации можно наиболее точно определить как «бизнес выживания».

*Значение эстонской сланцевой промышленности
для германской военной машины*

Горючие сланцы – единственное полезное ископаемое Эстонии. Залежи сланцев расположены в северо-восточной части страны и проходят вдоль линии железной дороги Таллин–Нарва. Поиск альтернативных источников топлива в последние годы Первой мировой войны заставил русское правительство взвесить возможность разработки сланцев, отличающихся низким выходом углеводородов. Однако во времена своей независимости Эстония не располагала достаточным капиталом, чтобы начать разработку сланцев. Только благодаря иностранным капиталовложениям эстонская сланцевая промышленность начала в 30-х годах стремительно развиваться¹².

Запасы сланцевой смолы¹³ в Эстонии в пересчете на сырую нефть оценивались в один миллиард тонн, в то время как запасы нефти в США, например, были тогда же оценены в четыре миллиарда тонн. Эстонские сланцы отличались очень высоким качеством: при перегонке они давали 20% сланцевой смолы (для сравнения: в Шотландии выход был 10%, а в Германии – только 4–7%). Этот показатель ставил эстонскую сланцевую смолу на первое место в мире. К середине 20-х годов производство по-

Krieg um Öl: Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel: 1938–1943 (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006), которая, впрочем, рассматривает прежде всего события на Кавказе.

¹² Uno Kaur, *Wirtschaftsstruktur und Wirtschaftspolitik des Freistaates Estland 1918–1940* (Bonn: Baltisches Forschungsinstitut, 1962), S. 68.

¹³ Богатая углеводородами смола, содержащаяся в горючих сланцах, по составу близка к нефти, но не идентична ей. Автор статьи говорит о нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности Эстонии, имея в виду предприятия, занимавшиеся сухой возгонкой смолы из сланцев и дальнейшей ее переработкой. – *Прим. ред.*

степенно переключилось с использования сырых сланцев на экстракцию смолы¹⁴.

Накануне Второй мировой войны производством нефтепродуктов в Эстонии занимались шесть компаний, пять заводов и восемь шахт. Эстонское государство извлекало значительную прибыль, продавая концессии иностранным фирмам и взимая особый налог на нефтепродукты. Частные компании, работавшие в Эстонии, были заинтересованы прежде всего в сырой сланцевой смоле (используемой для обогрева) и в производстве бензина¹⁵.

Во второй половине 30-х годов эстонская сланцевая промышленность достигла небывалого расцвета благодаря выгодным контрактам с немецкими компаниями. Начиная с 1935 года военно-морской флот Германии стал крупнейшим потребителем эстонских нефтепродуктов – германское производство топлива не поспевало за быстрым ростом ВМФ. Для обеспечения растущих потребностей флота нацистские эксперты в области экономики предложили заменить уголь сланцевой смолой. Первая поставка этого сырья для военно-морского флота Германии состоялась в марте 1937 года. Впоследствии были заключены и другие подобные договоры, так что только в 1939 году Германия получила из Эстонии 105 000 тонн сырой смолы и 5000 тонн бензина¹⁶. Благодаря иностранным (в основном немецким) кредитам между 1935 и 1939 годом производство сырой смолы и бензина в Эстонии утроилось.

Советская оккупация и последовавшая аннексия балтийских государств не нанесли серьезного ущерба экономическим интересам Германии. Как и прежде, немцы стремились во что бы то ни стало сохранить контроль над эстонской сланцевой смолой. Начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) Рейнгард Гейдрих был обеспокоен состоянием жизненно важных для нацистской Германии отраслей промышленности в Латвии и Эстонии. Первым номером в списке Гейдриха значился сланцеперерабатывающий завод в Кохтла-Ярве, самый большой из пяти

¹⁴ US Legation in Stockholm, Arvo Horm, report, "The Estonian Shale Oil Industry", June 2, 1944, National Archives and Records Administration (NARA), M-1170/23.

¹⁵ David Crowe, "The History of the Oil Industry in Independent Estonia" // *Nationalities Papers*, vol. 6 (1978), p. 11.

¹⁶ Manfred Rasch, "Zur Mineralölpolitik der Kriegsmarine: Dokumente aus dem Jahre 1935" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, vol. 71 (1985), pp. 83–85.

таких заводов¹⁷. Сразу после захвата балтийских государств Советским Союзом летом 1940 года экспорт сырой сланцевой смолы из Эстонии резко упал – с 14 241 тонн в июле до 3732 тонн в августе. В течение этих двух месяцев Германия закупила 450 000 тонн сырой нефти, главным образом в Румынии и Советском Союзе¹⁸. Несмотря на резкие разногласия между советской и германской сторонами, последняя выторговала поставку дополнительных 85 000 тонн сырой смолы из Эстонии¹⁹.

Немецкая 18-я армия вторглась в Эстонию 7 июля 1941 года. В сущности, для германских стратегических планов континентальная Эстония служила лишь транзитным путем в Россию. Кроме того, речь шла о контроле над производством синтетического бензина, а также о военном господстве в районе Балтийского моря. Несмотря на яростное советское сопротивление, к 7 августа немецкие войска добрались до Финского залива в Кунде; Красной армии грозило окружение. Однако в этот момент советские войска были спасены от неминуемого военного поражения решением немецкого командования передвинуть несколько дивизий к востоку – чтобы захватить комплекс сланцеперерабатывающих заводов между Кивиыли и Силламяэ²⁰. Советы не успевали уничтожить эстонскую сланцевую промышленность. Отдел минеральных масел (*Mineralöl Kommando*) «Север» при хозяйственном штабе «Восток» должен был присоединиться к 26-му корпусу немецкой армии по пути в Эстонию.

Отдел заявил притязания на сланцеперерабатывающие заводы еще до того, как войска вермахта захватили северо-восточную часть Эстонии. Сланцеперерабатывающий завод в Кивиыли пострадал меньше всего и поэтому первым подлежал восстановлению. Уже 26 августа 1941 года завод в Кивиыли начал функцио-

¹⁷ Глава РСХА Гейдрих – министру иностранных дел Риббентропу, 9.10.1939 (см. документ № 106 в Dietrich Loeber [Hg.], *Diktirte Option: Die Umsiedlung der Deutsch-Balten aus Estland und Lettland 1939–1941* [Neumünster: Karl Wachholtz, 1972], S. 129).

¹⁸ Бюро ОКВ WiRü, ежемесячный отчет о доставке минерального масла для германской военной промышленности, август 1940 года: Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA), RW19/202.

¹⁹ Rasch, "Zur Mineralölpolitik der Kriegsmarine", p. 83; Hans-Erich Volkmann, "Ökonomie und Machtpolitik Lettlands und Estlands im politisch-ökonomischen Kalkül des Dritten Reiches (1933–1940)" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 2 (1976), S. 496–500.

²⁰ Werner Haupt, *Baltikum 1941: Die Geschichte eines ungelösten Problems* (Neckargemünd: Kurt Vowinkel Verlag, 1963), pp. 96–120.

нирывать, выдавая ежедневно около 200 тонн продукции²¹. Не прошло и года, как немцы смогли восстановить все пять сланцеперерабатывающих заводов: в Кивиыли, Кохтла-Ярве, Силламяэ, Кохтле и Йыхви. Тем не менее их эффективность была ниже, чем перед войной. Нехватка рабочей силы не позволяла поднять производительность на довоенный уровень²².

В декабре 1941 года Гитлер назвал производство синтетического топлива делом первостепенной важности. Значение эстонского сланцевого месторождения существенно возросло к осени 1942 года, когда Советы сорвали попытку немцев захватить нефтяные месторождения на Северном Кавказе. Герман Геринг, возглавлявший Ведомство четырехлетнего плана, признал производство синтетических масел в Эстонии важнейшим промышленным достоянием Балтии²³. Геринг ориентировался на отданный Гитлером 12 октября 1942 года приказ восстановить эстонские сланцеперерабатывающие заводы²⁴.

27 марта 1941 года в Берлине была основана новая акционерная компания – «Континентальная нефть» (*Kontinentale Öl A.G.*). Официально «Континентальная нефть» должна была представлять интересы германской нефтяной промышленности за границей. В действительности же компания получила монополию (на девять лет) на разработку залежей нефти в оккупированной Восточной Европе²⁵. Общество с ограниченной ответственностью «Балтийская нефть» (*Baltische Öl GmbH*; далее – «Бальтише эль») было официально основано 1 октября 1942 года как филиал «Континентальной нефти». «Бальтише эль» получила большие концессии на разработку сланцевой смолы, нефти и природного газа в рейхскомиссариате «Остланд» и на соседних с ним территориях. Поставки сырой нефти и сланцевой смолы должны

²¹ АОК 18, IV Wi – в Отдел минеральных масел (*Mineralöl Kommando*) «Север», 9.7.1941: BA-MA, RW-46/298; АОК 18, IV Wi – в Отдел минеральных масел «Север», 10.8.1941; Wiln группы армий «Север» – в WiStab Ost, 27.8.1941: BA-MA, RW-46/299.

²² Бюро ГК Эстония, примечание, 15.5.1942: Эстонский государственный архив (далее – ERA), R-65/1/4.

²³ Докладная записка Геринга, 16.3.1943: Bundesarchiv Berlin (далее – BAb), R-6/286.

²⁴ Из письма, которое было переправлено компании «Бальтише эль» 19 июня 1943 года, ERA, R-187/1/7.

²⁵ *Berliner Börsen-Zeitung*, March 30, 1941; Бюро RMO, докладная записка, 15.11.1943: BAb, R-6/5.

были увеличиться со 100 000 тонн в 1943 году до 425 000 тонн в 1946²⁶. Планы развития сланцевой промышленности были изложены рейхсминистром вооружения и военной промышленности Альбертом Шпеером в ходе его визита в Эстонию 22 декабря 1943 года.

За год «Бальтише эль» разрослась в огромное предприятие; все пять сланцеперерабатывающих заводов работали на полную мощность. Помимо этих заводов «Бальтише эль» управляла семью открытыми карьерами и шахтами – некоторые достигали 75 метров в глубину²⁷. Получал эти нефтепродукты только немецкий военно-морской флот. В сентябре 1943 года «Бальтише эль» заключила пятнадцатилетний контракт с немецким ВМФ. Топливо для военно-морского флота Германии составляло 85 % общей продукции «Бальтише эль». Благодаря своим уникальным качествам сырая сланцевая смола оказалась отличным топливом для подводных лодок: будучи тяжелее воды, она не всплывает на поверхность, а значит, при поражении подлодки не выдаст ее противнику²⁸.

Технологи этих предприятий планировали также производство топлива для военных самолетов. Положение в Румынии, которая была основным поставщиком нефти для нацистской Германии, ухудшалось; пути снабжения в Южной Европе оказались в опасности. По мере того как сокращалась территория под немецким контролем, возрастало значение Эстонии для нацистской военной экономики. Например, эстонская сланцевая промышленность сыграла важную роль в развитии военных действий на Ленинградском фронте в первые девять месяцев 1944 года.

Поиски рабочей силы для «Бальтише эль»

Острая нехватка рабочих рук преследовала сланцевую промышленность на протяжении всего 1943 года. В распоряжении «Бальтише эль» оказалось в четыре раза меньше рабочих, чем работало на этих предприятиях в 30-е годы. Не было никакой на-

²⁶ «Бальтише эль», докладная записка, 8.9.1943: ERA, R-187/1/3. Контракт был подписан 12 февраля 1944 года.

²⁷ Rolf-Dieter Müller, *Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943* (Boppard: Harald Boldt Verlag, 1991), S. 210, 225.

²⁸ US Legation in Stockholm, Arvo Holm, report, "The Estonian shale oil industry", June 2, 1944, NARA, M-1170/23.

дежды восполнить нехватку местными кадрами – добыча сланцев развивалась в слабонаселенном районе. Бюро труда в Таллине давно признало, что не в состоянии обеспечить эту компанию рабочей силой. Более того, полицейское начальство не откликнулось на просьбу освободить шахтеров и рабочих промышленных предприятий от службы в полицейских батальонах и во вспомогательных силах полиции – «Омакайтсе» (*Omakaitse*). Отсутствие рабочей силы ставило под угрозу поставки сланцевой смолы, жизненно необходимые германскому военно-морскому флоту²⁹.

Стратегическое значение сланцевой промышленности обеспечило «Бальтише эль» самые благоприятные условия для поисков рабочей силы: ни одна отрасль промышленности Эстонии не имела права требовать рабочих, пока не будут удовлетворены потребности этой компании. Осенью 1942 года индустриальный гигант начал нанимать на работу крестьян, но и здесь не добился успеха. Для восполнения недостатка рабочей силы руководству компании требовалось не меньше 2250 рабочих, а найти удалось только 300. Ситуация была настолько критической, что немцы приостановили план отправки (часто принудительной) физически крепких мужчин из Эстонии в Германию³⁰.

В ноябре 1942 года нехватка рабочих на предприятиях «Бальтише эль» составляла 9000 человек, и тем не менее все просьбы о дополнительной рабочей силе были отклонены. В июне 1942 года провалилась попытка привезти около 500 строительных рабочих из Кенигсберга. В сентябре и октябре 1942 года «Бальтише эль» попыталась счастья в Литве. Бюро по найму в Каунасе и Вильнюсе отчаянно старались наскрести 500 рабочих для заводов в Йыхви и Кохтла-Ярве. Когда выяснилось, что на сборный пункт пришли всего несколько десятков человек, полиция начала облавы. После некоторой задержки в Эстонию были отправлены два транспорта – 23 и 26 октября³¹.

²⁹ «Бальтише эль», еженедельный отчет N4, 31.12.1941: ERA, R-187/1/10; «Бальтише эль» – генеральному комиссару Эстонии Лицману, 20.4.1942: ERA, R-65/1/4; Бюро ГК Эстония, примечания к генеральному плану по эстонскому району добычи сланцев, 27.1.1943: BAV, R-91/Reval/4. Общее число рабочих в Эстонии сократилось с 54 700 человек в 1937 году до 31 400 в начале 1942.

³⁰ Бюро ГК Эстония, отдел III – группенфюреру Астеру, 20.1.1943: ERA, R-65/1/113.

³¹ ГК Литвы фон Рентельн – рейхскомиссару «Остланда» (РКО) Лозе, 29.10.1942: BAV, R-91/Kauen-Land/1.

Не стоит недооценивать значимость этого факта при обсуждении вопроса об использовании еврейского принудительного труда. В то время как полиция хватала литовцев на улицах Каунаса и Вильнюса, пытаясь обеспечить рабочей силой предприятия «Бальтише эль», в Эстонию прибыли два транспорта с евреями – один из Терезиенштадта, а другой из Франкфурта и Берлина. Транспорт из Терезиенштадта прибыл в Раасику, возле Таллина, 5 сентября 1942 года и привез 1002 человек (мужчин и женщин), в то время как составной транспорт из Германии привез 1 октября еще 1049 узников обоего пола.

Около 1754 чешских и немецких евреев были убиты³² на месте особым подразделением эстонской полиции безопасности. Теоретически жертв этой акции можно было бы задействовать на принудительных работах по производству синтетических масел. Очевидно, осенью 1942 года никто еще не задумывался об использовании дешевого еврейского труда – вероятно, депортация евреев в Эстонию казалась неосуществимой. Возможно и другое объяснение: решение отправить в Эстонию два транспорта, которые по первоначальному замыслу предполагалось послать в Ригу, могло быть принято неожиданно, что и привело к нескоординированным действиям разных ведомств.

В январе 1943 года «Бальтише эль» сообщала о 7300 рабочих; среди них было 3200 эстонцев (гражданских лиц), 2000 советских военнопленных, 900 литовцев и латышей, занятых на принудительных работах, 800 штатных работников (в том числе 70 немцев) и 400 украинцев³³. Ряды бесплатной рабочей силы на предприятиях «Бальтише эль» пополнялись в основном советскими военнопленными. Неслучайно группа армий «Север» основала транзитный лагерь (Дулаг-377) в районе добычи и обработки сланцев. Однако к декабрю 1943 года «Бальтише эль» использовала труд 17 133 рабочих, в дополнение к 11 645 рабочим на службе организации Тодта (ОТ)³⁴. Прирост рабочей силы с июня 1943 года составил 24% – за счет принудительного труда евреев.

³² По поводу числа жертв см. Wolfgang Scheffler, Diana Schulle (eds.), *Book of Remembrance: The German, Austrian and Czechoslovakian Jews Deported to the Baltic States* (Munich: G. Saur, 2003), vol. 2, pp. 872–916.

³³ Отчет директора «Бальтише эль» Мати, 6.1.1943: ERA, R-187/1/3.

³⁴ «Текущее состояние "Бальтише эль"» (статистический отчет), 15.1.1943: ERA, R-187/1/3; WiStab Ost, стенограмма обсуждения, 17.3.1944: ERA, R-187/1/7.

Начиная с января 1943 года в канцелярии генерального комиссара в Таллине регулярно проходили встречи, на которых обсуждалось будущее сланценосного района. В этих консультациях постоянно участвовала немецкая полиция безопасности. В первой половине 1943 года немцы столкнулись с целым рядом неудач. Положение на фронтах ухудшалось; Главному командованию сухопутных сил (ОКХ) пришлось снять блокаду Ленинграда. Сланцевая промышленность Эстонии, жизненно важная для немецкой военной машины, срочно нуждалась в рабочей силе.

Как будто желая облегчить положение, 21 июня 1943 года Гиммлер приказал ликвидировать оставшиеся гетто в «Остланде». Трудоспособных обитателей гетто предполагалось перевезти в Эстонию, а остальных «эвакуировать на восток» (читай: убить). В Эстонии же евреев ожидали концентрационные лагеря³⁵. Депортация евреев в Эстонию должна была уравновесить планировавшийся вывоз 25 000 военнопленных из «Остланда».

19 июля приказ Гиммлера был передан немецкой полиции безопасности в Эстонии, а на следующей неделе – Экономической инспекции «Остланда» (*Wirtschaftsinspektion*). Чтобы предотвратить контакты евреев с местным населением, инспекция рекомендовала строить концентрационные лагеря прямо на сланцеперерабатывающих заводах или в непосредственной близости от них. В предвкушении наплыва евреев – бесплатных рабочих Фриц Заукель, главный уполномоченный по трудовой мобилизации, 17 июля посетил Отдел минеральных масел в Кивиыли, а затем, 25 июля, – сланцеперерабатывающий завод в Кивиыли³⁶. По мере приближения даты депортации все новые немецкие агентства в Эстонии подавали заявки на еврейских рабочих. Одним из основных игроков на этом поле была организация Тодта, которая в Эстонии эксплуатировала труд людей из шестнадцати стран. ОТ должна была предоставить в общей сложности 63 деревянных барака в распоряжение рабочих лагерей – уже действующих или только строящихся³⁷. Однако в еврейских рабочих ОТ нуждалась по другой причине.

³⁵ Rose Lerer Cohen and Saul Issroff, *The Holocaust in Lithuania, 1941–1945: A Book of Remembrance* (Jerusalem: Gefen, 2002), p. 30.

³⁶ Wiln Ostland, KTB, 19.7, 25.7, 26.7, 7.8.1943; Wiln Ostland, отдел сырья, еженедельный отчет, 18–24.7.1943; Wiln Ostland, отчет за июль 1943 года, 5.8.1943: BA-MA, RW-30/8.

³⁷ «Бальтише эль», докладная записка, 25.10.1943: ERA, R-187/1/6.

Чем ближе к границам Эстонии придвигался фронт, тем острее ощущали немцы необходимость защитить балтийский регион вообще и его сланцевую промышленность в частности. 12 августа 1943 года Гитлер отдал приказ о строительстве огромного фортификационного сооружения – так называемого «Восточного вала» (*Ostwall*), который тянулся бы от Черного моря на юге до Балтийского на севере³⁸. В середине сентября группа армий «Север» обнародовала план обороны вдоль реки Нарвы, известный как «линия “Пантера”». Вермахт должен был отступить на новые позиции к концу зимы – началу весны 1944 года³⁹. Линия изгиба реки Нарвы требовала сооружения укрепленного плацдарма непосредственно к востоку от города Нарва. Для работы только над этим проектом необходимы были около 20 000 рабочих. Военным подрядчикам приходилось всячески изворачиваться, чтобы закончить к зиме хоть часть работ⁴⁰. Один из сланцеперерабатывающих заводов предполагалось строить в Вайваре, вблизи зоны военных действий. Хотя управлению «Бальтише эль» очень не хотелось уступать часть своей рабочей силы ради строительства оборонительных сооружений, выбора не было, и им пришлось предоставить рабочих – в основном евреев.

Для более подробного обсуждения будущего размещения евреев д-р Мартин Зандбергер, глава немецкой полиции безопасности в Эстонии, встретился 20 июля с Вильгельмом Мати, директором «Бальтише эль». Прибытия первых 2800 евреев ожидали до сентября; 1000 человек должны были работать на шахтах, а остальные – на строительстве оборонительных сооружений. 7 августа Экономическая инспекция «Остланда» получила информацию о начале депортации работоспособных евреев из литовских гетто. Согласно намеченному графику, к концу месяца депортации должны были закончиться. Постановлением Гиммлера после 15 октября использовать труд евреев разрешалось только в концлагерях⁴¹. Согласно данным Хозяйственного управления

³⁸ ОКХ – группе армий «Север», 12.8.1943: ВА-МА, RH-19 III/293.

³⁹ Запись беседы между командующим группой армий «Север» фон Кюхлером, генералом Бремером и рейхскомиссаром «Остланда» Лозе, 19.9.1943: ВАР, 45/TL.

⁴⁰ Командующий группой армий «Север» фон Кюхлер – в штаб ОКХ, 19.8.1943; группа армий «Север», материалы к обсуждению линии «Пантера», 1.9.1943: ВА-МА, RH-19 III/293.

⁴¹ Wiln Ostland, KTB, 15.9.1943: ВА-МА, RW-30/8.

генерального комиссариата (*Wirtschaftskommando GK*) в Таллине, к началу осени 1943 года в Эстонию должны были прибыть не менее 10 000 евреев⁴².

К сентябрю 1943 года в Прибалтике оставалось около 54 000 евреев, из них 40 000 были признаны работоспособными⁴³. В еврейском гетто в Вильнюсе было около 20 000 обитателей, в Каунасе – 17 000. По подсчетам Ицхака Арада, четыре транспорта, отправленные из Вильнюсского гетто между 6 августа и 14 сентября, привезли в Эстонию от 7300 до 9130 евреев⁴⁴. После ликвидации Вильнюсского гетто в Литве остались гетто только в Каунасе и в Шяуляе. В результате депортаций из Каунасского гетто 15 сентября и 26 октября в Эстонии оказались 4500 евреев⁴⁵. Последняя крупномасштабная депортация в Эстонию состоялась в конце ноября 1943 года, когда из лагеря Кайзервальд (Межапарк) в Латвии прибыл транспорт с 500 евреями (мужчинами)⁴⁶.

Лагеря принудительного труда для евреев в Эстонии

Географическое размещение запасов горючих сланцев в Эстонии определило расположение лагерей принудительного труда для евреев. Основные залежи сланцев находились в треугольнике Раквере – Вайвара – Чудское озеро, и именно там были построены почти все лагеря принудительного труда для евреев. В Эстонии находились девятнадцать крупных лагерей (с востока на запад): Нарва, Нарва-Йыэсуу, Аувере, Путке, Вайвара, Вийвиконна, Соски, Куремяэ, Йыхви, Эреда, Кохтла, Сака, Кивиили, Сонда, Асери, Кунда, Ягала, Лагеди и Клоога. Некоторые из этих лагерей планировалось ввести в действие на считанные недели, однако функционировали они в течение многих месяцев. Стро-

⁴² WiKo Tallinn, отчет о положении за 30.7 – 28.8.1943: BA-MA, RW-30/59.

⁴³ Wiln Ostland, совещание 13–14.9.1943: BA-MA, RW-30/8.

⁴⁴ Yitzhak Arad, *Ghetto in Flames: The Struggle and Destruction of the Jews in Vilna in the Holocaust* (Jerusalem: Yad Vashem, 1980), pp. 420, 429–432.

⁴⁵ William Mishell, *Kaddish for Kovno: Life and Death in a Lithuanian Ghetto, 1941–1945* (Chicago: Chicago Review Press, 1988), pp. 160, 165, 167–172; Avraham Tory, *Surviving the Holocaust: The Kovno Ghetto Diary* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990), pp. 420, 456, 474–475, 507.

⁴⁶ Boris Kacel, *From Hell to Redemption: A Memoir of the Holocaust* (Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998), pp. 117–122.

го говоря, Ягала и Лагеди не были «рабочими лагерями». Лагерь Лагеди действовал только полтора месяца в августе и сентябре 1944 года; он был задуман как транзитный лагерь для евреев, отправленных в концентрационный лагерь Штуттхоф около Данцига (ныне Гданьск). Большие лагеря, такие как Вийвиконна, Кививыли и Эреда, были фактически поделены на две секции – именно поэтому в разных источниках данные о числе еврейских лагерей в Эстонии не совпадают. Кроме того, немцы управляли пятью малыми лагерями в Северо-Западной России, Южной Эстонии и Северной Латвии. Лагерная администрация СС находилась в Вайваре, примерно в 25 километрах к западу от Нарвы. Главой администрации в Вайваре был назначен гауптштурмфюрер СС Ганс Аумейер (до этого он служил заместителем Рудольфа Гесса в Аушвице).

Официально концлагерь в Вайваре был основан по приказу Гимmlера от 15 сентября 1943 года⁴⁷. Вайвара считалась «основным лагерем» (*Stammlager; Stalag*), и ей принадлежали многочисленные лагеря-спутники (*Aussenlager*), в большинстве своем – рабочие лагеря (*Arbeitslager*). Названием «Вайвара» часто обозначались все рабочие лагеря для евреев в Эстонии. Все заключенные евреи, прибывавшие в Эстонию, проходили через Вайвару, которая, собственно, и задумывалась транзитным лагерем (*Durchgangslager, Dulag*).

Немецкий персонал всех лагерей в Эстонии не превышал 50 человек, включая четырех женщин-охранниц. Несколько рот эстонского 287-го батальона полиции в Раквере и одна рота 290-го полицейского батальона в Тарту охраняли лагеря принудительного труда для евреев. Охранников, которые не допускались на территорию лагерей, было около 300 человек.

Евреев постоянно перемещали из лагеря в лагерь, в зависимости от потребностей хозяйства в тот или иной момент. Общее число евреев в эстонских лагерях принудительного труда возросло с 3000 в сентябре до 9207 в ноябре. Однако к маю 1944 года их число уменьшилось до 6565 человек⁴⁸. Еврейские заключенные

⁴⁷ РСХА, IV С, циркуляр Мюллера от 2.10.1942: ВАВ, R-58/1027.

⁴⁸ Данные взяты из отчетов д-ра барона Франца Бодмана (Эстонский исторический музей [далее – ЕАМ]. D 152/2/40). Английские переводы всех десяти отчетов можно получить в USHMM. Главный врач лагеря, Бодман играл ведущую роль в селекциях,

работали под надзором ОТ на различных работах – в строительстве, на вырубке деревьев, на сооружении дорог и железнодорожных путей, однако чаще всего – на добыче сланцев и возведении укреплений. Узники должны были ежедневно добывать по два кубометра нефтеносной породы, что давало около 100 литров сланцевой смолы.

Евреи впервые упоминаются в статистических сводках за сентябрь 1943 года. С 1 июля по 30 сентября число рабочих «Бальтише эль» и ее партнера ОТ увеличилось с 25 351 до 32 028 человек; из 7000 новых рабочих около 4000 были евреями⁴⁹. После короткой остановки в Вайваре заключенных распределяли по рабочим лагерям. Администрация «Бальтише эль» стремилась пополнить свои рабочие ресурсы, однако сомневалась, что евреи смогут заниматься физическим трудом⁵⁰. В самом деле, среди четырех групп рабочих евреи выделялись самой низкой производительностью труда. Совершенно очевидно, что страдавшие от недоедания, изможденные евреи были слабее всех, кроме того, у них не было опыта работы на сланцевых шахтах и нефтеперегонных заводах. В конце концов, лишь немногие предприятия «Бальтише эль» непосредственно использовали еврейских рабочих: 850 мужчин-евреев и 360 женщин-евреек составляли в общей сложности 7,5% рабочей силы⁵¹. Для сравнения: военнопленные, эстонцы и так называемые «остарбайтеры» составляли 40, 32 и 11,5% соответственно. Если бы немцы изъяли из рабочего процесса всех евреев, работавших на шахтах, выход продукции снизился бы на 5%. Однако если бы производство лишилось советских военнопленных, то производительность упала бы на 61%. Судя по всему, ОТ и «Бальтише эль» предпочитали военнопленных евреям. Тем не менее Экономическая инспекция положительно оценила общую работоспособность евреев и сочла, что при адекватном надзоре они могут быть усердными и надежными работниками⁵².

отбирая заключенных для казней. Согласно показаниям выживших, в июле 1944 года Бодман подписал приказ, санкционирующий казнь 10% еврейских узников.

⁴⁹ Отдел минеральных масел «Эстония», группа «Труд», обзор КТВ за 1.7 – 30.9.1943: BA-MA, RW-46/755.

⁵⁰ «Бальтише эль» – в WiStab Ost, 8.8.1943: ERA, R-187/1/6.

⁵¹ «Бальтише эль», статистический отчет о занятости, 31.1.1944: ERA, R-187/1/24.

⁵² Wiln Ostland, «Промышленность вооружения в РК «Остланд», отчет за 1.9.1941 – 8.8.1944: BA-MA, RW-30/203.

Очевидно, евреи из лагерей принудительного труда, по крайней мере вначале, в достаточной мере удовлетворяли растущие потребности «концерна-гиганта», как немцы называли ООО «Континентальная нефть». К ноябрю 1943 года спрос на рабочую силу в Эстонии был самым низким в Прибалтике. Чем больше евреев, военнопленных и «остарбайтеров» бесплатно трудилось в прибалтийской промышленности, тем больше эстонцев и латышей можно было освободить от трудовой повинности и впоследствии отправить на фронт сражаться против Советов. В Эстонии это дало зеленый свет для массового набора в дивизию Ваффен-СС⁵³.

Дилемма эвакуации

Лагерь принудительного труда для евреев в Эстонии закончили свое существование гораздо раньше, чем предполагали проектировщики. Неуклонное советское наступление заставило немцев задуматься о прекращении производства синтетических нефтепродуктов в Эстонии. Все, что происходило на «Бальтише эль», сказывалось на судьбе евреев. Не имея другого выхода, немцы всеми силами пытались продержаться в Эстонии. Агония длилась не менее полугода, по обе стороны фронта погибли более 100 000 человек. 20 января 1944 года немецкая армия начала отступление через Нарву. К 27 февраля 16-я армия завершила отступление к линии «Пантера»⁵⁴.

Советское наступление поставило немцев перед трудным выбором: держаться до последнего, обеспечивая производство нефти, столь важное для успешного функционирования армии, – или отступить, предварительно демонтировав оборудование и тем самым сохранив его? К 1 февраля 1944 года был готов план сноса предприятий (*Sprengplan*) в Силламяэ, Кохтла-Ярве, Кохтле, Кивиыли, Пюсси и Йыхви-Ахтме. Тем не менее высшее командование армии решило пойти на риск. 5 февраля фельдмаршал Вильгельм Кейтель передал приказ Гитлера продолжать работы в Кивиыли, Кохтла-Ярве и Йыхви. Гитлер запретил до специально-

⁵³ Wiln Ostland, Отдел вооружения, обзор развития промышленности вооружения в четвертом квартале 1943 года, 15.1.1944: BA-MA, RW-30/9.

⁵⁴ АОК 16, КТВ, черновая запись, 14.2 и 27.2.1944: BA-MA, RH 20-16/351.

го приказа эвакуацию упомянутых выше предприятий, при этом требуя, чтобы все ранее поставленные задачи были исполнены вовремя⁵⁵. Отдел минеральных масел «Эстония» тоже вмешался, приостановив перевод рабочих как с «Бальтише эль», так и с предприятий ее партнера ОТ. Колонны рабочих уже вышли на марш – им велели срочно возвращаться⁵⁶.

К середине февраля советские войска, наступавшие с юга, были готовы пересечь железнодорожную линию в Вайваре. Одновременно Советы попытались высадиться в Мерекюле, всего на несколько километров севернее. Угроза нападения заставила ОКХ отдать приказ о ликвидации шахты в Вийвиконне и сланцеперерабатывающего завода в Силламяэ⁵⁷. Решение убрать всех евреев из района сланцевой промышленности было принято 23 февраля, в ходе визита представителя Шпеера, д-ра Бёнинга, в Кивиблы. Шесть дней спустя Бёнинг обсудил план перемещения евреев с администрацией лагеря Вайвара. Предполагалось двумя пешими колоннами по 2500 человек отправить евреев из Эстонии в Латвию. Переговоры продолжились в марте, но без особого успеха. ОТ объявила, что будет использовать евреев на оборонительных работах, пока им не найдут замену, и откажется от них только в обмен на 2800 рабочих, желательно военнопленных. Тем временем от нового начальника немецкой полиции безопасности в Эстонии Бернхарда Баатца потребовали, чтобы эстонские полицейские батальоны, охранявшие еврейские лагеря, оставались на своих местах.

К марту весь район сланцевой промышленности был охвачен войной, однако 19 марта Гиммлер все еще не давал разрешения на отступление. В тот же самый день, в нарушение всех предыдущих соглашений, ОТ отправила еще 300 евреев строить укрепления в Саке. Желаемого эффекта не произвело и присутствие на встрече в Риге, состоявшейся на следующей неделе, Освальда Поля, главы Главного хозяйственно-административного управления СС⁵⁸.

⁵⁵ WiStab Ost, Муссерт – начальнику Отдела минеральных масел «Эстония», 5.2.1944: ERA, R-187/1/7.

⁵⁶ Отдел минеральных масел «Эстония», Штейн – Бёнингу, 1.2.1944: ERA, R-187/1/24.

⁵⁷ Отдел минеральных масел «Эстония», общий обзор за первый квартал 1944 года, 1.1 – 31.3.1944: BA-MA, RW-46/757.

⁵⁸ Отдел минеральных масел «Эстония», группа «Труд», КТВ, 15.2 – 25.3.1944: BA-MA, RW-46/757.

Наконец, 24 апреля из Риги пришла несколько обескураживающая новость: Берлин пересмотрел свое намерение выделить «Бальтише эль» 5000 военнопленных. Евреев приходилось оставить, пусть даже только временно⁵⁹. Несмотря на первоначальные затруднения, немцам удалось вернуть производство сланцевой смолы в Эстонии на прежний уровень. В самом деле, за исключением временного спада в феврале, производство смолы оставалось стабильным, а весной и летом 1944 года даже немного росло⁶⁰. По оценкам тех дней, «Бальтише эль» нуждалась по крайней мере в 12 000 рабочих для успешного функционирования всех шахт и сланцеперерабатывающих заводов.

К началу лета 1944 года нехватка рабочей силы стала критической. «Бальтише эль» и ОТ получили указания не эвакуировать уже занятых на предприятиях евреев, а – в случае крайней нужды и полного отсутствия другой рабочей силы – искать новых. «Тотальная война» была в самом разгаре. В начале июня состоялись трехсторонние переговоры между Вайварой, «Бальтише эль» и ОТ; заинтересованные стороны сошлись на том, что производству необходимы 6000 евреев – и тогда нефтяной поток не иссякнет. Аумейер обещал найти недостающих рабочих-евреев в наикратчайший срок. После этой встречи стороны-участницы принялись искать рабочую силу – в работники годились все, оказавшиеся в пределах досягаемости⁶¹.

Аумейер заинтересовался Венгрией и венгерскими евреями, депортировать которых начали еще в мае. Возможность прибытия еврейского транспорта из Венгрии была впервые поставлена на рассмотрение 6 июня. Два дня спустя было все еще неясно, кто прибудет: военнопленные, евреи или «остарбайтеры». Тем не менее 11 июня на станцию Кивиыли прибыл поезд с 500 венгерскими евреями. Среди других заключенных на этом поезде была Леа Меири из Кошице, словацкого города, аннексированного Венгрией. Как и другие еврейские женщины, она едва спаслась от смерти: в Латвию их перевезли из Аушвица. Половина евреев

⁵⁹ Отдел минеральных масел «Эстония», группа «Труд», КТВ, 24–30.4.1944: ВА-МА, RW-46/758.

⁶⁰ WiStab Ost, ежемесячный отчет, приложение 3, 23.8.1944: NARA, T-454/98.

⁶¹ Отдел минеральных масел «Эстония», группа «Труд», КТВ, 29.5 – 4.6.1944: ВА-МА, RW-46/758.

осталась в Риге, а вторую половину отправили дальше на север, в Эстонию⁶². «Бальтише эль» стало известно, что ожидается прибытие из Венгрии еще 3500 евреев, – и тоже женщин. Это не вполне отвечало потребностям «Бальтише эль»: предприятию нужны были шахтеры, металлисты и квалифицированные рабочие⁶³.

Такое положение не продержалось и двух недель. СС любезно предложили привезти еще евреев из Венгрии, но эстонский отдел минеральных масел отказался ввиду низкой производительности труда женщин и нехватки женского персонала для надзора за ними. Более того, Бюро главного уполномоченного по распределению рабочей силы как раз к этому моменту «нашло» еще 3000 военнопленных для Эстонии. Второй транспорт из Бистрицы (Трансильвания), который должен был прибыть в Эстонию 24 июня⁶⁴, отправился вместо этого в Латвию. Женщин же из первого транспорта «Бальтише эль» быстро освободила от работ; в конце концов их отправили на вырубку леса⁶⁵.

К середине июля на четырех строительных площадках – в Кивиыли, Кохтла-Ярве, Эреде и Кохтле – все еще оставались 3744 еврея. В результате перемещения (или полного вывоза из этих точек) военнопленных роль еврейских рабочих не только не уменьшилась, но даже возросла. «Бальтише эль» не могла больше продолжать программу строительства в Кохтла-Ярве, где до 60% рабочей силы составляли евреи. Поскольку евреи составляли 47% оставшейся рабочей силы, а производительность их была на 50% ниже средней, руководство объявило, что эстонской сланцевой промышленности больше не существует⁶⁶. Кроме эстонцев и немцев, все рабочие, и евреи в том числе, считались ненадежными. Надежные же рабочие (эстонцы и немцы) составляли всего 10% общей рабочей силы⁶⁷.

⁶² Свидетельство Леи Меири (Беер-Шева), 16.2.1967: Bundesarchiv Ludwigsburg (далее – BA1), 408 AR-Z 233/59, V22.

⁶³ «Бальтише эль», докладная записка, 2.6.1944: ERA, R-187/1/33.

⁶⁴ Отдел минеральных масел «Эстония», группа «Труд», КТВ, 5–25.6.1944: ВА-МА, RW-46/758.

⁶⁵ Christian Gerlach, Götz Aly, *Das letzte Kapitel: Realpolitik, Ideologie und der Mord an den ungarischen Juden 1944/1945* (Stuttgart u. München: DVA, 2002), S. 382–383.

⁶⁶ «Бальтише эль», докладная записка, 19.7.1944: ERA, R-187/1/24.

⁶⁷ Бюро РК «Остланда», III отдел, Мартин Маттизен, записка рейхскомиссару «Остланда», 7.7.1944: Institut für Zeitgeschichte (далее – IfZ), MA-793.

В мае начались переговоры о замене оставшихся 4500 евреев военнопленными⁶⁸. К началу августа «Бальтише эль» была готова переправить этих евреев в Восточную Пруссию, но ожидала личного разрешения Гитлера. Около 2050 евреев, уже перевезенных в окрестности Таллина, ожидали судна, которое могло бы забрать их в Штуттхоф. Остальные 2500 евреев должны были вскоре прибыть из района сланцевой промышленности⁶⁹. Тут и воцарился хаос. В ближайшие дни пришли несколько взаимоисключающих приказов. 4 августа Шпеер санкционировал перераспределение 14 000 рабочих «Бальтише эль» между армейской группой «Север», ОТ в Восточной Пруссии и так называемой «программой Гейленберга»⁷⁰. 9 августа армейская группа «Север» получила приказ Гитлера, приостанавливающий эвакуацию 4500 евреев с «Бальтише эль». Однако в 11.30 утра Аумейер приказал вывезти всех евреев со всех предприятий «Бальтише эль» к полудню того же дня. Еще через два дня – то есть 11 августа – ОТ получила подтверждение того, что Гитлер одобрил вывоз еврейских рабочих⁷¹. В самом деле, к 10 августа все оставшиеся в районе сланцевой промышленности евреи были сосредоточены в Кивиыли для отправки в Таллин, откуда они должны были проследовать в Восточную Пруссию. Однако в разгар подготовки к последней депортации, 13 августа, хозяйственный штаб «Восток» передал приказ Гитлера прекратить операцию⁷².

Румыния уже готовилась сдать Советам; неудивительно, что Гитлер не хотел уступать другой район, откуда поступало топливо. Теперь топливные резервы нацистской Германии могли пополняться только за счет производства синтетических неф-

⁶⁸ Wiln Ostland, отдел вооружения, дополнения к КТВ, 1–7.5.1944: BA-MA, RW-30/11.

⁶⁹ Отдел минеральных масел «Эстония», телеграмма, 8.8.1944: ERA, R-187/1/67.

⁷⁰ WiRü Amt, КТВ, 4.8, 5.8, и 10.8.1944: BA-MA, RW-19/203. 30 мая 1944 года Гитлер ввел в действие «программу Гейленберга» (по имени главного управляющего Брауншвейгского сталепрокатного завода Эдмунда Гейленберга), призванную защитить неуклонно сокращающееся производство топлива от бомбардировок союзников.

⁷¹ Отдел минеральных масел «Эстония», телефонограмма N1798, 8.8.1944; «Бальтише эль», докладная записка, 9.8.1944; инструкции о перераспределении рабочих между программами строительства, 17.7 – 13.8.1944: ERA, R-187/1/24; «Бальтише эль», Шён – в WiStab Ost, 12.8.1944: ERA, R-187/1/7.

⁷² Отдел минеральных масел «Эстония», группа «Труд», КТВ, 6–13.8.1944: BA-MA, RW-46/759.

тепродуктов в Эстонии⁷³. Тем не менее понятно также, что к последней неделе августа 1944 года Гитлер окончательно решил остановить реализацию нефтяной программы в Эстонии⁷⁴. Решение было твердым и безоговорочным: все 4150 евреев из района сланцевой промышленности должны быть перевезены на территорию Рейха. Один из самых больших транспортов с евреями и советскими военнопленными отбыл из Таллина 18 августа. Пять дней спустя все 4408 узников прибыли к месту назначения – в концентрационный лагерь Штуттхоф вблизи Данцига⁷⁵. В статистическом отчете, который ОТ послала «Бальтише эль» 12 сентября 1944 года, приведен список 8114 рабочих, среди которых нет ни одного еврея⁷⁶. К тому времени единственными евреями в Эстонии были узники лагерей Лагеди и Клоога под Таллином.

Массовые казни в Клооге 19 сентября 1944 года

К июню 1944 года в Клооге находились 2168 евреев⁷⁷ и 150 советских военнопленных. Узники этого лагеря были заняты сооружением барачков и бункеров. Но главное – в Клооге, и только в Клооге, производились бетонные подводные сигнальные мины. По понятным причинам Клоога была более безопасным местом для таких работ, чем Таллин, страдавший от советских воздушных налетов. В августе часть производственных линий была переведена из Таллина в Клоогу⁷⁸.

Массовая казнь евреев в Клооге не была неизбежна. Нацисты прибегли к убийству, когда поняли, что узников этого лагеря уже нельзя эвакуировать в Германию. Евреи и подавно подлежали эвакуации в последнюю очередь. Около 15 сентября командованию военно-морского флота в Клооге было приказано приступить к

⁷³ ОКМ, Дениц, докладная записка, 27.3.1944: BA-MA, RH-19 III/15.

⁷⁴ Фишер – в «Бальтише эль», Шён, 30.8.1944: ERA, R-187/1/7.

⁷⁵ Lukáš Příbyl, "Die Geschichte des Theresienstädter Transports 'Be' nach Estland" // *Theresienstädter Studien und Dokumente* (Institut Theresienstädter Initiative, 2001), S. 210.

⁷⁶ ОТ «Северная Россия» – в «Бальтише эль», 12.9.1944: ERA, R-187/1/24.

⁷⁷ Список заключенных-евреев, воспроизведенный в Zvika Dror (ed.), *Kloga be-peatei ha-zafon: Sipuram shel nizolei mahane ha-rikuz* (Kibuz Dalia: Maarekhet, 1997), pp. 65–126.

⁷⁸ WiKo Tallinn, отчет о положении за 30.7 – 28.8.1944: BA-MA, RW-30/59.

упаковке личных вещей для предстоящего отъезда⁷⁹. 4 сентября еще можно было найти место на судах, отправлявшихся в Рейх⁸⁰, но работы на предприятиях «Бальтише эль» должны были продолжаться⁸¹.

Вокруг остававшихся в Эстонии евреев медленно, но верно сжималось кольцо смерти. 10 сентября Баатц уполномочил особые команды СС в экстренных случаях проводить казни заключенных без предварительного уведомления⁸². К середине сентября была прорвана линия фронта в районе Тарту. 17 сентября то, что раньше было планом эвакуации, превратилось в приказ об эвакуации. Эстонию предстояло покинуть за два дня – то есть к 19 сентября. «Бальтише эль» заявила, что на эвакуацию ей требуются три дня, но времени торговаться уже не было. Армейская группа «Нарва» обеспечила «Бальтише эль» девятью поездами, которые и вывезли 8000 оставшихся рабочих из района сланцевой промышленности⁸³. Рано утром 18 сентября Главное командование армии выпустило приказ: предоставить в его распоряжение все транспортные средства, и прежде всего суда. Через несколько часов войска оцепили Таллин. К вечеру 18 сентября немцы закончили разрушение сланцеперерабатывающего завода в Кивиыли.

Все, что раньше работало на евреев, теперь обернулось против них. «Бальтише эль» считала, что советские военнопленные работают с большей производительностью, и без сожаления отказывалась от евреев. Поэтому когда стало ясно, что с тонущего корабля под названием Эстония не все и не всех удастся спасти, немцы ухватились за более ценную бесплатную рабочую силу – за военнопленных. В течение сентября немцам удалось эвакуировать почти всех военнопленных, занятых на «Бальтише эль». С материка на Моонзундские острова были перевезены в общей сложности 22 500 военнопленных⁸⁴.

⁷⁹ Допрос Вильгельма Фёлеса, Хюльз, 12.6.1966: BAL, 408 AR-Z 233/59, V17.

⁸⁰ Группа армий «Север», ежедневный отчет, 4.9.1944: BA-MA, RH-19 III/318.

⁸¹ ОКХ, отдел вооружения, КТВ, 5.9.1944: BA-MA, RW-46/28.

⁸² Начальник полиции безопасности в Эстонии Баатц – зондеркомандам *Hasselbach, Prellberg* и *Buchner*, 10.9.1944: ERA, R-59/1/69.

⁸³ Группа армий «Север», ежедневные отчеты, 16–18.9.1944: BA-MA, RH-19 III/318, 319; *Wiln Ostland*, промышленность вооружения в РК «Остланд», отчет за 1.9.1941 – 8.8.1944: BA-MA, RW-30/203.

⁸⁴ Группа армий «Север», ежедневный отчет, 27.9.1944: BA-MA, RH-19 III/319.

К тому времени евреи уже никого не беспокоили, их можно было пустить в расход. В 10.09 вечера 23 сентября из таллинской гавани отплыл последний корабль с немецкими войсками на борту. Отчеты об эвакуации не упоминают евреев из Клооги⁸⁵.

19 сентября, вскоре после полуночи, в штаб-квартиру немецкой полиции безопасности в Таллине явился для обсуждения проблемы Клооги д-р Бодман. Обсуждение длилось недолго: ввиду развала системы транспорта и быстрого наступления советской армии эвакуировать евреев из Клооги было невозможно. Решено было уничтожить их. Уничтожение поручили особой команде СС, которая немедленно отправилась в Клоогу⁸⁶. Убийство началось в 2.30 пополудни и продолжалось до поздней ночи. Когда 24 сентября Красная армия вошла в Клоогу, приветствовать ее вышли всего 108 уцелевших⁸⁷. Убиты были 1784 человек, в том числе 150 военнопленных.

*Выводы: экономическое обоснование
против расистской идеологии*

Авторы, писавшие о еврейских лагерях в Эстонии, соглашаются, что система лагерей Вайвары была создана ради эксплуатации труда, а не ради массового убийства⁸⁸. Объяснение относительно высокой доли выживания можно найти в сообщении командующего полицией безопасности «Остланда» Фридриха Панцигера от 19 февраля 1944 года. Ссылаясь на приказ Еккельна, Панцигер недвусмысленно запрещал казнить заключенных. Панцигер утверждал, что заключенные составляют значимую часть рабочей силы; кроме того, нельзя было допустить, чтобы массовые захоронения находились так близко от зоны военных действий⁸⁹.

В рабочих лагерях Эстонии случались убийства евреев, но до июля 1944 года не проводились массовые казни. Летом 1944 года СС провели «акции», в ходе которых уничтожили не меньше де-

⁸⁵ Группа армий «Север», ежедневные отчеты, 21–23.9.1944: ВА-МА, RH-19 III/319.

⁸⁶ Допрос Вальтера Шварце, Берлин, 8.4.1947: BAL, 408 AR-Z 233/59, V27.

⁸⁷ Документы ЧГК, список уцелевших в концлагере Клоога, осень 1944 года: ERA, R-364/1/204.

⁸⁸ Västriik and Maripuu, "Vaivara Concentration Camp in 1943–1944", p. 738; Birn, *Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944*, p. 182.

⁸⁹ Начальник полиции безопасности в «Остланде» Панцигер – начальнику ЕК 2 Трауту, 19.2.1944: IfZ, Fb-101/18.

сятой части узников лагерей (*10% Aktionen*). Казни такого типа, однако, были стандартной мерой устрашения в системе нацистских концлагерей в последние годы ее существования. Жертвами становились в основном люди, не способные заниматься физическим трудом, то есть пожилые, больные и остававшиеся до тех пор в живых дети. Уничтожение поручалось обычно лагерному персоналу СС, который при проведении крупномасштабных акций получал помощь от местных отделов немецкой полиции безопасности.

Трудно подсчитать число смертей среди еврейских заключенных в Эстонии. Ведь мы до сих пор не знаем точно, сколько евреев было депортировано в Эстонию из Литвы и Латвии летом и осенью 1943 года. В литературе настойчиво упоминаются 20 000 человек – оценка, основанная главным образом на свидетельствах уцелевших. «Бальтише эль» ожидала прибытия 10 000 или 12 000 евреев. Похожая цифра фигурирует в досье Аумейера, главы администрации Вайвары, – 8900 (число евреев, занятых принудительным трудом в Эстонии в феврале 1944 года)⁹⁰. Вероятно, из высокопоставленных немецких должностных лиц в Эстонии наиболее точными данными располагал фон Бодман, главный врач Вайвары. Самое высокое число заключенных-евреев появляется в его ноябрьском отчете за 1943 год – 9207 человек. К ним следует добавить по крайней мере 200 французских и 500 венгерских евреев, депортированных в Эстонию соответственно в мае и июне 1944 года.

В концентрационный лагерь Штуттхоф были отправлены, вероятно, все венгерские евреи и 15 французских евреев. На борту корабля, отплывшего из Таллина в Штуттхоф 18 августа 1944 года, было около 4150 евреев. В интересах Бодмана было преуменьшить показатели смертности в лагерях принудительного труда для евреев в Эстонии, что он и сделал. Десять отчетов, которые он составил между ноябрем 1943 и июнем 1944 года, содержат явные несоответствия: в качестве общей цифры по Эстонии он приводит 1423, однако если сложить статистику по отдельным еврейским лагерям, то получается 1711 человек. Еще менее достоверно выглядит сообщение о том, что около 1500 евреев были якобы вывезены из Кивиыли и Эреды в Ригу в феврале

⁹⁰ Отдел минеральных масел «Эстония», группа технической отчетности, КТВ, 16.2.1944: VA-MA, RW-46/757.

и апреле 1944 года. Но даже если детей и больных действительно переправили в Латвию, что маловероятно, то шансов пережить войну у них все равно не было. Таким образом, мы можем осторожно предположить, что в лагерях принудительного труда для евреев погибли 5572 человека.

Несмотря на ужасающую смертность, выжило около 45% узников. В контексте Холокоста, в свете ситуации в Восточной Европе, это действительно очень высокий процент. Эти евреи – живое свидетельство политики «выживания посредством труда».

В контексте Холокоста Эстония – исключительный случай, полный парадоксов. В Эстонию, первую страну в Европе, объявленную нацистами *judenrein* (в январе 1942 года, на печально знаменитой Ваннзейской конференции), два года спустя евреев свозили, как на свалку. Число евреев, депортированных между августом и ноябрем 1943 года в эту самую северную в Прибалтике страну из соседних Литвы и Латвии – а также из далеких Франции и Венгрии, – в десять раз превышало число евреев, убитых в той же Эстонии в конце лета и осенью 1941 года. В то время, когда нацисты прикладывали все усилия к уничтожению европейских евреев в Аушвице, транспорты везли узников ликвидированных Вильнюсского и Каунасского гетто в Эстонию, где было относительно безопасно. Даже в июне 1944 года транспорт из Бистрицы привез в Эстонию 500 евреев. Эти евреи, как еще тысячи их соплеменников из Прибалтики, должны были заниматься физическим трудом, их не собирались немедленно убить. Такому необъяснимому на первый взгляд отступлению от нацистской политики массового убийства – которую некоторые ученые считают результатом «кумулятивной радикализации» – должно быть какое-то объяснение, в рамках которого найдется место и местной специфике, и решениям центра.

В Эстонии немецкие чиновники не сталкивались с типичной для остальных стран оккупированной нацистами Европы дилеммой, когда надо, с одной стороны, очистить подведомственную территорию от евреев, а с другой – оставить в живых потенциальную рабочую силу. Согласно документам, евреев давно уже вычистили из Эстонии, так что о давлении со стороны центральных властей в Берлине речь не шла. Отметив это, историки, которые подчеркивают роль расистской идеологии в принятии решений о судьбе евреев, могут указать также, что чешских и немецких евреев, кото-

рых депортировали в Эстонию осенью 1942 года, почти всех убили на месте – как и оставшихся евреев Клооги в сентябре 1944.

Не оспаривая приоритета идеологии, заметим, что эти два случая массового убийства также проливают свет на политику «уничтожения трудом». По всей вероятности, до битвы под Сталинградом нацисты не собирались широко использовать евреев на принудительных работах. Косвенным образом это предположение подтверждается тезисом, который наиболее убедительно выдвигал Кристофер Браунинг. Он утверждает, что решение нацистов приступить к «окончательному решению» было принято в эйфории победы, а не в предчувствии военного поражения.

Иначе невозможно объяснить решение Гитлера от 9 августа 1944 года приостановить перевозку оставшихся еврейских рабочих с предприятий «Бальтише эль» (а перевозили их в лагерь Штуттхоф). После Сталинграда никто, начиная с Гитлера и Гимmlера и кончая местными немецкими администраторами и должностными лицами СС, не исключал возможности использования еврейского труда в Восточной Европе. Когда на карте стояло выживание Третьего рейха, идеология, пусть даже временно, уступала место прагматизму. Сохранение еврейской рабочей силы в Эстонии гарантировало непрерывное производство синтетических нефтепродуктов, жизненно необходимых для функционирования немецкой военной машины. Бойня в Клооге, однако, возвращает нас к конечной цели нацистов: что бы ни говорилось и ни делалось, расистская империя Гитлера прежде всего стремилась к уничтожению евреев.

Пример Эстонии опровергает концепцию Даниэля Гольдхагена, который описывает Холокост как прямолинейный процесс⁹¹. С другой стороны, я бы не заходил так далеко, как Вольф Грунер, который утверждает, что «принудительный труд ни в коем случае не может считаться частью нацистской программы уничтожения»⁹². В конечном итоге, идеология и привходящие обстоятельства не противоречили друг другу, а скорее дополняли друг друга в нацистской кампании по уничтожению евреев.

⁹¹ См. Daniel J. Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* (New York: Vintage Books, 1997), особенно главы о еврейском труде и о маршах смерти.

⁹² Gruner, *Jewish Forced Labor*, p. 289.

**ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ДЛЯ ЕВРЕЕВ В ЭСТОНИИ:
СЕНТЯБРЬ 1943 – ИЮНЬ 1944 ГОДА**

(по данным ежемесячных отчетов главного лагерного врача Франца фон Бодмана)

ЛАГЕРЬ	ЧИСЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ			
	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Асери				
Аувере		406	571	542
Эреда		245	630	752
Йыхви		201	258	264
Керстово		348	159	
Кививили		448	698	697
Клоога		1453	1853	1851
Кохтла				
Кудупе				
Кунда		70	200	200
Куремяэ		150	462	459
Лагеди				
Нарва		1548	1393	1290
Нарва-Йыэсуу			300	261
Паниковичи			250	250
Печоры				
Путке				145
Сака				
Сланцы				
Сонда				
Соски		495	495	448
Юленурме				127
Вайвара	1100	907	1237	1190
Вийвиконна 1	900	701	701	699
Вийвиконна 2	1300			100
ИТОГО ЗАКЛЮЧЕННЫХ	3300	6982	9207	9148
ИТОГО СМЕРТЕЙ	42	208	307	168

*EAM, D152/2/40. Кудупе, Керстово, Паниковичи и Сланцы находятся за пределами Эстонии. В таблице имеются арифметические неточности.

ЧИСЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ						ЧИСЛО СМЕРТЕЙ
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ	
				225	235	
531						83
753	1600	1907	1389	1051	1497	730
190						20
696	1300	1414	1303	1689	1698	49
1851	1857	1842	2080	2141	2122	77
	1200	1543	1326	1302	889	116
299						
200	200	231	231	232	232	1
444	850					94
1004						281
						33
98		513				11
340						19
		293	285	270	270	28
445						31
						9
1292						111
697						5
474						13
9111	8210	7878	6774	6565	6662	
200	245	124	84	45		1423

Впервые опубликовано по-английски и на иврите как "Baltic Oil' Ltd and Jewish Forced Labor Camps in Estonia," in Yad Vashem Studies, vol. 36, 2 (2008), pp. 45-71. Перевод с английского Иланы Романовской.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ааронович Ицхак 254
Абель Теодор 35
Абрамович Арон 208, 243
Абрамович С. 208
Агаджанян Ваган 232
Адам Уве Дитрих 52, 53, 63, 260, 269
Адлер Ганс Гюнтер 43
Адольф Эйхман 68, 85, 86
Айхенбаум Ицхак 295
Али Гёц 80
Аллен Уильям Шеридан 35
Альтер Виктор 145, 146
Альтер Нехемья 258
Альтман Жорж 249
Альтшулер Мордехай 10, 11, 225
Андерс Владислав 10, 121, 124-126,
131-138, 141-147, 151, 154-161,
164-166, 168, 169, 173-175, 184, 215
Анзель Йосеф 293, 296-299, 301, 303,
305, 307, 308
Антонеску Йон 55, 74
Анфилов Виктор 188
Анчель Жан 116
Арад Ицхак 10, 242, 326
Арендт Ханна 43, 44, 56
Арон Раймон 32
Астер 322
Аугсбург Владимир 195
Аумейер Ганс 327, 331, 333, 337
- Баатц Бернхард 330, 335
Балицкий Шимон 297, 301
Баршт Абрек 210
Бауэр Иехуда 31
Бах-Зелевски Эрих фон дем 288
Бёв-Мери Юбер 250
Безыменский Александр 236
Беловский Александр 219
Бёнинг 330
Бергер Готлоб 71
Бергман Я. 239
Березинский Лев 192
Бёрли Майкл 8
Берлинг Зигмунт 140, 164
Бескин Израиль 201, 203
- Бибов Ганс 82
Бирн Рут-Беттина 316
Битер Фишель 262, 266
Бланк Михаил 192
Блау Бруно 26
Блит Люциан 143, 144
Блок Жан-Пьер 249
Блок Марк 249
Бобович Владимир 191
Богорад Самуил 211
Бодман Франц 327, 328, 336, 337,
340
Болдин Иван 188
Борман Мартин 38, 65, 73
Ботвинник Абрам 189
Боулер Филип 100
Бохуш-Шишко Зигмунт 130, 151,
168-171
Брадфиш Отто 70
Брандт Рудольф 73
Браунинг Кристофер Р. 9, 43, 54, 66,
77, 115, 313, 315, 317, 339
Брахер Карл-Дитрих 39, 44, 48
Бремер Вальтер 325
Бринкман Рудольф 18
Бронятовска Саломея 256
Брошат Мартин 50, 51, 53, 54, 58, 60,
65-67
Бруссер Григорий 196
Бумагин Иосиф 225, 226
Бялик Хаим-Нахман 268
- Вайнберг Герхард 9, 97, 98
Вайнрайх Александр 298, 302, 303,
305, 307
Вайнрох Гершель 215
Вайнруб Евсей 206
Вайнруб Матвей 199, 200, 206
Вайс Аарон 31
Ваксман Исаак 200
Ванников Борис 221, 222
Варшавский Эльяким 295
Василенко – см. Весельницкий Израиль
Вахтерман, капитан 209
Вдовинский Давид 262, 266

- Вебер Ян 161
 Вейн Авраам 185
 Вейсс-Вендт Антон 7
 Верников Яков 210
 Весельницкий Израиль (Василенко) 219
 Вест Биниамин 250
 Виленский Вульф 205, 214
 Вилла, офицер СС 253
 Вильгельм Ганс-Генрих 34, 55, 57, 71, 335
 Вильчинска Стефания 256
 Винокур Леонид 201
 Вирт Кристиан 71, 74, 88
 Виттенберг Ицхак 258, 259, 261
 Власов Андрей 218
 Вовси Мирон (Меир) 212
 Волков Шуламит 94
 Волковысский, полковник 132, 134
- Гавлина Юзеф 171, 172
 Галадык Ян 149-151
 Галлай Марк 209, 210
 Гамарник Яков 179, 180
 Гамзон (Кастор) Робер 249
 Гастелло Николай 209
 Геббельс Йозеф 63, 66, 85, 87
 Гейдрих Рейнгард 27, 50, 55, 66, 68-72, 81, 85, 86, 88, 113, 251, 318, 319
 Гейленберг Эдмунд 333
 Гейнутдинов 237
 Гельман Полина 210
 Гельперн Дмитрий 238
 Гемлих Адольф 38
 Геншильд 275, 292, 307
 Геринг Герман 24, 25, 29, 50, 54, 62, 66, 70, 85, 320
 Герлах Кристиан 84, 90
 Гесс Рудольф 66, 70, 327
 Гиммлер Генрих 17, 23, 27, 41, 50, 59, 62, 66, 67, 70-74, 86-88, 90, 91, 276, 289, 308, 313, 324, 325, 327, 330, 339
 Гинденбург Пауль фон 19
 Гинзбург Семен 222
 Гитлер Адольф 16, 22, 23, 29, 30, 32, 34-38, 43-65, 67, 68, 70-75, 78-81, 84-88, 90-93, 99-102, 104, 108, 112-118, 203, 271, 283, 284, 286, 287, 320, 325, 329, 333, 334, 339
 Гликсман, член партии «Бунд» 139, 168, 170, 173
 Глик Хершке 274
 Глобочник Одило 71, 74, 91
 Гляйтман Пинхас 293
 Голль Шарль де 105, 249
 Гольдберг М., подполковник 203
 Гольдхаген Даниэль 339
 Гомельский Семен 189
 Горелик Зиновий 200
 Гофман К., майор 195
 Грабский Михаил 200
 Гребе Герман 252
 Грейзер Артур 67, 68, 93
 Гринбойм Ицхак 161
 Гриншпан Гершель 28
 Гройсман Борис 218, 219
 Гроссман Фрол 193
 Грунер Вольф 275, 313, 339
 Грухман Лотар 64
 Гудериан Гейнц 187, 192, 193
 Гудзенко Семен 235
 Гуревич Михаил 223
 Гуревич Наум 194
 Гури Йосеф 242, 251
 Гутман Исраэль 9, 10
 Гуттерман Белла 12
- Давидсон-Дренгер Юстина 269
 Давидсон Феликс 129
 Дворжецкий Марк (Меир) 11, 315
 Джеллатели Роберт 92
 Димантман Исраэль 264
 Дин Мартин 103
 Дитятковский Самуил 193
 Довгялло, польский офицер 167
 Дойчер Исаак 32
 Дорпмюллер Юлиус 286
 Дорш Ксавьер 278, 280
 Драгунский Давид 190, 194, 206
 Дубнов Шимон 269
 Дудзинский Казимеж 170, 171
 Дыскин Ефим 195, 236
 Дыскин Хаим – см. Дыскин Ефим
- Евстигнеев, полковник 131
 Еккельн Фридрих 67, 91, 336
 Еккельн Эберхард 46

- Елин Меер 238
 Енич Анджей 171, 172
 Ефет Евгений 191
 Жаботинский Владимир (Зеэв) 144
 Жуков Георгий Константинович 188
 Жуков Георгий Сергеевич 168, 169
 Зальцман Исаак 222
 Зандбергер Мартин 325
 Зауэр Вольфганг 33
 Зигель Юлиус 292, 293, 295
 Зильпер Илья 197
 Зингер Бернارد 151
 Зингер Михаил 218, 219
- Иванов Ефим 237
 Изус Семен 194
 Иоффе Михаил 213
 Ирвинг Дэвид 56, 75
 Ицкович Густав 307
- Кабо Исаак 211, 212
 Каверин Вениамин 236
 Каган Марк 141-143, 146, 147, 149, 152, 158
 Каган Николай 198
 Каганович Моше 240
 Казнав (Жак Таяр) 249
 Кайзер Конрад 28
 Калинин Михаил 241
 Калманович Зелиг 258, 262, 269
 Кантор Яков 239, 251
 Каплан Хаим А. 269
 Каплинский Ноах 257
 Карльш Райнер 316
 Кассен Рене 249
 Катунин Илья 210
 Кац Д., служащий польской армии 147, 148
 Каценельсон Ицхак 246, 261, 272
 Кватерник Славко 115
 Квитко Лейб 216
 Келесов – см. Яжемский Абрам
 Кемплер С. 262
 Кернер А., майор 208
 Кершоу Иан 61, 90
 Клейн Григорий 195
 Климковский Ежи 131
 Клугман Зусман 196
 Кноль 275, 292, 295
- Коан Луи 249
 Ковнатор Рахиль 236
 Ковпак Сидор 210
 Коган Григорий 194
 Когон Ойген 16
 Кондаков Н. 235
 Конинский Аарон 256
 Коновалов Вольф 211
 Коргерр Рихард 72, 73
 Корн Тувья 256
 Корчак Януш 256
 Котляр Леонтий 212, 213
 Кот Станислав 122, 124-127, 130-137, 139, 141-147, 150-152, 154-158, 160, 163, 164, 169, 170, 215
 Коэн Абраам 249
 Краснокутский Ефим 196
 Краузник Хельмут 49, 55
 Крейзель Авраам 266
 Крейзер Яков 189, 190, 195, 201
 Кривошеин Семен 190, 203, 206
 Кричман Михаил 200
 Крук Герман 269, 315
 Кубицек Август 47
 Кулька Отто-Дов 31, 60, 61, 64
 Куников Цезарь 202
 Кушнир Исаак 193
 Кюньль Рейнхард 42
 Кюхлер Георг фон 325
- Лавочкин Семен 223
 Лайтнер, доктор 295, 297, 301-305, 307
 Ламмерс Ганс Генрих 25, 65
 Лебединский Исаак 196
 Лёвенштейн Бертольд 28, 29
 Леви Андре 250
 Леви Жан-Пьер 249
 Леви Клод 250
 Левин Дов 123, 242
 Леви Робер 250
 Левитан Владимир 210
 Левит Владимир 212
 Лёзенер Бернгард 64, 71
 Лей Роберт 97
 Ленин Владимир 37
 Ленский Мордехай 257
 Либенштейн (Ливне) Элизер 159
 Лившин Самуил 208

- Линденберг Роман 211
 Линднер Генрих 275, 292, 306
 Литвак Йосеф 251
 Лихт Михал 128
 Лицман Карл Зигмунд 322
 Лозе Генрих 67, 68, 81, 322, 325
 Лонгерих Петер 84, 90, 113, 117, 118
 Лунц Борис 210
 Любовцев Илья 196
 Люстгартен Меер 129, 153
 Лютер Мартин, чиновник МИДа 68
- Майер Даниэль 249
 Маймонид (Рамбам) 257, 263, 272
 Маковский Иосиф 195, 236
 Манделькерн Соломон 245
 Маркус Эрнст 23, 29
 Мати Вильгельм 323, 325
 Маттизен Мартин 332
 Маттойс Юрген 77
 Меерсон Александр 193
 Меири Леа 331
 Мельников Яков 208
 Мерин Моисей (Монек) 306
 Меркль Петер 35
 Мехлис Лев 198, 203
 Мизрахи Самуэль 249
 Миколайчик Станислав 131, 161
 Микоян Артем 223
 Миркен Виктор 249
 Миттельман Шмуэль 306
 Михельсон Йехезкель 256
 Миш Карл 23
 Миштовт-Чиж Витольд 170, 171
 Моисеев Владимир 218
 Мок Жюль 249
 Молотов Вячеслав 132, 215
 Моммзен Ганс 31, 38, 46, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 63, 68, 69, 84
 Монтгомери Бернارد 107
 Морген Конрад 71
 Моцарский Леонид 198
 Муссолини Бенито 19, 39, 102, 108
 Мэсон Тим У. 41, 56
 Мюллер, оберштурмфюрер 253
 Мюллер Генрих 59, 72, 327
 Найгер Михаил 208
 Нейрат Константин фон 52
 Неменов Михаил 219
- Ниссенбаум Ицхак 259
 Нольте Эрнст 37, 46
- Окулицкий Леопольд 149, 150, 152
 Олендорф Отто 252
 Ошри Эфраим 258
- Павлов Яков 201
 Палевски Гастон 249
 Пальфингер Александер 82
 Панфилов Алексей 137, 138, 195
 Панцигер Фридрих 336
 Паперник Лейзер (Лазарь) 198, 235
 Паулюс Фридрих фон 201
 Перель Шимон 129
 Перец Ицхок-Лейбуш 249, 268
 Персов Самуил 236, 237
 Петцольд Курт 40
 Печерский Александр 217
 Пилсудский Юзеф 121
 Пинский Давид 268
 Плоткин Михаил 209
 Побуг-Малиновский Владислав 165, 166
 Полтавская Евгения 198
 Поль Освальд 330
 Попов Ефим (Хаим) 202
 Порат Дина 31
 Приблуда Абрам 239
 Принц Артур 17
 Пронин Семен 189
 Пстроконьский Станислав 131, 167
 Пфайффер Ганс Фридрих 59, 72
- Рабинович Яков 213
 Райс Аншел 160
 Рамбам – см. Маймонид
 Расскин Арсений 191, 210
 Ратнер Владимир 189
 Рат Эрнст фом 64
 Редер Эрих 117
 Реймер К.А., майор 190
 Ремба Нахум 256
 Рентельн Адриан фон 322
 Риббентроп Иоахим фон 27, 319
 Римский Вольф 200
 Римский Лев 178, 179, 192, 198, 200, 203
 Рингельблюм Эммануэль 246, 256,

- 260, 269, 270
 Rogozный Зиновий 192
 Родриг Арон 61
 Розенберг Альфред 65, 91
 Розен-Щекач Леон 142, 145, 147, 149-153
 Розмарин Хенрик 160
 Ройтенберг Григорий 193
 Роммель Эрвин 97, 102, 114
 Ротмунд Генрих 26
 Рошаль Семен 178
 Рубинович Давид 269
 Рудашевский Ицхок 269
 Рузвельт Франклин Делано 105, 106, 119
- Самойлович И.М., майор 194
 Сацункевич Иван 232
 Свердлов Абрам 211
 Свердлов Аркадий 211
 Свердлов Федор 213
 Свердлов Яков 178
 Сегаль Грегор 30
 Сегал Яков 196
 Сераковяк Давид 269
 Сикорский Владислав 121, 122, 124, 126, 130-135, 137, 139, 141, 142, 145, 151, 159, 161, 163, 164, 215
 Симха Мешулам 262
 Слуцкая Вера 178
 Смоляр Герш 238
 Смоляр Николай 211
 Смушкевич Яков 179, 180
 Соколовский Давид 194
 Сорокин Владимир 199
 Спектор Шмуэль 242
 Сталин Иосиф 38, 103, 104, 119, 132-135, 137, 142, 143, 157, 163, 180, 185, 215, 221, 222
 Станьчик Ян 159, 160
 Стельмах Григорий 198
 Стокс Реймонд 316
 Ступп Авраам 159
 Суцкевер Авраам 238
- Тартаковер Арье 161
 Тед Аллен Майкл 317
 Тененбом Джозеф 18
 Тимберг Авраам 292, 297, 299, 305
- Тимор Аркадий 179
 Тобиас Фриц 46
 Тодт Фриц 275, 276, 278-280, 284, 290, 294
 Токажевский-Карасевич Михал 141
 Трайнин Павел 192
 Трон Генрик 128
 Троцкий Лев 178
- Уигли Рассел 98
 Уиллмотт Хедли П. 98
 Унгер Шмуэль-Давид 266
 Урицкий Моисей 178
 Урицкий Семен 178
 Уткин Федор 197
 Ушполис Гирш 205
- Файер Гершеле 262
 Файнзильбер, член партии «Бунд» 139, 168, 170, 173
 Федюнинский Иван 192
 Фейгин А.Л. 191
 Фейнголд Л. 258
 Фёлес Вильгельм 335
 Фельдман Иосиф (Фесенко Григорий) 218 218
 Фесенко Григорий – см. Фельдман Иосиф
 Филер Карл 25
 Фисанович Израиль 212, 236
 Фишбеин Сара 269
 Фишер 334
 Флеминг Джералд 47, 63, 67, 70
 Флинкер Моше 265, 269
 Фрайман Шломо 295
 Франк Анна 269
 Франк Ганс 69, 82, 93, 276
 Франко Франсиско 88, 179
 Фридлендер Шауль 7-8, 92
 Фридман В. 197
 Фризнер 155, 156, 159
 Фрич Вернер фон 23
 Фромм Белла 18, 28
 Функ Вальтер 25
- Хаит Идель 201
 Ханке, инженер 298
 Харт Реувен 268
 Харченко Виктор 213

- Хацкевич Аарон 208
Хацкилевич Михаил 188
Хашеватский Моисей 236
Хельмрейх Эрнст Кристиан 24
Хёне Хейнц 46
Хёппнер Рольф-Хейнц 68, 85, 89
Хигрин Борис 190
Хилберг Рауль 36, 43, 48, 112
Хильгрубер Андреас 76
Хильдебранд Клаус 45
Холавский Шалом 242
Хорнунг Авраам 294, 296, 299, 307, 308
Хорти Миклош 55, 74
Хоссбах Фридрих 22
Хофман Яков 170
Хохлов Моисей 236, 237
- Цейтлин Хилель 257
Циметбаум 262
- Чапичев Яков 206
Чемберлен Невил 29
Чернявский Михаил 191
Черняков Адам 260, 269
Черчилль Уинстон 107
Чечельницкий Михаил 194
Чуйков Василий 199, 200
,
Шапиро Генри 167
Шапиро Гершон 243
Шафаренко Павел 193
Шафранский Георгий 208
Шварцбарт Ицхак 161, 167, 174
Шварц Соломон 241
Шескин Мирон 141, 142, 146
Шеховцов Николай 233
Шехтман Зиновий 195
Шлэйнес Карл 52, 63
- Шмельт Альбрехт 275, 289, 292, 295, 310
Шмитт Дрейфус 249
Шнеерсон Исаак 270
Шолом-Алейхем 268
Шпеер Альберт 117, 275, 278, 280, 282-285, 289, 310, 321, 330, 333
Шполянский Наум 196
Штайнлухт М., майор 198
Шталекер Франц Вальтер 81, 84, 252
Штерлинг Элеонора 15
Штерн Григорий 179
Штернфельд 256
Штифф Гельмут 99
Штрейм Альфред 315
Штрейхер Юлиус 16
Штуккарт Вильгельм 71
Штютц, оберштурмфюрер 253
Шур Калман 205
Щербачков Александр 235
- Эйхман Адольф 27, 43, 66, 68, 70, 72, 85, 86, 88, 262, 266
Экхарт Дитрих 37
Эль-Хусейни Хадж Амин 101
Энгельке, обер-инспектор Рейхсбанка 29
Энтин Давид 212
Эпштейн Жозеф (Жиль) 249
Эренбург Илья 215, 235
Эрлих Хенрик 145, 146
Эшельбахер Маркус 16, 17, 24
Эш Шауль 7
- Юбельхёр Фридрих 65, 67, 68
- Яжемский Абрам 218, 219
Якир Иона 180
Яновска, сотрудница Корчака 256

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния – см. Эфиопия
Австрия 22, 23, 27, 29, 100, 314
Аден 166
Азия 113
Албания 113
Александрия 105
Алексеевка 204
Алжир 249, 267
Анатолия 113
Англо-Египетский Судан 105
Аннаберг 305, 307, 309
Архангельск 184
Асери 326
Астрахань 184
Аувере 326
Аунроде 291
Аушвиц 7, 13, 32, 46, 49, 66, 69, 98,
112, 114, 261, 273, 306, 307, 309, 311,
327, 331, 338
Афганистан 153
Африка 104, 106
- Бабий Яр 219, 220
Бавария 61
Баден 65
Балтийское море 191, 209, 210, 319
Балтия – см. Прибалтика
Барановичи 206
Белгород 199
Белград 8
Белжец 69, 88, 91
Белоруссия 121, 168, 181-183, 188,
226, 229
Белосток 187, 267
Бельгия 49, 109
Бендзин 256
Березина 189
Берлин 16, 21, 27, 68, 89, 97, 206, 285,
287, 320, 338
Берхтесгаден 63
Бессарабия 180
Биркенау 88
Биробиджан 225
Бистрица 332, 338
- Ближний Восток 101, 102, 104, 106,
175
Бобруйск 206
Богемия и Моравия (протекторат)
72, 314
Бойтен (ныне Бытом) 306
Болгария 110
Борисов 189
Бранде 291, 292
Бреслау (ныне Вроцлав) 205, 225, 289,
292, 295, 305
Брест 187, 286
Британские острова 112
Брюссель 269
Брянск 85, 87, 190, 194, 195, 209
Бузулук 124, 131, 141-143, 155
Буковина 182, 296
Бунцлау 307
Буэнос-Айрес 241
Бытом – см. Бойтен
- Вайвара 326, 327, 330
Валуйки 202
Вартегау – см. Вартеланд
Вартеланд 67, 68, 73, 85, 88
Варшава 9, 82, 144, 152, 205, 256,
257, 260, 267, 281
Великие Луки 297, 301
Великобритания 27, 97, 104-108, 110,
112, 119, 156, 212
Вена 17, 27
Венгрия 69, 115, 331, 332, 338
Верхняя Силезия 275-277, 288, 289,
291, 295, 306, 307, 309
Вижница 262
Вийвиконна 326, 327
Виленская область 121
Вильно – см. Вильнюс
Вильнюс 11, 144, 253, 254, 267, 268,
296, 304, 322, 323, 326
Висла 206
Волга 163
Волоколамское шоссе 195
Волынь 242

- Восточная Европа 9, 41, 78-80, 92, 103, 111, 205, 248, 250, 260
 Восточная Польша 140
 Восточная Пруссия 116, 187, 204, 296, 333
 Вроцлав – см. Бреслау
 Вулька 1-я 230
 Вязьма 85, 87, 194, 217
- Ганновер 35
 Гданьск – см. Данциг
 Генерал-губернаторство – см. Польша
 Германская Демократическая Республика (Восточная Германия) 99
 Германия 7-9, 11, 17-30, 33-35, 38-39, 43, 60, 63, 67-68, 75-76, 78-79, 84-86, 91-92, 94, 97, 99-103, 105-117, 119, 121, 177, 179-181, 184, 196, 205, 209, 218, 253, 260, 265, 276, 279-280, 285-286, 293-294, 314-319, 321-323, 333
 Гибралтар 159
 Гомель 196
 Городок 225
 Грейдиц 307
 Гренобль 249
 Греция 109
 Грибушино 297
 Гродно 187, 188
 Гросс-Массельвиц 290, 292, 295, 305
 Гросс-Розен 307, 311
 Гузар 128, 153, 154
- Данциг (ныне Гданьск) 281, 327, 334
 Дахау 17, 218, 306
 Демянск 204
 Десна 192
 Днепр 188, 200, 203, 236
 Днепропетровск 286
 Додеканес 113
 Дон 101, 210
 Дортмунд 17
 Друть 190
 Дубровно 237
- Европа 9, 21, 31, 41, 43, 53-55, 69, 70, 75, 78, 79, 84, 85, 88, 89, 91-93, 95, 101, 103, 111, 114, 133, 205, 248, 250, 260, 269, 272, 338
- Египет 97, 102
 Заглембе 12, 276
 Закрау 291, 292
 Западная Белоруссия 121, 134, 181, 182, 188
 Западная Галиция 129
 Западная Европа 84, 263, 282, 314
 Западная Украина 121, 134, 181-183
 Запорожье 218
- Идрица 297, 302
 Иерусалим 7, 10, 15, 69, 101, 102, 115, 161, 180, 186, 233, 240, 262, 265
 Израиль 7, 11, 102, 147, 240, 249,
 Индия 104, 166
 Ирак 108
 Иран 10, 104, 132, 165-167, 171
 Ирландия 112
 Испания 179, 180, 260
 Италия 10, 39, 97, 105, 108, 109, 112-114, 175, 225, 241
- Йыхви 320, 322, 326, 329
 Йыхви-Ахтме 329
- Кавказ 101, 104, 199, 317, 320
 Кавказские горы 104, 177
 Кайзервальд (Межапарк) 326
 Калинин (ныне Тверь) 195
 Каменец-Подольский 69
 Карпаты 314
 Каспийское море 97, 154
 Катынь 124
 Каунас 47, 66, 219, 252, 258, 267, 296, 304, 322, 326
 Кенигсберг (ныне Калининград) 209, 281, 296, 305
 Керченский полуостров 211
 Керчь 198
 Кивиыли 319, 320, 324, 326, 327, 329-333, 335, 338
 Киев 87, 193, 203, 231, 286
 Китай 21
 Клайпеда 209
 Клин 198
 Клоога 12, 326, 334, 336
 Клубоцк 301
 Колтубанка 140, 148-153
 Корфу 112

- Кохтла 319, 320, 322, 326, 329, 332
 Кохтла-Ярве 319, 320, 322, 329, 332
 Кошице 331
 Краков 281
 Красноводск 154, 165
 Красное море 105
 Крым 185, 206, 211, 286
 Кубань 202
 Куйбышев (ныне Самара) 124, 134, 142, 143, 147
 Кунда 319, 326
 Куремяэ 326
 Курск 205
- Лагеди 326, 327, 334
 Ладожское озеро 192
 Ла Манш 86
 Латвия 183, 201, 204, 209, 318, 326, 327, 337, 338
 Лейпциг 28
 Ленинград (ныне Санкт-Петербург) 12, 87, 178, 191, 192, 204, 209, 211, 222, 231, 324
 Ливия 102
 Лиепая 191, 209
 Лимож 249
 Линц 47
 Лион 249
 Лиссабон 265
 Литва 183, 201, 204, 254, 305, 322, 337, 338
 Лодзь 65-67, 87, 88
 Лондон 97, 105-107, 121, 122, 125, 126, 131, 144, 147, 159-162, 164, 165, 167
 Лунинец 230
 Львов 286
 Люблин 267
 Людвигсбург 316
- Мадагаскар 79, 86
 Маево 297
 Майданек 32
 Маркштадт 307
 Марокко 68, 88
 Марсель 249
 Мерекюла 330
 Минск 66, 70, 186-188, 217, 229, 232, 234, 284, 286
- Могилев 88, 91, 196
 Можайск 194
 Монтань-Нуар 249
 Монте-Кассино 10, 175
 Моонзундские острова 335
 Моосбург 218
 Мортен 109
 Москва 87, 90, 98, 99, 114, 130, 142, 163, 184, 186-190, 192, 194-198, 204, 209, 212, 213, 215, 222, 231, 294
 Мурманск 212
 Мюнхен 16, 17, 25, 29, 218, 284
- Нарва 317, 325, 326, 335
 Нарва-Йыэсуу 326
 Нижняя Силезия 288, 289
 Ницца 249
 Новгород 191
 Новороссийск 202
 Норвегия 115
 Нормандия 109
 Нюрнберг 17, 62, 315
- Одесса 178, 193, 194, 196, 218
 Ополе – см. Оппельн
 Оппельн (ныне Ополе) 306
 Орденбург-Фогельзанг 62
 Орел 203-205
 Освенцим 13, 273
 Оскол 202
- Палестина – см. Страна Израиля
 Паняряй – см. Понары
 Париж 109, 249
 Пёрл-Харбор 90, 113
 Персия – см. Иран
 Перу 115
 Петроград – см. Ленинград
 Пехлеви 154, 165, 167
 Польша 9, 12, 13, 32, 54, 65, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 81-86, 93, 94, 99, 111, 121-127, 129, 131, 135, 137, 138, 140, 141, 143-145, 147, 148, 159, 162, 164-166, 174, 184, 204, 215, 241, 248, 267, 276, 313, 314
 Понары (Паняряй) 219, 252
 Португалия 115
 Потсдам 206
 Прага 7, 72

- Прибалтика (Балтия) 180, 183, 191, 211, 254, 326, 329, 338
 Псков 284, 301
 Псковская область 12, 297
 Путке 326
 Пюсси 329
- Раасику 323
 Раквере 326, 327
 Ржев 194
 Рига 47, 66, 71
 Риека (Фиуме) 39
 Рим 21, 114
 Ровно 59, 252
 Родос 112-114
 Российская империя (до 1917 года) 178
 Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика 203, 219, 327
 Российская Федерация (с 1992 года) 180
 Ростов-на-Дону 101
 Руанда 118
 Рудницкие леса 220
 Румбула 47
 Румыния 21, 241, 319, 321
- Сааремаа (Эзель) 209
 Саарпфальц 65
 Сака 326
 Самара – см. Куйбышев
 Сандомеж 206
 Саратов 123
 Сардиния 113
 Себеж 297, 302
 Севастополь 199
 Северная Африка 102, 104-107, 110
 Северная Буковина 180, 182
 Северный Кавказ 320
 Сибирь 79
 Силезия 12, 275-277, 281, 288, 289, 291, 295, 298, 302, 306-309
 Силламяэ 319, 320, 329
 Сирия 108
 Сицилия 108
 Смоленск 124, 190, 193
 Собибор 88, 217
 Соединенные Штаты Америки (США) 77, 84, 85, 105, 116, 131, 139, 144, 307, 317
- Союз Советских Социалистических Республик (Советский Союз, СССР) 10-12, 38, 49-50, 53, 60, 65-68, 84, 86, 91, 97, 101, 104, 110-111, 116, 119, 121-137, 139-145, 147, 149, 151-153, 155-157, 159-169, 171-175, 177-187, 189, 191-193, 195-197, 199-207, 209-217, 219-225, 227-228, 230, 232-236, 239-244, 248, 250-251, 253, 275-277, 280-282, 284, 289, 296, 298
 Сомали 105
 Сонда 326
 Соски 326
 Сосновец 301, 306, 309
 Средняя Азия 152, 153
 Сталинград (ныне Волгоград) 32, 195, 199-201, 206, 207, 212, 213, 339
 Стараховице 315
 Страна Израиля (Палестина) 23, 40, 101, 102, 104-108, 113, 141, 154, 159, 166, 225, 254, 294
 Страсбург 250
 Судетская область 288
- Таллин 316, 322, 324, 326, 336
 Тамань 211
 Тасмания 115
 Татищево 123
 Ташкент 251
 Тверь – см. Калинин
 Тегеран 170, 171
 Тель-Авив 126, 159, 160, 174, 186, 187, 220, 241, 243, 250
 Терезиенштадт (Терезин) 260, 267, 323
 Тихий океан 98
 Токио 116
 Тоцкое 123, 141, 148-150, 152-154, 157
 Трансиордания 102
 Треблинка 32, 256, 260, 273
 Тригуч 297
 Триест 39
 Тула 195
 Тулуза 249
 Турция 113
- Узбекистан 128
 Украина 59, 134, 180, 181, 192, 194,

200, 203, 234
Уральские горы 69

Федеративная Республика Германии
(Западная Германия) 46
Финляндия 110, 191
Финский залив 319
Фиуме – см. Риека
Франкфурт-на-Майне 323
Франция 8, 34, 49, 65, 68, 72, 88, 97,
105, 107, 109, 110, 122, 248-250, 270,
279, 338
Французская Экваториальная Африка
105

Ханко 191, 210
Харьков 192, 196
Хелмно 66-69, 88
Хлуднево 198
Хорватия 115, 116

Челябинск 222
Черное море 325
Чехословакия 21, 22, 30, 100
Чихачево 297, 301
Чкаловская (ныне Оренбургская)

область 123
Чудское озеро 326

Швейцария 26, 112, 260
Швеция 112
Шотландия 317
Штуттхоф 327, 333, 334, 337, 339
Шяуляй 267, 326

Эзель - см. Сааремаа
Эйхталь 291, 292, 295, 300
Эль-Аламейн 106
Эреда 268, 326, 327
Эритрея 105
Эстония 11, 12, 183, 268, 269, 271,
274, 313, 315-327, 329-340
Эфиопия 21, 52, 105

Югославия 21, 109
Южный Тироль 39

Ягала 326, 327
Янгиюль 148, 172
Япония 21, 90, 97, 116, 180